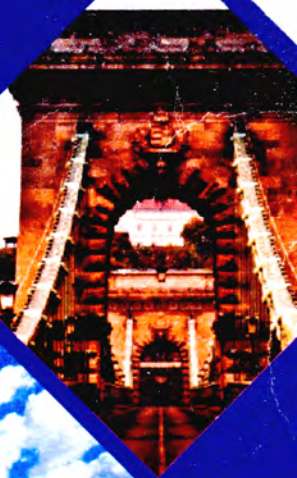

РОССИЯ И ВЕНГРИЯ НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

АЛЬМАНАХ ◆ Выпуск I

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАПОШВАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КУЛЬТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР ВЕНГРИИ В МОСКВЕ
АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ ВЕНГРИИ В МОСКВЕ

РОССИЯ И ВЕНГРИЯ НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

АЛЬМАНАХ

Выпуск I

Ставрополь – Капошвар – Москва

2014

УДК 94(439:470) (082)
ББК 63.3(2Рос:4Вен) я43
Р 76

Редакционный совет:

советник, директор Культурного, научного и информационного центра
Венгрии в Москве **А. Барани**,
ректор Северо-Кавказского федерального университета **А. А. Левитская**,
ректор Капошварского университета **Ф. Саваи**

Р 76 Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории: альманах. Выпуск I. –
Ставрополь – Капошвар – Москва: Изд-во СКФУ, 2014. – 200 с.

ISBN 978-5-88648-882-1

Первый выпуск альманаха посвящен актуальным проблемам истории России, Венгрии и взаимоотношениям двух стран. В него вошли материалы исследователей из России, Венгрии, Украины.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных специальностей, для всех интересующихся историей России и Венгрии.

УДК 94(439:470) (082)
ББК 63.3(2Рос:4Вен) я43

Редакционная коллегия:

К. Р. Амбарцумян, Д. Бебеши, А. Колонтари,
И. В. Крючков, Н. Д. Крючкова, О. В. Павленко,
А. С. Стыкалин, О. В. Хаванова, А. Шереш

ISBN 978-5-88648-882-1

© Северо-Кавказский федеральный университет, 2014
© Капошварский университет, 2014
© Культурный, научный и информационный
центр Венгрии в Москве, 2014
© Архивный институт Венгрии в Москве, 2014
© Коллектив авторов, 2014
© Издательство Северо-Кавказского
федерального университета, 2014

ÉSZAK-KAUKÁZUSI SZÖVETSÉGI EGYETEM

KAPOSVÁRI EGYETEM

MOSZKVAI MAGYAR KULTURÁLIS, TUDOMÁNYOS ÉS TÁJÉKOZTATÁSI KÖZPONT

MOSZKVAI MAGYAR LEVÉLTÁRI INTÉZET

OROSZORSZÁG ÉS MAGYARORSZÁG AZ EURÓPAI TÖRTÉNELEM KERESZTÚTJAIN

ÉVKÖNYV

I. szám

Sztavropol – Kaposvár – Moszkva

2014

UDK 94(439:470) (082)
BBK 63.3(2Рос:4Вен) я43

Szerkesztőség:

követségi tanácsos, a Moszkvai Magyar Kulturális, Tudományos
és Tájékoztatási Központ igazgatója **A. Baranyi**,
az Észak-Kaukázusi Szövetségi Egyetem rektora **A. A. Levitszkaja**,
a Kaposvári Egyetem rektora **F. Szávai**

Oroszország és Magyarország a történelem keresztútjain: évkönyv. I. Kötet. – Sztavropol–
Kaposvár–Moszkva: Az Észak-Kaukázusi Szövetségi Egyetem Kiadványa, 2014. – 200 old.

ISBN 978-5-88648-882-1

Az évkönyv első számát az orosz és magyar történelem, valamint a két ország közötti kapcsolatok aktuális problémáinak szenteltük. Az évkönyvben orosz, magyar és ukrán történészek munkáit gyűjtöttük össze.

A kiadványt elsősorban társadalomtudományokkal foglalkozó kutatóknak, tanároknak, doktorjelölteknek és egyetemistáknak szánjuk, illetve mindenkinek, aki érdeklődik Oroszország és Magyarország történelme iránt.

UDK 94(439:470) (082)
BBK 63.3(2Рос:4Вен) я43

Szerkesztőbizottság:

Ambarcumjan K. R., Bebesi Gy., Havanova O. V.,
Kolontári A., Krjucskov I. V., Krjucskova N. D.,
Pavlenko O. V., Seres A., Sztikalín A. Sz.

© Észak-Kaukázusi Szövetségi Egyetem, 2014
©Kaposvári Egyetem, 2014
©Moszkvai Magyar Kulturális, Tudományos
és Tájékoztatási Központ, 2014
© Moszkvai Magyar Levéltári Intézet, 2014
©a Szerzők, 2014

ISBN 978-5-88648-882-1

© Az Észak-Kaukázusi Szövetségi Egyetem Kiadója, 2014

И. А. Краснова

Роль Филиппо Сколари в развитии контактов между Венгерским королевством и Флорентийской республикой

Среди флорентийских граждан, которые добились высот единоличной власти при дворах чужеземных монархов, выделяется фигура Филиппо Сколари (Пиппо Спано¹) (ум. в 1426 г.), оставившая заметный след не только в суждениях современников, но и в исторической памяти потомков в виде культурно-политических топосов и мифов, сопровождающих тексты, которые повествовали о выдающихся флорентийцах.

Филиппо принадлежал к очень древнему и знатному феодальному роду. Современный итальянский исследователь флорентийской истории XI–XIII вв. Энрико Фаини относил этот род к старым феодальным фамилиям контадо, которые составляли клиентелу и свиту епископа Флоренции. Эта фамилия входила в число древней консульской знати². Как почти все синьоры контадо, Сколари были рано связаны с Флоренцией: с конца XII в. их имена встречаются в документах и списках соприсяжников, на протяжении всего XIII в. они участвовали в коммунальной милиции, иногда избирались на должности. Но контакты этой фамилии с городом носили отрывочный характер, хотя Сколари прибегали к кредитам городских ростовщиков под залог своих земельных владений, и сами выступали кредиторами некоторых церковных и светских землевладельцев контадо³. Как многие фамилии, слабо подвергшиеся процессам урбанизации и оставшиеся преимущественно сельской знатью, Сколари имели гибеллинскую ориентацию, оказавшись в 1258 г. в списке объявленных мятежниками гибеллинов⁴. После падения гибеллинского режима (1267) Сколари быстро пришли в упадок, разоренные конфискациями и оказавшиеся неспособными адаптироваться к активным и прибыльным формам предпринимательства. В 1295 г. Установлениями Справедливости они были объявлены грандами вместе с другими крупными родами гибеллинской знати⁵. После переворота 1301 г. Сколари в числе других 55 фамилий гибеллинов и Белых гвельфов были высла- ны из Флоренции⁶. Таким образом, верифицируются сведения хронистов и биографов о том, что консортерия Сколари, одна из ветвей фамилии Буондельмонти, являлась древнейшей и знатной во флорентийском государстве, персоны которой обладали репутацией за пределами отечества, подвизаясь среди первых в свитах королей Франции, Сицилии, Испании. Устойчивость и глубина антагонизма между гвельфами и гибеллинами в XIV в., обострившаяся в результате усиления

¹ Пиппо – уменьшительное имя от Филиппо, широко распространенное в Италии; Спано – от венгерского Gespann – титул, который в Италии определяли как «граф».

² Faini E. Firenze nell'età romanica (1000–1211). L'espansione urbana, lo sviluppo istituzionale, il rapporto con il territorio. Firenze: L. S. Olschki, 2010. P. 180. В 1092 г. Раньери да Монтебуони Сколари, от которого пошли два рода флорентийской знати – Буондельмонти и Сколари – клялся уважать права епископата на некоторые принадлежащие ему замки. В начале XIII в. члены семьи Сколари находились, как показывают документы сделок по кредитам, в экономических отношениях с аббатством Пассиньяно (Ibid. P. 206–208). Э. Фаини указывал, что «только Буондельмонти и Сколари могли соперничать с силой Увальдини, являющимися автономными синьорами территорий в округе Флоренции. Между 1180 и 1192 гг. Сколари встречались в числе консулов – тогдашних правителей города, войдя в состав консульской городской знати (Ibid. P. 342). См. также Raveggi S. Il regime ghibellino // Ghibellini, guelfi e popolo grasso: I detentori del potere politico a Firenze. Firenze, 1978. P. 36–37.

³ Faini E. Firenze nell'età romanica (1000–1211). P. 207–208, 216, 331, 354.

⁴ Raveggi S. Il regime ghibellino. С. 29, 31–32, 34–35. Опираясь на данные хрониста Джованни Виллани, в точности которых С. Раведжи не сомневался, он указывал, что в 1251 г. они находились среди тех фамилий, которые заключили гибеллинский пакт с Сиеной, Пизой и Пистойей против пополанского правительства Флоренции. В период гибеллинского правления (1260–1267) Сколари заседали в коммунальных советах, дав 5 советников.

⁵ По списку 1295 г., который приводится в хронике Стринати, Сколари объявлялись грандами. См.: Strinati Neri di Alfieri, Cronichetta // Da Certaldo Pace di Iacopo, Storia della guerra di Semifonte. Ed. R.A. Martini. Firenze, 1753. P. 62. Raveggi S. Op. cit. P. 27, 36–37, 40–41, 63–64. Этот автор отмечал, что большая часть гибеллинских фамилий могут рассматриваться как земельные собственники и рантье, утверждающие образ жизни древней коммунальной аристократии.

⁶ Compagni D. Cronica delle cose occorrenti ne' tempi suoi con prefazione di I. Del Lungo. Milano, 1913. II. 25. P. 118–119. Об этом же: Medici D. I primi dieci anni del priorato // Ghibellini, guelfi e popolo grasso: I detentori del potere politico a Firenze. P. 207.

не только идеологических, но и институционально-политических позиций гвельфской партии, исключала какие-либо шансы возрождения в городе для исконно гибеллинской элиты.

Непримиримость партийной вражды и экономический упадок рода Сколари, начавшийся после 1267 г., привели к тому, что отпрыск от этого корня Филиппо Сколари родился в деревне, причем биографы даже не знали точно, в какой именно, возможно, на вилле Тиццано¹. Вряд ли поэтому стоит удивляться, что начатая с нуля карьера флорентийца Филиппо Сколари при дворе венгерского короля Жигмонда (1367–1437), он же германский император Сигизмунд (1411–1437), представлялась современникам поистине головокружительной.

Флорентийские биографы² единодушны в том, что мать Филиппо была вынуждена отдать своего 15-летнего сына в качестве младшего фактора³ неким купцам (точная дата неизвестна, предположительно, 1378 г.), направлявшимся в германские земли⁴. Мальчик прислуживал им даже без жалованья, только за стол и платье. Имеются также сведения, что Филиппо Сколари в возрасте 13 лет поступил учеником к купцу Лука дель Пеккиа, который взял его с собой в Венгрию⁵. Сопровождая своих патронов, юный Филиппо оказался при дворе Деметрия, архиепископа Эстергомского.

Анонимный биограф начала XV в., описывая, каким образом начиналась карьера Филиппо, привел весьма знаменательный анекдот о том, как юному ученику купцов, получившему образование во Флоренции, где знание бухгалтерии являлось непременным атрибутом образования мальчиков, довелось наблюдать муки епископа⁶, «которому надо было подсчитать доходы и издержки, чтобы доискаться до причин ошибок своих управляющих. Но он имел затруднения в подведении баланса и немало конфузился от незнания счета». Обученный бухгалтерии и арифметике подросток, «видя такое незнание, начал посмеиваться про себя, не смея, однако, насмеяться открыто», что заметил и епископ, который, в конце концов, предложил юноше заняться бухгалтерией. И не мог сдержать своего удивления тем, как быстро и ловко подвел баланс Филиппо, «прекрасно умевший считать, как то у нас в обычае», а затем якобы упросил купцов оставить мальчика при его дворе в качестве управляющего⁷. Возможно, к этому времени из боттеги флорентийских купцов Филиппо уже перешел на службу к хранителю сокровищ короля⁸.

Прослеживая пути блестящей карьеры флорентийского горожанина в Венгерском королевстве, необходимо рассмотреть исторические условия, сложившиеся к концу 70 – началу 80-х гг. XIV в., когда юный Сколари там оказался. Сигизмунд Люксембургский, маркграф Бранденбургский, сын императора Карла V, короновался на венгерский престол в 1387 г. под именем короля Жигмонда благодаря двум обстоятельствам. В конце 1385 г. он женился на Марии, дочери венгерского короля Лайоша Великого, умершего в 1382 г., с которой был помолвлен ранее. Однако реально стать королем венгерским ему позволила только поддержка придворной клики баронов и прелатов, недовольной длительной смутой и безвластием, царящими в стране после смерти Лайоша Великого⁹. Новоявленный король Жигмунд в поисках социальных опор, пытаясь избавиться от давления придворной знати, старался обрести поддержку в верхушке венгерского рыцарства и в лице иноземных администраторов, которым он предоставлял высокие государственные посты.

¹ Анонимный хронист утверждал, что Филиппо Сколари родился «на вилле Антелла, поскольку его отец и мать были очень бедны». Якопо ди Поджо Браччолини, составивший биографию позже, заявлял, что на вилле Тиццано, что подтверждается завещанием Маттео Сколари, брата Филиппо. См.: Jacopo di Poggio Bracciolini. Vita di Filippo Scolari, cittadino fiorentino, per sopranoame chiamato Spano, composta e fatta di Jacopo di messer Poggio e di latino in fiorentina tradotta da Bastiano Fortini / A cura di F. Polidori // Archivio storico italiano. IV. 1843. P. 163.

² Первой биографией Филиппо Сколари стал труд его современника, неизвестного флорентийского автора: La vita di meser Philipppo Scolari / A cura di F. Polidori // Archivio storico italiano. Firenze, 1843. T. IV. Вторым биографом стал сын гуманиста Поджо Браччолини, казненный за участие в заговоре Пацци: Bracciolini J. Vita di Filippo Scolari // Archivio storico italiano, 1843. T. IV.

³ Младший служащий в торговой конторе или банке.

⁴ Bracciolini J. Vita di Filippo Scolari. P. 171.

⁵ Balestracci D. Le armi, i cavalla, l'oro. Giovanni Acuto e i condottieri nell'Italia del Trecento. Roma-Bari, 2003. P. 48.

⁶ Неизвестно точно, о каком епископе идет речь, происходил указанный эпизод уже в Венгрии или еще в Италии, в Триесте.

⁷ La vita di messer Philipppo Scholari. P. 152. Этот эпизод имеется и в биографии, составленной Якопо ди Поджо Браччолини, который утверждал, что именно при дворе этого епископа на Филиппо Сколари обратил внимание один из приближенных короля Сигизмунда, и юноша вскоре оказался при его дворе, где и сделал блестящую карьеру (Bracciolini J. La vita di messer Philipppo Scholari. P. 171–172).

⁸ Balestracci D. Le armi, i cavalla, l'oro. P. 48.

⁹ См.: Контлер Л. История Венгрии: Тысячелетие в центре Европы. М., 2002. С. 127–128. Ласло Контлер указывал, что к 1387 г. 80 королевских замков из 150 перешли в руки семей крупной придворной знати, а число деревень, принадлежащих короне, уменьшилось на 1/3.

Сколари, служащему в отделении флорентийского банка в Буде, монарх предоставил управление Соляными палатами¹, затем должность инспектора золотых рудников².

Анонимный автор биографии писал, что «король день ото дня все более доверял ему и все более его возвышал, невзирая на зависть и козни баронов». Филиппо Сколари деятельно участвовал в раскрытии и подавлении заговора баронов в Буде против короля Сигизмунда³. В числе других военачальников в 1403 г. Сколари сражался за Жигмонда против восставших баронов и призванных ими войск короля Владислава Неаполитанского; в результате по инициативе Сколари были приговорены к смертной казни 30 представителей знатных фамилий Венгрии, хотя Ф. Полидори считал это число преувеличенным⁴.

Сколари входил в число избранных советников короля Жигмонда, удостаиваясь соответствующих отличий. Ему была предоставлена честь сопровождать короля и императора на Констанцкий собор (1415 г.) и ассистировать ему там⁵. В 1408 г. он стал кавалером рыцарского «Ордена Дракона», учрежденного Жигмондом, куда входили король, королева и 22 рыцаря из числа приближенных ко двору лиц⁶. Филиппо получал в награду от короля замки, феоды, право юрисдикции над городами и провинциями. Богатые владения и титулы он унаследовал от своей супруги, знатной венгерской графини Барбары ди Озора. Он принял титул графа провинции Озоры, а затем, когда провинция была переименована, – геспанна (*Gespann*), или ишпана (венг.) Темешварского (*Temesvar*), который давался капитану одной из 5 провинций (дистриктов), главе военного ополчения⁷. В 1408 г. он получил от короля должность губернатора Боснии⁸.

С конца 80-х гг. XIV в. турки после побед на северо-востоке Балканского полуострова все активнее стали беспокоить южные границы Венгерского королевства. В период 1390–1396 гг. Жигмонд постоянно организовывал по большей части неудачные военные кампании, возглавляя многонациональные отряды крестоносцев⁹. После ослабления набегов на Венгрию в 1402–1420 гг. из-за поражений султана Баязида I, нанесенных войсками Тимура (Тамерлан), они вновь возобновились, побуждая императора Сигизмунда менять и совершенствовать военную стратегию, которая основывалась на сочетании глубоко эшелонированной обороны с быстрыми наступательными маневрами отрядов легкой конницы¹⁰. Филиппо Сколари принимал непосредственное участие в военных действиях против турок, как геспанн – глава ополчения и полководец. Анонимный биограф Пиппо Спано, который ссылался на рассказы флорентийского рыцаря Лоренцо Буондельмонти, соратника Сколари, утверждал, что Спано называли «кесарем» и «Велисарием» за то, что «без всякого страха и с воодушевлением нападал он на турок, так что они испытывали величайший ужас при его имени»¹¹. Итальянский эрудит и биограф второй половины XVI в. Д. Меллини писал, что Пиппо Спано прославляли за победы над турками в кампаниях 1423, 1425, 1426 гг.¹². Хронист Джованни Морелли писал о «Пиппо де Фьоренца (Филиппо дельи Сколари), который был назначен императором Сигизмундом Генеральным Капитаном, имея под началом 20 000 всадников»¹³.

---

¹ Там же. С. 130. Польскому рыцарю Штибору он предоставил должность воеводы Трансильвании, Циллеи из Штирии сделал графом Загори, Эберхарда из Германии – епископом Загреба и канцлером.

² Balestracci D. *Le armi, i cavalla, l' oro*. P. 48.

³ Контлер Л. История Венгрии. С. 131. Первый мятеж против Жигмонда под руководством Лацкфи бароны подняли в 1397 г., в 1401 г. они арестовали короля и потребовали убрать всех иностранных советников, затем снова восстали в 1403 г.

⁴ Polidori F. *Avvertimento* // *Archivio storico italiano*. Firenze, 1843. IV. P. 121.

⁵ Sagredo A. *Nota apologetica* // *Archivio storico italiano*. Firenze, 1843. IV. P. 136.

⁶ Контлер Л. История Венгрии. С. 132.

⁷ Sagredo A. *Nota apologetica*. P. 129–130. Контлер писал, что этот титул был очень важен для короля, поскольку провинция Темеш имела важное военно-стратегическое значение. (Контлер Л. Указ. соч. С. 139).

⁸ Balestracci D. *Le armi, i cavalla, l' oro*. P. 88.

⁹ Контлер Л. История Венгрии. С. 129. В 1396 г. при осаде болгарской крепости Никополь Сигизмунд едва избежал смерти, вернувшись в Венгрию окольным путем через Балканы.

¹⁰ Контлер Л. Указ. соч. С. 139–140.

¹¹ *La vita di messer Filippo Scholari*. P. 152–162. В 1408 г. флорентийский полководец также возглавлял конные отряды в военных действиях против Боснии, затем против Венецианской республики (1411–1413). (Canestrini G. *Discorso sopra alcune relazioni della Republica Fiorentina col Re d' Ungheria e con Filippo Scolari* // *Archivio storico italiano*. T. IV, 1843. P. 185–213).

¹² Mellini D. *Vita di Filippo Scolari scritta da Domenico Mellini*. Firenze, 1570. P. 50–54.

¹³ Moregli Giovanni di Jacopo. *Ricordi fatte in Firenze Giovanni di Jacopo Moregli, ciptadino di quella* // *Delizie degli Eruditi toscani*. XIX. Firenze, 1785. P. 103–104.

Современники и соотечественники, восхищаясь полководческими талантами Пиппо Спано, сравнивали его также с великими воителями античности Ганнибалом и Митридатом. Разумеется, в этих восхвалениях присутствует заметный элемент идеализации. Для города на Арно соотечественник – великий полководец – являлся редкой фигурой: невоинственность флорентийцев в Италии почти вошла в поговорку.

Справедливости ради следует отметить, что имелись и резко отрицательные характеристики Пиппо Спано как военачальника, которые также грешат предвзятостью и необъективностью. Таково суждение венецианского историка Маркантонио Сабеллико, который открыто обвинял Филиппо Сколари в коррупции и измене венгерскому королю Сигизмунду в ходе войны между Венгрией и Венецианской республикой (1411–1413) за возвращение в состав Венгрии Истрии и Далмации¹. Сабеллико заявлял, что подкупленный венецианским золотом Спано специально не воспользовался результатами побед, одержанных венгерскими войсками в начале кампании, свернув активные военные действия². Возможно, одной из причин того, что Генеральный капитан венгерского войска действительно после первых побед вел пассивную тактику, стала его болезнь, о которой упоминал венецианский историк М. Санудо, утверждая, что, выздоровев, военачальник снова вернулся к армиям³. Но венецианский хронист Сабеллико являлся врагом Сколари, причем выполнял государственный заказ: он писал свои «Венецианские истории» по поручению дожа Барбариго. Суждения об этом венецианском хронисте в историографии вообще отличаются неоднозначностью⁴. Сабеллико допускал вымысел о том, что король Сигизмунд в 1413 г. якобы приказал казнить Сколари за измену, залив ему глотку расплавленным золотом. Возможно, этот фантастический эпизод являлся легендой, в которую венецианскому хронисту хотелось верить или целиком объяснялся политической конъюнктурой⁵.

Однако даже сквозь толщу панегириков и восхвалений проступали контуры образа, весьма далекого от приписываемых ему идеальных качеств. Видимо, этот флорентиец был крайне жесток по отношению к своим врагам и соперникам. Современный итальянский историк Дуччо Балестраччи писал, что Филиппо Сколари в 1412 г. приказал истязать захваченных пленников и отрезать правую руку сорока вражеским арбалетчикам. Во время войны за Фриуль он завоевал одну из крепостей, где положил глаз на красивую девушку, но когда она ему оказала сопротивление, он дал ее изнасиловать ватаге своих солдат, после чего девушка от стыда покончила с собой⁶.

Таким образом, суждения о деяниях Филиппо Сколари при всей их противоречивости вызывали у флорентийских писателей весьма позитивные оценки, часто сопровождающиеся мифотворчеством. Ему воздавал должное гуманист Леонардо Бруни, о нем упоминал гуманист второй половины XV в. Кристофоро Ландино. Жизнеописания Сколари были составлены в XVI в. Меллини

---

¹ Причиной войны стал конфликт из-за территорий, которые подчиняла себе Венеция в процессе экспансии на севере Апеннинского п-ова, поэтому союзниками Венгрии выступили синьоры Падуи (Каррара) и Вероны (Делла Скала), которых Венеция фактически лишила автономии, а также патриарх Аквилейский, отстаивающий Фриуль. На первом этапе войны венгерские войска одерживали победы, захватив ряд венецианских крепостей, затем ситуация для них осложнилась.

² См.: Sagredo A. Nota apologetica. P. 132–134. Сагредо утверждал, что версия Сабеллико не подтверждалась многими другими венецианскими хронистами.

³ Ibid. P. 137–138. 140–141, Сагредо утверждал, что версию Санудо восприняли венецианский историк второй половины XVI в. Паоло Морозини и тревизанский историк Джованни Бонифаччо, который также отвергал факт предательства, хотя много писал о бедствиях тревизанцев и разорении территории Тревизо венгерскими войсками, и тревизанский историк Джамбаттиста Верчи ди Бассано.

⁴ Ibid. P. 132–136. В частности, Агостино Сагредо обвинял Сабеллико в том, что он пропускал важные факты, игнорировал лучшие источники по истории Венеции, в частности, хронику дожа Андреа Дандоло, льстил знатным венецианцам, от которых получал вознаграждение. Сагредо указывал на то, что он даже ошибся в датировке военных действий, указав 1409–1410 гг., тогда как война Венеции с Венгерским королевством шла с 1411 по 1413 гг. «Венецианские истории» Сабеллико в XVI–XVII вв. копировали другие историки: Джустиниани, А. Бонфинио. Другой венецианский историк Марино Санудо подробно описал историю этой войны, сурово упрекал «флорентийского капитана» за его жестокость, но не упоминал о подкупе и предательстве. В венецианском Генеральном архиве был найден документ от 29 апреля 1413 г., подтверждающий участие Сколари в переговорах с венецианскими послами о предстоящем перемирии и свидетельствующий, что Филиппо пользовался милостью короля Сигизмунда и его полным доверием.

⁵ Ibid. 132–134.

⁶ Balestracci D. Le armi, i cavalla, l' oro. P. 55. Этот автор ссылаясь на хронику фриульского хрониста Андреа Редуцио.

и Гадди. Автор биографии знатного флорентийца Бартоломео Валори Лука делла Роббиа приводил Сколари в пример как благородного и знатного человека, которым мог гордиться город, поскольку слава о нем доходит издалека»¹. Хронист Джованни Кавальканти (1381–1451), будучи младшим современником Пиппо Спано, создавал миф о происхождении его рода, явно стремясь облагородить истоки фамилии Сколари, утверждая, что они произошли от маркизов². Он очень высоко оценивал деяния Филиппо Сколари в войне с Венецией, на самом деле более чем скромные, как было указано выше. Кавальканти помещал его среди четырех великих флорентийцев, представших ему в видении райского сада, в который могла бы превратиться Флоренция, если бы все граждане обладали их доблестью³. Живописец Андреа дель Кастаньо изобразил Пиппо Спано среди наиболее знаменитых граждан – образцовых воителей – Фарината дельи Уберти, Никколо Аччайуоли, Пиппо Спано⁴.

Восхваления Филиппо Сколари тем более заметны, что по отношению к его монарху Сигизмунду Люксембургскому флорентийские авторы занимали негативную позицию. Тот же Джованни Кавальканти без всякого почтения писал о венгерском короле и германском императоре Сигизмунде, подчеркивая правоту венецианцев, которые отказывали ему в выплате традиционных податей, не признавая законность его царствования⁵. Джованни Ручеллаи, видный политик и банкир, высказывался по поводу визита императора Священной Римской империи в Италию: «В 1432 г. пришел в Италию император Сигизмунд, чтобы получить корону в Риме. Он пришел как друг герцога Миланского и наш враг»⁶. Биограф Веспасиано ди Бистиччи в биографии, посвященной Алессандре де Барди Строцци, всячески подчеркивал тот факт, что императору не разрешили войти в город, приняв для этого специальный закон, а воображение его послов постарались потрясти великолепным праздником, устроенным в их честь с целью репрезентации роскоши и богатства Флоренции, чтобы вызвать тем большую досаду и зависть венценосца⁷.

Биографии и посвящения содержали значительный элемент идеализации персонажа, создавая миф о великом флорентийце – «делателе королей», обладающем духом скорее рыцарским, нежели купеческим. Хотя биографии, а также речи и панегирики в хрониках и трактатах написаны различным образом, все же заметны определенные тенденции этой идеализации – приписать герою качества, дефицит которых был весьма ощутим в коммунальном обществе Флоренции. Эти качества являлись скорее атрибутами «рыцарского духа». Выдающегося флорентийца прославляли за храбрость и верность своему сюзеру вплоть до полного самопожертвования, за традиционные христианские добродетели того, кто управляет городами и монархиями. Это были топосы, кочующие из трактата в трактат, согласно тому, что было написано Брунетто Латини, Чекко д'Асколи, Ремиджо Джиролами, да и Джованни Кавальканти – правосудие, великодушие, милосердие,

---

¹ La vita di messer Filippo Scholari. P. 152–162 (авторство биографии анонимно, предполагают, что ее написал Лоренцо Буондельмонти, один из соратников Сколари); Bracciolini J. La vita di messer Filippo Scholari. P. 171–172; Luca della Robbia. Vita di messer di Bartolommeo di Nicolo di Taldo di Valore Rustichelli // Archivio storico italiano. T. IV. 1843. P. 259.

² Cavalcanti G. Nuova opera. P. 23. «Буондельмонти произошли от Салюцци. Получилось так, что одна женщина – маркиза из дома Салюцци – забеременела от одного видного молодого человека, который был маркизом по крови. Поэтому вышеуказанная женщина, чтобы избежать гнева своих родичей, под предлогом того, что она пойдет в Рим, вышла и с большим сокровищем прибыла в Монте Буони. Эта женщина, чтобы избавиться от всякого подозрения, что ее найдут Салюцци, купила бесплодный и ноздреватый холм Монте Буони, обнесла там стенами по кругу крепость, и родила двух сыновей: одного по имени Буондельмонте, другого по имени Сколаро. И от мальчика по имени Буондельмонте были рождены Буондельмонти, а от Сколаро были рождены Сколари».

³ Cavalcanti G. Trattato politico-morale // Grendler M. The «Trattato politico-morale» of Giovanni Cavalcanti. Geneve, 1973. P. 181–182.

⁴ См.: Nemeth Papo G., Papo A. Pippo Spano. Un eroe antiturco antesignano del Rinascimento. Mariano del Friuli, 2006.

⁵ Cavalcanti G. Il Trattato politico morale. P. 181.

⁶ Rucellai G. Cronica // Giovanni Rucellai ed il suo Zibaldone / A cura di A. Perosa. London, 1960.

P. 48. Сигизмунд Люксембургский достиг Италии в конце 1431 г., 25 ноября этого же года его короновали в Милане железной короной как римского короля, затем в мае 1433 г. в Риме как императора Священной Римской империи – Cavalcanti G. Istorie fiorentine / A cura di F. Poldori. Firenze, 1838. T. I. P. 255; Morelli G. Ricordi. A cura di V. Branca. Firenze, 1956. P. 103, 106, 112.

⁷ Bisticci V. Vite di uomini illustri del secolo XV. Firenze, 1859. P. 541–543. См. Веспасиано да Бистиччи. Алессандро де Барди / пер., коммент. и вступ. статья И. А. Красновой // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. № 5. М., 2003. С. 209–244.

скромность и умеренность, проявляющиеся в миротворческой кротости¹. Последующие историки не избежали этой тенденции. Ф. Полидори – первый исследователь биографий, посвященных Филиппо Сколари – уверял, что он второй после Никколо Аччайуоли² флорентийский гражданин, управляющий судьбами иностранного королевства³. Франко Кардини считал, что флорентийскую славу и доблесть представляли собственно два персонажа, судьбы которых строилась на авантюрах и просматривалась через флорентийскую диаспору в Неаполитанском королевстве, создаваемую Никколо Аччайуоли, и в Венгрии – под покровительством Пиппо Спано. Кардини считал позитивный образ Сколари особенно важным для городской культуры, «поскольку прославлялся потомок гибеллинской ветви великого рода Буондельмонти, верный императору Сигизмунду, сражающийся против неверных и являющийся великим меценатом»⁴.

Панегирики флорентийских писателей в адрес Филиппо Сколари объективно оправданы тем, что коммуна Флоренция остро нуждалась в его дипломатических услугах. В конце XIV – первой четверти XV вв. ей нужен был союз с Венгрией в войне против «ломбардского тирана» герцога Джан Галеаццо Висконти (1389–1402). В дипломатических инструкциях этого периода не упоминалось о Филиппо Сколари, хотя послам коммуны поручалось рекомендовать королю Венгрии многих флорентийских купцов, которые вели там свои дела⁵. Когда Флоренции пришлось вести войну с миланским герцогом Филиппо Мария Висконти, то почти во всех инструкциях и официальных документах, которыми коммуна вооружала своих послов, упоминался Филиппо Сколари, содействие которого было официально признано в республике на Арно. В одной из таких инструкций, главной целью которой являлось получение от короля Сигизмунда 20-тысячного войска, братья Филиппо и Лоренцо Сколари не именовались иначе как «*Nostri dilectissimi cittadini*» («Наши дражайшие граждане»), а полководец и советник венгерского короля упоминался исключительно как «*Magnifico Spano*» («Великолепный Спано): «Приветствуйте со всем рвением Великолепного Синьора Филиппо Сколари, графа Темешоарского, нашего почетного и дражайшего гражданина, как доброго сына нашей Синьории, обожаемого горожанина и поборника за свое отечество... постоянно склоняющего Его Величество в пользу нашего города, сограждан и купцов наших, благодарите и восхваляйте его за это... продемонстрируйте ему полную доверительность, которую мы к нему питаем... напомните о нашей великой преданности ему, как никому другому». Инструкция заканчивалась строжайшим предписанием найти и навестить Филиппо Сколари не позже чем через 4 дня после официального представления королю⁶. Пышные эпитеты вполне объяснимы: коммуна как воздух требовалось содействие соотечественника, ставшего советником Сигизмунда, для заключения союза против миланского правителя Филиппо Мария Висконти. Последующее письмо флорентийских послов из Венеции, адресованное Сколари, также преисполнено почтения и доверительности⁷.

Как и Никколо Аччайуоли, Филиппо основал многочисленные церкви и осуществлял меценатскую деятельность, что особенно подчеркивал Франко Кардини: он оказывал в Венгрии покровительство флорентийскому художнику Мазолино, добился почетной должности приора для своего соотечественника Франческо Каппони, отстаивал льготы и привилегии флорентийских купцов,

---

¹ Элемент идеализации особенно заметен, когда речь заходит о полководческих талантах и военных подвигах этих флорентийцев. Войско Филиппо Сколари в войне с Венецианской республикой воевало с переменным успехом, проявляя значительный интерес к грабежам крепостей и городов Террафермы, а действия главнокомандующего отличались крайней жестокостью. См.: Sagredo A. Nota apologetica // Archivio storico italiano. Firenze, 1843 T. IV. C. 137–138, 143–144.

² Никколо Аччайуоли (1310–1365) – флорентийский гражданин, ставший канцлером Неаполитанского королевства и первым советником королевы Джованны I.

³ Polidori F. Due vite di Philippo Scholari. // Archivio storico italiano. Firenze, 1843. IV. T. IV, 1843. P. 119–127.

⁴ Cardini F. Introduzione. Cavalieri e città nella società italiana medievale // Cavalieri e città. A cura di F. Cardini, I. Gagliardi, G. Ligato. Atti del III convegno internazionale di studi. Volterra, 19–21 giugno 2008. Pisa, 2009. P. 24.

⁵ Istruzione del Comune di Firenze agli amdascianore mandate a Sigismondo re d'Ungheria. 1396 // Archivio storico italiano. Firenze, 1843. IV. P. 220–223. Коммуна просила покровительства двора для ее граждан Антонио Мачинги, Доменико Федериги, Арриго Сассельми, Ингилезе Ингилези, Гвидо и Джованни Тозинги.

⁶ Estratto dell' Istruzione data agli Ambasciatori fiorentini, inviati a Sigismondo imperatore e a Pippo Spano nell'ottobre del 1424 // Archivio storico italiano. T. IV, 1843. P. 226–227.

⁷ Lettera degli Ambasciatori Fiorentini scritta da Venezia a Pippo Spano // Archivio storico italiano. IV, 1843. P. 230–231.

которые очень сильно пострадали в Венгрии от репрессий и конфискации сразу после смерти Филиппо Сколари¹.

Покровительство землякам, оказываемое Сколари, заслужило благодарную память, след которой остался в ренессансной новеллистике. Об этом свидетельствует анонимная «Новелла о Грассо, инкрустаторе и резчике по дереву», посвященная рассказам о проказах и мистификациях архитектора и скульптора Филиппо Брунеллески, одной из жертв которых стал ремесленник Грассо, жестоко одуроченный Брунеллески и компанией его веселых собутыльников. Грассо решил уехать в Венгрию, куда звал его друг, также инкрустатор по профессии, чтобы перестать быть объектом насмешек своих сограждан. Этот друг Грассо, флорентиец, «за несколько лет до этого уехал в Венгрию и очень хорошо устроил там свои дела благодаря помощи Филиппо Сколари, прозванного Спано, нашего согражданина, бывшего в то время главным капитаном в армии Сигизмунда... Этот самый Спано пристраивал всех флорентийцев, оказавшихся в Венгрии, даже тех, кто не обладал талантом ни в свободных искусствах, ни в ремесле, ибо был он широкой души человеком и чрезвычайно любил свою родину, чем и она, премногим ему обязанная, должна была ему платить». История Грассо имела счастливый конец: «По прибытии в Венгрию Грассо и его приятелю... сопутствовала удача, и за несколько лет они разбогатели благодаря покровительству вышеназванного Спано, который поручал Грассо строительные работы. Грассо... числился на очень хорошем счету у Спано... который при удобном случае осыпал его богатыми и роскошными подарками, ибо Спано был так великодушен и щедр, словно происходил из королевского рода. Он проявлял щедрость ко всем людям, в особенности же к флорентийцам...». В уста Филиппо Брунеллески, который радовался фортуна Грассо в один его из приездов в родной город, автор новеллы вложил слова: «Ты ведь теперь разбогател и сделался приближенным императора всего света, Спано, а также многих других славных князей и баронов»².

В контексте этого восхищения и славословий, однако, заметны иные оценки и высказывания, которые были связаны с посещением Пиппо Спано своего родного города, из которого он вынужден был подростком уйти на чужбину. Визит Сколари, уже ставшего советником короля Венгрии и Богемии и прославленным полководцем, во Флоренцию (1410), надолго запомнился современникам. Он поразил воображение соотечественников, прибыв со свитой из трехсот рыцарей, и прогостил на родине 40 дней, ежедневно задавая богатые пиры, на которые приглашались сотни флорентийцев, мужчин и женщин из наиболее уважаемых и влиятельных людей, «а также и простых людей, и всех он одаривал с редчайшей щедростью»³. Соотечественники охотно пользовались его гостеприимством, но такая демонстрация неумеренной щедрости не соответствовала купеческому здравому смыслу и могла вызвать у флорентийцев настороженность и подозрительность, если не сказать враждебность, как проявление чуждого образа жизни, не соответствующего ментальной модели «добротного купца» с фиксированным набором качеств. Среди ценностей купеческого менталитета немаловажное место занимало почти маниакальное сокрытие доходов, иногда доходящий до аскетизма режим экономии на средствах потребления и строгая рациональность повседневных трат. Большинству представителей городского социума трудно было представить себе, что можно позволить столь нерациональные траты, не имея при этом никакой далеко идущей цели.

Они отнеслись к советнику венгерского короля, которому вскоре предстояло стать императором, более чем настороженно, дав повод одному из авторов биографии обвинять их в завистливости и неблагодарности. «Он (Пиппо Спано) вынес от неблагодарного народа столько, сколько не вынес никто другой, ведь даже выпелы и военные знамена коммуны, каковые кому уж только не жаловались, даже преступных и грязных закалывателей свиней ими награждали, он не смог как трофеи своего отечества увезти с собой в Венгрию»⁴. Лука делла Роббиа также осуждал своих сограждан, «славящихся во всем мире справедливостью», за то, что они столь сухо и холодно приняли великого соотечественника, и приводил их доводы, которыми они пытались оправдать свою не приветливость: «Такое могущественное лицо, как Филиппо Сколари, никогда не оставит привычки командовать и не сможет жить частной жизнью, как это принято у нас в обществе». Влиятельный горожанин Бартоломео Валори, считая себя другом Филиппо Сколари, старался его защитить, но и он опасался, что тот начнет «командными методами воздействовать на наше общество, которое

¹ Canestrini G. Discorso. P. 186–187.

² Аноним. Новелла о Грассо, инкрустаторе и резчике по дереву // Европейская новелла Возрождения. М., 1974. С. 84–85; 87.

³ Bracciolini J. La vita di Filippo Scholari. P. 180–181; Luca della Robbia. Vita di Bartolommeo Valori. P. 259.

⁴ Bracciolini J. La vita di Filippo Scholari. P. 180–181.

нетерпимо к этому более чем какое-либо иное». Все-таки мессер Валори полагал, что в данном случае следовало ограничиться лишь «учтывим предупреждением»¹. Из этих высказываний можно предположить, что царедворец венгерского короля навлек на себя подозрения в поползновениях на единоличную власть, хотя, возможно, им двигало только желание компенсировать комплекс неполноценности в глазах бывших соотечественников, третировавших его род и вынудивших когда-то его самого покинуть Флоренцию и уйти на чужбину без гроша в кармане.

Прославленный флорентиец, достигший высот власти и влияния у престолов чужеземных монархов, двояким образом воспринимался в обществе города-республики. Интерес к его персоне, проявляющийся в различного рода панегирических текстах, стимулировался у горожан осознанием ее величия (*grandezza*), способности на «великие деяния» и открытую демонстрацию власти – явления, возносящиеся над нивелирующим уровнем коллегиальных форм правления и усредненностью лиц, составляющих многочисленные магистраты и советы. В городском социуме вокруг фигуры такого масштаба концентрировались настроения настороженности, подозрительности, потенциальной угрозы, как вокруг носителя чужеродных моделей единоличной власти. Эти настроения усугублялись формами репрезентации в повседневном обиходе, не всегда совместимыми с образом жизни и поведения благонамеренных граждан и добрых купцов.

Смутные подозрения и настроения неприятия достигшего высот власти в другом государстве соотечественника следует отделять от официальных позиций Синьории по отношению к этому лицу, складывающихся в области внешней политики. Выше уже говорилось о том, что после визита Филиппо Сколари в отечество, власти Флоренции вполне обоснованно возлагали на него большие надежды и изъявляли крайнюю степень почтения и доверительности.

Двойственность позиции восприятия в коммунальном республиканском обществе столь выдающегося бывшего соотечественника заключалась в том, что наряду с гордостью и восхищением в сознании флорентийских граждан возникали тревога и опасение по поводу опасного перерожденца, способного одним фактом своего пребывания повредить существующему политическому строю. Настроения подозрения, неприятия и враждебности, возникающие в отношении великого соотечественника, носили скорее полусознанный характер, не напрасно хронисты и авторы биографий недоумевали по поводу неприветливости и холодности сограждан, не видя за ней сколько-нибудь серьезно обоснованных причин. В то же время заметна тенденция защиты прославленного героя от «завистливых сограждан», не воздающих должного достоинству великого флорентийца. Отсюда возникала тема о «неблагодарном отечестве», в которой содержались попытки осмысления социально-политической дисгармонии, столкновения индивидуальной позиции с общекоммунальными и государственными интересами.

Т. П. Гусарова

Трудный диалог власти и сословий: венгерские государственные собрания в эпоху Турецких войн

Расцвет деятельности венгерских государственных собраний – высшего сословно-представительного органа королевства – приходится на XVI–XVII вв., даже на XVIII в., то есть на то время, когда в Западной Европе они уже потеряли прежнее значение. Они вобрали в себя многие типичные черты сословных форумов, сформировавшихся в Центральной и Восточной Европе. Но в то же время в Венгрии эти съезды представляли собой наиболее прочный бастион, под защитой которого сословия строили свои взаимоотношения с центральной властью – австрийскими Габсбургами, создавшими в XVI в. в Дунайско-Карпатском регионе своеобразное государственное объединение универсалистского характера, напоминавшее средневековую империю. Оно просуществовало вплоть до 1918 г., несмотря на то что не вписывалось в модель новой государственности, характеризуемую учеными как перспективная, заданная складывавшимися на рубеже Средних веков и раннего Нового времени национальными государствами. Успех жизнестойкости этой сложной по составу монархии не в последнюю очередь определялся тем, как, искусно используя арсе-

---

¹ Luca della Robbia. Vita di messer di Bartolomeo di Niccolo di Taldo di Valore Rustichelli. P. 259.

нал разнообразных средств, в том числе и старых, правящая династия смогла построить отношения с подданными, в частности, с представленной на государственных собраниях политической элитой, т. е. сословиями Венгерского королевства¹.

В монархии австрийских Габсбургов сословия крепче, чем в других странах, держались за свои права и привилегии, т. н. «конституции», не останавливаясь в деле их защиты перед открытым сопротивлением центральной власти, стремившейся если не лишить, то серьезно ограничить властные prerogatives сословий. Достаточно вспомнить выступление австрийских сословий против нового правителя Фердинанда Габсбурга в 1521 г., чешские восстания в 1547 и 1618 гг., а также целую серию антигабсбургских выступлений в Венгерском королевстве в XVII – начале XVIII вв. Сословия центрально-европейских стран сближает также то, что в составе их политической элиты доминировали аристократия и дворянство. Именно они формировали мнение и решения на сословных форумах. Бюргерство в большинстве стран в этом регионе играло значительно менее важную роль в политической жизни и деятельности сословно-представительных институтов. В Венгерском королевстве все эти черты проявились в самой яркой форме².

Предпосылки возникновения венгерских сословных учреждений восходят к концу XIII в. – времени складывания венгерского дворянства как единого сословия (*nobiles*) в борьбе как с крупными феодалами, так и с королевской властью. Процесс развития сословных форумов, замедлившийся в XIV в. в эпоху правления Анжуйской династии, возобновился с середины XV в.: с 1445 г. они стали созываться регулярно; наряду со светскими магнатами, духовенством и дворянами для участия в них стали приглашаться королевские города. В течение последующих 150 лет выкристаллизовался порядок их созыва и сфера деятельности. Они обладали законодательной prerogative, вотируя налоги, выбирали королей, а также палатина (*надора*). В начале XVI в., в правление слабых Ягеллонов, политическая обстановка в стране настолько накалилась, что Государственные собрания, движущую силу которых в тот момент составили дворяне, ведомые частью, настроенной против тяготевших к Габсбургам Ягеллонов знати, фактически взяли верх над центральной властью. Они навязывали ей своих людей в Королевском совете, контроль над финансовыми органами и даже пытались проводить самостоятельную внешнюю политику. Поголовное присутствие дворян делало эти съезды шумными и неуправляемыми. Такое подобие польской шляхетской вольницы с ее сеймами досталось в наследство Габсбургам во второй четверти XVI в. Но реалии, в которых династия утверждала свою власть над новыми подданными, оказались еще более сложными и драматичными.

Государственные собрания XVI–XVII вв. занимают особое место в венгерской истории. Их деятельность развивалась в совершенно новой исторической обстановке. Венгрия, став объектом экспансии со стороны Османской империи, потеряла в битве при Мохаче в 1526 г. не только своего короля, но и цвет венгерской знати. Королевство было ввергнуто в долгую гражданскую войну, закончившуюся его распадом. Лишь одна его часть (из трех) сохранила статус королевства, и попала под власть новой династии – австрийских Габсбургов. С их воцарением произошла не просто смена династии. В отличие от монархов, возглавлявших средневековые династические унии, в составе которых прежде оказывалось Венгерское королевство со своими композитами, австрийские Габсбурги предпринимали усиленные попытки к централизации всех своих владений в Центральной Европе. В условиях проявления этих тенденций в политике новой, к тому же чужеземной, династии подобное изменение вектора политического развития особенно больно ударило по не желающим терять свои самостоятельность, привилегии и участие во власти сословиям. В результате менялась модель отношений между подданными и новой властью, стремившейся к утверждению своего приоритета над сословиями, заменявшей лиц, которые руководили их учреждениями, своими ставленниками и послушным двору бюрократическим аппаратом. Безусловной потерей не только для сословий, но и для всей Венгрии было то обстоятельство, что королевский двор, ранее находившийся в столице королевства, переместился за его пределы – в Вену (или Прагу). Монарх бывал в Венгрии наездами, в частности во время созыва государственных собраний. Таким образом, королевский двор утратил консолидирующую роль национально-культурного ориентира,

¹ См. об этом: Pálffy G. *The Kingdom of Hungary and the Habsburg Monarchy in the Sixteenth Century*. New York, 2009.

² См. об этом: Benda K. – Péter K. *Az országgyűlések a kora újkori magyar történelemben (Előadások a Történettudományi Intézetben 6)*. Budapest, 1987; Szijártó M.I. *A Diéta. A magyar rendek és az országgyűlés 1708–1792*. Keszthely, 2010; Bérenger J. – Kecskeméti K. *Országgyűlés és parlamenti élet Magyarországon 1608–1918*. Budapest, 2008.

какую он играл раньше. Кроме того, при интернациональном дворе Габсбургов венгерская политическая элита занимала далеко не первые позиции, и оказалась оттесненной на задний план немцами, чехами, итальянцами и т. п. Ее участие в центральных учреждениях было существенно ограничено. Вместе с королевским двором за границей оказались и некоторые центральные органы власти Венгерского королевства: в частности, Канцелярия, Королевский совет, который, впрочем, не действовал на постоянной основе. Внешнеполитические, военные, а также в значительной мере и финансовые вопросы решались венскими придворными учреждениями, ибо не без основания рассматривались как «смешанные», т. е. касающиеся всей монархии австрийских Габсбургов в целом.

Габсбурги воцарились в Венгерском королевстве в переломный для него момент, когда там начались и потом в течение полутора столетий продолжались войны с Османской империей. За право обладать Венгрией австрийские Габсбурги платили высочайшую цену. С одной стороны, на войны с османами уходили огромные материальные и человеческие ресурсы не только самого Венгерского королевства, но и Австрии, Чехии, а также Империи. С другой стороны, Габсбурги не могли справиться с турецким натиском без своих венгерских подданных. Оборона страны в значительной степени была отдана в руки имевшей свои крепости, войска и средства местной знати, а кроме того, дворянским комитатам, от которых зависел и сбор налогов на войну, и созыв ополчений. Без согласия венгерских сословий короли-императоры не могли получить от королевства ни налогов, ни войск. А этот вопрос можно было решить только на государственных собраниях. В эпоху войн центральная власть была вынуждена идти на компромисс с сословиями еще и потому, что существовала угроза отложения Венгрии. Ситуация осложнялась тем, что недовольством венгров своими правителями пользовались трансильванские князья (Иштван Бочкаи, Габор Бетлен, Дьёрдь I, Дьёрдь II Ракоци), тесно связанные с Венгрией, но являвшиеся вассалами султана. Под их эгидой в XVII в. на территории Венгрии неоднократно поднимались антигабсбургские сословные движения. В отдельные же критические моменты войн с турками население некоторых комитатов в стремлении выжить в массовом порядке признавало власть султана.

Наконец, еще один важный фактор влиял на отношения королевской власти в Венгрии и сословий в XVI–XVII вв.: религиозный. К реформированной в лютеранском и кальвинистском духе церкви в Венгрии к концу XVI в. примкнуло большинство населения. Контрреформация, принявшая при Рудольфе II форсированный характер, вызвала сильнейшее возбуждение в венгерском обществе. Недовольство внутренней и внешней политикой династии соединилось с религиозным протестом, который наиболее бурно в XVII в. выражало дворянство, в своем большинстве сохранявшее в отличие от знати верность новой вере. Религиозный вопрос стал одним из главных как в антигабсбургских сословных движениях XVII в., так и в работе государственных собраний эпохи. Как и в Германии сословия требовали уступок в делах веры за одобрение ими налогов и военной помощи. В таких условиях в Венгерском королевстве складывался диалог королевской власти и сословий, местом которого были высшие сословные форумы.

Фердинанд I Габсбург был выбран венгерским королем на Государственном собрании в ноябре 1526 г.¹ только после того, как согласился с требованием сословий принять трон не по праву наследования и договоров, а как избранный король. Он также подписал капитуляционный диплом, в котором обещал от себя и имени своих потомков соблюдать права и свободы королевства и его граждан². Габсбурга поддержала та часть венгерской политической элиты, которая рассчитывала на силу и международные связи династии в борьбе с нарастающей турецкой угрозой. Поэтому обе стороны – и король, и его новые подданные – на первых порах были заинтересованы друг в друге, что проявилось в деятельности государственных собраний. За 36 лет правления Фердинанда государственные собрания созывались 21 раз, в некоторые периоды – ежегодно. Два главных вопроса – о военном налоге и предоставлении войск – решались, как правило, без промедлений. Сословия с готовностью шли на принятие этих решений, поскольку понимали их жизненную важность для страны в тот момент, когда османы предпринимали свои завоевательные походы. Обязанность лично участвовать в ополчении или предоставлять вместо себя замену ложилась на все сословия,

¹ Однако противники Фердинанда за месяц до этого на Государственном собрании 10 ноября 1526 г. избрали венгерским королем главу «национальной партии» Яноша Запольяи. Таким образом, в течение почти двух десятилетий в Венгрии было два законно избранных короля.

² «Ferdinandi I. electi Bohemiae Regis Archiducis Austriae Assicuratorium Diploma, ante sui in Regem Hungariae, declarationem Regnicolis datum, quo suo et haeredem ac successorum suorum nomine, promittit et se obligat ad observanda jura, libertates et immunitates Regni et Regnicolarum Hungariae...» (Sylloge Decretorum Comitatum Inclyti Regni Hungariae / ed. J. N. Kovachich. T. I. Pestini, 1818. P. 370).

исключение не делалось ни для больных, немощных и старых, ни для монахов (1542 г.)¹. Одновременно решались и другие важные вопросы: кодификации законов (1527 г.); организации центрального управления (1536, 1542 гг.); компетенции местных – комитатских – властей (1536); ограничения действий иностранных наемников в стране (1536 г.); регулирования отношений с теми, кто перешел из лагеря Заполья к Фердинанду; взимания пошлин на внешних границах королевства, бывших важной статьей доходов казны и т. д. Показательный компромисс был достигнут с центральной властью и в крестьянском вопросе: в 1538 г. законодательно был возобновлен крестьянский переход, запрещенный постановлениями государственного собрания после подавления крестьянского восстания под руководством Дьердя Дожи 1514 г. Это решение было весьма своевременным, учитывая то обстоятельство, что и поместные крестьяне привлекались к обороне страны.

Конечно, трения общества с королевской властью были неизбежны. Причин для недовольства было немало. Так, в 1536 г. после восьмилетнего перерыва в созыве собраний депутаты поставили королю условие: они соглашались рекомендовать к уплате вторую половину военного налога, только если король обязуется в ближайшее время созвать собрание². В 1538 г. сословия выразили недовольство тем, что Фердинанд тайно от них заключил договор с анти-королем Яношем Запольяи, тем самым нарушив их права. Они потребовали от короля подтверждения данного в коронационном дипломе обещания соблюдать их права, а также свободы и привилегии страны³. Провалы практически всех военных предприятий Габсбургов в Венгрии, результатом чего стало занятие турками трети страны вместе со столицей Будой, резко обострили отношения между королем и сословиями. Политическая элита громче заявляла о своих требованиях: вести мирные переговоры с султаном только с согласия и при участии венгерских советников, укрепить prerogatives высших должностных лиц королевства (1546 г.). Отражая чаяния основной массы дворянства, собрание на время отложило предложение короля о свободном крестьянском переходе (1546 г.).

Последнее принципиальное разногласие между сторонами в царствование Фердинанда I коснулось его преемника – эрцгерцога Максимилиана. Снова всплыл вопрос о правовой основе власти Габсбургов в королевстве: наследование или избрание. Из-за частой смены династий принцип престолонаследия не укоренился в венгерской практике. И ранее королей избирали на государственных собраниях, особенно в тех случаях, когда правитель не оставлял законных наследников. Путем избрания стали королями и Сигизмунд Люксембург, и Матяш Корвин, и Уласло Ягеллон, и Фердинанд Габсбург. Но сословия отстаивали свое право и после утверждения на венгерском престоле австрийских Габсбургов, за редким исключением не жаловавшихся на бездетность. В течение всего XVII в. государственные собрания сохраняли за собой это право, хотя оно превратилось в фикцию, поскольку в качестве престолонаследника принимали («избирали») старшего сына правящего монарха. Так был признан королем и Максимилиан II. Тем не менее даже потеряв на деле право выбора, сословия продолжали цепляться за формулу государственного собрания, согласно которой новый король считался избранным⁴. Эта ставшая, по сути, формальностью процедура, создавала иллюзию, что именно сословия в соответствии с древним общественным договором делегируют правителю верховную власть, в обмен на которую он несет ответственность перед «нацией», т. е. сословиями за свои деяния и гарантирует им соблюдение их прав и привилегий. Еще в начале XVI в. венгерский юрист Иштван Вербеци зафиксировал эту концепцию в знаменитом «Трипартитуме», кодексе обычного феодального права⁵. Только в 1687 г. венгерские сословия согласились признать наследственную власть Габсбургов над королевством как бы в благодарность за освобождение страны от османов.

¹ Законом предписывалось каждому монастырю отдавать двух монахов в войско (*Corpus Juris Hungarici. Magyar Törvénytár. 1526–1606. évi törvénycikkek /Kiad. Kolosvári S. és Óvári K. (Далее – CJH, I). Budapest, 1899. P.90).*

² CJH. I. P. 20.

³ Ibid. P. 40.

⁴ См.: Гусарова Т. П. Королями не рождаются: Максимилиан Габсбург и венгерская корона // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти / отв. ред. Н. А. Хачатурян. М., 2006. С. 140–162; Медведева К. Венгерская коронация Матиаса II Габсбурга. Коронация после государственного переворота. Там же. С. 162–177.

⁵ «Tripartitum opus juris consuetudinarii inclyti Regni Hungariae per magistrum Stephanum de Werbewcz personalis praesentiae regiae majestatis locum tenentem accuratissime editum» // *Corpus Juris Hungarici. Magyar Törvénytár. Werbőczy István Hármaskönyve / Az eredetinek 1517-ki első kiadás után fordították, bevezetéssel és utalásokkal ellátá Kolozvári S. és Óvári K. Magyarázó egyzetekkel kíséri Márkus D. Budapest. 1897.*

В целом, оценивая деятельность государственных собраний в XVI в., можно говорить скорее о конструктивном диалоге между сословиями и властью. Бурные споры разворачивались как при подготовке государственных собраний, на совещаниях Венгерского королевского совета, так и на самих сословных форумах. В то же время обе стороны искали путь к согласию, преодолевая глубокие разногласия. Сложившаяся ситуация прекрасно иллюстрируется текстами решений государственных собраний. «Преодолевая всякого рода ненависть, враждебность и внутреннее недовольство... мы желаем достичь христианского согласия и взаимного примирения, и посему единодушно решили», – подводили итог переговоров король и сословия на Государственном собрании 1542 г. после вызвавшей бурю возмущения и протестов позорной сдачи туркам немецкими войсками Буды в 1541 г.¹ В 1546 г. вслед за взорвавшим все венгерское общество отказом Карла V предпринять поход против турок и последовавшим за этим рядом поражений королевских войск в Венгрии, в условиях начавшихся мирных переговоров Фердинанда I с султаном, сословия королевства на Государственном собрании тем не менее выражали свою признательность королю за исключительные усилия по спасению Венгрии и достижению согласия между подданными, заверяли его в своей преданности. Причины же того, что Венгрию не удалось освободить от турок, объяснялись гневом господним². Принимая во внимание вышесказанное, применительно к Венгрии XVI в. можно говорить о таком государстве, которое современные историки характеризуют как «координирующее государство» (co-ordinating state, koordinierender Staat), в котором центральная власть проводила направленные на централизацию административные, военные и прочие реформы, координируя свою политику с обществом, представленном в первую очередь политической элитой страны³.

Провальные неудачи Габсбургов в Пятнадцатилетней (Долгой) войне с османами на территории Венгрии (1593–1606), начавшееся форсирование Контрреформации, преследование Рудольфом II реальной и воображаемой оппозиции, сопровождавшееся политическими процессами и конфискацией имущества, привели к социальному взрыву. Отношения между монархом и сословиями накалились. Государственные собрания 1603 и 1604 гг. потребовали от Рудольфа II прекратить инспирирование противозаконных судебных процессов⁴, аресты по наветам и конфискацию имущества арестованных⁵. Рудольф же в нарушение древних законов и обычаев страны перекраивал по своему усмотрению принятые Государственным собранием решения: так, в законы 1604 г. он вставил статью, усиливавшую преследования протестантов, а также запретил выносить на обсуждение государственных собраний религиозные вопросы⁶. В сентябре 1604 г. началось первое антигабсбургское движение, возглавленное Иштваном Бочкаи. Восставшие венгерские сословия перестали подчиняться правящему монарху: они отказывались вступать с ним в диалог и не отвечали на его объявления созыва государственных собраний (январь 1605). В то же время они устраивали свои сословные съезды без разрешения и участия короля (декабрь 1605 г.). В том же году восставшие венгерские сословия обратились с воззванием к Европе, в котором обличали Рудольфа как тирана, правящего против установленных законов⁷.

Новая эпоха в истории венгерских государственных собраний началась после Венского мира 1606 г., который подвел итоги победоносного выступления сословий против Рудольфа II⁸. Состоявшееся в 1608 г. Государственное собрание ратифицировало Венский мир, определивший вплоть

¹ «...rejectis omnibus odiis, simultatibus, ac discordiis intestinis...in unionem Christianam venire, et invicem reconciliare volentes, unanimiter decrevimus». (СЖН, I. P. 58).

² СЖН. I. P.159.

³ См. об этом: MacHardy K.J. War, Religion and Court Patronage in Habsburg Austria. The Social and Cultural Dimensions of Political Interaction, 1521–1622 // Studies in Modern History. Houndmills – Basing – Hampshire, 2003. P. 21–46; Pálffy G. A Magyar Királyság és a Habsburg Monarchia a 16.században. Budapest, 2010. 86.1.

⁴ СЖН. I. P. 937, 951.

⁵ Ibid. P. 953.

⁶ СЖН. I. P. 954–956.

⁷ Magyarország történeti kronológiája / Főszerk. Benda K. II.köt. 1526–1848. Harmadik kiadás. Budapest, 1989. P. 428–429.

⁸ По условиям Венского мира свобода вероисповедания даровалась протестантам всех сословий, кроме крестьян; восстанавливалась должность надора, которого в соответствии с законом должно было избрать Государственное собрание; должности в королевстве должны получать только венгры, и без различий в вере; признавались действительными земельные пожалования Иштвана Бочкаи и его власть не только над Трансильванией, но и некоторыми областями в Венгрии; с султаном должен был быть заключен мир и т. д. (СЖН. I. P. 958–985).

до 1680-х гг. новые отношения сословий с королевской властью, характеризующиеся явным преобладанием первых. Во время движения Бочкаи появлялись новые формы противостояния сословий правящему королю-императору, в частности, сословные конфедерации, которые создали в 1608 г. сословия Нижней и Верхней Австрии, Моравии и Венгрии с целью защиты Венского мира и заключенного с турками в 1606 г. Житваторокского мира. Государственные собрания Венгерского королевства, проходившие с 1608 по 1613 гг., стали местом встреч представителей сословий трех стран, где они совместно принимались решения, позволившие им диктовать свои условия и Рудольфу II и будущему королю эрцгерцогу Матиасу Габсбургу – вплоть до отречения Рудольфа последовательно от всех тронов монархии австрийских Габсбургов¹.

В 1608 г. окончательно оформилась структура Государственного собрания. Оно состояло из двух палат: в Верхней палате по личному приглашению короля заседали бароны и прелаты; в Нижней – послы дворянских комитатов, свободных городов, религиозных корпораций, представители отсутствующих баронов, а также высший персонал Казначейства и Королевской судебной палаты. Своих депутатов делегировало и Славонско-Хорватское королевство. Поголовное присутствие дворян, практиковавшееся до 1526 г., было заменено представительством: от каждого комитата присылались по 2-3 делегата, выбираемых на комитатских собраниях. Таким образом, в государственных собраниях сословия не были разделены по палатам, и соответственно решения выносились не по сословиям (как во Франции или Нижней Австрии). Но это не значит, что между сословиями внутри палат царил единодушие. Дворян и города разделяли серьезные противоречия, которые порой выносились на заседания. Но в целом города не обладали достаточными силами и голосами, чтобы эффективно отстаивать свои позиции. Более того, высшие сословия и дворяне всячески препятствовали расширению представительства городов на сословных форумах, запрещая королю без их согласия поднимать населенные пункты до статуса свободных королевских городов. Серьезные противоречия возникали и среди членов Верхней палаты – баронами и прелатами. Католическое духовенство более последовательно поддерживало политику венского двора. Заседали обе палаты отдельно, о своем мнении по конкретным вопросам сообщали друг другу посредством посланий (*puncium, repuncium*). Окончательное общее решение оформлялось специальным документом, обращенным к королю (*representacio*). Нижняя палата упорно не желала делить прерогативы с Верхней. Так, в состав редакционных комиссий по составлению жалоб и законов королевства ни под каким предлогом не допускались бароны и прелаты, хотя проекты и предложения обсуждались обеими палатами.

Конструктивный настрой, отличавший деятельность государственных собраний в XVI в., сменился в начале XVII в. менее эффективной работой, обусловленной ожесточенной оппозицией сословий центральной власти. Основным фоном, на котором разворачивались эти баталии, была борьба между протестантами и католиками, открыто поддерживаемыми Габсбургами. Работа собрания начиналась с ознакомления депутатов с королевскими пропозициями. В первую очередь съезду предлагалось одобрить военный налог, а также обсудить вопросы, связанные с размещением и содержанием войск, в том числе иностранных, сбором ополчений, ремонтом крепостей, поддержанием общественного порядка и т. п. В ответ Государственное собрание предьявляло королю свои жалобы (*gravamina*). Они были вызваны нарушением религиозных свобод, занятием католиками принадлежащих протестантам храмов, преследованием протестантских проповедников, предпочтением католиков протестантам при назначении на должности в гражданском и военном управлениях, всевозможными злоупотреблениями властей, отстранением от участия в государственных делах венгров, бесчинствами в стране иностранных армий и т. д. Эти вопросы накапливались от собрания к собранию, их решение – особенно религиозных – из года в год откладывалось. Практиковавшаяся в этих условиях тактика сословий заключалась в том, что они отказывались обсуждать королевские пропозиции до тех пор, пока не будут удовлетворены их жалобы. Король, в свою очередь, использовал тактику затягивания. Учитывая сложную процедуру обмена мнениями между королем и Государственным собранием в виде запросов сословий и королевских резолюций на каждый из них, нескончаемые просьбы к королю принять депутации, упрямство обеих сторон, собрания затягивались на долгие месяцы. Исход такого противостояния чаще всего складывался в пользу двора: измученные материальными затруднениями депутаты, к тому же надолго отрывавшиеся от своих семей, поместий, обязанностей на местах и т. д., не выдерживали и шли на уступки, соглашаясь перенести рассмотрение наболевших вопросов на ближайшее Госу-

¹ Медведева К. Т. Австрийские Габсбурги и сословия в начале XVII века. М., 2004. С. 173 и далее.

дарственное собрание. Специально выбранная из членов Нижней палаты комиссия, наконец, вырабатывала компромиссный проект решений, которые после утверждения монархом должны были получить силу закона. Но и этот компромисс давал сбой, т. к. сделанные в королевской канцелярии и подкрепленные королевской печатью «копии» принятых на Государственном собрании законов, как правило, заметно расходились с оригиналом и, конечно, в пользу двора. Сословия, разумеется, не оставляли без внимания подобные фальсификации, что вызывало новые всплески недовольства, усиливавшиеся в связи с тем, что и одобренные королем законы не исполнялись. На Государственном собрании 1618 г. сословия потребовали, чтобы при окончательной записи и королевском одобрении законы, принятые на Государственном собрании, оставались без изменений¹.

В XVII в. не единичны случаи, когда работа Государственного собрания срывалась. В 1619 г. сословия отказались помочь Фердинанду II войсками против восставших чехов и покинули форум, не приняв решений. Причиной срыва собраний могло послужить отсутствие кворума, как это произошло в 1642 г.: слишком долго съезжались члены Верхней палаты: бароны и прелаты². Иногда часть депутатов – обычно протестанты – саботировала работу Государственного собрания. В 1637 г. протестанты потребовали, чтобы их признали в качестве отдельного сословия, что дало бы им право обратиться к монарху со своими особыми жалобами³. В 1662 г. протестанты оказались в трудном положении: или требовать первоочередного решения религиозных жалоб под угрозой ухода с собрания, или вместе с остальными обсуждать вопрос о присутствии в королевстве иностранных войск⁴. После долгих споров между собой и с другими участниками собрания они все же предпочли покинуть заседание.

В 1681 г. в разгар очередного антигабсбургского движения под предводительством Имре Тёкёли отказ протестантов принимать участие в официальных заседаниях форума привел к тому, что Леопольд I был вынужден пойти на уступки венгерским сословиям. Законами декларировалось подтверждение дворянских привилегий и религиозных свобод в духе Венского мира, освобождение арестованных протестантских проповедников, возвращение протестантских храмов, отстранение иностранных казначейских чиновников, отмена дополнительного налога на содержание иностранных войск, вывод иностранных войск из страны и многое другое. Но главное – упразднился установленный в 1673 г. в нарушение венгерской «конституции» порядок прямого правления из Вены (т. н. Губерниум)⁵, вновь был избран надор-палатин, пост которого оставался вакантным с 1673 г.⁶ Восстанавливалась деятельность Государственных собраний, а вместе с ними – и сословный дуализм. Однако становилось очевидным то, что сословные форумы перестали играть прежнюю роль. Об этом свидетельствовал сам факт их относительно редкого созыва во второй половине XVII в. (1655, 1659, 1662, 1681, 1687 гг.).

Военные успехи Габсбургов в войне с османами, увенчавшиеся освобождением Буды в 1686 г. и значительной части страны, дали центральной власти неоспоримые преимущества перед лицом сословий. Важную роль в этих изменениях сыграли преобразования в военной сфере: место дворянских ополчений заняли профессиональные армии. Так, при освобождении Венгрии венгерские военные части, преимущественно из легкой кавалерии, играли второстепенную роль в операциях, осуществлявшихся силами международной коалиции. В финансовой области также произошли серьезные сдвиги: правительство находило иные способы пополнять казну, минуя согласие сословий. Последнее в XVII веке Государственное собрание 1687 г. завершилось триумфом австрийских

¹ Corpus Juris Hungarici. Magyar Törvénytar. 1608–1657. évi törvénycikkek / Fordít. stb. Kolosvári S. és Óvári K., magyarázatokkal stb. kíséri Márkus D. (Далее – CJH, II). Budapest, 1900. P. 140.

² Szemere Pál abaúji és sárosi követ naplója az 1642. évi országgyűlésről // Az 1642. évi meghíúsult országgyűlés időszaka / Szerk. Hajnal I. Budapest, 1930. P. 417–419, 426–427.1.

³ Demkő K. Az 1637 – 38-iki pozsonyi országgyűlés történetéhez. Első közlemény // Századok, XIX. évf., 1885. 229–235. 1. [Komáromy A.] Berényi György naplója az 1634/5-ik soproni és az 1637/8-ik pozsonyi országgyűlésekről. // Történelmi Tár (1885). P. 119–143.

⁴ Magyar Országos Levéltár. № 114. Acta Diaetalia. Vol. 20. Acta Diaetae 1662. Diaetalis Opinio Spectabilis ac Magnifici Domini Georgii Berényi circa negotium religionis sub termino Diaetae Anni 1662. Posonii celebratae, scriptotenus Evangelico Statui die 7. Augusti transmissa.

⁵ Corpus Juris Hungarici. Magyar Törvénytar 1657–1740. évi törvénycikkek / Fordít. stb. Tóth L.; magyarázatokkal stb. kíséri Márkus D. (Далее – CJH, III). Budapest, 1900. P. 265. Этот порядок правления был введен властями после раскрытия заговора высшей венгерской знати (т. н. «заговор Вешшелени») против Вены. (Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002. С. 225–226).

⁶ CJH. III. P. 262.

Габсбургов. Было признано наследственное право семьи на венгерский трон, сословия лишались древнего права сопротивления королю (данного им Золотой буллой 1222 г.)¹, в состав венгерской знати включалось большое число (20 человек) угодных Леопольду I иностранцев. В эти годы значительно сократилась сфера деятельности Венгерского казначейства. Все отвоеванные у турок территории Венгерского королевства в начале 1688 г. передавались под управление австрийского Придворного казначейства, которому отходили не только фискальные, но и судебные функции. Из разрабатывавшегося венским двором плана нового обустройства Венгрии были изъяты предложения венгерского комитета, направленные на защиту сословных привилегий². Напротив, предполагалась ревизия одной из основных привилегий дворянства: налогового иммунитета. В более тяжелые условия были поставлены города.

Казалось бы, эти и другие новшества означали победу австрийского абсолютизма над венгерскими сословиями. Но это было далеко не так. Даже в условиях военного и политического триумфа Габсбургов, а также безнаказанности поведения их военной и гражданской администрации на территории Венгерского королевства центральная власть действовала с оглядкой. Решениями Государственного собрания 1687 г. были отмены чрезвычайные суды, действовавшие в военное время³, подтверждались законы 1681 г., касающиеся вопросов веры⁴. Леопольд обещал амнистию всем тем, кто выступил против него на стороне Имре Тёкёли, но вновь присягнул на верность королю⁵. Эти, пусть слабые на фоне общих потерь сословий, уступки со стороны центральной власти были объяснимы: у нее не было уверенности в том, что она держит ситуацию в Венгрии под контролем. Опасения двора оправдались: через несколько лет в Венгрии вспыхнуло новое, самое мощное и продолжительное антигабсбургское движение, возглавленное Ференцем II Ракоци (1705–1711).

Оценивая деятельность венгерских государственных собраний в XVI–XVII вв., можно сказать следующее. При всей ярко выраженной оппозиционности центральной власти, особенно в XVII в., тем не менее нельзя не признать их положительной роли в жизни венгерского общества и государства той эпохи. В условиях перманентных войн с османами государственные собрания брали на себя многие вопросы, касающиеся в первую очередь организации и материального обеспечения обороны, а также регулирования сферы гражданской жизни в то время, когда Габсбурги располагали в Венгрии весьма ограниченными для этого возможностями. Обе стороны – и центральная власть, и многоликое общество Венгерского королевства, интересы которого представляли заседавшие в государственных собраниях сословия, – были кровно заинтересованы в сотрудничестве и шли на него, невзирая на принципиальные разногласия, не останавливаясь перед жертвами политического, социального, религиозного и экономического характера. Каждый из этапов конфликта между центральной властью и сословиями в XVII в. заканчивался компромиссом, который фиксировался в специальных договорах и подтверждался в коронационных дипломах очередного Габсбурга, поднимавшегося на венгерский трон. В соответствии с этими договорами (прежде всего, Венским 1606 г.) сословия сохраняли за собой старые свободы и привилегии, в том числе право вместе с королем участвовать в управлении государством. Однако, кроме этих в целом конъюнктурных факторов, жизнеспособность и устойчивость государственных собраний определяли глубокие системные сдвиги, происходившие в их структуре, функционировании и связях с государством. Выработка и установление строгого протокола и правых норм, в рамках которых все участники форума – и депутаты от сословий, и знать, и двор во главе с королем – официально общались между собой, привносили новое правовое мышление и политическую культуру, которые не позволили государственным собраниям превратиться в шляхетскую вольницу, граничащую с анархией. В ходе работы государственных собраний формировался некий политический центр в основном из наиболее активных, образованных протестантских депутатов от дворянских комитатов, имевших большой опыт административной работы в органах дворянского самоуправления. Несмотря на ограничение инструкциями посланных их комитатов, им удавалось преодолевать узко местные интересы и выступать на собраниях, выражая интересы страны в целом. Этому способствовало также и то, что многие из таких дворянских парламентских активистов включались в орбиту проводимых Габсбургами административных реформ, занимая должности в финансовых ве-

¹ Ibid. P. 332, 336.

² См. об этом: Varga J. Berendezési tervezetek Magyarországon a török kiűzésének időszakában. Az «Einrichtungswerk» // A Magyar Királyság berendezésének műve (Századok füzetek 1). Budapest, 1993.

³ CJH. III. P. 338.

⁴ Ibid. P. 348.

⁵ Ibid. P. 336.

домствах королевства и в королевском суде. Знание законов, опыт профессиональной работы в государственных учреждениях расширяли политический горизонт таких парламентариев, не ограничивая его сугубо сословными рамками. В XVII в. венгерские государственные собрания, в целом оставаясь институтом, защищавшим сословные (в первую очередь дворянские) интересы, постепенно перерастали средневековые границы и модернизировались вместе с самой монархией австрийских Габсбургов. Таким образом, было бы неправильно рассматривать их исключительно как анахронизм, доставшийся от Средневековья и препятствовавший установлению оценивающихся как прогрессивные форм организации и функционирования государства¹.

Т. В. Пантюхина

Триумфы и разочарования «венгерского Вашингтона»: Лайош Кошут в Америке

После поражения венгерской революции 1848–1849 гг. тысячи революционеров вынуждены были покинуть родину. Первой страной, предоставившей им убежище, стала Турция. Однако пребывание в этой стране оказалось небезопасным для лидеров революции: Австрия и Россия оказывали давление на турецкие власти, требуя экстрадиции Лайоша Кошута и его соратников. В ход событий вмешались Соединенные Штаты Америки. Конгресс США совместной резолюцией обеих палат пригласил Кошута в страну. Президент США Филмор направил военный корабль в Турцию для того, чтобы вывезти венгерских изгнанников. В 1851 г. пароход «Миссисипи» доставил их сначала в Англию, где Л. Кошут остался, а его соратники отправились в Америку². Пребывание Кошута в Лондоне было недолгим, и 4 декабря 1851 г. он прибыл в Нью-Йорк.

Л. Кошут ехал в Америку с целью получить политическую и финансовую поддержку для освобождения Венгрии от австрийского господства. Он надеялся собрать средства, необходимые для покупки оружия и снаряжения. Что касается политики, то он надеялся найти сторонников выдвинутого им принципа «интервенция в защиту невмешательства» («intervention for non-intervention principle»). Это означало, что конгресс США должен провозгласить декларацию следующего содержания. В случае если какая-либо держава применяет вооруженную силу для подавления национально-освободительного движения в другой стране (как это сделала Россия в ходе венгерской революции), США прибегнут к интервенции для того, чтобы предотвратить подобную незаконную акцию³.

Еще до приезда венгерского лидера в Америку газета «Нью-Йорк Таймс» опубликовала воззвание Л. Кошута к американскому народу. Оно было обращено к депутатам нижней палаты конгресса – палаты представителей, но прежде чем палата собралась на очередную сессию, воззвание появилось в прессе. Это пространный документ полностью занял все четыре полосы данного выпуска газеты⁴. С большой силой убеждения Л. Кошут изложил суть произошедших в Венгрии событий в 1848–1849 гг. и призвал американцев проявить солидарность с его страдающей от национального гнета родиной⁵.

Накануне прибытия Л. Кошута в США «Нью-Йорк Таймс» подробно освещала его пребывание в Англии, перепечатывая материалы из английских газет «Таймс», «Лондон Стандард», «Лондон Дей-

---

¹ В отличие от классической историографии современными историками не отрицается вклад сословно-представительных институтов в становление современных либерально-демократических ценностей, современной политической культуры и, наконец, современных национальных государств (См. об этом: *Political Culture in the Central Europe (10–20th Century)*. I. Middle Age and Early Modern Era / ed. by H. Manikowska, J. Pánek, M. Holý. Prague; Zernach K. *Staatsmacht und Ständefreiheit. Politik und Gesellschaft in der Geschichte der östlichen Mitteleuropa // Stände und Landesherrschaft in Ostmitteleuropa in der frühen Neuzeit*. Marburg, 1995. S. 3, 8).

² Нью Йорк Times. Oct. 18, 1851.

³ New York Times. Dec. 12, 1851; Papp S. M. *Hungarian Americans and Their Communities of Cleveland*. Cleveland: Cleveland State Un-ty, 1981. P. 81.

⁴ Газета «Нью Йорк Таймс» была основана в том же 1851 г., что и освещаемые нами события. Первый её выпуск появился 18 сентября 1851 г. Поначалу газета не имела строго определенного формата, номер мог состоять из одной небольшой статьи или сообщения. – Прим. Т. П.

⁵ New York Times. Oct. 20, 1851.

ли-Ньюс», «Лондон Игземинаер», «Морнинг Кроникл» и других. Спасение венгерских героев от депортации из Турции на американском корабле и благополучное их прибытие в Англию «Нью-Йорк Таймс» вслед за английской газетой «Морнинг Кроникл» назвала «событием европейского значения»¹. 31 октября 1851 г. американская газета перепечатала из английской «Лондон Игземинаер» аналитическую статью о Л. Кошуте и его роли в европейских революциях 1848–1849 гг. Английская версия была дана без каких бы то ни было комментариев, поэтому можно предположить, что редакторы «Нью-Йорк Таймс» разделяли оценки, данные в статье. По мнению автора, в ходе революций 1848–1849 гг. в европейских странах не нашлось ни одного лидера, который оказался бы на высоте поставленных задач и которого можно было бы по праву назвать великим революционером. Единственным исключением, утверждает автор, является Л. Кошут². Недели позже, 6 ноября 1851 г., «Нью-Йорк Таймс» снова обратилась к главной теме дня – ожидание приезда Л. Кошута в США. В восторженных тонах газета пишет о венгерском герое, называя его «вдохновенным духом нации». «Его подвиги известны всему миру, его имя у всех на устах. Сердца всех переполнены восхищением его гением, верой в правоту его целей, радостью его успехами. Его страна пала, и весь мир рыдал над его судьбой. Он покинул родину, окруженный сочувствием людей всех стран», говорится в статье. Далее автор напоминает о том, с каким пристальным вниманием граждане США следили за перипетиями его биографии, радовались его победам и оплакивали его поражения. «Нас и Кошута разделяют 5 тысяч миль, но его идеалы оказываются нашими идеалами. Мы разделяли горечь его поражений и протянули руку помощи для его освобождения». О реакции американцев на известие об отправке правительством военного корабля для спасения Кошута газета пишет: «Никакой другой акт администрации не был воспринят так сердечно и единодушно как этот»³.

«Нью Йорк Таймс» сообщает о масштабной подготовке к встрече знаменитого гостя: «Уже месяц вся страна, сбиваясь с ног, готовится к приезду Кошута, жаждающая приветствовать его у своих берегов, чтобы выразить глубокое восхищение делу его борьбы и его свершениям. Пресса по всей стране воспекает его подвиги и заслуги... Чиновники всех рангов соперничают друг с другом в своих приготовлениях, с тем чтобы оказать ему честь и выразить уважение от лица своего народа»⁴. Правда, некоторые политики и журналисты выразили обиду и расценили как неблагодарность и неуважение к США тот факт, что Л. Кошут не отправился из Турции прямо в Америку на специально высланном за ним корабле, а остановился на время в Англии. Один американский чиновник в Европе даже назвал его «мошенником». Газета «Нью-Йорк Таймс» бросается на защиту героя, приводя в подтверждение строки из письма Л. Кошута мэру английского порта Саутгемптона, в котором факт отправки американского корабля для его спасения Кошут называет «благородным и великодушным шагом со стороны правительства и конгресса США». «США великодушно предложили мне защиту под своим национальным флагом», – пишет Л. Кошут⁵.

Прибытие Л. Кошута 4 декабря 1851 г. в Америку «Нью-Йорк Таймс» назвала одним из главных событий 1851 года⁶. Все декабрьские выпуски газеты полностью или почти полностью заняты освещением пребывания венгерского лидера в стране. Первым городом, где Л. Кошуту устроили триумфальный приём, стал Нью-Йорк. Прибытие корабля «Гумбольд» в Нью-Йоркскую гавань встречали военным парадом и артиллерийским салютом из 31 залпа – по числу штатов в составе США на тот момент⁷.

Первыми Л. Кошуту приветствовали мэр Нью-Йорка и муниципальные власти. Что касается жителей, то их энтузиазм газета передаёт в следующих словах: «Это было одно из самых величественных и воодушевленных приветствий, какие когда-либо были оказаны кому-либо во всем мире. Очевидцы не могут припомнить что-либо подобное. Этот приём просто не с чем сравнить»⁸. Более 200 000 человек вышли на улицы. Очевидец этого события П. Хедли вспоминал об этом памятном дне спустя год, в написанной им в 1852 г. биографии Кошута: «Толпа была настолько плотной, давка была так велика, что тысячи и тысячи людей были вытеснены из процессии и шли параллельными улицами, надеясь обогнать основную процессию, чтоб взглянуть на героя во главе

¹ New York Times. Oct. 18, 1851.

² New York Times. Oct. 31, 1851.

³ New York Times. Nov. 6, 1851.

⁴ New York Times. Nov. 8, 1851.

⁵ New York Times. Nov. 8, 1851.

⁶ New York Times. Jan. 1, 1852.

⁷ Kossuth's journey to the New World. URL: <http://hungaria.org/vadasz/kossuth/neww.html>

⁸ New York Times. Dec. 8, 1851.

её. На всём пути следования люди заполнили всё пространство задолго до начала шествия. Во всём городе деловая активность замерла. Это была одна из самых грандиозных, значительных и восторженных демонстраций»¹.

Огромное количество нью-йоркцев, переполненных жгучим желанием взглянуть на венгерского героя, нарушили организованность процессии. Л. Кошут не смог даже произнести речь, как это было запланировано. Содержание речи донесла до горожан газета «Нью-Йорк Таймс»². Вечером первого дня на американской земле Кошут признался, что он не ожидал столь мощной демонстрации в его честь. Желание ньюйоркцев увидеть своего кумира была столь велико, что у отеля «Ирвинг Хаус», в котором остановился Л. Кошут, пришлось выставить охрану, чтобы дать ему возможность поработать с бумагами.

Многолюдная манифестация не обошлась без происшествий. В толпе и давке кто-то оступился и серьёзно ушибся, кто-то из зрителей упал с дерева; молодая девушка потеряла сознание от избытка чувств. Мальчишкам, слишком настойчиво пробивавшимся к герою дня, полицейские разбили носы. Но к счастью, отмечает газета, серьёзных травм не было, «никто не переломал костей»³.

Вечером того же дня, 8 декабря, в оперном театре Нью-Йорка давали специально выбранную по такому случаю оперу «Пуритане». Когда во втором акте на сцене появились цвета американского и венгерского флагов, публика разразилась овациями, возгласами «Браво!» и долго не могла успокоиться. Заключительную арию оперы «Свобода» вызывали дважды на бис. Восторг публики не оставил тот факт, что Л. Кошут не присутствовал на спектакле, были только члены его делегации⁴.

Во время пребывания в Нью-Йорке Л. Кошут выступал в самых значимых публичных местах, таких как Ирвинг Хаус, Тамани Холл, Плимут Чёч. Его аудитория была обширна и разнообразна: представители прессы, ополченцы штата Нью-Йорк, светские дамы Нью-Йорка. Он встречался с делегациями от самых разных слоёв американского общества: представителями разных религиозных конфессий, членами антирабовладельческого общества, афроамериканцами, рабочими, депутатами законодательных собраний штатов, представителями муниципалитетов городов. В первые же дни к нему потянулись делегации из разных штатов с приглашением посетить их штат или город. Только за один день 8 декабря с таким приглашением к нему обратились посланцы из Виргинии, Нью-Хейвена, Филадельфии, Балтимора⁵. В тот же день президент США Филмор через своего личного секретаря (им был сын президента) передал Л. Кошуту приглашение в Белый дом⁶. Банкеты, устраиваемые в Нью-Йорке в его честь как официальными властями, так и коммерческими и общественными организациями, широко освещались прессой. «Нью-Йорк Таймс» печатала все речи, которые на них произносились, скрупулёзно перепечатывала роскошные меню подаваемых блюд, описывала красочное убранство интерьеров, где проводились эти мероприятия⁷.

Проведя несколько дней в Нью-Йорке, Л. Кошут отправился в турне по стране. Повсюду его встречали с необычайным энтузиазмом. Его выступления в американских городах собирали толпы восторженных слушателей. Американцы уважительно именовали его «венгерским Вашингтоном», проводя параллель между борьбой американских колонистов против английского владычества в XVIII веке и венгерской революцией. Ораторскому успеху венгерского героя способствовало и то обстоятельство, что он прекрасно говорил по-английски и в ещё большей степени то, каким образом Л. Кошут выучил язык. Американцы знали, что он освоил английский самостоятельно, находясь в австрийской тюрьме, читая Шекспира и Библию. В результате такого метода он подчас удивлял своих слушателей знанием архаичных грамматических структур и лексики.

Многочисленные источники – сообщения американской прессы, воспоминания современников, рисунки и картины художников того времени – свидетельствуют о необычайном энтузиазме, который вызывало каждое появление на публике «венгерского Вашингтона».

В столице США Вашингтоне Л. Кошуту был оказан приём на самом высшем уровне. Он был приглашен в Белый дом, где встретился с госсекретарём США Д. Уэбстером, а также в обе палаты

¹ Headley P. C. The Life of Louis Kossuth. Auburn, England: Derby & Miller, 1852. P. 258.
URL: <http://archive.org/details/lifelouiskossut04headgoog>

² New York Times. Dec. 6, 1851.

³ New York Times. Dec. 8, 1851.

⁴ New York Times. Dec. 9, 1851.

⁵ New York Times. Dec.9, 1851.

⁶ Ibidem.

⁷ New York Times. Dec.12, 1851; New York Times. Dec.16, 1851.

конгресса. Он выступил перед демократической фракцией сената с изложением своей доктрины «Интервенция в защиту невмешательства»¹. Более того, его попросили произнести речь в палате представителей, что само по себе было верхом признания его заслуг. До Кошута единственным иностранцем, удостоенным такой чести, был французский герой генерал Лафайет².

Во время поездки по стране Л. Кошут посетил 16 штатов и бесчисленное количество крупных и мелких городов. В каждом населенном пункте его приезд становился событием, которое освещала как местная, так и общенациональная пресса. Он выступал в законодательных собраниях штатов Мериленд, Огайо, Индиана и Массачусетс. Даже в южных штатах, где плантаторы относились к нему настороженно из-за его речей о правах человека и свободе, его принимали с овациями.

Стоит отметить приём, устроенный Кошуту в Филадельфии – исторически первой столице США. «Прием мистера Кошута в этом городе был сплошной непрекращающейся овацией. Народные манифестации, речи, факельное шествие – во всём этом жители участвовали с огромным энтузиазмом», – сообщает корреспондент «Нью-Йорк Таймс»³. Он отмечает, что Филадельфия словно соперничала с Нью-Йорком в размахе мероприятий чествования героя. Так же, как и Нью-Йорке здесь был устроен военный парад. Что касается людской процессии, то она намного превосходила и по численности участников, и по красочности оформления. Энтузиазм жителей был безумным, как и в Нью-Йорке. Но «нужно учесть, что филадельфийцы вообще-то по натуре степенные и флегматичные люди», – подчеркивает корреспондент. Он замечает, что после манифестации горожане подолгу не расходились. «Везде можно было увидеть группы людей, обсуждающих «событие дня», хотя холодная погода не располагала к пребыванию на свежем воздухе»⁴.

Интересный и информативный источник о поездке Кошута по стране – книга «Кошут в Новой Англии». Она была издана в июле 1852 г. – в том же месяце, когда Кошут покинул США⁵. Это подробный хронологический отчет о его поездке по штату Массачусетс с полным собранием текстов выступлений Кошута и американцев, принимавших его с визитом. Материалы книги свидетельствуют, что и в маленьких провинциальных городках – Спрингфилде, Лоуэлле, Плимуте, Лексингтоне и многих других – венгерского лидера встречали с невиданным энтузиазмом. Салют, звон колоколов, флаги, баннеры, военные оркестры и многолюдные толпы ожидали Кошута в каждом населённом пункте. Так, в Лоуэлле на станции его встречали несколько тысяч человек – «столько, сколько смогло уместиться на прилегающих к станции улицах, пригорках и крышах». Кошут и его спутники смогли продвигаться по городу только благодаря усилиям полиции и военного эскорта. Кошута везли в повозке, запряженной четырьмя белыми лошадьми, каждая из которых была украшена американскими и венгерскими флагами. Дома и магазины города были празднично украшены⁶. В Плимут поезд с Кошутом пришел со значительным опозданием, но толпа встречающих ждала его несколько часов под проливным дождем, в надежде если не услышать, то хотя бы увидеть героя⁷. В Вочестере после выступления Кошута радостные крики приветствий не смолкали несколько минут. В некоторых местах его речи даже те политики, кто не разделял его доктрину, не могли удержаться от слез⁸.

Американцы самыми разными способами выражали переполняющие их чувства по отношению к герою. В библиотеке конгресса США хранится гравюра того времени, на которой запечатлено факельное шествие перед балконом номера в отеле «Ирвинг Хаус», в котором остановился Кошут. Шествие сопровождалось пением серенад в его честь⁹. Были и другие, подчас очень трогательные выражения любви к венгерскому герою. Так, делегация школьников Филадельфии подарила ему книжечку, по которой американские дети изучали декларацию независимости и консти-

¹ New York Times. Dec. 31, 1851.

² Papp S. M. Opp. cit. P. 82.

³ New York Times. Dec. 29, 1851.

⁴ New York Times. Dec. 26, 1851.

⁵ Kossuth in New England: a Full Account of the Hungarian Governor's Visit to Massachusetts; with his Speeches and the Addresses that were made to Him. Boston: John P. Jewett & Co. 1852. URL: <http://www.mek.oszk.hu/06700/06720/index.phtml>

⁶ Ibid. P. 148.

⁷ Kossuth in New England. P. 232.

⁸ Ibidem. P. 55.

⁹ Torchlight procession and serenade [for Kossuth] in front of the Irving House, New York; Date Created / Published: 1851. Medium: 1 print: wood engraving. <www.loc.gov/pictures/item/2002736319/>

туцию США¹. Л. Кошута назначили пожизненным председателем Американского библейского общества и выдали соответствующий сертификат. Связанные с этим финансовые расходы – 150 долл. – оплатили из частных пожертвований². Нью-Йоркское общество типографов выбрало его своим почетным членом, пригласив на банкет в честь дня рождения Б. Франклина³. Рабочие-переплётчики издательского дома «Библия Хаус» презентовали ему роскошное издание Библии с золотыми застежками. К книге прилагалась атласная закладка, на которой был вышит американский орлан, поддерживающий флаги США и Венгрии и со словами: «Тому, кто стремится, нет никаких преград». Сотрудники магазина одежды подарили Кошуту красивое пальто и 100 долл. в венгерский фонд. Железнодорожная компания «Кэмден и Эмбой» предложила Кошуту и его соратникам бесплатный проезд на линиях своей компании в любое время⁴. Представитель г. Цинциннати вручил Кошуту памятную монету – позолоченный доллар с надписью «Казна свободы» («Treasury of Freedom») и выразил надежду, что это будет «первая капля денежного потока с американского Запада». Он упомянул, что один из жителей г. Цинциннати уже пожертвовал в пользу венгерского дела 1 тыс. долл.⁵.

Помимо эмоциональной поддержки американцы стремились оказать и финансовую помощь борьбе венгров. Развернулся сбор пожертвований. За один только день 18 декабря 1851 г. поступило 390 долл. К тому времени общая сумма пожертвований достигла отметки 7 542 094 долл.⁶ Как правило, это были небольшие суммы, но вручались они с искренним желанием помочь. К примеру, 26 декабря 1851 г., когда Кошут ездил по стране, в его штаб-квартиру в «Ирвинг Хаус» в Нью-Йорке пришли рабочие-литейщики и передали помощнику Кошута 220 долл. 75 центов от 147 рабочих их завода. Рабочие сигаретной фабрики из штата Коннектикут сопроводили свои 55 долл. запиской, в которой были такие слова: «Это – несколько капель из миллионов, которые вы получите, чтобы установить республику на вашей родине»⁷. Это были не единственные пожертвования, полученные за время отсутствия Кошута в Нью-Йорке. К концу декабря 1851 г. у помощника Кошута собрались 2 305 долл. 75 центов⁸. Оригинальную форму финансовой помощи предложило издательство «Джон П. Джуит», которое выпустило в свет упоминавшуюся выше книгу «Кошут в Новой Англии». Как сообщалось в предисловии, «все сборы от её продажи поступят в венгерский фонд»⁹.

Личность и деятельность Кошута вдохновляли многих американских и английских литераторов. Среди тех, кто написал в его честь восторженные стихи, были известные поэты: Е. Браунинг, Гаррисон, Лоуэль, Лонгфелло. Классик американской литературы Ральф У. Эмерсон приветствовал Кошуту следующими словами: «Вы для нас – ангел свободы, пересекающий море и сушу, пересекающий прерии. На Вашем пути – люди разных национальностей, с многообразием частных интересов и амбиций, раздраемые противоречиями. Но вы притягиваете к себе всё лучшее, что есть во всех странах и политических партиях»¹⁰.

Непрофессиональные авторы – любители поэзии – сложили о Кошуте более 250 стихотворных произведений. Они печатались в местной прессе по всей стране во время его турне. В Бостоне придумали слоганы «Вашингтон и Кошут – Запад и Восток» и «Вашингтон – друг свободы; Кошут – враг деспотизма»¹¹. В Банк Хилле, штат Массачусетс, школа для девочек приветствовала его словами, написанными на классной доске: «Добро пожаловать, Кошут, в школу свободы на земле свободы. Свобода восторжествовала в Банк Хилле – она восторжествует в Буда Хилле» (имелся в виду город на родине Кошута – Буда)¹².

Сотни передовиц в газетах и памфлетов были написаны о нём; открытки, значки и другая продукция с его изображением продавались повсюду, где он появлялся. Его популярность была столь велика, что производство и продажа сувениров с символикой венгерского героя стали прибыльным де-

¹ New York Times. Dec. 29, 1851.

² New York Times. Dec. 27, 1851.

³ New York Times. Dec. 9, 1851.

⁴ New York Times. Dec. 19, 1851.

⁵ New York Times. Dec. 19, 1851.

⁶ Ibidem.

⁷ New York Times. Dec. 27, 1851.

⁸ Ibidem.

⁹ Kossuth in New England. P. IV.

¹⁰ Quotes from American notables. URL: <http://hungaria.org/vadasz/kossuth/quotes.html>

¹¹ Kossuth in New England. P. 70.

¹² Kossuth in New England. P. 189.

лом. Предприимчивые американские бизнесмены использовали имя Кошута в рекламе своей продукции. Типичный образец подобного творчества – рекламное объявление одного Нью-Йоркского фотоателя. «Кошут снят. То, что не удалось сделать австрийцам, сделал «Рут & Со.», Бродвей, № 363. В пятницу фирме удалось заснять прославленного героя в экипаже на Стейтен Айленд»¹.

Безграничная популярность Кошута выразилась и в том, что в американском английском появился новый термин: «Кошутомания» («Kossuth Craze»). Это действительно походило на всеобщее помешательство. Так, шляпа из мягкого фетра, которую носил Л. Кошут, стала модным аксессуаром сезона. Четыре города, один округ и шесть улиц были переименованы в честь венгерского героя (все они до сих пор носят имя Кошута). Американский поэт Генри Лонгфелло записал в своём дневнике 19 декабря 1851 г.: «Каждый день приносит новую речь Кошута – речь вдохновляющую и выразительную. Весь Нью-Йорк пылает и сходит с ума от его слов. Чудесная сила ораторского искусства и искренняя преданность делу свободы! Но зачем же так сходить с ума?»².

Лайош Кошут покинул Америку 14 июля 1852 г., пробыв там 221 день. За этот короткий срок он 600 раз выступал с речами продолжительностью до 2-3 часов. Для любого оратора это огромная нагрузка. Нужно учесть, что Кошут произносил речи на иностранном (английском) языке, что создавало дополнительную трудность. Неумолимость венгерского лидера поразительна: он объехал Америку от Атлантического побережья на востоке до Висконсина на западе, Бостона на севере и Нового Орлеана на юге. Принимая во внимание транспортные средства того времени, становится понятен масштаб совершенного им. Прав американский историк Э. Вашвари (Vasvary E.), утверждающий, что Кошут проявил «сверхчеловеческую активность... В физическом и умственном плане это подвиг, равного которому трудно найти в истории»³.

В общей сложности Л. Кошут провёл в США менее восьми месяцев, но за этот небольшой срок он сумел получить безоговорочную поддержку общественного мнения делу борьбы венгров за своё освобождение. Идея, которую Кошут внедрил в сознание американцев, была нова для них. Это необходимость международной солидарности стран, приверженных идеалам свободы.

Многие выдающиеся американцы, современники Кошута, оставили свои воспоминания и впечатления от встреч с венгерским патриотом в Америке. Классик американской литературы Генри Лонгфелло посвятил ему несколько записей в своём дневнике. В апреле 1852 г., находясь в Бостоне, поэт стал очевидцем грандиозной манифестации, который город устроил Кошуту – «великому мадьяру», как назвал его поэт в дневниковой записи⁴. Лонгфелло наблюдал процессию с балкона одного из близлежащих зданий. Он присутствовал на выступлениях Кошута в Бостоне. Уже первая речь венгра произвела на американского поэта сильное впечатление ораторским мастерством, а также владением английским языком. На одном из приёмов в честь Кошута поэт и революционер были представлены друг другу. «Нас (Лонгфелло и его супругу. – прим. Т. П.) в нём поразило благородство», – отмечает в своём дневнике Лонгфелло⁵.

Обратимся к мемуарам другого известного американца того времени – Карла Шурца⁶. Они встречались дважды – до и после американской поездки Кошута. Знакомство состоялось в 1851 г. в Лондоне, куда оба эмигрировали после подавления революций 1848 г. На молодого немецкого революционера произвели сильное впечатление и личность самого Кошута, и триумфальный приём, который англичане устроили венгерским героям. «Храбрые генералы, которые шли от победы к победе, но затем уступили под натиском неодолимой мощи русской интервенции, казались персонажами героических мифов. Среди них возвышалась фигура Кошута. Он словно был пророком, чьи зажигательные речи воспламеняли и поддерживали огонь патриотических чувств в сердцах его

¹ The New York Daily Tribune. Dec. 11, 1851.

² Longfellow S., ed., The Life of Henry Wadsworth Longfellow with Extracts from his Journals and Correspondence. Vol. II. Boston: Tichnor and Co., 1886. P. 211. URL: <http://archive.org/details/lifehenrywadswo3longgoog>

³ Vasvary E. Lincoln's Hungarian Heroes. The Participation of Hungarians in the Civil War 1861–1865. Washington D. C.: The Hungarian Reformed Federation of America, 1939. P. 18–19. URL:

<http://www.mek.oszk.hu/10900/10988/10988.pdf>

⁴ Longfellow S. Opp. cit. P. 211.

⁵ Ibid. P. 222.

⁶ Карл Шурц (Carl Christian Schurz) – один из самых знаменитых американцев немецкого происхождения. Родился в 1829 г. в Пруссии. Принимал активное участие в революции 1848 г. в Германии, после подавления которой жил в Швейцарии, Франции и Англии, а в 1852 г. эмигрировал в США. В Америке участвовал в Гражданской войне в звании генерала; после войны стал известным политиком, занимал должности сенатора, министра внутренних дел США.

соотечественников. Героическое и трагическое начало придавали величие этой драме. Вся романтика революционной эпохи воплощалась в личности Л. Кошута¹.

К. Шурц вспоминает безмерный энтузиазм, с которым англичане приветствовали Кошута: «его принимали как национального героя, возвратившегося после победоносной кампании»². Однако, будучи проницательным и опытным политиком, К. Шурц в своих размышлениях по поводу феномена «Кошутомании» в Англии и США даёт этому глубокую оценку. С одной стороны, венгерскому герою удалось завоевать общественное мнение обеих стран, пробудить симпатии и сочувствие англичан и американцев к борьбе венгерского народа за своё освобождение. Но, с другой стороны, попытка получить политическую и дипломатическую поддержку этих двух держав не увенчалась успехом. Его стремление подтолкнуть английское правительство к энергичным мерам против России и Пруссии было подвергнуто критике; его попытки достучаться до официального Лондона и провести конфиденциальные переговоры с правительством Пальмерстона были безуспешными³.

События в Америке развивались по такому же сценарию, что и в Англии, утверждает К. Шурц. «Народ Соединенных Штатов принимал его как существо высшего порядка (superior being). Все классы американского общества относились к нему с безмерным восторженным восхищением. Но он не смог подвинуть правительство к активному вмешательству в борьбу за независимость Венгрии». Американское правительство трезво, без эмоций оценивало внешнеполитическую ситуацию и не желало отказываться от традиционной политики невмешательства в европейские дела. Кошут «не получил от восхищенных американцев существенной помощи, на которую он рассчитывал и ради которой он трудился, поэтому он вернулся из Америки глубоко разочарованным», – считает К. Шурц⁴.

Б. Б. Гозуев

Венгерский национальный вопрос в контексте чехословацкой внутренней политики в середине 1930-х гг.

Вторая половина 1930-х годов явилась сложным испытанием для Чехословакии, правительство которой, идя на самые разные компромиссы, активно пыталось решить сложные внешнеполитические вопросы, связанные с реваншистскими настроениями нацистской Германии. При этом внутренняя политика относительно национального вопроса продолжала оставаться без изменения, нося всё те же противоречия, что и ранее.

Отсутствие компромисса с правительством ЧСР вынудило представителей венгерского меньшинства обратиться в Лигу Наций – международную организацию, взявшую на себя обязательства следить за исполнением подписанных мирных договоров по итогам Первой мировой войны. Среди лиц, обвиняемых в невыполнении статей договоров, были бывший премьер-министр Карл Крамарж, и министр иностранных дел Эдуард Бенеш, непосредственно участвовавшие в подписании несправедливых послевоенных соглашений и договоров.

Обращаясь к Конституции Чехословакии от 1919 г., стоит отметить, что Статья 7, касавшаяся национальных меньшинств, гарантировала всем подданным государства «равные права и обязанности перед законом, без различия в языке или религии»⁵. Кроме того, Статья 58 Отдела VI Части II Трианонского мирного договора, гласила: «Все венгерские граждане будут равны перед законом и будут пользоваться одинаковыми гражданскими и политическими правами без различия расы, языка или религии»⁶.

---

¹ Schurz C. The reminiscences of Carl Schurz. New York: McClure Co., 1907–1908. Vol. 1–3. Vol. 1. P. 385. URL: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:FHCL:927974>

² Schurz C. Opp. cit. Vol. 1. P. 386.

³ Schurz C. Opp. cit. Vol. 2. P. 51.

⁴ Ibidem.

⁵ Zakonite narodna Respublica Czechs. Praha, 1989. P. 6.

⁶ Трианонский мирный договор / под ред. Ю. Ф. Ключникова, А. М. Сабанина, 1926. С. 26–27.

Откладывание рассмотрения вопроса, связанного с положением национальных меньшинств, ставило под угрозу мирные договорённости. Со времени 26-летнего существования (1920–1946 гг.) Лиги Наций её действия зависели не только от мнения государств-членов, но также и от мнения бывших государств-участниц, не являвшихся членами какой-либо организации. Функции Лиги Наций исполнялись через её различные организации: Совет, Собрание, Секретариат, несколько постоянных и специальных комитетов. Совет был главным гарантом исполнения соглашений, заключенных для защиты прав этнических и религиозных меньшинств. «Отдел меньшинств» Секретариата был уполномочен Советом рассматривать и обсуждать ходатайства меньшинств, поданные на рассмотрение Совету или «Комитету Трёх». «Отчет по рассмотрению данных дел отправлялся Комитетом Трёх в Совет каждый год»¹. Собрание Лиги, в свою очередь, обсуждало принципиальные вопросы, связанные с ущемлением прав меньшинств. По уставу, «любой член Лиги мог высказаться и внести предложения, связанные с меньшинствами в Международный Суд»².

Среди обвинений против чехословацкого правительства, переданных «Комитету Трёх» в 1937 г., были следующие: «Декларация военного положения», имевшая силу первый год существования республики, ограничивавшая передвижение по стране; цензура, которая запретила венгерской национальной прессе публиковать требования и обвинительные письма представителей национального меньшинства, направляемые правительству; случаи увольнения венгерских государственных служащих; лишение пенсий и пособий сирот и вдов; силовое воздействие на венгерских глав правоохранительных организаций; изгнание из Чехословакии политически неблагонадёжных (с точки зрения правительства) личностей; конфискация земель у венгерских землевладельцев без адекватной компенсации; махинации с результатами проводимых переписей населения, приведших к сокращению числа венгров в демографической статистике; аресты людей вывешивавших венгерский национальный флаг, поющих и слушающих венгерский государственный гимн, читающих журналы провенгерского характера³.

Отдел Лиги Наций, рассматривавший вопросы, касающиеся меньшинств, состоял из представителей следующих стран: Испания (президент), Дания, Колумбия, Норвегия, Югославия, Австралия и Ирландия. Судьба меньшинств и принятие решений по итогам рассмотрения их жалоб, зависели от добросовестной экспертизы этого международного отдела. Главой Отдела Меньшинств Общего Секретариата был назначен министр иностранных дел генерального консульства Норвегии Эрик Колбан (Erik Colban)⁴. Однако в связи с сближением Бенеша с Колбаном жалобы меньшинств (и не только венгерского), поступающие из Чехословакии, не доходили до активного их рассмотрения Отделом меньшинств. Вопросы, касавшиеся национальных меньшинств, решались в большей части в частных беседах Бенеша и Колбана, без широкого обсуждения. Анализируя события тех лет, газета «Times» писала: «Мирные договоры позволяют Бенешу лавировать среди обвинительных жалоб со стороны меньшинств»⁵.

По статистическим данным, поданным правительством ЧСР в Лигу Наций, можно заключить, что к середине 30-х гг. национальные меньшинства составляли половину всех проживающих в республике народов: чехи – 42 %, немцы – 22 %, словаки – 21,87 %, венгры – 6,25 %, подкарпатские украинцы – 2 %, поляки – 1,87 %. Однако здесь стоит отметить тот факт, что венгерское меньшинство находилось в более незавидном положении при ведении переговоров с правительством, чем, например, судетские немцы, за спиной которых к концу 1930-х гг., стояла могущественная в экономическом и военном отношении фашистская Германия.

Правительство ЧСР, в своём постоянном страхе перед возможным пересмотром границ и новым переделом Европы, всё больше в своей внутренней политике делало ставку на активное вмешательство государства во все сферы общественной жизни. В 1937 г., на рассмотрение Парламента, был внесен законопроект об образовании «Системы национальной обороны». Причиной этого стала проблема, сформулированная как «ухудшение внешнеполитической ситуации [вокруг] республики»⁶. Многие законы ЧСР довольно глубоко проникали в частные права её граждан, а также общественную жизнь и деятельность политических организаций. Большинство законов стали но-

¹ Aufricht H. Guide to League of Nations Publications. P. 189.

² Ibid. P. 190.

³ Question a la nationalite sur la base de l'indigenat, Memoire a la Societe des Nations. Le Pris. Paris, 1989. P. 33–36.

⁴ Gütermann Ch. Das Minderheitenschutzverfahren des Völkerbundes. Berlin, 1979. P. 177.

⁵ The Times. 17 February, 1938.

⁶ Pesti Hirlap. 25 June, 1937.

сильный характер тоталитарных принципов. В такой ситуации напряжение между правительством и национальными меньшинствами ещё более усиливалось.

Стоит заметить, что Чехословакия обосновывала своё политическое существование, ссылаясь на договоры, заключенные по итогам Первой мировой войны. Однако уже к 1938 году эти соглашения теряли свою функциональную основу, которую они имели на протяжении 20 лет. У великих держав к этому времени возникли новые интересы в Дунайском бассейне, которые не совпадали с системой тех договоров, которые они ратифицировали в 1918–1919 гг. Кроме этого, всё сильнее чувствовалось иностранное присутствие в странах – наследницах Австро-Венгрии.

Парламентские выборы 1935 г. и укрепление оппозиции, стали серьезным сигналом правительству ЧСР для формирования новой политики по отношению к национальным меньшинствам. Эдуард Бенеш в такой ситуации был вынужден уделить особое внимание внутренним политическим вопросам, связанным в первую очередь с национальными меньшинствами, которые неразрывно были связаны с внешнеполитическими проблемами государства.

11 сентября 1936 г. Э. Бенеш пригласил председателя Объединенной Венгерской Партии графа Эстерхази (Esterhazy) в свою летнюю резиденцию в Словакии, где высказал своё отношение к сложившейся к этому времени политической ситуации в Европе. Немногом позже он переключился на внутренние проблемы ЧСР, указав на то, что «...коалиционное правительство было [бы] единственным возможным путем управления страной»¹. В своей беседе он предположил, что представительство Объединенной Венгерской Партии в правительстве ЧСР «предотвратит нежелательные последствия для венгерского меньшинства [в государстве]»². Бенеш, таким образом, предложил Эстерхази место «министра без портфеля» с определенной свободой действий в рамках устанавливаемых самим президентом правил. Такой «министр» был бы прекрасным посредником между правительством и венгерским национальным меньшинством. Встреча закончилась договорённостью сторон о том, что власти Чехословакии должны были добровольно на деле выразить свою благосклонность и понимание по отношению к данной проблеме»³.

Это была не последняя встреча Эстерхази с Бенешем. К концу 1935 г. ввиду плохого самочувствия президента Т. Масарика возникла острая необходимость выбора и последующего назначения его преемника. Томаш Масарик хотел видеть на этом высоком посту Эдуарда Бенеша, по этому поводу и были начаты переговоры с представителями политических партий. Среди них особо выделялся граф Эстерхази, которому Бенеш рассказал о сделанном Масариком выборе в его пользу и о том, какую важность для него представляют венгерские голоса. Он ещё раз признал, что было допущено много несправедливости по отношению к венгерскому меньшинству и что он желает устранения всяких притеснений в обмен на венгерскую поддержку. Эстерхази не смог дать никаких обязательств по этому поводу, порекомендовал пригласить для общего совещания по этому поводу Яроша – одного из политических лидеров венгерского меньшинства. Несколько дней спустя венгерская делегация прибыла в Пражский Град (Hradsin). Там Э. Бенеш в беседе с представителями венгерского меньшинства пообещал выполнить всё предъявляемые ими требования по отношению расширения их прав. Однако представители делегации пожелали письменного подтверждения данных слов. Находясь в безвыходном положении, Бенеш согласился с этим требованием и в письменной форме заключил соглашение с представителями венгерского меньшинства»⁴.

Но, несмотря на существование официального документа, из тех требований, которые выдвинула венгерская делегация Бенешу, только один пункт был выполнен: «пожертвование в размере 100 000 Крон [30 300 \$ на тот момент] венгерской Малой Академии в Прессбурге [Братиславе]»⁵. После выборов Э. Бенеш не стал ничего менять в национальной политике.

Бенеш, ранее занимавший пост министра иностранных дел ЧСР, в апреле 1935 г. уже будучи президентом посетил Белград, приехав на конференцию Малой Антанты. Он полагал, что его присутствие на этой конференции позволит получить международную поддержку Чехословакии в сложившейся внутривнутриполитической ситуации, связанной с конфликтом с национальными меньшинствами, а также решить сложный внешнеполитический вопрос, где особо остро стояла проблема сохранения суверенитета республики. Нужно отметить, что на этой конференции ни один из поставленных вопросов так и не был решён положительно. При этом Бенеш возлагал на Малую

¹ Magda A. A muncheni egyezmeny letrejotte es Magyarorszag kulpolitikaja. 1936–1938. P. 32.

² Ibid. P. 33.

³ Ibid. P. 36.

⁴ Benes E. Les souvenirs. Paris, 1989. P. 144–156.

⁵ Culen K. Po Svatoplukovi druha nasa hlava, (Zivot Dr. Josefa Tisu), Middletown. 1947. P. 169.

Антанту немалую долю надежд. Здесь стоит вспомнить интервью Э. Бенеша, данное им официально «Пресс-бюро Чехословакии», когда он занимал ещё пост министра иностранных дел: «Пакт Малой Антанты появился вовремя, когда общая европейская ситуация затруднена до такой степени, что некоторые хотят использовать её для ревизии границ. ... Все три государства Малой Антанты знают, что могут обеспечить свою позицию в Средней Европе только собственными силами и собственной работой. Они хотят быть субъектом, а не объектом международной политики. Их отношение к крупным европейским государствам – это отношение, требующее сотрудничества, спокойствия и дружбы. Пакт Малой Антанты хочет сказать всем, что её государства хотят работать для мира, для консолидации и для хозяйственного сотрудничества!»¹. Однако будущие события показали всю неэффективность этого союза в решении внешнеполитических проблем.

В 1938 г. вопрос о национальных меньшинствах получил новый импульс, достигнув своей кульминации. Говоря о событиях тех лет, стоит упомянуть о двух ключевых фигурах в ЧСР, участвовавших в решении этого вопроса, – президенте Э. Бенеше и премьер-министре М. Годжа, одновременно получивших свои посты в 1935 г. Президент Э. Бенеш и Премьер-министр М. Годжа были обоюдно против существования автономии на территориях, населенных немцами, словаками, венграми или поляками, а также против пересмотра границ в областях проживания этих национальных меньшинств.

В течение двадцати лет правительство ЧСР устранило избранных представителей национальных меньшинств от выработки решений на правительственном уровне, и в первую очередь потому, что они были сильной оппозицией существующей власти. Игнорирование интересов национальных меньшинств только усугубляло общественно-политическую ситуацию внутри страны.

Среди национальных меньшинств появилось разочарование в серьезности подхода правительства к решению национального вопроса в стране. Свою озабоченность данной проблемой меньшинства выразили в объединенном интервью лидеров оппозиционных партий – сторонников предоставления широкой автономии, организованном в воскресенье, 27 февраля 1938 г., главным редактором газеты «Словак» («Slovak») Сидором (Sidor)². Сидор был одним из ведущих представителей Словацкой Общественной партии. «Среди приглашенных был представитель Объединенной Венгерской Партии Эстерхази, Генлейн со стороны судетских немцев и Пджесак (Pjescak) руководитель Автономной Аграрной партии Русинии [Подкарпатской Украины]»³. В этом интервью широко обсуждался вопрос о том, что прошёл ровно год начиная с обещанных правительством реформ, однако национальные меньшинства так и не получили обещанных им прав. Все трое единодушно потребовали автономию для национальных меньшинств, включая «свободное национальное развитие и гарантии конституционного закрепления прав меньшинств»⁴.

Внутренняя напряженность в стране росла синхронно с ростом недовольства национальной политикой, проводимой правительством. Однако правительство хотело обойти связанные с меньшинствами проблемы, а не решать их.

В течение 34 дней между Мюнхенским соглашением и Венским арбитражем лишь правительство Венгрии и венгерское меньшинство в ЧСР выработали мирную (компромиссную) позицию по отношению к Чехословакии и её правительству, в отличие от других национальностей, проживающих в республике. От Праги ждали расширения прав национальных меньшинств, которые должны были «умиротворить национальности и дать возможный шанс для... меньшинств вести терпимую жизнь»⁵. Дальнейшие события показали, что сложная ситуация в Чехословакии, оказала сильное влияние на её внешнюю политику. 1918 г. оказался триумфом для чехов и трауром для венгров. Так или иначе, если бросить взгляд на двадцатилетнюю историю Чехословакии с момента её образования как государства, то можно увидеть, что правительство ЧСР не обрело за эти годы необходимой политической мудрости, чтобы понять, что проводимая им национальная политика приведёт к краху Чехословацкой республики, что и произошло в октябре 1938 г. – марте 1939 г., когда ЧСР лишилась своего суверенитета.

¹ Архив Внешней политики Российской Федерации. Ф. 138 Референтура по Чехословакии. Оп. 10. Пор. 5. Папка 22. Л. 19.

² Slovak. 27 February, 1938. S. 1–2.

³ Ibid. S. 1.

⁴ Slovak. 27 February, 1938. S. 2.

⁵ Československa otázka v diplomatických spisoch Horthyovskeho Madarska // Historic notes № XIV. Prague, 1966. P. 624.

Равногорское движение в Югославии в годы Второй мировой войны

Одно из ведущих мест в общем Движении сопротивления против нацизма во Второй мировой войне заняло Равногорское движение в Югославии. Зародившись как национальное сербское, оно объединило представителей разных народов оккупированного многонационального государства. Его целью была борьба за полное освобождение от нацистского режима и восстановление в стране монархического строя. Основу этого движения составило четничество как организованная партизанская сила.

Вопрос о Равногорском движении в поле зрения исследователей оказался еще в первые послевоенные годы. Изначально они акцентировали внимание на изучении Движения сопротивления в Югославии в целом¹. В 60-х годах XX в. появился ряд работ общего характера, в которых четничество как организованная сила Движения сопротивления характеризовалось в контексте истории Второй мировой войны на территории Югославии². Более основательные работы, специально посвященные этому вопросу, появились в 1970-х гг. Итальянский исследователь Матео Милаццо охарактеризовал сербское национальное движение в итальянской оккупационной зоне³. Канадский историк Вальтер Робертс основное внимание обратил на деятельность четников и коммунистических партизан, проанализировал их политику и причины конфликта между ними. Он также акцентировал внимание на политике союзников относительно четников, их политические позиции во взаимоотношениях с итальянским и немецким командованием. Анализируя внешнюю политику Великобритании, он одновременно показал влияние политики правительств государств антигитлеровской коалиции на место и роль четнического движения в 1941–1945 гг.⁴

Историки СССР и СФРЮ вопрос о деятельности четников и личность их лидера Драголюбa Михайловича специально не изучали. О нем вспоминали исключительно негативно в контексте изучения партизанского движения под руководством Компартии Югославии и Иосифа Броз Тито в частности. Прежде всего, это касается исследований советских историков Григория Славина⁵, Дмитрия Севьяна⁶, Юрия Гиренка⁷, а также югославских историков Велемира Терзича⁸, Душана Прича та Йоксима Радойковича⁹. В этих работах четничество характеризуется исключительно как сила, помогавшая оккупантам в их борьбе против коммунистических партизан.

Более полное изучение этого вопроса стало возможным лишь на рубеже XX–XXI вв., когда в Центрально-Восточной Европе наступили демократические перемены, стал возможен плюрализм мнений, открылись многие архивные фонды, ранее недоступные исследователям, а российским историкам в частности. Так, Александр Сковородников рассмотрел Равногорское движение в кон-

---

¹ Korbelt J. Tito's communism. Denver, 1951; Родичев Б. Германо-итальянские планы раздела Балкан в период Второй мировой войны // Международная жизнь. 1956. № 7. С. 95–102; Фомин В.Т. Подготовка немецко-фашистской агрессии против Югославии (1937–1941 годы) // Вопросы истории. 1957. № 6. С. 28–49.

² Heppell M., Singleton F.B. Yugoslavia. New-York, 1961. 236 p.; Singleton F.B. Background to Eastern Europe. Oxford, 1965. P. 226.

³ Milazzo M. The Chetnik Movement and the Yugoslav Resistance. Baltimore; London, 1975. P. 208.

⁴ Roberts W.R. Tito, Mihailovich and The Allies. 1941–1945. Durham, 1987. P. 406.

⁵ Славин Г.М. Освободительная война в Югославии (1941–1945 гг.). М., 1965. С. 152.

⁶ Севьян Д.А. Из истории Союза коммунистов Югославии. 1919–1945. М., 1982. С. 213.

⁷ Гиренко Ю.С. Советско-югославские отношения: Страницы истории. М., 1983. 191 с.; Его же. Сталин – Тито. М., 1991. С. 432.

⁸ Oslobođilački rat naroda Jugoslavije. 1941–1945 / edit. bi V. Terzić. Kn. 1: Od sloma stare Jugoslavije do drugog zasedanja AVNOJ-a. Beograd, 1957. С. 698; Oslobođilački rat naroda Jugoslavije. 1941–1945 / Edit. bi V. Terzić. Kn. 2: Od drugog zasedanja AVNOJ-a do konačne pobeđe. Beograd, 1965. С. 787.

⁹ Прица Д., Радойковић Ј. Мијајлова јама. Деспотовац, 1984. С.105.

тексте внешней политики Великобритании¹. Алексей Тимофеев охарактеризовал формирование четничества и его деятельность на территории Сербии, Черногории, Хорватии и Словении².

С конца 1990-х гг. вопросы значения и места Равногорского движения в югославской истории активно рассматриваются в сербской историографии. В 1999 г. вышло трехтомное исследование Косты Николича по истории Равногорского движения³. Он проанализировал внутреннюю жизнь повстанцев, гражданскую войну между четниками и коммунистическими партизанами, отношения с союзниками по антигитлеровской коалиции. Большое внимание уделил политической стороне движения и программе четников.

В 2002–2004 гг. были опубликованы три тома исследования Горана Давидовича и Милоша Тимотијевића, в которых история Равногорского движения рассматривалась с акцентом на Чачацкий край и события, происходившие в нем⁴. Йован Радованович, исследуя специально четническое движение, сосредоточил свое внимание на фигуре его лидера Д. Михайловича⁵. Последний изображен в негативном свете как коллаборационист, военный преступник и некомпетентный руководитель.

Таким образом, оценки Равногорского движения в существующей историографии неоднозначны и даже противоречивы. Оно трактовалось как коллаборационистское и сербское национально-освободительное. Такое состояние изучения темы определило цель статьи – исследовать основные аспекты Равногорского движения, эволюцию взглядов его лидеров, значение в общей национально-освободительной борьбе в Югославии и причины поражения.

Хронологические рамки данного исследования ограничены маем 1941 г. – июлем 1946 г. Нижняя граница обусловлена временем сбора на Равной Горе группы военных из разбитой югославской армии. Верхняя граница касается времени, когда в Федеративной Народной Республике Югославии происходил судебный процесс над Д. Михайловичем и другими лидерами Равногорского движения.

Ключевой основой написания статьи послужили опубликованные документы и материалы. Среди них воспоминания британского связного офицера Фицроя Маклина, который с 1943 г. находился при штабе Национально-освободительной армии Югославии под руководством Иосифа Броз Тито⁶. Оценивая деятельность четников, он одновременно обратил внимание на позицию британского правительства и объяснил основную причину изменения его внешнеполитических приоритетов в 1943 г. Ф. Маклин также описал четническо-партизанский конфликт. Определенное значение для понимания тогдашней общественной и военной ситуации имеют воспоминания Владимира Дедиера⁷, одного из партизанских лидеров. Он не только описал ситуацию в собственном лагере, но и дал свою оценку тогдашним событиям. В мемуарах британского премьер-министра Уинстона Черчилля, написанных после войны, есть сведения о политике союзников, приведены выдержки из документов и эпистолярия⁸. Значительный фактический материал содержит переписка У. Черчилля с И. Сталиным⁹, сборник документов четнического движения Д. Михайловича¹⁰, а также различные записи дипломатического характера отдела международных отношений правительства США¹¹. В целом их содержание позволяет не только получить более широкое представление о четническом движении, но и беспристрастно его охарактеризовать.

¹ Сковородников А.В. Взаимоотношения Великобритании, эмигрантского правительства Югославии и четников в 1941–1943 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4. С.74–79; Его же. Югославия в балканской стратегии Великобритании в годы Второй мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008. С. 24.

² Тимофеев А. Четники. Королевская армия. М., 2012. С. 304.

³ Николић К. Историја Равногорског покрета. Београд, 1999. Књ. 1. С. 437; Књ. 2. С. 449; Књ. 3. С. 494.

⁴ Давидовић Г., Тимотијевић М. Затамњена прошлост. Историја Равногораці Чачанског краја. Књ. 1: У пламену устанка ратна 1941. године. Чачак; Горњи Милановац; Краљево, 2002. С. 415. Књ. 2: Слепа мржња и крвава освета. Окупација и грађански рат 1942–1943. године. Чачак; Горњи Милановац; Краљево, 2003. 392 с.; Књ. 3: Агонијаи слом. Ратне 1944. и 1945. година. Чачак; Краљево, 2004. С. 454.

⁵ Радовановић Ј. Драгољуб Дража Михаиловић у огледалу историјских докумената. Београд, 2003. С. 444.

⁶ Maclean F. Eastern Approaches. New-York, 1964. P. 561.

⁷ Dedijer V. Tito speaks: His self portrait and struggle with Stalin. London, 1953. P. 456.

⁸ Churchill W. The Second World War. New-York, 2002. V.5: Closing the Ring.. P. 894.

⁹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1957. Т. I. С. 464.

¹⁰ Zbornik Dokumentata Vojnoistorijskog Instituta. T. 14: Dokumenti Četničkog pokreta Draže Mihailovića. Kn. 1 // http://www.znaci.net/00001/4_14_1.htm

¹¹ Foreign relations of the United States: Diplomatic Papers. Conferences at Malta and Yalta, 1945. Washington, 1955. 1032 p.; Foreign Relations of the United States. Diplomaic Paper. 1944. V. IV: Europe. Washington, 1966. P. 1476.

Под ударами немецких, итальянских и венгерских войск на фронте и хорватских вооруженных отрядов в тылу югославская армия в апреле 1941 г. отступила и за несколько дней была полностью разбита, а 17 апреля командование подписало полную капитуляцию. Небольшая группа военных в составе 7 офицеров, 24 унтер-офицеров и солдат, которую возглавлял полковник Д. Михайлович¹, отказалась сложить оружие и отступила в горы. Предварительно они надеялись найти там остатки разбитой армии и объединенными силами продолжать борьбу. Местом сбора стала Равна Гора – местность, которая находится на западных и юго-западных склонах горы Суворов в Западной Сербии примерно в 120 км на юг от Белграда. 8 мая они прибыли на запланированное место, где выяснилось, что группа Д. Михайловича оказалась единственным вооруженным подразделением, готовым оказать сопротивление оккупантам.

В таких условиях необходимо было самостоятельно принимать решения для дальнейших действий. Опытный кадровый офицер, Д. Михайлович еще во время работы в штабе армии предлагал высшему командованию в случае войны отвести войска от границы в горы и при необходимости перейти к партизанским действиям. Это было довольно предусмотрительное предложение, поскольку военно-техническое оснащение германской армии было на качественно высшем уровне. Однако предложение Д. Михайловича тогда не было принято.

Через некоторое время на Равную Гору начали прибывать другие офицеры и солдаты разбитой армии, а также все те, кто не мирился с оккупацией своей Родины. Большинство из прибывших Д. Михайлович отправлял в их родные края для организации там партизанского движения, которое, по его замыслу, должно было охватить всю страну. Он справедливо считал, что на данном этапе борьбы силы еще неравны, поэтому в открытую схватку с противником вступать не стоит. Согласно доктрине Д. Михайловича, нужно было проводить акции саботажа и диверсии, осуществлять разведывательную и подрывную деятельность, защищать гражданское население и готовить народ к массовому восстанию при первой же возможности и благоприятной ситуации.

По месту сбора остатков разбитой югославской армии на Равной Горе движение получило название Равногорского. Параллельно его называли еще четническим. В этом названии использовалась распространенная среди южнославянских народов историческая традиция образования повстанческих отрядов, которые называли четами, для борьбы против османских поработителей.

К середине 1941 г. в Движении сопротивления в Югославии выделилось несколько четнических ответвлений с одинаковым названием: сторонники Д. Михайловича, Косты Печанаца² и других малоизвестных руководителей, которые противостояли первым двум и также называли себя четниками³. Поэтому Д. Михайлович, чтобы отмежеваться от четников-коллорационистов, назвал свое движение Равногорским. Тем не менее в историографии название «четническое» закрепилось именно за движением, которое возглавил Д. Михайлович.

Его армия состояла из вооруженных отрядов, объединенных вокруг отдельных лидеров, каждый из которых действовал на собственной территории. Вследствие этого Д. Михайлович, за неимением собственной мобильности, часто не мог влиять на действия всех своих подчиненных⁴. При таких условиях возникали ситуации, когда люди, ему подчинявшиеся, начинали сотрудничать с оккупационными силами. Такие их действия давали возможность правительству СССР обвинять Д. Михайловича в коллаборационизме.

---

¹ Драголюб (Драже) Михайлович (1893–1946) – военный деятель, участник двух Балканских и Первой мировой войн. В 1910 г. поступил в школу младших командиров Военной академии в Белграде, которую закончил в звании капрала. В Первой Балканской войне получил золотую медаль за храбрость. Во время Первой мировой войны был командиром взвода, а затем получил звание поручика, был награжден Орденом Белого орла с мечами V степени и английским Военным крестом, а 1928 г. – Орденом Св. Саввы IV степени. В 1930 г. Д. Михайлович изучал военное дело в Париже. В августе 1939 г. он стал преподавателем Военной академии, а в следующем году – помощником начальника штаба Приморской армейской области в Мостаре. На этой должности его и застала война. Во Второй мировой войне возглавил Равногорское движение.

² Коста Печанац (1879–1944) – командир сербских четников. Принимал участие в Балканских и Первой мировой войнах, участник Топлицкого восстания 1917 г. В межвоенный период – лидер Ассоциации четнических ветеранов. Во время Второй мировой войны сотрудничал с немецкой военной администрацией и с сербским марионеточным правительством на территории Военной администрации Сербии. Убит агентами Д. Михайловича в мае или июне 1944 г.

³ Roberts W.R. Tito, Mihailovic and the Allies. P. 21.

⁴ Jelavich B. History of The Balkans. Twentieth Century. New-York, 1983. V.II. P. 267.

Социально четническое движение составляли преимущественно крестьяне, которых Роберт Уэст охарактеризовал как мужественных, свободолюбивый людей, готовых бороться за короля, родную землю и церковь, никогда зря не рисковали своей жизнью¹. Лозунгами четников были «Слобода или смрт» («Свобода или смерть») и «За краља и оцабину» («За короля и Отечество»).

В статье американского журнала «Time», написанной еще в 1942 г., указано, что армию Д. Михайловича лучше всего можно описать как патриотическую балканскую силу, с большинством сербов, сплоченную вокруг большого ядра обученных югославских солдат. О самом Д. Михайловиче говорилось, что он уже стал великим символом неизвестных тысяч, которые все еще сопротивляются Адольфу Гитлеру. Поскольку он наблюдает из своих высоких стен, поддерживает каждого европейского саботажника, который ждет момента, чтобы разбить машину, бросить бомбу, снять рельсы с железной дороги².

Первым четническим политическим органом был совещательный Центральный национальный комитет (ЦНК), сформированный на Равной Горе в августе 1941 г. В его состав вошло несколько довоенных профессиональных политиков. Это были в основном представители двух про-британских довоенных партий (Аграрная партия и Югославский республиканский союз), получавших 1940–1941 гг. регулярные субсидии от британского посольства в Югославии. Руководство ЦНК стало реальной силой в определении тактики действий Югославской армии на Родине. При этом уместно отметить, что его составляли в 1942–1943 гг. члены довоенного Сербского культурного клуба Драгиша Васич, доктор Стеван Мольевич, доктор Младен Жуйович³.

30 июня 1941 г. один из идеологов Равногорского движения С. Мольевич⁴ опубликовал труд «Гомогенная Сербия», ставшей программой четников. Согласно ей Югославия планировалась как государство из трех федеральных единиц: сербской, хорватской и словенской. Предварительно все сербские этнические территории должны были составить единое целое. После этого можно было ставить вопрос о непосредственном сближении с Болгарией. До тех пор планировалось сотрудничать с этой страной в культурном и экономическом плане через издание газет, книг, церковную деятельность, а впоследствии – через создание Таможенного союза⁵.

В состав новой сербской федеральной единицы в составе Югославии С. Мольевич предлагал включить собственно Сербию, Черногорию, Боснию и Герцеговину, Северную Далмацию с Задаром и островами, Южную Далмацию с Адриатическим побережьем до Шибеника, сербские районы Лики, Баньи, Кордуна, часть Западной Славонии (широкий пояс вокруг города Пакрац), часть Восточной Славонии (Вуковар, Осиек, Винковци) и Баранью, с предоставлением Далмации, усиленной хорватскими районами Западной Герцеговины, автономного статуса. Также автономный статус планировалось предоставить Дубровнику⁶. В основе этого деления лежали границы, обещанные Сербии странами Антанты до заключения Корфской декларации – соглашения подписанного на острове Корфу 20 июля 1917 г. премьер-министром Сербии Николой Пашичем и председателем Южнославянского комитета Анте Трумбичем. Это соглашение предполагало объединение после окончания войны Сербии и южнославянских земель Австро-Венгерской империи в единое государство. 11 августа 1917 г. к соглашению присоединился Черногорский комитет национального объединения.

Основным механизмом гомогенизации территорий С. Мольевич считал трансфер населения, особенно хорватов с сербской и сербов – с хорватской территории, единственным способом разграничения во избежание национальных конфликтов и налаживания отношений между ними. Таким образом планировалось помешать повторению преступлений геноцида, имевшего место в Первой мировой войны.

Меньшей конкретикой был наполнен план социальных преобразований, а его содержание в основном сводилось к общим фразам. Частный капитал как государственная собственность пере-

¹ Уэст Р. Иосип Броз Тито: власть силы. Смоленск, 1998. С. 143.

² The Eagle of Yugoslavia // Time. The weekly newsmagazine. New York. 1942. 25.05. URL: <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,766569,00.html>

³ Тимофеев А. Четники. С. 157.

⁴ Стеван Мольевич (1888–1959) – сербский и югославский политик, адвокат, публицист, президент Югославо-Французского и Югославо-Британского клубов, президент международного клуба Ротари в Югославии. Член Центрального национального комитета четников с августа 1941 г. по январь 1944 г. Автор нескольких программных документов четнического движения Д. Михайловича. Осужденный режимом Й. Броз Тито на 20 лет заключения.

⁵ Zbornik Dokumentata Vojnoistorijskog Instituta. T. 14: Dokumenti Četničkog pokreta Draže Mihailovića. Kn. 1.

⁶ Ibidem.

ходил под защиту и контроль правительства. Оно обязано было создать всем гражданам условия для работы и обеспечить каждого на случай болезни или старости. Законом предусматривалась свобода личности, мысли, религии и прессы, личной собственности каждого гражданина. Запрещалось создание политических партий на религиозной почве. Пресса должна служить народу и стране, повышать общественную мораль¹.

После нескольких месяцев предварительной организационной работы Д. Михайлович в августе 1941 г. издал «Руководство по выполнению задач четнических отрядов», которые стали основной боевой деятельностью его организации. От имени правительства Королевства Югославии он приказал сформировать во всех населенных пунктах, включая маленькие поселки, четы (отряды) военнообязанных в возрасте 20–30 лет. В каждой чете, состоящей из 30–40 человек, выбрать командира, независимо от воинского звания, и присвоить чете его имя. Формирование отрядов должно происходить в условиях строгой секретности. Форма одежды предполагалась гражданская, но обязательно дополнялась головным форменным убором – шайкачей². Вооружение и боеприпасы планировалось по возможности собрать из оставленного югославской армией.

В ожидании особого сигнала четы должны перемещаться вблизи места формирования и быть в постоянной готовности предотвратить любой разбой и насилие во вверенной ей местности. После получения сигнала четы должны немедленно отправиться в боевой поход, имея обеспечение продовольствием на три дня. Ставилась также задача помешать распространению и появлению деятельности коммунистов через организацию местного населения. Рекомендовалось столкновений с оккупантами по возможности избегать, но в случае их нападения, противостоять с оружием в руках. Патрулирование выполнять тайно, без привлечения особого внимания. Придерживаться строгой дисциплины, наказывая ее нарушителей в собственных рядах согласно решению военного трибунала.

В то же время Д. Михайлович рекомендовал, кроме подвижных чет, создавать в населенных пунктах и на таких же принципах отряды из людей в возрасте 30–40 лет, но уже по 15–20 участников каждый. Все они должны оставаться в своих родных поселениях и на момент всеобщего восстания и освобождения территории от оккупантов перебрать в свои руки всю полноту власти. Дождавшись сигнального оповещения, они должны были немедленно захватить наиболее важные пункты – почту, вокзал, железнодорожные объекты, мосты и аэродромы, то есть те стратегические объекты, которые находились в определенном и контролируемом ими населенном пункте. Их нужно было удерживать до подхода основных сил, но в случае угрозы захвата противником, вывести из строя.

Особое внимание руководство четников обращало на необходимость установить связь и попытаться привлечь на свою сторону местную жандармерию, прежде всего ее руководителей. При этом все они должны были продолжать выполнять свои функции, скоординировав их с интересами местной организации четников. С особой последовательностью, по законам военного времени, Д. Михайлович приказывал всем проживающим в данном населенном пункте офицерам и унтер-офицерам присоединиться к местной военно-четнической организации³. В дальнейшем именно с акцентом на этих офицеров и унтер-офицеров, которые признали верховенство Д. Михайловича, создавались военные отряды четников.

В своих партизанских действиях Д. Михайлович сначала отдавал предпочтение открытому саботажу. Однако со временем его отношение изменилось. Это было вызвано указом А. Гитлера от 16 сентября 1941 г., по которому вводилась смертная казнь из расчета ста сербов за каждого убитого немецкого солдата и пятидесяти – за каждого раненого оккупанта⁴. Именно этим Д. Михайлович объяснял свое военное бездействие, поскольку спорадические атаки на изолированные немецкие отряды, отдельные террористические акты играли незначительную роль, были малоэффективны, однако провоцировали ужасные репрессии оккупантов против гражданского населения.

Примером практической реализации указа от 16 сентября стал случай возле сербского города Крагуевац, где в октябре 1941 г. Партизаны Й. Броз Тито убили 10 и ранили 26 немецких солдат. Вследствие город должен был выдать для казни 2 300 взрослых мужчин. Когда оккупанты согноли заложников, оказалась нехватка нескольких человек. Недостающее число немецкие каратели пополнили старшеклассниками. Все они были расстреляны. Такая жестокость встречалась часто в течение войны. Поэтому неудивительно, что в таких условиях Д. Михайлович в своих действиях

¹ Ibidem.

² Шайкача – сербский традиционный национальный и военный головной убор, употребляемый с XVIII в.

³ Zbornik Dokumentata Vojnoistorijskog Instituta. T.14: Dokumenti Četničkog pokreta Draže Mihailovića. Kn. 1.

⁴ Уест Р. Иосип Броз Тито. С. 143.

был не очень решителен¹. Лидер четников подчеркивал целесообразность ожидания того благоприятного времени, когда Движение сопротивления окрепнет и станет достаточно сильным настолько, чтобы нанести решительного удара по оккупантам.

Такие события значительно повлияли на изменение отношений между четниками и коммунистическими партизанами. Лидеры последних имели свои политические амбиции, которыми не хотели поступаться. Таким образом, столкнулись две старые идеи: централизм и федерализм, идея Великой Сербии и концепция федерации южнославянских народов. На этот раз преимущество оказалось за сторонниками федерализма, а носителем его идей стала Компартия Югославии во главе с Й. Броз Тито².

Четники Д. Михайловича, согласно объявленной через радиостанцию «Би-би-си» Декларации югославского правительства в эмиграции от 22 июля 1941 г., должны были избегать открытых сражений и ждать соответствующего сигнала. Коммунистам, в соответствии с директивой Коминтерна, предназначалось немедленно активизировать военные действия и тем самым ослабить наступление немцев на Восточном фронте³.

Несмотря на такие кардинальные различия, в течение всей осени 1941 г. предпринимались попытки установить определенные контакты между двумя направлениями Движения сопротивления в стране и организовать совместную оборону против наступления оккупантов. С этой целью состоялся ряд встреч между Д. Михайловичем и Й. Броз Тито. Первая встреча имела место 19 сентября 1941 г. в Струганице (Сербия) по инициативе лидера Компартии Югославии. Однако никакой реальной договоренности стороны тогда не достигли. По версии Й. Броз Тито, лидер четников Д. Михайлович отказывался участвовать во всех совместных акциях против оккупантов, но одновременно обещал не нападать на партизанские отряды, действовавшие под руководством Компартии Югославии⁴.

Отношение партизан к четникам можно проследить по воспоминаниям В. Дедиера, который осенью 1941 г. был политическим комиссаром в Крагуеваце от Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии: отряды четников преимущественно состояли из пожилых людей, женатых мужчин, крестьян из состоятельных семей. Они оставались в поселках, спали дома, и время от времени для прохождения боевой подготовки их вызвали в штаб. Мне стоило многих сил убедить их командиров на встрече возле Крагуеваца воевать вместе с нами против немцев. Они говорили, что не имеют соответствующих приказов. С другой стороны, они критиковали наше командование за то, что мы безжалостно проливаем кровь сербского народа, воюя против немцев в неравной борьбе⁵.

В связи с тем уместно отметить, что В. Дедиер в своей книге совершенно не упомянул о трагедии в Крагуеваце в октябре 1941 г. Вероятно, он избегал этого вопроса, поскольку сам частично нес ответственность за совершенные против оккупантов непродуманные со стороны его командования террористические акты против немцев. Именно они больше всего настроили четников Д. Михайловича против коммунистических партизан.

После первой встречи между лидерами двух направлений Движения сопротивления в Югославии наладилась переписка. Ее итогом стала договоренность о следующей обоюдной встрече. Она состоялась 27 октября 1941 г. в Браичи, расположенном между Ужицей и Равной Горой населенном пункте. Политика Д. Михайловича, которая в это время согласовывалась со всеми инструкциями югославского эмиграционного правительства и, безусловно, с британской политической мыслью, стала еще тверже. Основанием оказались полученные сведения об ужасных репрессиях оккупантов в ответ на действия коммунистических партизан⁶.

На Браичкой встрече Й. Броз Тито настаивал на сотрудничестве и предлагал подробную программу действий. Она состояла из десяти пунктов: 1) объединенные операции против немцев и Милана Недича⁷; 2) совместное обеспечение продуктами четников и партизан; 3) равное распределение захваченного оборудования; 4) объединение частей на освобожденных территориях;

¹ Singleton F. V. Background to Eastern Europe. P. 100.

² Задохин А.Г., Низовский А.Ю. Пороховой погреб Европы. М., 2000. С. 196.

³ Roberts W.R. Tito, Mihailovic and the Allies. P. 26.

⁴ Milazzo M.J. The Chetnik movement and the Yugoslav resistance. P. 25.

⁵ Dedijer V. Tito speaks: His self portrait and struggle with Stalin. P. 158.

⁶ Roberts W. R. Tito, Mihailovic and the Allies. P. 31.

⁷ Милан Недич (1877–1946) – сербский политический и военный деятель, министр обороны Югославии (1939–1940). В августе 1941 – октябре 1944 гг. премьер-министр коллаборационного сербского правительства. 6 октября 1944 г. под натиском югославских партизан М. Недич эмигрировал в Австрию, где сдался британским войскам. 1 января 1946 г. был передан британцами титовской Югославии, режим которой обвинил его в государственной измене. 4 февраля 1946 г. совершил суицид.

5) организация администрации на освобожденных территориях; 6) создание четнической-партизанской комиссии для решения всех спорных вопросов; 7) отказ от принудительной мобилизации; 8) борьба против изменников и шпионов с привлечением совместного военного трибунала; 9) совместные действия против коллаборационизма четнических групп; 10) взаимное обязательство не давать идентификационных документов потенциальным врагам. Д. Михайлович отверг четыре предложенных пункта (1, 2, 5, 7), делая явной свое противодействие всей партизанской военной стратегии и политической реорганизации¹.

Вторая встреча закончилась в определенной степени согласием. Д. Михайлович получал половину продукции завода по производству амуниции и винтовок, который находился в Ужице и принадлежал партизанам. Со своей стороны он обещал Й. Броз Тито поделиться парашютами, которые ожидал от британцев. Однако эта договоренность длилась недолго. Разногласия между четниками и партизанами проявились довольно быстро. 28 октября, то есть уже на следующий день после встречи, партизаны Й. Броз Тито атаковали производство по выплавке металла в Заячи (Сербия), принадлежавшее четникам Д. Михайловича. В ночь с 1 на 2 ноября четники безуспешно атаковали Ужицу.

Так фактически началась гражданская война. В первые дни ноября Д. Михайлович послал телеграмму югославскому правительству, находившемуся в Лондоне. В ней говорилось о достигнутом с партизанами перемирии, которое, однако, не продлится долго, поскольку последние не хотят возвращать Чачак и Ужицу четникам. Полковник также сообщал о своих намерениях оккупировать Ужицу с целью предотвращения укрепления коммунистического движения. Когда стало очевидно, что четнические атаки в Ужице являются безуспешными, Д. Михайлович отправил ряд радиосообщений своему правительству. Фактически это был запрос об ускорении доставки помощи. Осознав всю серьезность противоречий между четниками и партизанами, британский связной офицер при штабе четников Д. Хадсон посоветовал перестать отправлять оружие Д. Михайловичу, чтобы предотвратить его использование для ведения гражданской войны.

14 ноября Й. Броз Тито письменно сообщил Д. Михайловичу о целесообразности третьей взаимной встречи для решения назревших проблем. Она состоялась 18 и 20 ноября в Чачаке. На этот раз Д. Михайлович и Й. Броз Тито лично не присутствовали. Первого представляли майоры М. Лалатович и Р. Дюрич, а второго – А. Ранкович, И. Л. Рибар и П. Стамболич. Неубедительная договоренность была достигнута по восьми пунктам, включая координацию действий против нацистов, возвращения пленных с обеих сторон.

27 ноября представители от партизан и четников снова встретились в Чачаке и на следующий день, учитывая немецкое наступление, отправились в с. Праньяни (Сербия), чтобы обсудить вопросы, касающиеся достигнутого 20 ноября соглашения. Однако его пункты так и не были воплощены в жизнь. Препятствием стала немецкая атака, которая позднее получила название Первой офензивы².

Проектируемое сотрудничество двух антигитлеровских сил в Югославии прекратилось. В инструкции Д. Михайловича от 20 декабря 1941 г. говорилось, что с коммунистами-партизанами не может быть никакого взаимства через их полное неприятие правящей династии, находящейся в политической эмиграции и отстаивание идей социальной революции³.

К концу первого года войны положение Равногорского движения значительно пошатнулось. Имея бесспорное лидерство в начале, это движение впоследствии его противниками было объявлено коллаборационистским. Несмотря на это, Д. Михайлович еще в начале 1942 г. рассматривался как непреклонный лидер Движения сопротивления в Югославии, заинтересованный в сотрудничестве с западными союзниками. 11 января 1942 г. король назначил его министром Военных, Сухопутных и Воздушных сил эмиграционного правительства Божидара Пурича, который ранее был послом Югославии в Париже. Члены этого правительства всячески подчеркивали тесную связь между своей деятельностью за рубежом и успехами четников в оккупированной стране. В 1942 г. четники контролировали большие территории, на которых восстанавливались довоенные органы власти⁴.

Значительную роль в развитии Равногорского движения сыграли союзники, прежде всего Великобритания. При штабе четников с осени 1941 г. находились ее связные офицеры, а в 1943 г. к ним присоединились американские военные. Однако постепенно Д. Михайлович начал терять

¹ Milazzo M. J. The Chetnik movement and the Yugoslav resistance. P. 32.

² Roberts W. R. Tito, Mihailovic and the Allies. P. 34–37.

³ Zbornik Dokumentata Vojnoistorijskog Instituta. T. 14: Dokumenti Četničkog pokreta Draže Mihailovića. Kn. 1.

⁴ Сковородников А. В. Взаимоотношения Великобритании, эмигрантского правительства Югославии и четников в 1941–1943 гг. С. 75–76.

авторитет среди британских политиков. Побеждая в военных сражениях, Д. Михайлович потерпел ряд поражений в информационной войне. Четники оказались в тяжелом положении. С одной стороны, непрерывная борьба с оккупантами и ожесточенная гражданская война, с другой – влияние лидеров трехстороннего Альянса (США, Великобритания и СРСП) и их не до конца четко выраженная позиция относительно событий в этой балканской стране¹.

Судьба Равногорского движения часто решалась путем договоренностей между союзническими лидерами. По сути, относительно балканских стран проводилась тайная дипломатическая борьба между У. Черчиллем, Ф. Рузвельтом и И. Сталиным. Официальный Лондон понимал, что судьба Югославии будет решаться не на полях сражений, а на двух- и трехсторонних встречах между лидерами Великобритании, США и СССР. В конце концов, У. Черчилль сделал ставку на ту силу внутри Югославии, чья позиция во многом отвечала имперской внешнеполитической стратегии².

Судьба четнического движения окончательно была решена на конференции Большой тройки в Тегеране. Уже 28 ноября 1943 г. У. Черчилль обратил внимание, что военные операции коммунистических партизан в Югославии более весомые и эффективные, чем вся деятельность Д. Михайловича. Поэтому целесообразно именно им предоставлять дополнительную помощь и отправлять туда небольшие экспедиции.

Обсуждение югославского вопроса между тремя лидерами продолжилось 29 ноября. В своем десятиминутном выступлении У. Черчилль отметил: 1) британцы не имеют никаких интересов на Балканах; 2) их единственное желание состоит в том, чтобы уничтожить 30 вражеских дивизий, находящихся там; 3) нужно оказывать партизанам помощь материалами, оружием и диверсионно-десантными операциями³. И. Сталин заявил поддержку и предложил всестороннюю помощь партизанам, отметив, что согласно его данным немцы имеют 8 дивизий в Югославии, 5 – в Греции, 3 – в Болгарии и 25 – во Франции. Исходя из этого он считал, что балканский вопрос имеет сравнительно небольшое значение⁴. Действительно, цифры, названные У. Черчиллем были несколько завышены. В то время немецкие оккупанты имели на Балканах, включая Грецию, 14 дивизий, а в Югославии – не более 8⁵.

«Итоги» конференции ее участники подписали вечером 1 декабря 1943 г. Относительно Югославии приняли такое решение: партизаны в Югославии должны быть поддержаны снабжением и оборудованием, а также диверсионно-десантными операциями⁶.

После Тегеранской конференции четнической вопрос продолжал обсуждаться во время частных встреч и переписки и между лидерами Большой Тройки, и между У. Черчиллем и Й. Броз Тито. 8 января 1944 г. британский премьер, который в то время находился в Каире, отправил письмо к лидеру партизан. Его копию У. Черчилль отослал также И. Сталину. В этом документе отмечалось: «Я принял решение о том, что британское правительство не будет в дальнейшем осуществлять никакой военной помощи Михайловичу и будет оказывать помощь только Вам, и мы были бы рады, если бы Королевское Югославское Правительство не посвящало его больше в свои дела. Но молодой король Петр II вырвался из предательских лап регента принца Павла и прибыл к нам как представитель Югославии и как принц, потерпевший горе. Великобритания сделала бы не порывцарски и несправедливо, если бы она отстранила его. Мы не можем также просить его прекратить все возможные для него связи со страной. Поэтому я надеюсь, что Вы поймете, что мы в любом случае будем продолжать поддерживать официальные отношения с ним, одновременно оказывая всю возможную военную поддержку Вам...»⁷.

В таких условиях Д. Михайлович, чтобы укрепить свое положение как идеологически, так и в военном плане, решил созвать специальный конгресс из числа представителей подконтрольных ему и поддерживающих его сил. Этому форуму предшествовала молодежная равногорская встреча 13–15 января 1944 г. в с. Праньяны. На ней было утверждено постановление о формировании широкой общей платформы⁸.

¹ Ливенцев С. Биография Дражи Михайловича. URL: <http://www.vojnik.org/serbia/ww2/5>

² Сковородников А.В. Югославия в балканской стратегии Великобритании в годы Второй мировой войны. С. 17.

³ Churchill W. The Second World War. V. 5: Closing the Ring. P. 446.

⁴ Ibid. P. 450.

⁵ Roberts W. R. Tito, Mihailovich and The Allies. P. 168–172.

⁶ Churchill W. The Second World War. V.5: Closing the Ring. P. 489.

⁷ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 146.

⁸ Тимофеев А. Четники. С. 171–172.

Местом проведения конгресса было выбрано с. Ба, что находится на юго-восточных склонах горы Суворор (недалеко от Равной Горы). Это было довольно удаленное от основных путей сообщения место, с достаточными ресурсами для размещения и проживания депутатов и войск охраны. Основную подготовку по проведению конгресса взял на себя капитан З. Вучкович, командир Первого равногорского корпуса, в подчинение которого выделили две тысячи четников для охраны места заседания. Конгресс было решено провести в помещении местной школы «Королева Мария». Предварительно в здании снесли внутренние перегородки (стены классов), получив таким образом достаточно места для того, чтобы можно было проводить пленарное заседание. Часть классов и коридоров превратили в спальни, которые обставили кроватями, привезенными из бывшей казармы югославской королевской армии, находившейся в соседнем селе. Недалеко от школы возвели трибуну, украшенную сербскими флагами и портретом короля Петра II.

Первые участники конгресса прибыли уже 25 января 1944 г. Д. Михайловича сопровождали высшие офицеры и два главных идеолога – С. Мольевич и Д. Васич. Конгресс работал в течение 25–28 января и получил название Святосавского (на 27 января пришелся день св. Саввы). От не-сербов на конгрессе присутствовали Владимир Предавец (Хорватия), Антон Крейчи (Словения), Мустафа Мулалич (от боснийских мусульман), Велимир Йочи (Черногория), а также представители сербских политических партий, готовых поддержать Югославскую армию на Родине: лидером делегации Социалистической партии был Ж. Топалович, а Сербской земледельческой партии – Д. Йованович. Всего присутствовали 294 делегата¹.

В основе программы, утвержденной на конгрессе, было следующее: сохранение территориальной целостности королевской Югославии, строительство государства на основах политической, социальной, экономической демократии и правды, верность союзникам и просьбы к ним быть лояльными к Королевству Югославии и ее законной власти².

Резолюция конгресса, состоящая из 18 пунктов, была принята 28 января. В частности, конгресс требовал восстановления Югославии в расширенных границах в форме парламентской монархии и сохранения власти короля Петра II с династии Карагеоргиевичей. Страна должна состоять из трех федеральных единиц, однако вопросы границ между ними не рассматривались, поскольку казались в то время слишком острыми. Их предусматривалось пересмотреть позже. При этом констатировалось, что во всех федеральных единицах должно развиваться местное самоуправление, которое будет заниматься вопросами экономики, культуры и социальной политики. Гарантировался пакет личных и политических свобод. Были осуждены решения собрания Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ), состоявшееся 29–30 ноября в боснийском г. Яйце и стремление Компартии Югославии установить после войны коммунистическую диктатуру. Одним из решений этого конгресса было создание Югославского народного демократического объединения как широкой политической организации для борьбы за сохранение государственного устройства довоенной Югославии. Однако существенно на последующие события в стране эта организация не повлияла³.

Как показало дальнейшее развитие событий, решения конгресса в с. Ба были несвоевременными. Коммунисты уже укрепили лидерство в пропагандистской гонке, нищета национального представительства показывала ошибочность общегославских претензий (не было депутатов от влиятельных Хорватской крестьянской партии и Словенской народной партии). Надежды на то, что СССР и Великобритания передумают и перестанут поддерживать партизан, были наивными, особенно после того как лидеры антифашистской коалиции договорились в Тегеране о полной поддержке АВНОЮ⁴.

Отдельно следует остановиться на участии женщин в Равногорском движении. В отличие от партизанских отрядов, объединенных в Народно-освободительную армию Югославии, где женщины воевали на равных с мужчинами, в четнических отрядах такая практика не была распространена. Женщина скорее служила духовной и материальной поддержкой и в движении участвовала лишь косвенно. Мало было таких, как Стана Градински, работавшая на чачанской почте и собиравшая для четников соответствующую информацию⁵. В начале 1944 г. Верховное командование четников приступило к формированию женской равногорской организации. Первая программа для

¹ Там же. С. 172–175.

² Николић К. Историја Равногорског покрета. Књ. 2. С. 431.

³ Криљ М. Историја Југославије. Львів, 1996. С. 41.

⁴ Тимофеев А. Четники. С. 172–176.

⁵ Давидовић Г., Тимотијевић М. Затамњена прошлост. Историја Равногораці Чачанског краја. Књ. 2: Слепа мржња и крвава освета. Окупација и грађански рат 1942–1943. године. С. 287.

женщин появилась между 1 и 15 января 1944 г. Основной задачей Югославской организации равногорки (Југословенска организација равногорки) было с помощью оперативных единиц и поддержки отрядов Югославского войска на Родине создать сеть женских секций, ассоциаций и филиалов. Вследствие этого первыми женскими организациями стали «Круг сербских сестер», «Сербская мать», «Княгиня Зорка», «Мать Ефросима». Равногорки имели также политическую задачу – отстаивать идею единой Югославии и Балканской унии¹.

Непосредственными задачами, которые получали равногорки на местах, были: а) пропаганда идей Равногорского движения; б) подавление пропаганды соперников; в) пробуждение национального сознания; г) культурная связь города и села; д) повышение морали; е) помощь подразделениям Югославского войска на Родине; ж) создание медицинских учреждений и закупка санитарно-перевязочных материалов².

Между тем продолжалась переписка между британским премьером и лидером Компартии Югославии. 9 февраля 1944 года Й. Броз Тито в письме У. Черчиллю отмечал, что деятельность югославского правительства, и Д. Михайловича в частности, должны быть запрещены, а Национальный Комитет Освобождения Югославии, созданный на второй сессии АВНОЮ 29–30 ноября 1943 г., признан союзниками как единое правительство страны. Далее он подчеркивал, что если король Петр II согласится на эти условия, АВНОЮ не откажется от сотрудничества с ним, но вопрос о монархии будет решаться только после полного освобождения Югославии от оккупантов на основе свободного волеизъявления народа³.

17 мая У. Черчилль письменно сообщил И. Броз Тито: «Сегодня утром по совету британцев король Петр II отправил в отставку правительство Пурича, военным министром в котором был генерал Д. Михайлович. Сейчас король собирается сформировать правительство или учредить государственный совет во главе с баном Хорватии Иваном Шубашичем»⁴.

У. Черчилль подытожил позицию британского правительства на заседании Палаты Общин 24 мая 1944 г. Причиной отказа британцев Д. Михайловичу в дальнейшей поддержке была его «недостаточная борьба с врагом»⁵.

Интересными являются рассуждения М. Джиласа, представителя Народно-освободительной армии Югославии, во время его встречи в Москве с наркомом иностранных дел СССР В. Молотовым 24 апреля 1944 г. На вопрос наркома, насколько прочными являются позиции народно-освободительного движения собственно в Сербии, М. Джилас ответил, что движение имеет большое влияние, но еще слабо закреплено организационно. Что касается Д. Михайловича, то его сила на территории Сербии в данное время маловлиятельна. На уточняющий вопрос В. Молотова, не умаляет ли он политическую силу, возглавляемую Д. Михайловичем, М. Джилас продолжил, что армией Недича командуют офицеры Михайловича, большинство полицейских чиновников министерства внутренних дел Недича состоит из сторонников Михайловича. У Михайловича есть список людей, которые должны быть уничтожены после изгнания немцев из Югославии. В этом списке есть Лютич⁶ и другие, но Недича в этом списке нет. В своей пропаганде Михайлович объявляет себя сторонником англичан. Четники Михайловича насчитывают около 15 тысяч человек и являются плохими бойцами. У них, прежде всего, низкий моральный уровень⁷.

Далее М. Джилас противопоставил четничеству Д. Михайловича усташское движение под руководством А. Павелича. При этом подчеркнул, что усташа являются фанатическими борцами за идею Великой Хорватии и всегда успешно воевали. Вначале их численность составляла около 70 тыс. чел., но в ходе боев с Народно-освободительной армией большинство погибло, и по состоянию на весну 1944 г. их осталось не более 25 тыс.

¹ Николић К. Историја Равногорског покрета. Књ. 1. С. 280.

² Исто. С. 282.

³ Churchill W. The Second World War. V. 5: Closing the Ring. P. 573–574.

⁴ Ibid. P. 577–578.

⁵ Heppell M., Singleton. F. V. Yugoslavia. P. 179.

⁶ Димитрија Лютич (12 августа 1891, Белград – 22 апреля 1945, Айдовщина, Словения) – сербский политик. Министр юстиции в 1931 г. После отставки занимался политической деятельностью. После захвата Югославии отказался сформировать марионеточное правительство Сербии, но вошел в его состав, предварительно предложив кандидатуру генерала М. Недича. Погиб в автокатастрофе.

⁷ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 / отв. ред. Г.П. Мурашко. М.; Новосибирск, 1997. Т. 1. С. 30.

Очевидно, М. Джилас тогда несколько преувеличил позиции Народно-освободительной армии в Сербии и умалил силу четников Д. Михайловича. Продолжая беседу с советским руководителем, он дважды подчеркнул тезис о том, что важнейшей задачей движения под руководством Й. Броз Тито является укрепление позиций в Сербии. При этом он сказал, что их партизанские отряды там пока незначительные и для их организации необходима помощь оружием. В завершении он отметил, что от контроля ими Сербии будет зависеть международное признание АВНОЮ¹.

Подтверждением сильных позиций Равногорского движения в Сербии на протяжении практически всего 1944 г. может быть также письмо Э. Карделя, заместителя председателя правительства во главе с Й. Броз Тито, руководителю болгарских коммунистов Г. Димитрову, написанное в апреле 1945 г. В нем Э. Кардель охарактеризовал политическую ситуацию в Югославии после освобождения Сербии. В частности он писал, что до октября 1944 г., т. е. до освобождения Белграда, немецкие оккупанты смогли удерживать под контролем всю Серию и продолжать помогать четникам Д. Михайловича. Но после освобождения Сербии четники целиком потеряли поддержку народа².

Переломным событием в истории Равногорского движения стал королевский декрет от 1 июня 1944 г., по которому Д. Михайлович был лишен должности военного министра и командующего всеми вооруженными силами на Родине. Однако это никоим образом не повлияло на четнического генерала, который продолжал именовать себя министром и начальником штаба Верховного командования Югославского войска на Родине³.

Последний удар Равногорскому движению нанес декрет Петра II от 12 сентября 1944 г., которым аннулировались все приказы Д. Михайловича. Также там отмечалось, что все сербы, хорваты и словенцы должны объединиться в Народно-освободительной армии под командованием маршала Й. Броз Тито⁴. Содержание этого документа подавило моральное состояние Д. Михайловича и его соратников. Более трех лет они боролись, чтобы спасти монархию и вернуть короля в освобожденную страну, но Петр II вместо благодарности назвал их предателями. Многие из соратников оставили Д. Михайловича и перешли к партизанам Й. Броз Тито. Оставшиеся продолжали борьбу уже не столько за монархию, сколько за то, чтобы не допустить полного захвата власти коммунистами, но и прежде всего через преданность Д. Михайловичу.

Осенью 1944 г. четники оказались в очень сложной ситуации. Союзники их больше не поддерживали, эмигрантское правительство переориентировалось на налаживание отношений с АВНОЮ. Для самого Д. Михайловича оставалось два пути выхода из назревшей ситуации – бороться до конца с неизвестным исходом или эмигрировать из страны. Помощь в политическом бегстве ему предлагали союзники и марионеточное правительство М. Недича, которое после захвата силами АВНОЮ Белграда, переехало в Словению.

В Словении М. Недич и Д. Лютич объединились с четническими лидерами М. Джуичем и Д. Евджевичем. В конце 1944 г. – начале 1945 г. они неоднократно предлагали Д. Михайловичу перейти на территорию Словении, откуда было легче оказаться под американско-британской защитой. Возможность такого выхода из ситуации неоднократно упоминалась в радиобменах между Д. Михайловичем и его различными корреспондентами за период с 12 декабря 1944 г. по 7 апреля 1945 г.

Однако Д. Михайловича переубедить было уже невозможно. Пребывая в Боснии, он 21 марта 1945 г. направил Д. Лютичу радиограмму, которой объяснял, что в Сербии еще не все потеряно, там народ ненавидит коммунистов и т. д.⁵. Но он не учел, что реальная политическая ситуация изменилась. Союзники уже полностью поддерживали АВНОЮ как новую политическую силу в Югославии.

В этом вооруженном и идеологическом противостоянии проиграли четники. 13 марта 1946 г. Д. Михайлович был схвачен спецслужбами новой Югославии и предан суду. С 10 июня по 15 июля 1946 г. проходил так называемый Белградский процесс – судебное слушание над двадцатью членами Равногорского движения и югославского эмиграционного правительства, из которых десяти судили заочно. Д. Михайлович и другие видные деятели четнического движения и югославского эмиграционного правительства были осуждены. Их обвинили в деятельности, направленной против союзнических войск и коммунистических партизан Югославии, а также в сотрудничестве с немцами и в военных преступлениях против мирного населения. 17 июля 1946 г.

¹ Там же. С. 30, 32.

² Там же. С.36.

³ Тимофеев А. Четники. С. 64.

⁴ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Paper. 1944. V.IV: Europe. P. 1405.

⁵ Тимофеев А. Четники. С. 287.

обвиняемых расстреляли. В своей последней речи на суде Д. Михайлович так подытожил историю всего Равногорского движения: «Я оказался в водовороте событий и интриг... Я столкнулся с целями и тенденциями моего собственного правительства, я был окружен всеми возможными разведками, британской разведкой, гестапо и всеми разведками мира. Судьба была безжалостна ко мне, когда бросила в самый вихрь. Я хотел много, я начал много, но водоворот, мировой водоворот отнес меня и мою работу далеко»¹.

Как видно, четники с самого начала ориентировались на борьбу против немецких оккупантов за независимость своей страны под лозунгом национального сербского движения. Королевское правительство в эмиграции видело в них единственную военную силу, способную реально поднять народ на всеобщую борьбу. Изначально они имели определенную поддержку со стороны западных государств. Но четники не сумели создать единый фронт борьбы на основе объединения всех антифашистски настроенных политических сил. Вместо этого они развязали гражданскую войну и фактически не противостояли с оружием немецким оккупантам.

Равногорское движение потерпело поражение из-за ряда факторов. Одним из них стала разношерстность сил и слабая координация с центром. Четничество оказалось национальным сербским движением и не навязало политического и военного сотрудничества с другими национальными силами.

Равногорские лидеры не сумели предотвратить конфликт с коммунистическими партизанами. Значительного удара они ожидали с изменением международной политической ситуации и отказом в поддержке со стороны королевского правительства в эмиграции.

P. Bertalan

Wirkung der Provida Mater Enzyklika und der Apostolische Konstitution in Ungarn

---

Papst Pius XII. bekundete reges Interesse an der Ausbildung der Mönche und Ordensschwwestern. Diesbezüglich sei die im Interesse der weltlichen apostolischen Institutionen herausgegebene apostolische Konstitution Provida Mater (2. Februar 1947) zu erwähnen. Der Sinn seiner Lehre ist in seinen Enzykliken zu finden, unter denen die Provida Mater (14. März 1947) über die laizistische Kongregation² hervorzuheben sei.

Die Enzykliken des Papstes bedeuten einen Meilenstein in der Geschichte der katholischen Kirche als Zeichen des Willens zu Veränderungen und des Wandels. Mit der Enzyklika Rerum Novarum aus dem Jahre 1891 begann eine Serie moderner päpstlicher Enzykliken als Zeichen dafür, dass das Konsistorium aktiv auf die gesellschaftlichen und politischen Veränderungen reagiert. Das 1947 erschienene päpstliche Rundschreiben Provida Mater fehlt in dem von der Gesellschaft Szent István herausgegebenen Dokumentationsband «Gesellschaftliche Lehre der Kirche». Die Dokumentensammlung umfasst die im XIX. und XX. Jh. erschienenen gesellschaftlichen Enzykliken. Als Forscher suchte ich eine Erklärung dafür, warum dieses kirchengeschichtliche, als Quelle bedeutende Dokument nicht neben den anderen Enzykliken der Welt zugänglich gemacht wurde. Nach einer Antwort suchend zeige ich aufgrund der apostolischen Konstitution Provida Mater die Wirkung der Enzyklika in Ungarn auf.

«Apostolische Konstitution»³

Über die kanonischen Zustände und über die Weltlichen Institutionen zur Erreichung der christlichen Vollkommenheit Papst Pius XII. Dem Diener der Diener Gottes in ewigem Gedenken.

Die zahlreichen Manifestationen und Schriften der Päpste, Synoden und Kirchenväter zeugen davon, die gesamte Kirchengeschichte und kanonische Disziplin bezeugen leuchtend, mit welchem Eifer und mütterlichen Gefühlen die Mutterkirche bestrebt war, den geliebten Kindern, die ihr ganzes Leben Christus weihen, und ihm auf dem Weg der evangelischen Räte frei und heldenhaft folgen, die Würde zur Ver-

---

¹ The Trial of Dragoljub-Draža Mihailović. Stenographic record and documents from the trial of Dragoljub-Draža Mihailović. Belgrad, 1946. P. 499.

² Battista Mondin: Lexikon der Päpste. St.-Stephans – Gesellschaft vom Heiligen Buch Verlag, Budapest, 2001. P. 697, 701.

³ F. 7717. Apostolische Konstitution. Dokument von Archiv der Diözese von Székesfehérvár.

wirklichung des himmlischen Planes und der Berufung als Engel zu verleihen und ihre Lebensart weise zu beeinflussen.

Tatsächlich war die Kirche seit Beginn des Christentums bestrebt, die zur Vollkommenheit anspornenden Worte Christi und der Apostel und ihr Vorbild gebührend zu beleuchten, als sie die der Vollkommenheit geweihten Lebensweise und die dementsprechenden Regeln aufzeigte. Mit ihrer Tätigkeit entfachte und verbreitete sie so wirkungsvoll die völlige Hingabe und Aufopferung an Christi, dass sich die christlichen Gemeinden schon zu Beginn als fruchtbarer Boden für die Aufnahme der evangelischen Räte erwiesen. Etwas später, wie aus den Werken der apostolischen Väter und alten kirchlichen Schriften leicht ersichtlich ist, erblühte in verschiedenen Kirchen die Annahme des reinen Lebens in solchem Ausmaße, dass dessen Jünger, Asketen... Jungfrauen und anders scharf abweichende, von vielen anerkannte und verehrte Charaktere langsam eine selbständige soziale Ordnung und Klasse am Busen der Kirchengemeinde zu bilden.

Den Nonnen treue und sich selbst gegenüber immer konsequente Kirche entwickelte im Verlauf von Jahrhunderten ganz bis zum Neuen Kirchlichen Gesetzbuch ihr auf den Zustand der Vollkommenheit ausgerichtetes Augenmerk mit mütterlichen Gefühlen auf jene, die sich in unterschiedlichen Formen äußerlich und öffentlich freiwillig zum vollkommenen Leben bekannten. Bei der Verwirklichung dieser ihrer heiligen Entscheidung halfen ihnen in erster Linie ihr vor der Kirche und der Öffentlichkeit abgelegter asketischer Eid – wie der uralte Segensspruch und die wohlöbliche Selbstverpflichtung und Selbstaufopferung der Jungfrauen im Rahmen eines Rituals. Jene wurden von der Kirche nicht nur aufgenommen und anerkannt, sondern auch heilig gesprochen und mutig verteidigt und sogar mit gewissen Rechten ausgestattet. Besonders nahm sich die Kirche der Sache jener an, die öffentlich den streng asketischen Eid abgelegt hatten, von Anfang an – besonders nach dem Frieden von Konstanz – in kirchlich genehmigten, abgesegneten oder auf kirchlichen Befehl geschaffenen Vereinigungen und Körperschaften.

Jedem ist ersichtlich, welch enge und innige Verbindung zwischen der Geschichte der Heiligkeit der Kirche und ihres universellen Aposteltums und dem sich von Tag zu Tag wunderbar leuchtend verändernden und sich zu einer immer enger und edler werdenden Einheit verflechtenden asketischen Leben bestand. Nun ist es nicht verwunderlich, dass die Kirche ihrem Gott ergebenen Willen treu folgend in ihrem Reich des Rechts den kanonischen Zustand der Askese bewusst so regelte, um darauf als auf einen der Grundsteine das Gebilde der kirchlichen Disziplin mit gutem Recht aufbauen zu können. Deshalb zählte sie den Öffentlichkeitsstatus der Askese zu den drei wichtigsten kirchlichen Stadien und die Kirche nahm ausschließlich von diesem Zustand der Vollkommenheit die zweite Ordnung und den zweiten Grad kanonischer Personen. (Cann. 107.) Es ist beachtenswert, dass die zwei weiteren Ordnungen kanonischer Personen, die klerikale und weltliche Ordnung (Cann. 107.108) aufgrund der hierarchischen Kirchenorganisation nach göttlichem Recht bestehen, was von der Kirche noch durch gesetzliche Bestimmungen untermauert wird, während die mittlere Ordnung zwischen den Klerikern und Weltlichen, also die Klasse der Ordensbrüder – zu der Kleriker und Weltliche gleichermaßen gehören – (Cann.107.) völlig aus dieser engen und speziellen Verbindung Einzelner stammt, die diese zur Erreichung der angestrebten Ziele der Kirche, der Vergöttlichung des Lebens an wirksame Mittel bindet.

Aber das war noch nicht genug. Damit der öffentlich und feierlich abgelegte Eid der Vergöttlichung des Lebens nicht vereitelt wird und umsonst sein soll, wollte die Kirche diesen kanonischen Zustand der Vollkommenheit mit größerer Strenge, nur in von ihr geschaffenen und geleiteten Gesellschaften, d.h. Orden anerkennen (Cann.488). Deren allgemeine Form und Grundsätze wurden von ihr nach vorsichtiger und reifer Überlegung mit Amtsgewalt bewilligt, diese Institutionen und deren Statute wurden in einigen Fällen nicht nur theoretisch wiederholt geprüft, sondern auch in der Realität ausprobiert. Diese Forderungen wurden im.

Das Schicksal der Enzyklika in Ungarn

Lajos Shvoy, Bischof von Székesfehérvár, erwähnt in seinem Lebenslauf: «Gegen Herrn Kisberk Imre wurde Klage erhoben, der im Sinne der Provida Mater Enzyklopädie die Jugend organisiert, zusammen mit Tivadar Kertész, der von der Polizei verhaftet worden ist»¹.

Kleine Glaubensgemeinschaften bestanden schon früher. Dies beweisen Aufzeichnungen der Staatssicherheit vom 13. September 1951: «Unser Agent meldete, dass man sich in Székesfehérvár in verschiedene Richtungen organisiert. Margit Jamrich, ehemalige Diözese-Angestellte, kümmerte sich um die Bauertöchter, György Bulányi, Piarist aus Debrecen organisierte die Jungen und parallel dazu gab es

¹ Shvoy L. Autobiografie. Editor: Gergely Mózesy, Archiv der Diözese von Székesfehérvár, 2002. P. 126.

noch eine Organisation der Mittelschülerinnen. Unterstützt soll der Mönch in seiner Jugendarbeit aktiv vom Zisterzienserorden worden sein»¹.

Die Aussage von Bulányi untermauert die Annahme, dass diese Bewegung auf der Enzyklika *Provida Mater* beruht. Darin wird auch von geheimen Treffen im Budapester Ordenshaus der Piaristen im August 1952 berichtet, bei dem mehrere Vorträge gehalten wurden. Unter den teilnehmenden Zisterzienser-, Karmeliter- und Piaristenmönchen und Geistlichen wurde Miklos Juhász ersucht, die Versammlung der Klerikergruppe in die Hand zu nehmen und die Verbindung mit dem Hilfsbischof Mihály Endrey in Eszergom aufrecht zu halten².

Bei dieser Zusammenkunft trafen sich die Leiter mehrerer, unabhängig voneinander bestehender Glaubensgemeinden.

Éva Vadas, eine der berufenen Führerinnen der Bulányi-Bewegung, behauptet in ihrem Bekenntnis vom 2. September 1952, dass György Bulányi die päpstliche Enzyklika *Provida Mater* kennt, diese sich später auch beschaffte und las. Auch erfahren wir aus ihrem Bekenntnis, dass die *Provida*-Gruppen ein geheimes Gelöbnis ablegen und ein ordentliches weltliches Leben führen. Neben ihrem Tageswerk beschäftigen sie sich mit Gruppenarbeit und Erweiterung ihrer Reihen. Die Mitglieder der Bulányi – Gruppen durften später in die *Provida*-Gruppen übertreten, da die dort verbrachte Zeit für sie eine kontinuierliche Vorbildung bedeutete. So konnten sie durch ihre Erfahrungen die junge *Provida*-Bewegung stärken. So wirkten die Basisgemeinden von György Bulányi erfolgreich³.

Pius XII. hatte also schon vor den 50er Jahren in einer, bis dahin weniger bekannten, am 14. März 1947 herausgegebenen, mit den Worten *Provida Mater* beginnenden Enzyklika die Möglichkeiten der Reformierung der katholischen Kirche zusammengefasst, bzw. sich an der Modalität der engeren Bindung der Gläubigen an die katholische Kirche versucht.

Es ging hier nicht um eine radikale Umstrukturierung, sondern um neue Formen der Annäherung und Verbindungen zwischen der laienhaften zivilen Gesellschaft und der Kirche.

Die Enzyklika wird von Lajos Shvoy, dem Bischof von Székesfehérvár, in seinem Lebenslauf erwähnt. Dies muss deshalb extra betont werden, da es außer bei anderen ungarischen Klerikern und der Abwehr keine Hinweise auf die Enzyklika gibt.

Bezüglich des Beginns der *Provida*-Bewegung wurde laut der zur Verfügung stehenden Dokumente am 30. April 1952 eine Akte angelegt. Zwischen der Herausgabe der Enzyklika (1947) und der Verwirklichung ihres Inhalts sind einige Jahre vergangen. Auch die gefährlichen Umstände – Verbot der geistlichen Orden 1950 sowie einige antiklerikale Vorfälle – mahnten zur Vorsicht. Die katholische Kirche reagierte unterschiedlich auf die Expansion der Kommunisten. Pius XII. formulierte die *Provida Mater* als behutsamen Wegweiser. Aufgabe des Priestertums und der Kirchenführung sei es, mit den gebotenen Möglichkeiten zu leben. Das sei die umsichtige Methode «einer Botschaft, keines Befehls».

Die *Provida*-Bewegung begann laut Geschichtsarchiv der Staatssicherheit 1951/1952 in Pomáz. Wahrscheinlich war es dabei auch von großer Wichtigkeit, dass die Jahre 1950–1952 Lajos Shvoy bittere Erfahrungen brachten. In erster Linie 1950, als der Oberhirte Lajos Shvoy in Verbindung mit dem Grösz-Prozess inhaftiert wurde und ohne Anhörung und Die Verwirklichung des Inhalts der *Provida Mater* Enzyklika verlangte große Umsicht, den Organisatoren waren durch sie jedoch nicht die Hände gebunden. Den Umständen entsprechend ermöglichte sie die organisatorische Realisierung unter der Bevölkerung, wofür der Piaristen-Orden am geeignetsten erschien, nach den Franziskanern «der größte, ebenso beliebte wie bekannte nationalbewusste Lehrorden, der auch als solcher gegründet wurde».

Über die Enzyklika *Provida Mater* – beginnend mit «Eine fürsorgliche Mutter» – wird in den Polizeiakten vom 26 April 1952 festgehalten, dass «die Enzyklika es den Bischöfen ermöglicht und ihnen genehmigt, unter dem Namen *Institutum Saeculare* (Weltinstitution) spezielle illegale Mönchsorden zu gründen. Ziel der Enzyklika sei es, dort, wo gesetzlich keine Mönchsorden bestehen dürfen, einen illegalen Orden mit Weltlichen zu gründen, die regulär das Mönchsgelübde – Gehorsam, Keuschheit, Armut –

¹ Historisches Archiv der Staatssicherheits, Bericht von Agenten der Staatssicherheits, Budapest, 1951. P. 13. September Registrierungs-Nummer: 0-11960/2.

² Historisches Archiv der Staatssicherheits, Zusammenfassung aus den Aussagen von György Bulányi, 13. September Registrierungs-Nummer: 0-11960/2.

³ Historisches Archiv der Staatssicherheits, Zusammenfassung aus den Aussagen von Éva Vadas 02. September Registrierungs-Nummer: 0-11960/2. P. 124.

ablegen, für die aber das Leben in der Mönchsgemeinde nicht verpflichtend ist. Diese nehmen unter der Akzeptanz ihres Mönchstums am bürgerlichen Leben teil»¹.

Eine der gewichtigsten gesellschaftlichen Folgen der Modernisierung ist die Vereinsamung, die Entfremdung der Menschen. Dadurch vermehren sich die kleinen Konfessionen. Auch innerhalb der katholischen Kirche verbreiten sich Gemeinschaftsformen, Formen des Zusammenlebens, Sodalitäten – wie es in dem Vorwort der Enzyklika steht – die sich der Kontrolle der Kirche entziehen können.

Damit die Provida Mater Enzyklika akzeptiert und ihr Inhalt verwirklicht werden konnte, musste ein Drehbuch erstellt werden, da die einfachen Gläubigen nur so den Inhalt verstanden. So erstellte der Piaristenprovinzial Sándor Sík unter dem Titel Kiskáté einen Katechismus für die Anwendung der Enzyklika. Diese Frage-Antwort-Form ermöglichte es, den theoretischen Inhalt im täglichen Leben anzuwenden.

In der Sammlung «Die Leiden der ungarischen Katholiken» von Gyula Havasy finden wir das diesbezüglich wichtigste Kronkretum: Im März 1945 kam der kroatische Jesuit Kolakovics nach Ungarn, um mit der Pastoration der Jugend in Kleingemeinden zu beginnen. Wegen der Bewilligung durch die ungarische Kirche wandte er sich an den Erzbischof von Kalocsa, József Grósz, der ihn an den Bischof von Veszprém, József Mindszenty verwies. Im Angesicht der Gefahr der Machtübernahme durch die Kommunisten bewilligte er die die Zukunft der Kirche festigende Gemeinschaftsarbeit»².

Die Kleingemeinden waren nicht nur in Ungarn sondern auch in Polen Motoren der Erneuerung der katholischen Kirche³. Bezeichnend für beide war das intensivere Gott-Erleben. Das festigte die Kleingemeinden und bedeuteten eine Gefahr für die südeuropäischen Einparteienstaaten. Zu nennen seien da die Fokoláre in Italien, die Taizé-Gemeinde in Frankreich und die neuen spanischen Katechumenat-Gemeinden⁴.

Die Provida Mater Enzyklika kanalisierte die bis jetzt «halb-kirchlichen», nicht klassischen Orden, Gemeinden so, dass sie auch der Schaffung von neuen eine Handhabe bietet. Also hat sie nicht (an)genommen, sondern inspirierte und gab Instruktionen zu neuen, in ihrem Wesen besser in die Welt passenden, vom Konsistorium und der Kirche annehmbaren Formationen. Die Provida-Bewegung basierte in ihren Basiselementen auf den Pfarrgemeinden.

Also waren solche Pfarreien notwendig, deren Leitung die illegalen Organisationen mit ihrer ganzen Kraft unterstützten. Neben den personellen Voraussetzungen mussten auch die günstigen religionssoziologischen Umstände beachtet werden. Pomáz war 1960 eine 7600⁵ Seelengemeinde nördlich von Budapest im Distrikt Szentendre und gehörte zum oberen Dechant von Buda. Seit 1770 gab es in der Gemeinde eine Pfarrei mit 6900⁶ katholischen Gläubigen und wurde von Kálmán Tölgyes geleitet.

Für die organisatorischen Aufgaben war Kaplan Tivadar Kertész zuständig⁷. Über die soziale Zusammensetzung der Gruppe in Pomáz haben wir nur wenige Angaben. Angeblich standen Kálmán Tölgyes und Tivadar Kertész mit etwa 58 Jugendlichen, 45 Mädchen und 13 Jungen⁸ aus Pomáz in Verbindung. Unter ihnen waren Weberinnen und Gärtner im Alter zwischen 20 und 30 Jahren⁹.

Die Bewegung wurde im Dezember 1952 in schärfster Weise unterdrückt: Im Prozess gegen Parist György Bulányi und 10 Mitstreiter (7 Paristen – Lehrer, 2 Nonnen und ein Weltlicher) wurde vom Staatsanwalt die härteste Strafe verhängt (Verurteilungen von 7-15 Jahren)¹⁰. Die sich 1951-1952 unter dem Patronat von Bulányi und der Leitung von Imre Kisberk entwickelnde Provida-Bewegung rief die Gegenreaktion der Staatssicherheit hervor, die diese Jugendarbeit innerhalb der katholischen Kirche im Keim ersticken wollten.

---

¹ Historisches Archiv der Staatssicherheits, Illegale Broschüre von Christians Katechismus, Registrierungsnummer 885/11.

² Havasy G. Das Leiden der ungarischen Katholiken 1944–1989. Budapest, 1990. P. 213.

³ Gyula Havasy: Das Leiden der ungarischen Katholiken 1944–1989. Budapest, 1990. P. 387.

⁴ Havasy G. Das Leiden der ungarischen Katholiken 1944–1989. Budapest, 1990. P. 214–216.

⁵ Neue ungarische Lexikon. Akademischer Verlag, Band 5. Budapest, 1962. P. 458.

⁶ Der Schematismus der Diözese von Székesfehérvár 1977. P. 214.

⁷ Historisches Arhiv der Staatssicherheits, Bericht von Agenten, Budapest, 16. Mai 1951. Registrierungsnummer: 0-11960/2. Budapest, 6. April 1952. Registrierungsnummer: 0-11960/1.

⁸ Historisches Archiv der Staatssicherheits, Bericht von Agenten Budapest, 21. Mai 1952. Registrierungsnummer: 0-11960/1.

⁹ Historisches Archiv der Staatssicherheits, Bericht von Agenten, Budapest, 16. Mai 1952. Registrierungsnummer: 0-11960/2.

¹⁰ Havasy G. Das Leiden der ungarischen Katholiken 1944-1989. Budapest, 1990. P. 182.

Die nächstliegende Methode waren Einschüchterung und Störung. Über die Organisation der Provida-Bewegung wurde von Spionen in der Organisation kontinuierlich an die Staatssicherheit berichtet. Die Organisationsarbeit von Tivadar Kertész und Imre Kisberk wurde vom ersten Schritt an von der Staatssicherheit beobachtet.

Die Bewegung von Bulányi weist ähnliche Züge auf wie die der Provida-Bewegung. Auch in das Veszprémer Seminarium gelangte der Gedanke der Gründung von zivilen geistlichen Orden, inspiriert von der Provida Mater Enzyklika. Die ungarische katholische Kirche wollte die künftigen Geistlichen auf ein Dasein im Verborgenen vorbereiten.

Der institutionierte Terror war auch Quelle von Schreckensbotschaften. Es lag auch im Interesse der Staatssicherheit, die Furcht in der Gesellschaft – und darunter in den religiösen Kleingemeinden – zu schüren. Die Mitarbeiter der Staatssicherheit konnten bei sich bietender Gelegenheit, in ungezwungenen Situationen oder alkoholisiert Zivilen von Fällen berichten, die genauso wahr sein konnten wie auch geheimnisvoll unwittert. Eine Mitarbeiterin im niederen Dienst sagte Magda Szabó, einer Provida-Gruppenleiterin, dass bestimmte Zusammenkünfte von Agenten in abgehörte Wohnungen gelenkt oder von gegenüber liegenden Wohnungen aus die Anwesenden fotografiert worden waren. Sie erklärte auch, dass wenn für den Sicherheitsdienst nützliche Personen angeworben werden sollten, für deren Anwerbung aber nicht genügend belastende Gründe vorlagen, deren Kinder oder Angehörige entführt worden waren, um sie so zum Dienst zu zwingen. Manche wurden gut, manche weniger gut bezahlt.

Sie erwähnte, dass vor kurzem die Sittenpolizei eine Frau festgenommen hatte, die beim Staatssicherheitsdienst eingeschleust worden war. Sie war mit Pelzen, Schmuck und Geld versehen worden, um «hochgestellte» Personen zu beobachten. Dadurch konnten auch zwei wichtige Personen festgenommen werden. Zur Zeit sitze sie in Márianostra, da sie den Sicherheitsdienst verraten hatte. Magda Szabó erfuhr auch, dass jene Staatssicherheitsmitarbeiter, die zu Verrätern geworden waren, in das Krematorium Makosmária gebracht wurden, von wo sie weder lebend noch tot zurückkehrten¹.

Der Staatssicherheitsdienst war bei seinen Methoden nicht wählerisch, provozierte ständig die Kirche und mischte sich so auch in ihre Angelegenheiten ein. Als Folge dessen erschien in «Der neue Mensch» ein Artikel, der nicht vom Bischof verfasst worden war, obwohl man ihn dazu zwingen wollte, sondern ohne sein Einverständnis erschien².

Vom Gesichtspunkt der Kirchengeschichte aus interessant ist die Beziehung zwischen der Provida Mater Enzyklika und der nach ihr benannten Privida-Gruppe sowie der Bulányi-Basisgemeinde. Aufgrund der zur Verfügung stehenden Dokumente kann festgestellt werden, dass die ungarische katholische Kirche versuchte, den Inhalt der Enzyklika nach ihren Möglichkeiten und den Empfehlungen des Heiligen Stuhls entsprechend zu verwirklichen. Grundprinzip der Provida-Gruppen war für sie der Glaubenseifer und ihr Ziel, die Zahl der nach dem Prinzip der «Weltgemeinde» Lebenden zu erhöhen sowie die Einbettung der Kirche in die Gesellschaft nicht nur zu bewahren, sondern auch noch zu vertiefen. Bei der Organisationsarbeit der «Bewegung» durfte György Bulányi mit seinen reichen Erfahrungen nicht fehlen. Das erklärt auch die aktive Unterstützung der ersten Schritte der Provida-Gruppen durch die Leitung der Bulányi-Gemeinden.

Die Organe für Innere Angelegenheiten erkannten nicht genau das Verhältnis zwischen der Bulányi-Bewegung und der Provida-Gemeinden und standen vor der Entscheidung, welche sie zuerst liquidieren sollen. Wichtig für die Entscheidung dürfte die Beurteilung der Lage durch die Kirche gewesen sein. Ein Agent unter dem Decknamen Horváth, seinem Bericht nach Pfarrer, provozierte Imre Kisberk, und ließ sich trickreich seine Meinung über die Bulányi-Bewegung erzählen. Auf Anweisung der Sicherheitsbehörde erklärte der Agent Kisberk, er sei von Jenő Török, einem Leiter der Bulányi-Gruppe gebeten worden, während des Ausflugs im Juni im Rahmen der geistlichen Übungen einen Vortrag zu halten. «Imre Kisberk erhob dagegen für ihn untypisch heftig Einspruch. Er meine, ich solle dies unter keinen Umständen übernehmen, da es für die Organisation Bulányis keine echte Basis gäbe und keine großen Ergebnisse zu erwarten seien. Er bat den Agenten, sich von Jenő Török und seinesgleichen fernzuhalten»³.

Jenő Török äußerte sich dem Agenten unter dem Decknamen «Tulpe» gegenüber über die Bedeutung der Provida Mater Enzyklika. Er erklärte, ihre Aufgabe sei es, das Ordensideal als die christliche

¹ Historisches Archiv der Staatssicherheits, Bericht von Agenten, Budapest, 20. Juni 1953. Registrierungsnummer: 0-11960/2.

² Historisches Archiv der Staatssicherheits, Bericht von Agenten Budapest, 27. Mai 1952. Registrierungsnummer: 0-11960/2.

³ Historisches Archiv der Staatssicherheits, Bericht von Agenten, Budapest, 29. Mai 1952. Registrierungsnummer 0-13581/1. P. 105–106.

Vollkommenheit auf der ganzen Welt zu verbreiten. Zu nennen seien diesbezüglich die Sozialen Brüder, die Soziale Missionsgesellschaft unter der Leitung von Margit Slachta und Edit Farkas. Demgegenüber nennt die Provida Mater lateinisch die Grundzelle der neuen Organisation – institutum saeculare- (Weltorganisation), deren Anhänger keine Uniformen mehr tragen, nicht öffentlich wirken sowie nicht gemeinsam leben. Den dreifachen Eid (Gehorsam, Keuschheit, Armut) legen sie als völlig privaten Eid ab.

Jenő Török würde bezüglich der Ablegung des Eides durch weltliche Ordensmitglieder es als revolutionäre Neuerung betrachten, wenn man das Keuschheitsgelübte reformieren würde und ihnen die Möglichkeit einer Eheschließung gewähren würde. Er sieht dies deshalb als realisierbar an, da kirchenrechtlich die Mitglieder eines institutum saeculare in die Gruppe von Klerikern (Mönche) oder Pfarrern gehören würden. Solche bestehen auch schon in Ungarn. Derzeit darf man dies nicht aktiv ausüben, sie würden sofort liquidiert. Seines Wissens nach sei seit 1949 Hilfsbischof Imre Kisberk mit den Angelegenheiten der «weltlichen Brüder» «beauftragt»¹. Jenő Török kannte als Mitglied des traditionellen Piaristen-Ordens das strenge moralische Postulat des Mönchslebens. Es ist verständlich, dass er das Keuschheitsgelübte für die neuen, in die zivile Gesellschaft hineinwachsenden Glaubensgemeinden für übertrieben hält. Einige praktische Bemerkungen bezogen sich auf die Sicherung der Funktionsbedingungen. Jenő Török fasste die Vorschriften der Enzyklika flexibel auf, um dem Entstehen der neuen Kirchenorganisationen Vorschub zu leisten.

Der Agent «Tulipán» bekam den Auftrag, «beim nächsten Treffen mit Jenő Török die derzeitige Tätigkeit des weltlichen Ordens in Ungarn zu klären und ob die von Bulányi geleitete Gruppenarbeit als Richtlinie der päpstlichen Enzyklika zustande gekommen ist»². Wichtig für die Partei und Staatsführung war das Verhältnis der Glaubensbewegungen zur Enzyklika: «Laut unserem Agenten sei die Gruppenarbeit von Bulányi und Török eine Art «Weltorden», der nicht streng organisiert «apostolische» Aufgaben ausführt, d.h. sie legen keinen Eid ab, verrichten aber heimlich Agitationsarbeit (Verbreitung der katholischen Weltanschauung unter Negierung des Materialismus und der bisherigen Errungenschaften der Volksrepublik)»³. Dem Satz in Klammern nach beurteilte der Staatssicherheitsdienst beide Bewegungen gleich. Den Organen des Inneren nach sei die Basisgemeinde von Bulányi die gefährlichere, und wenn sie ein abschreckendes Beispiel statuieren, dann hemmen sie auch die Vehemenz der Providaer. Darauf deutet ein Bericht des Agenten «Szilárd»: Treffen mit Hilfsbischof Imre Kirberk. Dieser erklärte, dass mehrere Piaristen verhaftet worden seien, so György Bulányi, Miklós Juhász und Jenő Török. Bezüglich der Verhaftungen meinte Kisberk, dass er auch mit ihnen zu tun hatte. Einer der Piaristen wandte sich mit der Bitte an ihn, im Geheimen drei Ordensmitglieder zum Priester zu weihen, die ihre Pfleglinge seien und die weiter zivil arbeiten und klerikale Arbeiten verrichten würden. Ich –sagte Kisberk – erklärte ihm, das sei unmöglich. Ich empfahl ihm, sich an den Komitatsbischof oder an die Ordensleitung zu wenden, da diese dazu berechtigt seien. Ich übernehme keine unsicheren Angelegenheiten. «Jedoch schenken Anmerkungen des Berichts Kisberk's Worten keinen Glauben. Kisberk übernahm nämlich die Vermittlung und wandte sich mit seiner Bitte an Lajos Shvoy, Bischof von Székesfehérvár. Nur dem Agenten gegenüber wollte er den Schein erwecken, die Arbeit von Bulányék zu missbilligen⁴. Die Verhaftungen schürten die Angst. Das beweist der Bericht des Agenten «Szilárd»: Der Franziskaner Ottmár Faddy sagte im Speisesaal des Ordenshauses, dass sich in Pomáz die Ordensbrüder und Mitarbeiter von Jenő Török eingemistet haben. Durch die Verhaftung von Török werde Tölgyes, Dechant von Pomáz, Schwierigkeiten bekommen, da er von der illegalen Jugendarbeit wusste und auch die Räume der Pfarrei zur Verfügung gestellt hatte. «... Faddy erklärte, dass bei der Verhaftung der Pfarrer die Namensliste jener gefunden worden war, die im Sommer im Jankovics-Ferienhaus an Geistesübungen teilgenommen haben. Er habe mit mehreren Personen der Török-Gruppe gesprochen, die außerordentlich fanatisch waren und Török hundertprozentig vertrauten. Bezüglich der Zusammenkünfte bemerkte er, dass diese in verschiedenen Wohnungen stattfanden, wo Török Vorträge hielt und das heutige System nicht verschonte ...»⁵.

Ein Bericht des Agenten «Kornél» vom 20 September 1952 beschreibt nach einem Gespräch in der Wohnung von Kisberk sehr detailliert die Lage der «Provida-Bewegung»: «Laut Kisberk wurden die von Bulányi deshalb verhaftet, weil sie eine Publikation herausgegeben haben, in der sie in Bezug auf eine

¹ Historisches Archiv der Staatssicherheits, Bericht von Agenten, Budapest, 11. Januar 1952. Registrierungsnummer: 0-13581/1. P. 96–97.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Historisches Archiv der Staatssicherheits, Bericht von Agenten, Budapest, 10. September 1952. Registrierungsnummer: 0-13581/1. P. 120.

⁵ Ibid.

Bischofskonferenz den Episkopat kritisierten, aber auch, weil sie die Jugend organisierten. Über Ernő Sigmond Strecke sagte Kisberk, er habe mit Universitätsstudentinnen einen Nonnenorden aufgrund der Provida Mater Enzyklika gegründet. Er wisse auch, dass die Organisation bei Bulányi ebenfalls auf der Provida basiere. Kisberk gab zu, dass sie verhaftet wurden, weil ihre Tätigkeit auf der Enzyklika basiert. Auch habe die Bewegung sehr viele Mitglieder in Debrecen, Szeged und Székesfehérvár. Seiner Meinung nach möchten noch viele in den Orden eintreten. Nach Kisberk sollte man den Jugendlichen sagen, dass sie zuerst einen privaten Eid ablegen sollten und den lokalen Pfarrern ihre Dienste anbieten sollten. In Székesfehérvár wurde dies schon nach Diözese und Dechanat organisiert. In Budapest entstanden auf ähnliche Art mehrere größere Gruppen, in erster Linie Männergruppen. Er teilte mit, das Kirchengesetzbuch beschäftige sich noch nicht mit diesen illegalen Orden, die sehr wichtig sind, da sie an die Stelle der Mönchsorden treten müssen.

Im Allgemeinen seien diese im Rahmen der Diözesen zu schaffen, geeigneten Pfarrern anzuvertrauen, nach Dechantkreisen einzuteilen und dafür klerikale Leiter zu ernennen. Die Mitglieder der illegalen Mönchsorden sollen in die Arbeit der Pfarrgemeinde einbezogen werden und es soll ihnen nicht so gehen wie den Mönchsorden, die sich abgesondert haben, nicht am Leben der Kirchengemeinde teilgenommen haben und sich auch von den Menschen fernhielten. Kisberk berichtete auch, dass nach dieser Methode z.B. Tibor Palánkay in Kispest arbeitet. Seiner Meinung nach sei das der Grund für die erneute Ausweitung der Tätigkeit der illegalen Mönchsorden in der Kirchengemeinde Vác. Weiter legte er dar, dass er bezüglich solcher Provida-Angelegenheiten mit den Piaristen György Bulányi und Jenő Török in Verbindung gestanden habe. Bulányi war einige Tage vor seiner Verhaftung bei Kisberk und sie haben sich im Wesentlichen geeinigt¹.

Die Organisation der Provida-Gemeinden verlief 1952 – nach einer durchdachten Konzeption – im Stillen.

Die schnelle und bestimmte Aktion der Staatssicherheit gegen die als organisiert scheinende Bulányi – Bewegung hatte die Zerrüttung der Provida-Bewegung zum Ziel.

Die kommunistische Diktatur schien Bulányi für gefährlich zu halten, was die harten Urteile bewiesen. Dazu Bulányi: «Soweit ich mich erinnere, brach am 9 Dezember 1952 der große Tag an und wir kamen vor den Jónás-Rat. Bei meinem Prozess waren die Angeklagten an lange Ketten gefesselt... angeklagt wegen Gesetzartikel 7/1946², Organisation zum Sturz der Volksdemokratie, Höchsturteil der Strang. ... Als Erstangeklagter bekam ich lebenslänglich ... Der Zweitgeklagte, der Piarist Miklós Juhász bekam 14 Jahre, Ernő Sigmond Strecke als 5. Angeklagter 10 Jahre, der Piarist Jenő Török 14 Jahre»³.

Die harten Urteile dienten der Einschüchterung. Auch deshalb, weil die Bulányisten den aufgezungenen Vergleich modus vivendi mit dem Staat zurückwiesen.

Der Prozess gegen Bulányi und die ein Beispiel statuierenden Urteile schienen effektiv abschreckend auf die Provida-Bewegung gewesen zu sein.

Weder in der noch verbleibenden Rákosi-Ära bis 1956, noch in den ersten Jahren der Vergeltungen nach der Revolution von 1956 gab es in den Dokumenten der Politpolizei Spuren der Provida-Bewegung.

Nach dem Bulányi-Prozess von 1952 finden wir erst nach 1960 Hinweise auf die Enzyklika in den Dokumenten des Innenministeriums. Im Bericht der Unterabteilung II/5 des Innenministeriums steht, dass die Abwehrorgane erfahren haben: «dass Zisterziensermönche unter der intellektuellen Jugend (Mittelschüler, Studenten, junge Ingenieure, Ärzte) seit 1949 illegalen Tätigkeiten in überregionalem Ausmaße nachgehen. Das Grundprinzip der weltlichen illegalen, klerikalen Jugendarbeit sei die Provida Mater, die die Organisation von Drittorden (Weltlichen) und darunter die idealistische Erziehung und das Ablegen des Gelöbnisses erklärt. Ziel der Bewegung sei die Vertiefung der Treue zur Kirche, Widerlegung der Grundlagen der Volksdemokratie sowie die Diskriminierung der Schulausbildung. Kennzeichnend sei der Hass auf die Sowjetunion, der Nationalismus sowie Chauvinismus. Das praktische Ziel der illegalen Tätigkeit sei die Vorbereitung bestimmter Schichten der Jugend auf einen eventuellen Systemwechsel. Der organisatorische Aufbau basiert auf regionalen, familiären Gemeinden.

Als Basis dienen jene Orte, in denen sich Zisterzienser Mittelschulen und Pfarrbezirke befanden. Dort bildeten sich Zellen, Gruppen und Hauptgruppen, die ausschließlich von Weltlichen organisiert wurden, darüber hinaus übernahmen Mönche des Zisterzienserordens die Leitung der Tätigkeit. Landesweit gab es fünf

¹ Historisches Archiv, Bericht von Agenten, Budapest, 20. September 1952. Registrierungs-Nummer: 0-13581/1. P. 124–125.

² 7/1946. Gesetzartikel der demokratischen Republik und der politischen System.

³ Varga K.H. Priesterschicksale unter Hakenkreuz und Rotem Stern Band 2. Abaliget, 2002. P. 513–514.

Zentren, an deren Spitze der Zisterziensermönch Dr. Bernandin Pálos stand. Es wurde viel konspiriert und die Treffen fanden immer in einer anderen Wohnung statt. In erster Linie waren es Kinder von Klassenfremden bzw. Handlangern des Horthy-Regimes. Für die Schulung erstellten verschiedene Geistliche Broschüren, aus denen gelernt wurde. Personen und Leiter dieser illegalen Tätigkeiten standen in Verbindung mit den Jesuiten, den Piaristen und der Priestergemeinde Regnum. Unterstützung bekamen sie aus dem westlichen Ausland, in erster Linie über Wien»¹. Das Dokument listet separiert die Namen der priesterlichen und weltlichen Leiter auf. Das ist ein Zeichen dafür, dass die Zielsetzung der Provida Mater Enzyklika, die Schaffung einer weltlichen Institution in den von den Zisterziensern geleiteten Gemeinden ihrer Verwirklichung entgegensah und auch die zivile Sphäre in die Provida-Bewegung einbezogen werden konnte. Während der Arbeit erweiterten sich die Beziehungen und wurden immer komplexer. Es kam zu interessanten Beziehungen zwischen Geistlichen und Weltlichen. Barlay Ö. Szabolcs, Havass Géza, Golenszky Candid., Keglevich István, Ruppert János, Kölley György, Emódi László, Pantol Márton, Kalmár Ödön gehörten zu den geistlichen Leitern, unter den Namen der Weltlichen finden wir Ránki Ernő, dr. Andrásy Ferencné, Kovács László, Nobilis Gáspár, Rosdy Pál, Róna Tass Andrásné und Zakariás István².

Der Zisterziensermönch Ödön Barlay war Lehrer für Ungarisch und Italienisch, einer der herausragendsten Persönlichkeiten in der Gruppenarbeit, der als ausgezeichnete Pädagoge seine ehemaligen Schüler in die Gruppenarbeit einbezieht, so entstand eine Garde elitärer Leiter.

Gruppenführer bei den Jungen waren: János Vincze, Absolvent der TU, 10-11 jährige, Gyula Csiki, Ingenieur bei GANZ, 15-16 jährige, Ferenc Herbai 12-13 jährige, György Szöllösi, Kunststudent 8-10 jährige. Bei den Mädchengruppen: Judit Vajnai, Márta Vértes, Nikolett Luka Medizinstudentinnen leiteten die Gruppen der 10jährigen. Für Szabolcs Barlay Ö. bedeutete der Mediziner László Luka ein Problem, da er durch politische Äußerungen die Aufmerksamkeit der Abwehr auf sich lenkte³.

In der am 27 Februar 1959 angelegten Akte «Fekete Hollók – schwarze Raben» finden wir vom Gesichtspunkt der Organisationssoziologie und Leitung interessante Dokumente. Einer der Mönche listet nach Orden die geistlichen Leiter und die Stärke ihrer Gruppen auf.

Tabelle 1

Name des Leiters	Stärke der von ihnen geleiteten Gruppen	Mitglieder insgesamt
Jesuiten		
Süle Géza	57	123
Szabó József	26	
Rózsa Elemér	40	
Zisterzienser		
Dr. Barlay Ö. Szabolcs	150	370
Kalász Mihály	200	
Kelety Géza	20	
Orden Regnum		
Emódy László	40	80
Keglevich István	28	
Tompa Sándor	12	
Sonstige Gruppen		
Kölley György	72	374
Kovács Imre	50	
Ikvy P. László	171	
Sonstige Gruppen insgesamt:		81
		947 Personen

¹ Historisches Archiv der Staatssicherheit, Bericht von Agenten, Budapest, 3. Oktober 1960. Registrierungsnummer: 0-11802/6. P. 289–290.

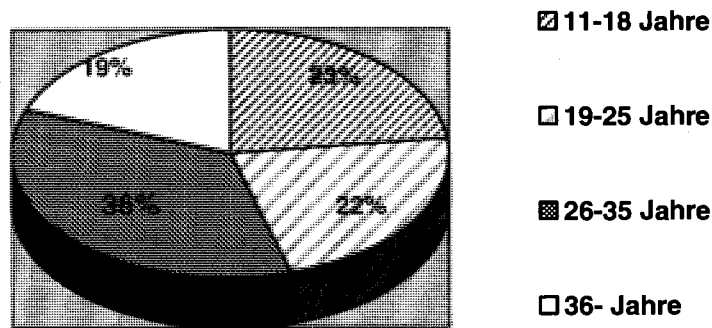
² Historisches Archiv der Staatssicherheit, Bericht von Agenten, Budapest, 3. Oktober 1960. Registrierungsnummer: 0-11802/6. P. 289–290.

³ Historisches Archiv der Staatssicherheit, Bericht von Agenten, Budapest, 12. Februar 1959. Registrierungsnummer: 0-11802/5. P. 181–188.

Einem Bericht vom 30 November 1960 nach sollen die einzelnen Sektionen der Provida-Bewegung in erster Linie Mitglieder der verbotenen Jesuiten- und Zisterzienserorden sowie Piaristen geleitet haben. Weiterhin sollen auch reaktionäre und Weltpriester an der illegalen Gruppenarbeit teilgenommen haben, in erster Linie jene, die früher an der katholischen Jugendbewegung bzw. an der Pfadfinderbewegung teilgenommen haben. Laut Bericht waren unter den damals bekannten 57 führenden Geistlichen 11 Jesuiten, 25 Zisterzienser, 10 Piaristen, 5 Benediktiner, 6 ehemalige KIOE- (Landesverband der christlichen Jugend) bzw. KLOSZ- Mitglieder (Landesverband christlicher Mädchen). Ihren Kenntnissen nach beschäftigen sich illegal die Jesuiten mit 80 Jugendlichen, die Zisterzienser mit 1000, die Piaristen mit 340 und die Leiter von KIOE und KLOSZ mit 280 Jugendlichen, das sind insgesamt 1700 Personen.

Tendenziell kann aufgezeigt werden, dass bei der Organisation und Leitung der religiösen Kleingemeinden die Piaristen und Jesuiten ihren Platz behaupten konnten, während sich der Einfluss der Zisterzienser in bedeutendem Maße vergrößert hat. Der Grund dafür kann der sein, dass die Kirche wegen dem Bulányi-Prozess (1952) Ende der 50er, Anfang 60er Jahre die Leitung Zisterziensern mit ähnlicher Infrastruktur, Schule und etwa gleichgroßer Gemeinde wie die der Piaristen übertragen hat. Auch im Zisterzienserorden gab es Geistliche mit einem dem von Bulányi oder Török ähnlichen Sendungsbewusstsein. Mit dieser Schwerpunktverschiebung versuchte die Kirche zu vermeiden, dass ein traditioneller Mönchsorden, in unserem Falle der der Piaristen, durch den inneren Abwehrdienst zu großen Schaden nehme. Diese Flexibilität wird auch durch die Provida Mater Enzyklika gesichert.

Den Angaben von 1960 nach betrug die Zahl der Gemeindemitglieder 1700, eine herausragende Zahl in den Zahlenreihen ab 1958. Für die Innere Abteilung gab bestimmt auch der Umstand Anlass zur Beunruhigung, dass sich die gesellschaftliche Zusammensetzung der Gemeinden auf die gesamte soziale Struktur erstreckt. Auch die Aufteilung der Altersgruppen fiel für die Kirche positiv aus:

P.1. Abbildung: Aufteilung nach Altersgruppen¹

Den zur Verfügung stehenden Angaben nach betrug der Anteil der Jugendlichen zwischen 11–35 Jahren 81,76 %. 65 % der Gruppen befanden sich in Budapest, 35 % auf dem Lande, in den Komitaten Baranya, Csongrád, Heves und Fejér².

Die Abwehr suchte eine Erklärung für den gewachsenen Einfluss der Kirche: «Eine zentrale Steuerung der einzelnen Zweige von einem gemeinsamen Zentrum aus können wir derzeit nicht nachweisen. Beachtenswert sei, dass der das Programm der Bewegung bildende päpstliche Rundbrief Provida Mater und der 1960 erschienene Rundbrief des Episkopats in der DDR seien richtungsweisend für die Tätigkeiten aller Zweige. Diese Rundbriefe enthielten einen offenen Aufruf zum Kampf gegen das volksdemokratische System mit vorgegebenen Kampfmethoden. Viele illegal übersetzte, vielfältige und verbreitete Broschüren kursieren in den verschiedenen Sparten der Bewegung, hauptsächlich kommen sie von dem Piaristen Jenő Török aus Wien, der dort Abteilungsleiter der ungarischen Abteilung des Buchverlags Opus Mistici Corporis ist. Török floh während der Konterrevolution in den Westen.

¹ Eigene Berechnungen aufgrund der statistischen Anlage zu Historisches Archiv der Staatssicherheits, Registrierungs- Nummer: 0-11802/1.

² Historisches Archiv der Staatssicherheits, Budapest, Bericht von Agenten, 30. November 1960. Registrierungs- Nummer: 0-11802/1. P. 80.

Früher war er einer der ungarischen Führer der illegalen klerikalen Jugendarbeit. Die bis jetzt eingetroffenen Bücher und Broschüren bedeuten eine praktische Hilfe für die illegale Tätigkeit des Klerus»¹.

Wenn wir den Text der *Provida Mater* lesen, finden wir darin keine offenen politischen Hinweise zur Aufwiegelung. Die Zuständigen der Sicherheit entdeckten natürlich hinter den vorsichtig formulierten Ratschlägen politische Absichten – darauf waren sie ja dressiert.

Ziel der *Provida Mater* war es, durch populäre Seelenfischerei die Zahl der Gläubigen und damit die Seele der Kirche zu erhalten. Da die katholische Kirche ihre führende Position bezüglich der Zahl der Gläubigen behauptete, kann angenommen werden, dass die Enzyklika damit ihrer historischen Berufung nachgekommen ist. Dies konnte nur deshalb so erfolgreich sein, weil die Kirche die Glaubensgemeinschaften so bewahren konnte, dass jene freiwillig ihrem Glauben treu blieben.

J. Martinkó

The MiG era in Hungary

As determined by the military command, the MiG-29 aircraft are bound to terminate service in Hungary on 31st. December 2009, from which date Swedish produced Gripens will provide readiness. Evidently, this decision may still be shaped by a variety of factors that, at best, would temporarily delay withdrawal of the MiG-29 aircraft type from the fleet but will not change the fact that a 58-year long chapter of Hungarian military aviation history is ending.

A requiem must also be sung for the MiGs because no other aircraft series ever served in Hungary for so long and in such a high number during peace time. My calculations show that in the past 58 years, 581 MiGs have been flown by the Hungarian Air Force, excluding the number of replacements for crashed aircraft. The total number of MiG aircrew estimated at 1,500 to 1,600 is also unprecedented for any other military aircraft series in Hungary (the exact number is not known).

Of the 17 pilots assigned for retraining, Wing Commander István Mezőfi was the first Hungarian air officer to fly a MiG-15 jet fighter alone on 24th August 1951.

The MiG-15 (NATO code: Fagot A-B) were flown in Hungary until 1975. The aircraft type heralded a new era in aviation history as prop planes were replaced by jet aircraft capable of flying at a speed of 1,000 kilometres per hour. However, this change took its toll since 35 MiG-15s crashed, 39 aircrew died and 4 ejected successfully during the 24 years of service. Three versions of the aircraft type were flown in Hungary: 62 MiG-15s (powered by the RD-45 engine, a copy of British Rolls-Royce Nene 1), 103 MiG-15bis-s (powered by the VK-1engine) and 67 MiG-15 UTI two-seat trainers, making up a total fleet of 232 MiG-15s.

Following the 1956 revolution, 62 MiG-15 and 11 MiG-15bis fighters as well as 21 MiG-15 UTI trainers-representing half of the fleet-were transferred back to the USSR. The aircraft type introduced novel features to Hungarian aviation due to its swept wings, a maximum flight speed of over 1,000 kilometres per hour, the ejection seat, and the hydraulic aileron actuator. It was equipped with an armament of two 23-mm and one 37-mm cannons that had considerable fire power. The aircraft made a combat debut in the Korean War and proved highly successful before the launch of the US F-86 Sabre fighter.

Hungary had several interesting incidents with the MiG-15s. On 21st January 1956, the MiG-15 scramble aircraft pair of the 24th Fighter Regiment at the Sármező base was alerted to intercept an air-space violator. While flying above Lake Fertő, the two aircraft encountered a pair of Soviet MiG-17 fighters which had also been scrambled in Pápa to intercept the same plane. The two pairs of aircraft identified one another as aerial target with the Soviet fighters opening fire at the Hungarian aircrew who returned it. In the air battle, Flying Officer Sándor Magyar crashed with his plane and died on Austrian territory while one Soviet pilot ejected. Both the Soviet and the Hungarian military commanders attempted to disguise the case as a collision which, as a matter of fact, resulted from the lack of cooperation between the Hungarian Army and the Soviet Air Force units stationed here. In the days of the 1956 revolution, a pair of MiG-15bis aircraft based at Kecskemét was sent on a mission to disperse the crowd gathering in Tisza-

---

¹ Historisches Archiv der Staatssicherheits, Budapest, Bericht von Agenten, 30. November 1960. Registrierungs- Nummer: 0-11802/1. P. 102–103.

kécske. The escort fighter returned to the base after the pilot reported technical failure. However, Pilot Officer Géza Takács launched several air strikes and also fired at the people under unclear circumstances. The unjustified act of firing resulted in a death toll of 18 and over a hundred casualties. Squadron Leader Bíró and Flying Officer Zoboki defected to the Aviano military air base in Italy with the same aircraft type in 1969 and 1971, respectively.

The next aircraft type is the MiG-17F (NATO code: Fresco A) fighter (where F denotes the after-burning mode of operation), of which 20 were purchased by Hungary and based at the Kecskemét military airport. After several months of flight service and the occurrence of the 1956 revolution, all of them were transferred back to the Soviet Union and never returned. The aircraft had an armament of two 23-mm and one 37-mm cannons.

The MiG-17 PF (NATO code: Fresco B) is an all-weather interceptor fighter with an airborne radar and an armament of three 23-mm cannons. The aircraft type was put into regular operation in 1956 with the 12-fighters split equally between the air force bases of Taszár and Kecskemét in the initial period (all of them were transferred to Kecskemét later). Following the 1956 revolution, all of the aircraft were transferred back to the USSR by the Soviet Army and returned in the autumn of 1957. The aircrew had two-phase training in the USSR. During the 24 years of the MiG-17 PF in service, one aircraft was destroyed and one pilot died in training in the USSR. In Hungary, the 1960 air crash took the life of Wing Commander István Mezőfi, the same pilot who flew the first jet fighter alone back in 1951.

The MiG-19 PM (NATO code: Farmer C), the two-engine interceptor fighter debuted in Hungary in 1959 and served for a relatively short period of 12 years. This aircraft type had a maximum speed of Mach 1.4 and opened new horizons in supersonic flight. The 12 aircraft were all put in service at the Taszár air base. The fighter was equipped with airborne radar and four radar-guided air-to-air missiles but with no cannons (self-defense armament). During its operational period, three aircraft crashed and two aircrew died.

The MiG-21 aircraft family, the world's most built supersonic fighter, was launched in Hungary in 1961 and became the mainstay fighter of Hungarian Air Force squadron for 39 years. This record can be attributed not only to the six versions built and the total fleet of 261 aircraft but also to the high number of flight hours and aircrew. Due to the high landing speed and a combination of other flight specifics and technical characteristics, this delta-winged fighter did not have a sufficient level of safety. It is proven by the fact that 75 MiG-21 aircraft (28.7 per cent of the fleet) crashed and 30 pilots died whereas 42 aircrew survived as a result of 40 ejections. Interestingly, MiG-21s were repaired at the Pest Region Machine Factory in Hungary. During the 35-year period of service, approximately 500 aircraft had regular repairs and general overhauls here, which generated a significant amount of industrial capacity, highly qualified jobs and intellectual capital.

The first member of the aircraft family was the MiG-21F-13 (NATO code: Fishbed A) or Type 74, alternatively, as referred to by the Soviet designers and constructors for reasons of confidentiality. When the aircraft type was put into regular service, no two-seat trainer version had yet been developed. This factor, combined with the difficulties of operational conversion to new generation fighters and the often immature and unproven technical systems, contributed to the worst accident rate within the aircraft family, as 37.5 per cent of MiG-21F-13s were destroyed and 12 pilots died. The aircraft was a frontline fighter with excellent vertical manoeuvring capability, a 2.05 Mach maximum speed and a flight ceiling of 18 kilometres. However, its armament was far from being state-of-the-art since the aircraft had no airborne radar, carried two infrared-guided air-to-air missiles and was equipped with one 30-mm built-in cannon. Deployment was restricted to good visibility conditions. MiG-21F-13s were based at all three Hungarian military airports (including Pápa, Taszár and Kecskemét), and served for the longest period with the Kecskemét squadrons until 1976. An interesting incident happened in 1973 during the Yom Kippur War when 10 MiG-21F-13s were transferred to Syria and test-flown by Hungarian pilots. No information is available as to the effectiveness of «international assistance» provided to the Syrians.

The second member of the aircraft family was the MiG-21PF (NATO code: Fishbed B) or Type No. 76. In 1964, twelve combat interceptors were put into service at the Pápa air base, followed by another dozen fighters of the same type at Taszár. MiG-21PFs were the easiest to fly within the aircraft family, enjoying great popularity among pilots due to an outstanding climb rate and manoeuvring capability with benevolent flight characteristics. The airborne radar made it deployable in all weather conditions. The aircraft was armed with two radar-guided air-to-air missiles yet the lack of cannons (self-defense armament) reduced its combat value. Till 1989, seven fighters were destroyed and two aircrew died.

The third member of the family was represented by the MiG-21 MF (NATO code: Fishbed C) or Type No. 96. Fifty aircraft arrived in Hungary in 1971 to serve the «primary-echelon» air defense forces at

the Pápa and Taszár air bases initially. In the last period, all of the remaining operational fighters were relocated to Kecskemét where they continued to fly till 1983. The most important modification compared to former models of the series was that MiG-21MFs carried four air-to-air missiles under the wings and had a double-size spine fuel tank. Also novel was the truly 3-axis autopilot with altitude hold, unusual attitude recovery and automatic terrain clearance hold, meaning that in any situation, the aircraft will transition into horizontal flight once the pilot presses a button. Additionally, the fighter was re-equipped with one 23-mm double-mount cannon. During the years of service, nine aircraft were destroyed and three pilots died, thus the MiG-21MF model had the lowest accident rate at 18 per cent.

The fourth member of the aircraft family was the MiG-21bis (NATO code: Fishbed M) or Type No. 75A/AP with the strongest technical performance and the most universal functionality. The fighter was put into service in 1975 with delivery phased out till 1979, making up a fleet of 62 aircraft based at the Pápa és Taszár military airports. The state-of-the-art avionics system and the autopilot provided a sense of comfort and safety to the pilot. Due to its novel architecture, the airborne radar was more resistant to disturbance where cooling by distilled alcohol proved a highly popular method. The aircraft engine had an «emergency power» option to be activated at high flying speed for a limited period of 3 minutes with maximum thrust increased at an excessive fuel consumption rate. The fighter had four modernized infrared and radar-guided air-to-air missiles as well as one 23-mm double-mount cannon. Interestingly, the aircraft type was built to also carry a nuclear bomb that Hungary never possessed. MiG-21bis fighters had the second worst accident rate after F-13s as 20 aircraft (30 per cent of the fleet) were destroyed and three pilots died till 1996.

The aircraft family was extended by its fifth and six members being the MiG-21U/UMs or Types No. 66 and 69. Of this two-seat combat trainer, 45 were delivered to Hungary from 1965. The aircraft had neither an airborne radar nor a built-in cannon (where the latter was replaced by a bottom-mounted 12.5 machine gun) but two infrared-guided air-to-air missiles could be mounted under the wings. Shadowed by the headrest of the first seat, the instructor had no unobstructed view. The relatively good accident rate (20 per cent) of the type is worsened by the fact that 7 pilots died in 9 aircraft crashes as a result of the two-seat construction. In 1985 and 1986, nine trainers were sold to India.

The variable-wing interceptor fighter MiG-23 MF/UM (NATO code: Flogger) was put into service in Hungary in 1979 to be flown till 1995. Sixteen MF combat fighters (NATO code: Flogger-B) and UM two-seat trainers were based at the Pápa military airport. The aircraft had revolutionarily new take-off and landing characteristics, however, it did not meet the expectations in terms of many other combat specifics. The fighter carried an armament of four to six radar- and infrared-guided air-to-air missiles and one 23-mm twin-mount cannon. The airborne radar had a missile guidance range of 25 to 30 kilometres. Aircraft service was extremely time- and labour-intensive due to a high number of in-flight failures and a short lifetime of the fuselage structure. During the 18-year service period, 5 aircraft crashed, 5 pilots died and 2 ejected successfully. The remaining fleet was scrapped in 1997.

The MiG-29B/UB (NATO code: Fulcrum) type was launched when in exchange of the Russian state debt owed to Hungary, 22 combat aircraft and 6 two-seat trainers arrived at the Kecskemét air base in 1993. The twin-tail twin-engine fighter is equipped with six air-to-air missiles and one 30-mm cannon. The airborne radar has 80-kilometre reconnaissance and 40-kilometre target acquisition ranges, however, the aircraft also has a thermal detector for passive reconnaissance and a helmet-mounted aiming system. The superb flyability and manoeuvring capability of the MiG-29 is comparable to that of fourth-generation Western fighters. The excellent ejection system will safely save the pilot's life in all flight situations including the ground idle position. Nonetheless, the short flight time of the engine, the high fuel consumption rate, the relatively limited operating range and the obsolescence of electronic systems have all made it an out-of-date fighter by now. During 15 years of service, three aircraft crashed and one pilot died.

As a summary, it can be concluded that the era of the MiG aircraft opened a new chapter in Hungarian military aviation. During this period, the Air Force possessed a fleet of high-quality fighters ranked close to the world's top combat aircraft at peace time with a sufficient number of state-of-the-art aircraft, flight hours and qualified technical service crews. Hungarian military pilots deserve the greatest accolades in tribute to their work that demanded immense sacrifice and took a horrible toll as 79 pilots died flying MiG fighters. They will be remembered forever.

Bibliography

1. Dezső I. History of the Aviation Troops of the Hungarian People's Republic Army From 1945 to 1980.
2. Dezső I. Hungarian Military Aviation History, 1945–1956. Bp., 1999.
3. Dezső I. Overview of Military Aviation History from the Liberation by the Soviet Army till Now. Special Edition of National Defense// Hungarian Air Force Celebrates 25th Anniversary, 1974.
4. Csanádi – Nagyvárad – Winkler: Hungarian Aviation History. Műszaki Publishing House. Bp., 1977.
5. György M. The First Soviet-built Aircraft Serving in the Air Force of the Hungarian People's Republic Army // Haditechnika, issue 1983/2.
6. Miklós H. The Military Chronicle of 1956. Akadémia Publishing House. Bp., 2003.
7. László S. Top – Gun 1999–2002. Hungarian Air Force Activity in the 1956 Revolution. Combat Aircraft in the Frontline. Air Force organisational units, supply, service and repair bases. Aircraft Types Flown by the Hungarian People's Republic Army etc. (47 publications).
8. Szepesi J. Top – Gun 1999-2004. Conversations with András Zalka, István Koplányi, Elek Eöri, István Sankó, József Szabó, Gyula Pápai, Miklós Vázsonyi, Béla Vörösmarty, Miklós Csallóközi Miklós etc.
9. Special 1956 Edition of Society and National Defense. Zrínyi Miklós University for National Defense Science, 2005.
10. Issues of Aero Historia from 1988 to 1991 and Aeró Magazin from 1999 to 2002.
11. History of the Killián György Military and Technical Aviation College from 1949 to 1984. ZKK. 1884.

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ РОССИЙСКО-ВЕНГЕРСКИХ ВЗАИМОТНОШЕНИЙ

А. В. Назаренко

Рюриковичи и Арпады в XI–XII веках

В 1031 г. в результате ран, полученных на охоте, скончался Имре (Генрих), единственный сын венгерского короля Иштвана (Стефана) I Святого (997–1038). Престарелый Иштван назначил престолонаследником племянника Петера, сына одной из своих дочерей и венецианского дожа Оттона Орсеоло. Такая необычная передача трона по женской линии вызвала протест в венгерском правящем семействе: по обвинению в заговоре против короля был схвачен и ослеплен его двоюродный брат герцог Васой (Василий), сыновья которого Эндре (Андрей), Бела и Левенте были вынуждены бежать сначала в Чехию, потом в Польшу (где Бела и остался), затем в печенежскую степь и, наконец, на Русь. Отсюда Эндре, старший из герцогов-изгнанников, в 1046 г. был приглашен на венгерский престол противниками короля Петера (1038–1041, 1044–1046). Видимо, непосредственно перед возвращением или вскоре после него Эндре I (1046–1060) получил в жены дочь киевского князя Ярослава Мудрого (1019–1054).

Брак Эндре I с Ярославной отразился не только в венгерской исторической традиции¹, но и в современных делу западноевропейских источниках² и является наиболее ранним твердо засвидетельствованным фактом в истории династических взаимосвязей древнерусских Рюриковичей и венгерских Арпадов. Иногда эту историю начинают со смутного свидетельства генеалогического предания Арпадов, будто герцог Ласло (Владислав) по прозвищу Лысый, младший брат упомянутого герцога Васоя, привел себе жену «из Руси», и именно от нее и родились будущие короли Эндре I и Бела I³. Однако похоже, такое родословие было призвано задним числом легитимизировать происхождение обоих, так как в альтернативной версии (которую современная наука и признает достоверной) и Эндре I, и, главное, Бела I, родоначальник всех последующих венгерских королей, значились сыновьями герцога Васоя от наложницы. Это, понятно, бросает некоторую тень и на предполагаемую русскую супругу Ласло Лысого. Заметим к слову, что какое-то не вполне ясное отношение к Руси имел и упомянутый сын Иштвана Святого Имре, носивший странный титул «герцога Руси» («dux Ruizogum»)⁴.

Женитьба Эндре на дочери Ярослава Владимировича стала следствием антинемецкого поворота во внешней политике последнего, который совершился еще в правление венгерского антикороля Шамуэля (Самуила) Абы (1041–1044). В 1044 г. Шамуэль даже намеревался бежать на Русь под натиском вернувшегося в Венгрию с немецкой помощью короля Петера, но погиб⁵, и тогда Ярослав поддержал другого претендента на венгерский престол – Эндре.

У Эндре I от Ярославны было двое сыновей, и оба получили многозначительные царские имена – Шаламон (Соломон) и Давид. Второе из них уместно было бы связать с утвердившимся на Руси как раз в середине XI столетия церковным почитанием св. Бориса-Романа и Глеба-Давида, причем поначалу, как видно, именно младший Глеб-Давид занимал в этой двойце главное, первенствующее место.

¹ Anonymi (P. magistri) Gesta Hungarorum, cap. 15 // Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque ex stripe Arpadiana gestarum (далее SRA). Budapest, 1937. Т. 1. Р. 55–56; Chronici Hungarici composition saeculi XIV, cap. 88 // Ibid. Р. 345; Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. М. 2010. Т. 4: Западноевропейские источники / сост., перев и коммент. А. В. Назаренко (далее Хрестоматия). С. 356–357

² Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum, cap. III, 13, school. 62. Leipzig, 1917. Р. 154; Хрестоматия. С. 136–137. В историографии прочно имя этой Ярославны – Анастасия, однако оно является, по всей вероятности, домыслом польского историка XV в. Яна Длугоша; ещё одно «имя» жены Эндре I – Агмунда – плод недоразумения.

³ Chronici Hungarici composition..., cap. 87 // SRA. Т. 1. Р. 344; Хрестоматия. С. 356. Позднейшие «ученые» генеалогии XVI–XVII вв. называют даже ее имя и отчество – Прямыслава Владимировна, дочь киевского князя Владимира Святославича (978–1015), но полагаться на эти сведения, как то иногда делают, было бы более чем опрометчиво.

⁴ Annales Hildesheimenses, a. 1031. Hannover, 1878. Р. 36; Хрестоматия. С. 107–108.

⁵ Уникальные сведения на этот счет есть в стихотворной «Хронике императоров» анонимного регенсбургского клирика середины XII в.: Deutsche Kaiserchronik, versus 16 438–16 442 // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores qui vernacula lingua usi sunt. Hannover, 1892. Т. 1/1. Р. 378; Хрестоматия. С. 223–224.

Да и имя самого Эндре, вполне возможно, объяснялось выраженным почитанием св. апостола Андрея в семействе Ярослава Мудрого (в его честь был наречен один из Ярославичей – Всеволод-Андрей). Ведь Эндре I стал королем на волне национально-языческого сопротивления против немецкого ставленника Петера; коль скоро Эндре подходил на роль вождя антихристианской реакции, то позволительно думать, что он, как и его младший брат Левенте (так и умерший в язычестве), оставался язычником, а крещение принял только на Руси в связи с женитьбой на русской княжне непосредственно перед возвращением на родину.

Эндре I не преуспел в своем намерении передать трон сыну Шаламону из-за сопротивления своего брата Белы I (1060–1063), в схватке с которым и погиб. После скорой кончины Белы I внук Ярослава Мудрого все-таки стал королем, но его правление в 1063–1074 гг. прошло под знаком борьбы с двоюродными братьями – сыновьями Белы I герцогами Гезой и Ласло. Интересно, что в этой борьбе обе партии пытались опереться на русских союзников, особенно герцоги. Ведь Бела I был женат на дочери польского короля Мешка II (1025–1034, с перерывом), т. е. на сестре жены киевского князя Изяслава Ярославича (1054–1078, с перерывами); иными словами, Геза и Ласло приходились родными племянниками супруге Изяслава, а Шаламон – племянником самому Изяславу, впрочем, равно как и другим Ярославичам – Святославу Черниговскому и Всеволоду Переяславскому. Однако напряжение, возникшее с 1069 г. в отношениях между Изяславом, с одной стороны, и Святославом и Всеволодом – с другой, и вылившееся в изгнание Изяслава Киевского, помешало последнему вмешаться в венгерские дела. В решающей битве в 1074 г. Шаламон потерпел поражение, продолжал безуспешную борьбу еще десять лет, его мать кончила дни в изгнании в одном из штирийских монастырей неподалеку от венгерских пределов, а в Венгрии пришли к власти сыновья Белы I: сначала Геза I (1073–1077), а затем Ласло I (1077–1095).

Несмотря на то, что Изяслав Ярославич так и не смог прийти на помощь сыновьям Белы I, Ласло I сохранил дружественные связи с потомством Изяслава.

В этой связи имеет смысл обратить внимание на характерное обстоятельство: работавший в начале XII столетия в Киево-Печерском монастыре автор «Повести временных лет» был почему-то немало озабочен тем, чтобы включить в свой рассказ как можно больше сведений о венграх, или, по-древнерусски, уграх. Здесь находим и заимствованные из византийской хроники Георгия Амартола сообщения о венграх как союзниках Империи при Льве VI, в 894–896 гг., а также, напротив, – их набеге на Константинополь при Романе I в 933–934 г., и даже пространный экскурс о переселении венгров из южнорусских степей в Подунавье, который, как считается, в целом был почерпнут из западославянского «Сказания о переложении книг на славянский язык»¹. У такого специфического интереса должны были иметься какие-то особые причины, и, по крайней мере, об одной из них позволительно судить с определенностью. Дело в том, что киевский князь Святополк Изяславич (1093–1113), современник летописца, отличался заметной активностью политических и династических связей с Венгрией.

Еще будучи князем туровским и, видимо, новгородским, Святополк женил своего сына Ярослава на дочери Ласло I. В датированной 1091 г. грамоте Ласло Шомодьварскому аббатству (несколько южнее Балатона) Ярослав упоминается на одном из первых мест в списке свидетелей в качестве зятя короля². Политический смысл этого брака для обеих сторон можно уяснить, если вникнуть во внутривосточную ситуацию на Руси в конце правления киевского князя Всеволода Ярославича (1078–1093). Для венгерского короля удельный князь в качестве союзника мог представлять известный интерес только после того, как в 1088 г. Святополк получил Турово-Берестейскую волость и тем самым возможность контролировать русско-польское порубежье. Выгода же Святополка Изяславича очевиднее: ему предстояло отстаивать свое положение киевского столонаследника (он был генеалогически старейшим в поколении внуков Ярослава Мудрого), и поддержка венгерского соседа при этом могла стать неоценимой. В самом деле, чего искал в Венгрии Ярослав Святополчич в 1091 г.? Вероятно, помощи для отца, который в этом году потерял новгородский стол, т. е. оказался по какой-то причине в конфликте с дядей – Всеволодом Киевским. В следующем, 1092 году Ласло пришлось отбивать половцев, наведенных некими русскими

¹ ПСРЛ. Л., 1928. Т. 1. Стб. 25, 29, 43; СПб., 1908. Т. 2. Стб. 17–18, 20, 33; следы заинтересованного внимания летописца к происхождению венгров видны и в других местах его труда (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 11–12; Т. 2. Стб. 9).

² «Ярослав, сын короля Руси, его зять» («Gerasclauus, filius Regis Rutenorum, gener ipsius») (Diplomata Hungariae antiquissima. Budapest, 1992. Т. 1. № 88. P. 268).

ми князьями, а затем застаем венгерского короля в походе против этих последних¹. Сведения не слишком определены, но все же позволяют догадываться, что венгерско-туровский союз вызвал опасение на Руси, и вероятнее всего, у ставленника Всеволода волынского князя Давыда Игоревича, который получил Волынь после гибели в 1086 (1087 ?) г. волынского и туровского князя Ярополка Изяславича, брата Святополка. Понятно, что у Давыда были все основания предполагать, что новый туровский князь постарается с венгерской помощью овладеть обширной волостью своего покойного брата в ее полном объеме.

Неизвестно, чем бы закончилась напряженность в отношениях между дядей Всеволодом и племянником Святополком, быстро принявшая международный масштаб, если бы вскоре диспозиция радикально не переменялась: в 1093 г. умер Всеволод Ярославич, а следом, в 1095 г. – Ласло I. Изяславич вокняжился в Киеве, а в Венгрии развернулась затяжная борьба между племянниками бездетного Ласло – королем Кальманом (Коломаном) (1095–1114/6) и его братом герцогом Альмошем, королем хорватским. Поначалу Кальман унаследовал было союз со Святополком: когда в 1096 г. через Венгрию, против воли короля, силой пытались пройти первые отряды крестоносцев, Кальман собирался бежать не куда-либо, а именно на Русь². В 1099 г. в поддержку Святополка, пытавшегося отнять Волынь у Давыда, состоялся поход венгерского короля на западные рубежи Руси, который на века запомнился катастрофическим разгромом венгров от половецких союзников Давыда, прочно отложившимся как в древнерусской, так и в венгерской исторических традициях³.

Но в политике ничто не вечно. Давыду Игоревичу с Волыни пришлось все же уйти, зато упорные Ростиславичи (внуки Владимира, старшего из сыновей Ярослава Мудрого) отстояли от киевского князя свои южноволыньские волости (через полвека на их основе возникнет Галицкое княжество). И вот в 1104 г. возникает совершенно новая политическая конфигурация: Кальман выдает дочь Пирошку-Ирину за Иоанна, старшего сына византийского императора Алексея I Комнина (1081–1118), который в том же году женит другого своего сына, Исаака, на дочери перемышльского князя Володаря Ростиславича. Стоит ли удивляться, узнав, что одновременно Святополк, который, очевидно, не оставил планов поднять всю Волынь, заключает союз с соперником Кальмана – Альмошем, выдав за него дочь Передславу?⁴

В политике все зыбко, но логично, и следить за этой логикой бывает весьма поучительно. Было бы естественно, если бы отход Кальмана от союза со Святополком Киевским сопровождался сближением венгерского короля с Владимиром Переяславским. В 1112 г. действительно состоялся очередной русско-венгерский династический брак: овдовевший Кальман женился вторично – причем как раз на дочери Владимира Всеволодовича Мономаха Евфимии. Впрочем, альянс оказался недолговечным: вскоре король вернул Владимировну отцу, обвинив ее в супружеской неверности⁵. И все же как только в 1113 г. не стало Святополка, и Альмош, и его сын от Святополковны Бела (будущий король Бела II) были схвачены Кальманом и ослеплены.

Пока в Киеве при дворе деда, Владимира Мономаха, подрастал родившийся уже на Руси сын Евфимии Борис, не признанный Кальманом, а в Венгрии правил сын Кальмана Иштван II (1114/6–1131), близких династических и политических отношений между Русью и Венгрией ожидать не приходилось. Недружественность проявилась открыто, когда в 1117 г. против Владимира возмутился его племянник – Святополчич Ярослав, сидевший на Волыни. Иштван, хотя и не сразу, помог бывшему шурину, мужу покойной двоюродной сестры, лично приведя в 1123 г. под стены Владимира Волынского, где наместничал один из младших Мономашичей Андрей, большое войско. В случайной стычке Ярослав погиб, и дело кончилось ничем⁶. Отметим любопытную деталь: венгерские хроникальные источники знают Ярослава не под его русским династическим именем, а под загадочным *Bezen*; было бы неудивительно, если бы в этом уникальном свидетельстве отразилось прозвище Бешень, которое вполне соответствовало бы тому, что мы знаем о нраве этого князя.

¹ *Chronici Hungarici composition...*, cap. 138. P. 415; Хрестоматия. С. 360.

² *Alberti Aquensis Historia Hierosolymitana*, I, 29// *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. Paris, 1879. Т. 4. P. 294; Хрестоматия. С. 210–211.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 270–271; Т. 2. Стб. 245–246; *Chronici Hungarici composition...*, cap. 145 // SRA. Т. 1. P. 423–426; Хрестоматия. С. 361–362.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 280; Т. 2. Стб. 256.

⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 273; *Chronici Hungarici composition...*, cap. 149 // SRA. Т. 1. P. 429; Хрестоматия. С. 363–363.

⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 287; *Chronici Hungarici composition...*, cap. 155 // SRA. Т. 1. P. 437–439; Хрестоматия. С. 365–367.

Прошло совсем немного лет, как Киев и Венгрия снова оказались по разные стороны баррикад во внутрирусском конфликте. Сыновья Володаря Ростиславича – Ростислав Перемышльский и Владимирко Звенигородский, – затеяв около 1126 г. междоусобие, прибегли к сторонней помощи: Ростислава поддержал Мстислав Владимирович, в 1125 г. сменивший своего отца, Владимира Мономаха, на киевском столе, а Владимирка – Иштван II¹. Был ли Владимирко женат на венгерке (сестре Иштвана?), как иногда думают, сказать трудно. После первых поражений и бегства в Венгрию Владимирко тем не менее взял верх (быть может, вследствие скорой смерти Ростислава), и с начала 1140-х годов ему предстояло стать первым князем единого Галицкого княжества. В результате отношения между Галичем и Киевом, коль скоро в нем правили Мстиславичи, оказались надолго испорчены, породив устойчивую галицко-суздальскую близость, которая дожила до конца XII столетия. Но пока в киевское княжение Мстислава Владимировича (1125–1132) и Всеволода Ольговича (1139–1146) Владимирку приходилось в одиночку противостоять Киеву. В такой ситуации союз с Венгрией был для перемышльского князя драгоценен.

Действительно, последующие события показали прочность этого союза, несмотря на новые династические обстоятельства. В 1131 г. бездетный Иштван II умер, оставив престол двоюродному брату Беле II (1131–1141). Свирепые расправы развернулись в Венгрии против той части знати, которая так или иначе была причастна к ослеплению Беле и его отца Альмоша, породив активную внутреннюю оппозицию новому королю. Настал час Мономахова внука Бориса – хоть и сомнительного, но все-таки Кальмановича. Летом 1132 г. на берегах реки Шайо (по-славянски – Солоной), правого притока средней Тисы, на полпути от русско-венгерского пограничья к Эстергому, грянула битва, в которой Беле II удалось отбить натиск войск Бориса, поддержанного не только русскими отрядами (вероятно, волынцами Андрея Владимировича), но и, главным образом, польскими – Болеслава III (1103–1138)². Характерно, что и на стороне Беле сражались русские полки – и то были полки Владимирка³. Борис еще долго не оставлял попыток добыть венгерский престол, но русскую поддержку (после перевода Андрея Владимировича в Переяславль зимой 1134–1135 гг.) утратил. На Волыни сел Изяслав Мстиславич, и вскоре юный сын Беле II, будущий король Геза II (1141–1162), был оженен на его сестре Евфросинии⁴. Несомненно, то была перемена в венгерской политике киевского князя Ярополка Владимировича (1132–1139), который в 1138 г. даже получил от Беле II помощь против Чернигова Всеволода Ольговича. Но когда последний после смерти Ярополка вокняжился в Киеве (1139–1146), перевел в 1141–1142 г. Изяслава с Волыни (где посадил своего сына Святослава) и в 1144 г. ополчился на Владимирка Галицкого, галицко-венгерский союз снова проявил себя: венгры оказались единственной опорой Владимирка в противостоянии практически общерусской коалиции, организованной Всеволодом⁵.

Брак Гезы II и Евфросинии, скреплявший политическую стабильность на западе Руси в киевское княжение Ярополка и, казалось, утративший было актуальность, когда брат Евфросинии оставил Волынь, неожиданно стал одним из ключевых для Руси внешнеполитических союзов, стоило

---

¹ Сведения об этом, хотя и сохранились только в «Польской истории» Длугоша (если не считать «Истории российской» В. Н. Татищева), скорее всего, заслуживают доверия, так как в распоряжении польского хрониста XV в., как видно, был особый древнерусский источник о событиях на юго-западе Руси в первой трети XII в.; предполагают, что им могла быть перемышльская летопись или какие-то её фрагменты (Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (Книги I–VI). Текст, перевод, комментарий. М., 2004. С. 153, 305–306).

² *Chronici Hungarici composition...*, cap. 161 // SRA. Т. 1. Р. 447–452; Хрестоматия. С. 367–369.

³ Об этом через двадцать лет Владимирко напоминал сыну Беле II королю Гезе II: «Отец твой бяше слеп, а яз отцю твоему досыти послужил своим копием и своими полкы за его обиду, и с ляхы ся есмь за нь бил» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 450).

⁴ «Киевская летопись» не раз именует супругу Гезы II сестрой Изяслава и Владимира Мстиславичей, Гезу – зятем обоих, а самих Мстиславичей – шурьями Гезы (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 384, 405–408, 420, 434, 482–483). Имя королевны известно по актовым источникам – например, по упоминанию в одной из грамот ее дочери Елизаветы, выданной за сына чешского короля Владислава II (*Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae. Pragae*, 1907. Т. 1. № 312).

⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 315–316. В походе Всеволода на Галич участвовал и переяславский князь Изяслав Мстиславич, что стало главной причиной укрепившейся в историографии датировки женитьбы Гезы II на Мстиславне временем не ранее 1144 г. Не думаем, однако, что такое соображение справедливо, ибо каковы могли быть мотивы для брака юного короля с сестрой Изяслава после утраты последним Волыни? Лояльность Изяслава в качестве переяславского князя по отношению к Всеволоду Киевскому была, конечно, вынужденной.

Изяславу Мстиславичу стать хозяином в Киеве (1146–1154, с перерывами). Княжение Изяслава было беспокойным, сопровождаясь противоборством с дядей – ростово-суздальским князем Юрием Владимировичем Долгоруким, который также претендовал на Киев. В этом противоборстве главным союзником Изяслава стала Венгрия, а Юрия – Галич. Венгрия, в свою очередь, вынуждена была обороняться от византийского натиска при амбициозном императоре Мануиле I Комнине (1143–1180), и тут киевско-волинская помощь была также весьма кстати (при этом в византийском войске замечен неугомонный Борис Кальманович, женатый на знатной гречанке). В 1150 г. альянс дополнительно скрепили браком самого младшего брата Изяслава – Владимира с дочерью хорватского бана Белуша, дяди Гезы II по матери, главного воеводы и советника юного короля¹. В том же году с венгерской помощью Изяславу удалось вернуть себе Киев, где во время праздничного пира «угре на фарех и на скоках играхуть на Ярославли двори многое множество, кияне же дивяхуться угром множеству и кметства их и кономем их»².

Отношения Изяслава и Гезы хорошо документированы, что весьма необычно для Средневековья, особенно русского. «Киевская летопись» и без того в середине XII в. исключительно подробная, содержит обширные выдержки из колоритной дипломатической переписки между киевским князем и венгерским королем. «Ратен есмь со цесарем (византийским императором. – Прим. А. Н.)», – пишет Геза, – «аже буду порожен, а сам приду, а паки ли, а полкы своя пуццю»; Изяслав отвечает: «Оже цесарь встал ратью, ако же ти с ним Бог дасть. Оже ти самому не лзе, а помочь ми пусти, како ми еси сам рекл. А мне Бог помочник на Гюргя (Юрия Долгорукого. – Прим. А. Н.) и на Ольговиче и на галичкого князя. Оже, брате, твоя обида, то не твоя, но моя обида, паки ли моя обида, то твоя»³ и т. п. Интересно, что в этих посланиях Геза именуется русского шурина «отцом», а Изяслав венгерского зятя – то «братом», то «сыном» (Изяслав был на двадцать лет старше Гезы); при этом Мстислав, сын Изяслава, выступает в терминологии киевской канцелярии для Гезы «братом», а под пером венгерских нотариусов – «сыном» (хотя Изяславич был всего лишь на два-три года младше Гезы). Ясно, что условная и непоследовательная «семейная» титулатура выражала не только семейно-возрастные, но еще и политико-иерархические отношения, не всегда совпадавшие в глазах того и другого двора.

Союз Изяслава Мстиславича и Гезы II – высшая точка в династическом сближении Рюриковичей и Арпадов, да и в целом – в истории русско-венгерского политического взаимодействия домонгольской поры. При сыне Гезы Иштване III (1162–1172) начинается неуклонный процесс регионализации этого взаимодействия, которое сосредоточивается на западных землях Руси. Никак не помогло родство с венгерским королевским домом Владимиру Мстиславичу, пытавшемуся удержать Волынь в борьбе с племянником Мстиславом Изяславичем, хотя известно, что Владимир искал управы на последнего, в том числе и в Венгрии – еще при Гезе II, но уже после смерти в 1154 г. Изяслава. Иштван III удержал союз с воинственным Изяславичем – и не напрасно: во время продолжавшегося венгерско-византийского противоборства тот, занимая стол во Владимире Волинском, помогал своему венгерскому двоюродному брату. Впрочем, в это же время, в середине 1160-х годов, чуть было не совершился брак юного Иштвана с дочерью галицкого князя Ярослава, сына неумного Владимирка (помешало активное византийское давление на галицкий двор), что свидетельствует об определенных шатаниях венгерской политики в отношении русских княжеств.

Бела III (1172–1196), младший брат Иштвана III, заключил, наконец, мир с Византией, и о каких-либо сношениях с Русью в первую половину его правления сведений нет – видимо, еще и потому, что это время приходится на период малолетства и юности волинских Мстиславичей (Мстислав Изяславич умер в 1170 г.). Но в 1187 г., после смерти галицкого князя Ярослава Владимировича (Ярослава Осмомысла), давно возмужавший Роман Мстиславич неожиданно выступил с претензиями на Галич, в котором сидел слабый и сторонившийся государственных дел сын Ярослава Владимир. И тут сработал старый галицкий рефлекс – за помощью против напористых русских соседей обращаться именно в Венгрию. Однако произошла еще одна неожиданность: Бела III на просьбу Владимира откликнулся и занял Галич, который, однако, Ярославичу не вернул, а посадил

¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 407–408.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 416. Описание красочно-плеонастично: «фари (заимствовано из греческого. – прим. А. Н.) и скокы» – это снаряженные «комони»: видно, парадное шествие венгерских «кметов» действительно поразило киевлян. Иногда «играние» «на фарех и скоках» понимают как своего рода рыцарский турнир, представление на показ хозяевам. Не думаем, что это так. В середине XII в. практика рыцарских турниров как одного из элементов придворной куртуазной культуры только проникает из Франции в Германию, и нет никаких оснований думать, что в Венгрии могли столь рано усвоить ее.

³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 384, 408.

в нем своего десятилетнего сына Эндре, а незадачливого Владимира заключил под стражу. Акция венгерского короля, не имевшего, насколько известно, как и Роман, никаких династических прав на Галич, выглядит спонтанной политической эскападой, но вряд ли она была действительно таковой. У Белы III имелся какой-то договор с киевским князем Святославом Всеволодовичем, который, похоже, должен был получить свою долю от галицких приобретений Белы¹. Эта некрасивая история выплыла наружу и вызвала возмущение князя Рюрика Ростиславича, с которым Святослав делил власть над Киевским княжеством. Роман Волынский был зятем Рюрика, и акция Романа по захвату Галича имела, выходит, надежный киевский тыл, каковой хотел себе обеспечить и Бела III. Святославу пришлось отказаться от секретного договора с венграми, и хотя до планировавшихся совместных действий Рюрика и Святослава по освобождению Галича дело не дошло, Эндре там удержаться все равно не смог: в 1190 г. в Галиче при дипломатической поддержке германского императора Фридриха I Барбароссы и владими́ро-суздальского великого князя Всеволода Большое Гнездо с польской военной помощью снова водворился бежавший из венгерского плена Владимир.

Развязка наступила уже после смерти Белы III (1196 г.) и Владимира Галицкого (ок. 1199 г.). В Галиче прочно утвердился Роман Мстиславич, положив начало объединенной Галицко-Волынской державе и действуя, по иронии истории, в союзе с неудавшимся галицким королем Эндре. Эндре и Роман даже связали друг друга клятвой, что оставшийся в живых позаботится «о племени» умершего². Эндре был тогда еще соперником своего старшего брата короля Имре (1196–1204) и затем опекуном малолетнего сына Имре короля Ласло III (1204–1205). Роман погиб уже в 1205 г., а ставший королем Эндре II (1205–1235) сдержал клятву и не раз привечал у себя отрока Даниила Романовича, будущего галицко-волынского князя, но в то же время пытался продолжить политику отца по непосредственному подчинению Галича венгерской короне. Эта многосложная борьба занимает первые четыре десятилетия XIII в., и ее разбор – тема особая.

Д. В. Горбачев

И. А. Фесслер в Саратове: историк, администратор, масон

Философу, историку, писателю, администратору и общественному деятелю Игнатию Аврелию Фесслеру (1756–1839 гг.) – этническому немцу, родившемуся и выросшему на землях короны Св. Иштвана и считавшего Венгрию своей второй родиной – по праву принадлежит одно из ключевых мест среди исследователей венгерской истории и культуры. Период наиболее плодотворной научной деятельности и наибольших карьерных успехов мыслителя пришелся на время его пребывания в Саратовском Поволжье (1811–1834 гг.).

Упоминания о деятельности Фесслера в Саратовском крае в немецкоязычной литературе, как правило, отрывисты и однотипны – почти все авторы касаются только реформ церковного управления и колони́стской школы, осуществлённых под руководством Фесслера в 1820-х гг. и характеризуют профессора как энергичного и жёсткого руководителя³, лишь Г. Берац и П. Шмаль в отли-

¹ В послании Белы III Святославу читаем: «Брате, пришли сына своего ко мне, чим ти ся есмь обещал, то ти исполню, яко ти есмь крест целовал» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 662). Что должен получить от венгерского короля Святославич? Видимо, какую-либо галицкую волость, а по язвительному замечанию сочувствовавшего Рюрику киевского летописца Святослав даже «уохотяся творяше (обрадовавшись, полагал. – прим. А.Н.), яко же дадять ему Галичь». Что же, Бела III был готов удовлетвориться Перемышлем? Вряд ли.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 719.

³ Beratz G. Die deutschen Kolonien an der unteren Wolga in ihrer Entstehung und ersten Entwicklung. 1764–1914. Saratov, 1915; Bonwetsch G. Geschichte der deutschen Kolonien an der Wolga. Stuttgart, 1919; Schmal P. Beitrage zur Geschichte der Volksbildung in der Wolgakolonien // Wolgadeutsches Schulblatt. 1929. № 7/8. S. 768–776; Schmidt D. Studien uber die Geschichte der Wolgadeutschen. Pokrowsk, Moscou, Kharkov, 1930; Woltner M. Das Wolgadeutsche Bildungswesen und die russische Schulpolitik. Von der Begrundung der Wolgakolonien bis zur Einfuhrung es gesetzlichen Schulzwang. Т. 1. Leipzig, 1937. Примечательна также работа Ф.П. Шиллера, ничего не сообщающая о самом Фесслере, но упоминающая его мемуары как источник по истории российских немцев: Schiller F.P. Literatur zur Geschichte und Volkskunde der deutschen Kolonien in der Sowjetunion fur die Jahre 1764–1926. Pokrowsk, 1927. S. 61.

чие от своих коллег ещё и критикуют Фесслера за то, что он, по их мнению, не учёл в своих масштабных планах скудность финансовых возможностей колоний¹.

К немецкоязычным работам примыкает по своему содержанию и труд французского исследователя Ж.-Ф. Буррэ, который рассматривает Фесслера как инициативного администратора, пытавшегося поднять культурный уровень поволжских колонистов², основываясь на тех же фактах и цитатах, что и вышеупомянутые немецкие авторы.

Особняком среди иностранной литературы по теме стоит работа Петера Ф. Бартона – капитальная биография Фесслера, последние главы которой посвящены пребыванию мыслителя в Саратовском Поволжье³ и освещают как деятельность профессора, так и обстоятельства его личной жизни. Однако, будучи исследователем в первую очередь истории религии и церкви и опираясь при написании саратовского раздела по большей части лишь на мемуары мыслителя, Бартон был вынужден оставить за рамками своего труда целый ряд сюжетов, сосредоточившись на рассмотрении церковных мероприятий Фесслера, лишь вскользь коснувшись хозяйственной деятельности профессора, его отношений с колонистами и совершенно упустив из виду его масонскую деятельность в Саратове.

В русскоязычной литературе Фесслер упоминается как в связи с реформами школьного образования⁴ и церковного управления колонистов⁵, так и в связи с историей саратовских масонов⁶, однако в статье Н. Попова⁷, остававшейся до недавнего времени единственной в российской историографии биографической работой, посвящённой Фесслеру, пребывание мыслителя в Поволжье упоминается лишь вскользь⁸.

В настоящей работе мы предпринимаем попытку рассмотреть деятельность доктора Фесслера в Саратовском крае в её разносторонности, опираясь как на опубликованные⁹, так и на архивные источники¹⁰, ранее введённые нами в научный оборот¹¹.

И. А. Фесслер прибыл в г. Вольск Саратовской губернии из Петербурга в марте 1811 г., чтобы принять руководство пансионом «Пропилеи»¹, основанным его «братом» по столичной ложе

¹ Beratz G. Op. cit. S. 278; Schmal P. Op. cit. S. 774.

² Bourret J.-F. Les Allemands de la Volga. Histoire culturelle d'une minorité. 1763–1941. Lyon, 1986.

³ Barton P.F. Ignatius Aurelius Fessler. Wien; Koeln; Graz, 1969. S. 457–552.

⁴ Клаус А. Духовенство и школы в наших немецких колониях // Вестник Европы. 1869. № 1. С. 138–174. № 5. С. 235–274; Его же. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Вып. I. СПб., 1869. С. 409–421; Спасский Н. А. (Русский). О народном образовании в немецких поселениях в Поволжье // Русский вестник. 1897. № 8–10.

⁵ Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. М., 1997; Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь в российской истории (XVI–XX вв.). М., 2003.

⁶ Лушин А. Н., Серков А. И. Тайна саратовского масона // Четыре века. Саратов, 1991. Первая работа, посвящённая истории саратовской ложи, отдельные положения которой были впоследствии использованы в монографии А. И. Серкова: Серков А. И. История русского масонства XIX века. СПб., 2000. Дополнительный свет на историю возникновения ложи и практиковавшиеся в ней ритуалы проливает также статья Н. М. Малова: Малов Н. М. Новые материалы по истории масонства в Саратовском крае // Саратовский краеведческий сборник: Научные труды и публикации / под ред. проф. В.Н. Данилова. Саратов, 2002. С. 190–215.

⁷ Попов Н. А. И. А. Фесслер, биографический очерк // Вестник Европы. 1879. № 12. С. 586–643.

⁸ Основные направления деятельности Фесслера в Саратовской губернии были также упомянуты нами в посвящённой его жизненному пути работе: Горбачев Д. В. И. А. Фесслер – немецкий мыслитель и общественный деятель // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 217–224.

⁹ Центральное место среди них занимают мемуары Фесслера «Воспоминания о своих семидесятилетних скитаниях», в которых помимо собственно воспоминаний были опубликованы некоторые речи и проповеди Фесслера (в основном – произнесённые именно в Саратовском Поволжье), а также его письма: Fessler I.A. Rückblicke auf seine siebenzigjährige Pilgerschaft. Breslau, 1824. Также нами использованы воспоминания военнопленных наполеоновской армии, познакомившихся с Фесслером в Саратове: Рюппель С. Э. Военнопленный в сердце России. 1812–1814 гг.: Воспоминания гусарского лейтенанта Вестфальской королевской армии Эдуарда Рюппеля, обработанные и изданные Фридрихом Клеменсом Эббардом // Тотфалушин В. П. Волжские пленники. (Саратовский край глазами ветеранов Великой армии). Саратов, 2011. С. 155–177.

¹⁰ См.: ГАСО. Ф. 852. Оп. 1. Д. 7. Л. 312, 370, 374, 428, 428 об., 460, 460 об.

¹¹ См.: Горбачев Д. В. Деятельность И. А. Фесслера в свете новых источников / Россия и Запад. Источники и методы их изучения: тезисы научной конференции. М., 2008; Горбачев Д. В. Три саратовских письма И. А. Фесслера: анализ новых источников // Новый век: история глазами молодых: сборник научных трудов аспирантов и студентов Института истории и международных отношений СГУ. Вып. 8. Ч. 2. Саратов, 2009. С. 133–138.

«Полярная Звезда» Константином Константиновичем Злобиным, наследником откупщика-миллионера и филантропом. Исследователи расходятся во мнении о том, что побудило Фесслера покинуть столицу: был ли этот отъезд добровольным или вынужденным в свете падения влияния важнейшего покровителя Фесслера – М. М. Сперанского². Хотя сам Фесслер в мемуарах в верно-подданном тоне описывал свой переезд как следствие «дарованной высочайшей волей свободы переселиться в такое место в глубине государства, какое самому понравится»³, очевидно, что это была «почётная ссылка», официально оформленная как «милость».

Дела на новом месте поначалу не задалась, так как Фесслеру интересней было заниматься сочинительством, чем проблемами пансиона, а у окружающих в условиях надвигавшейся военной угрозы его фигура стала вызывать недоверие. В поступившем на него доносе Игнатий Аврелий подозревался в шпионаже, на основании того, что он «вместо обучения... и присмотру за учителями, ничем более не занимается, как в течение двух лет слишком, осматриванием местоположений и, сидя запершись в своём кабинете, будто разными сочинениями»⁴.

Жестокий удар Фесслеру нанесла в эти годы судьба. 17 мая 1812 г. умерла его дочь Аврелия, девяти не полных лет от роду⁵. Тем временем К. К. Злобин тяжело заболел, а его финансовые дела резко пошли на спад. «Пропилеи» остались без финансирования и в скором времени закрылись. В феврале 1813 г. Фесслер переехал в Саратов⁶.

Поначалу Фесслер и его семья не бедствовали. Стараниями столичных друзей за Игнатием Аврелием сохранялось жалование «корреспондирующего члена комиссии по составлению законов». В добавление к этому Фесслер промышлял ещё частными уроками⁷. В этот период профессор вёл провинциальную светскую жизнь, был «душой общества» в доме губернатора А. Д. Панчулидзева⁸ и материально помогал находившимся в Саратове военнопленным из числа немцев, служивших в Великой армии⁹.

Местное начальство проявило к доктору теологии благосклонность. Губернатор дал ему и его семье жилплощадь, так что впоследствии благодарный Фесслер с огромной признательностью отмечал заботливость и ум великодушного руководителя¹⁰.

В 1815 г. Фесслер переехал в считавшуюся образцовой в плане развития торговли и ремесла немецкую колонию Сарепту. Там он благодаря своей страсти к музыке и медицинской практике приобрёл симпатии колонистов-гернгутеров¹¹, особенно их молодёжи. По его инициативе в центр сообщества, германский город Гернгут, был послан проект реформ, не принятый, однако, консервативным руководством братства¹².

---

¹ См.: Fessler I.A. Rückblicke... S. 355.

² «Получив при поддержке тогда еще находившегося у власти М. М. Сперанского звание корреспондента при Комиссии составления законов, он уехал (курсив везде мой – Д. Г.) в феврале 1811 года в Вольск Саратовской губернии, где и преподавал в частном учебном заведении». См.: Брачев В. Масоны в России: от Петра I до наших дней. СПб., 2000. С. 132–133. «Фесслера обвинили в распространении безверия среди студентов Духовной академии и отправили в марте 1811 г. в Вольск (Малыковку) Саратовской губернии». См.: Малов Н. М. Указ. соч. С. 195. «Начался этот процесс (падения влияния реформаторски настроенных масонов в столице – Д. Г.) ещё в 1811 г. с удаления И. А. Фесслера из столицы». См.: Лушин А. Н., Серков А. И. Указ. соч. С. 136. «На выручку Фесслеру явился именитый вольский гражданин К. В. Злобин, который отправил его в 1811 г. в Вольск...». См.: Дитц Я. Указ. соч. С. 295.

³ Fessler I.A. Rückblicke... S. 355.

⁴ Цит. по: Малов Н. М. Указ. соч. С. 196.

⁵ См.: Fessler I.A. Op. cit. S. 356.

⁶ Малов Н. М. Указ. соч. С. 197.

⁷ Дитц Я. Указ. соч. С. 295.

⁸ Панчулидзева Алексей Давидович (1762–1834) – саратовский губернатор (1808–1826), активно занимался оустройством городского хозяйства Саратова.

⁹ Рюппель С. Э. Указ. соч. С. 167–168.

¹⁰ См.: Fessler I.A. Op. cit. S. 357.

¹¹ Гернгутеры – разновидность религиозного движения моравских братьев, возникшая в 1770-х гг. в германском местечке Гернгут. Данное сообщество отличалось особо скрупулёзным выполнением религиозных предписаний и отвержением тезиса о спасении лишь через веру. См.: Богемские братья // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. IV. С. 165–166.

¹² Дитц Я. Указ. соч. С. 295–296.

Между тем положение Фесслера становилось всё тяжелее. В 1816 г. его лишили жалования члена комиссии по составлению законов¹. Денег стало катастрофически не хватать. Одно время Фесслер и вся его семья были вынуждены питаться одним картофелем. Продовольствие приходилось брать в кредит, и, чтобы расплатиться со стремительно растущими долгами, доктор теологии был вынужден продать свою большую и прекрасно подобранную библиотеку, в которой были произведения античных авторов, собрания отцов церкви, книги по церковной истории, купленные в Петербурге².

Но самым большим испытанием для Фесслера стала не бедность, а смерть его шестилетней дочери Анжелики Марии 2 апреля 1816 г.³. Ища утешения в религии, Фесслер пришёл к убеждению, что отныне принципом его жизни должно стать смирение и осознание своего ничтожества перед Богом⁴. Одновременно у Фесслера формируется представление о собственной «высокой миссии», он начинает считать, что на склоне лет призван Богом в качестве «работника одиннадцатого часа»⁵.

Однако даже в эти самые тяжёлые годы своей жизни Фесслер не бросал работу писателя и историка. Именно в период пребывания в Саратовском Поволжье, а точнее в 1812–1824 гг., он создал свой самый «долгоиграющий» труд – многотомную «Историю венгров и их соседей»⁶.

Тем временем дела у Фесслера начали постепенно выправляться. По Высочайшему повелению ему не только возобновили (20 августа 1817 г.) жалованье, но и приняли на казенный счет в пансион Царскосельского лицея его сына Евсевия⁷.

Чтобы отвезти сына на занятия и раздобыть денег, Фесслер в 1819 г. отправился в Петербург. Там ему подвернулась исключительная удача – на волне экуменистических идей в России была предпринята реформа управления протестантскими религиозными общинами, которая предусматривала создание евангелических епископств и специальных коллегиальных органов – консисторий⁸. Фесслер был назначен епископом Саратовским и «суперинтендантом и духовным председателем»⁹ Саратовской Евангелической консистории¹⁰, образованной 25 октября 1819 г. Перед возвращением в Саратов 22 ноября (по новому стилю) 1819 г. Фесслер посетил г. Порвоо, где в торжественной обстановке принял епископский сан¹¹.

Епархия Фесслера включала в себя протестантские приходы Саратовской, Астраханской, Воронежской, Тамбовской, Рязанской, Пензенской, Симбирской, Казанской, Оренбургской и Пермской губерний и была крупнейшим лютеранским диоцезом в мире¹².

Хотя формально консисторию возглавляло светское лицо – президент, фактически именно епископ будучи высшим духовным начальником округа имел непосредственную власть над духовенством и самостоятельно решал вопросы жизни колонистов, ставя консисторию в известность и прибегая к её содействию лишь тогда, когда сам не мог справиться с особо сложными делами¹³. Консистория не должна была подчиняться местным властям¹⁴, и её деятельность вообще не была как следует регламентирована и приведена в соответствие с российским законодательством, а производилась по правилам, механически перенесённым из Швеции¹⁵. Впервые в жизни получив ре-

¹ Там же. С. 296.

² См.: Fessler I. A. Op. cit. S. 359.

³ Ibid. S. 358.

⁴ Ibid. S. 364.

⁵ Ibid. S. 370.

⁶ Fessler I. A. Die Geschichte der Ungern und ihrer Landsassen. Bd. 1–10. Leipzig, 1815–1825.

⁷ Fessler I. A. Rückblicke... S. 371.

⁸ Barton P. F. Op. cit. S. 493. О религиозной политике второй половины правления Александра I см.: Соловьев С. М. Император Александр I. Политика. Дипломатия. СПб., 1877. С. 199–259.

⁹ Вице-президентом.

¹⁰ Об учреждении Евангелической консистории в Саратове/ Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. Т. 36. № 27953 от 25 октября 1819 г. С. 362.

¹¹ Fessler I. A. Rückblicke... S. 375. Н. М. Малов ошибочно указывает, что Фесслер принял «сан епископа санборского». См.: Малов Н. М. Указ. соч. С. 197. Порвоо (Porvoo) – город в Финляндии, его шведское название – Борго (Borgå), Санбором он не назывался, к тому же Фесслер стал епископом саратовским.

¹² Barton P. F. Op. cit. S. 499.

¹³ Beratz G. Op. cit. S. 234. «Более того, создание Генеральной Консистории запаздывало, так что Фесслер вошел в состав не существующего организма. В течение нескольких лет он имел практически неограниченную свободу маневра». См.: Bourret J.-F. Op. cit. P. 173.

¹⁴ Barton P. F. Op. cit. S. 495.

¹⁵ Дитц Я. Указ. соч. С. 296.

альную власть, пожилой доктор воспринял это как божественную милость¹, исследователи же склонны рассматривать консисторию как созданную специально для Фесслера синекуру, выхлопотанную ему столичными друзьями².

Вернулся в Саратов Фесслер в апреле 1820 г., но тут же отправился в Сарепту и к служебным обязанностям приступил по возвращении оттуда в мае 1820 г.³

Деятельность Фесслера во главе консистории началась с конфликта с саратовским пастором Лиммером, о котором стало известно за границей благодаря тому, что Фесслер и Лиммер опубликовали полемические сочинения друг против друга⁴. Причину конфликта многие исследователи видят в том, что рационалист Лиммер выступал против нововведений Фесслера, которые воспринимал как «возврат к католичеству»⁵ (реставрация пышного богослужения и обряда публичного покаяния, отменённого ещё при Лютере)⁶. В действиях же Фесслера исследователи усмотрели желание «охладить умы строгими мерами»⁷. Но в действительности конфликт начался, когда Фесслер ещё не приступил к реформам, а лишь поддержал против Лиммера своих друзей-гернгутеров.

В письме от 10 июня 1820 г.⁸ Фесслер доводит до сведения Церковного конвента, что возглавляемая им Императорская комиссия консистории дала Лиммеру распоряжение до окончания разбирательства по его делу «сохранять спокойствие» и не предпринимать никаких резких шагов, которые могли бы нарушить «мирные отношения» между участниками конфликта, то есть между Фесслером и Лиммером. При этом пастору предписывалось на всякое своё действие, например подачу прошения, испрашивать согласия не только Церковного совета, но и всей евангелической общины. Таким образом, Фесслер значительно сужал противнику свободу действия, так как Лиммеру теперь пришлось бы тратить гораздо больше времени, чтобы выпросить разрешения не только у Церковного совета, но и у всей общины. Одновременно епископ делал общину посредником в своём конфликте с пастором и фактически поручал ей контроль над действиями Лиммера.

При этом комиссия, которой поручила вести следствие Коллегия юстиции, формировалась из членов консистории⁹, то есть подчинённых Фесслера, выполнявших его волю.

Следует, однако, отметить, что последнее слово оставалось всё-таки за центральной властью. Комиссия и Фесслер ожидали её окончательного решения, которое должно было прийти из Петербурга.

В письме от 17 ноября 1820 г.¹⁰ Фесслер снова обратился к евангелической общине Саратова как к посреднику в своём споре с Лиммером: он проинформировал церковный совет общины о том, что консистория перенаправляет очередное прошение, поданное теперь уже бывшим пастором (Лиммер был уволен с должности в августе 1820 г.) в свой адрес, на рассмотрение самому совету. Таким образом, Фесслер дал понять, что консистория не намерена слушать доводы Лиммера, и предоставил общине самой решать проблемы со своим пастором.

Следующим важным предприятием Фесслера стала инспекционная поездка по немецким колониям летом 1820 г., в ходе которой он констатировал, что администрирование всеми религиозными и школьными делами евангелических колонистов было «в ужасном запустении и опасном беспорядке»¹¹. Опрашивая детей и юношество, он нашёл их знания в чтении и религии очень сла-

¹ Fessler I.A. Rückblicke... S. 370.

² Beratz G. Op. cit. S. 232; Schmidt D. Op. cit. S. 203; Дитц Я. Указ. соч. С. 296.

³ Fessler I.A. Rückblicke... S. 378. «Окончательно переехал в Саратов только в апреле 1820 г. В Саратове у Фесслера произошли изменения в семейном положении. После кончины второй жены, музыкантши Каролины Марии Вегеле, Фесслер женился (1824) в третий раз. Его новой женой стала 35-летняя бездетная вдова учительница Амалия Мовилье – дочь чембарского градоначальника фон Реймера». См. Малов Н.М. Указ. соч. С. 198.

⁴ См.: Limmer K. Meine Verfolgung in Russland. Eine aktenmaessige Darstellung der Jesuitischen Umtriebe des D. Ignatius Fessler und seiner Verbuedeten in Jenen Gegenden (von Karl Limmer, vormals Consistorial-Rath und Prediger zu Saratow). Le., 1823.; Fessler I.A. Geschichte der Entlassung des gewesenen Pastors in Saratow Karl Limmer. Riga, 1823.

⁵ Следует отметить, что сам Фесслер был рождён в католической семье и перешёл в лютеранство лишь в 1791 г., на 35-м году жизни. См.: Fessler I.A. Rückblicke... S. 252.

⁶ См.: Дитц Я. Указ. соч. С. 296, 301–302.

⁷ Bourret J.-F. Op. cit. P. 173.

⁸ ГАСО. Ф. 852. Оп. 1. Д. 7. Л. 370.

⁹ ГАСО. Ф. 852. Оп. 1. Д. 7. Л. 370.

¹⁰ ГАСО. Ф. 852. Оп. 1. Д. 7. Л. 374.

¹¹ Woltner M. Op. cit. S. 112.

быми. По возвращении он дал распоряжение всем евангелическим колониям Поволжья, в соответствии с которым начиная с Троицына дня (пятидесятницы) 1820 года экзамен по катехизису, составленному самим Фесслером¹, должен был быть дополнен школьными испытаниями и запрещалась конфирмация девочек, которые не смогут свободно читать. Мальчики же должны были ещё и свободно писать. Обрученные отныне могли вступить в брак, только сдав своеобразный минимум на знания. Кроме того, прошедшие обряд миропомазания (причастия) должны были на протяжении всей жизни с рвением читать Новый Завет. В дальнейшем Фесслер в ходе инспекторских проверок контролировал исполнение своего декрета. В 1821 г. он подверг экзамену 3 453 молодых людей, желающих вступить в брак, и 526 отправил на «пересдачу»².

В своих мероприятиях Фесслер заручился поддержкой своих непосредственных подчинённых – пасторов, зная, чем можно привлечь их на свою сторону. Сразу же, в 1820 г., он значительно увеличил число приходов, образовывая новые и перекраивая границы старых. Естественно, что пасторы, получившие места благодаря этим мероприятиям, стали надёжной опорой епископа. Другим способом привлечения на свою сторону рядовых священников для Фесслера было проведённое в их интересах урегулирование получаемого ими от приходов содержания и увеличение казённого жалования (с 312 руб. до 600 руб.)³.

Фесслера порой характеризуют как очень жёсткого, деспотичного руководителя, совершенно не считавшегося при принятии решений с мнением своих подопечных – колонистов⁴. Просили ли они наказать своевольного начальника школы, или перенести покаяния и молитвы на другой день недели, епископ не только не шёл навстречу, но ещё и утверждал правоту своих непосредственных подчинённых – пасторов и учителей⁵. В вину ему также вменялось насильственное объединение с лютеранами принципиальных противников реставрации католических обрядов – кальвинистов, в ходе которого их приходы ликвидировались, присоединялись к лютеранским⁶.

Однако при рассмотрении архивных источников вырисовывается не столь однозначная картина. Из писем, написанных Фесслером в качестве суперинтенданта Саратовской евангелической консистории, видно, что он мог выступать и как представитель воли общин.

Так в письме от 24 декабря 1823 г.⁷, направленном в адрес императора, он лишь доводит до сведения императорской канцелярии решения местной церковной общины о смещении старого пастора с занимаемой должности по собственному желанию и о выборах нового. Выборы производятся самими колонистами большинством голосов. Функции же управляемой Фесслером консистории, согласно документу, состоят лишь в утверждении уже принятого общиной решения. Фесслер особо подчёркивает в письме, что действует совместно с общиной и по её поручению⁸.

В письме от 19 октября 1828 г.⁹ Фесслер гораздо менее скован формальными рамками, так как пишет не в вышестоящую, а в нижестоящую инстанцию и раскрывает себя полнее. Он от имени консистории рекомендует церковному совету евангелической общины в Саратове претендента на должность старшего учителя.

Уже одно перечисление качеств кандидата много говорит о Фесслере как о педантичном руководителе, который успеваешь коснуться и возраста своего протеже, и семейного положения, и здоровья, и статуса («вольный учёный»)¹⁰. При этом Игнатий Аврелий особо подчёркивает «благородный нрав», «склонность к покою», «приветливый вид» претендента¹¹. Как чиновник Фесслер скрупулёзно указывает качества описываемого человека, а как религиозный философ придаёт первостепенное значение нравственно-религиозному компоненту воспитания и предлагает кандидатуру добродетельного христианина.

¹ «В немецких школах стали распространяться «Катехизис» и «Энциклопедия», «написанные» Фесслером, содержащие идеи, противоречащие ортодоксальному христианству». См.: Серков А.И. История русского масонства. С. 170–171.

² Bourret J.-F. Op. cit. P. 173. См.: Fessler I.A. Rückblicke... S. 245.

³ Fessler I.A. Rückblicke... S. 382–383.

⁴ Дитц Я. Указ. соч. С. 301.

⁵ Дитц Я. Указ. соч. С. 300–301.

⁶ Bonwetch G. Op. cit. S. 74.

⁷ ГАСО. Ф. 852. Оп. 1. Д. 7. Л. 460, 460 об.

⁸ ГАСО. Ф. 852. Оп. 1. Д. 7. Л. 460.

⁹ ГАСО. Ф. 852. Оп. 1. Д. 7. Л. 428, 428 об.

¹⁰ ГАСО. Ф. 852. Оп. 1. Д. 7. Л. 428 об.

¹¹ ГАСО. Ф. 852. Оп. 1. Д. 7. Л. 428 об.

Оба письма упоминают о деньгах: в одном случае их собираются выделить кандидату в пасторы, чтобы ему было на что жить во время исполнения должностных обязанностей, а в другом – новому старшему преподавателю. В обоих случаях решение об этом принимает или должна принять сама церковная община¹, а не епископ. Однако и общины были вынуждены испрашивать у консистории разрешения на расходование крупных сумм, о чём свидетельствует недатированное письмо, в котором Фесслер от лица консистории отвечает согласием на просьбу церковного совета общины о ремонте церковного подворья, но требует, чтобы деньги на строительство ни в коем случае не были взяты из «школьного капитала» – сумм, предназначенных для образования детей поселенцев².

Фесслеру вообще было свойственно повышенное внимание к подбору кадров на церковные и учебные должности. При этом он соблюдал протестантский принцип совмещения церковных и светских занятий, благодаря чему посты пасторов могли занимать люди, выдвинутые колонистами из своей среды. Так, в уже упомянутом письме от 24 декабря 1823 г. фигурирует пастор-столяр³. Правда, впоследствии подобная политика даст недоброжелательно настроенным к Фесслеру исследователям возможность утверждать, что он, «считаясь более с рабской покорностью, чем с нравственными качествами и образованием... ввёл в колониях целый штат пасторов не только без богословского, но и без всякого образования – ремесленников и торговцев, канцеляристов и чиновников консистории»⁴.

Предметом особой заботы Фесслера стало школьное образование среди колонистов, тем более что указ от 25 октября 1819 г. поручал протестантскому духовенству наблюдение за школами поселенцев⁵. Уже в 1820 г. Фесслер поднял вопрос о расширении учебного курса в колонистских школах, введении в них преподавания русского языка, устройстве удобных школьных зданий и заведении за счёт общин «учительской семинарии». Такими мерами он хотел поднять качество преподавания, поскольку сложно было ожидать успехов от детей под руководством старых учителей, которые сами, как правило, умели только писать и читать по-немецки, играть на органе и знали только простейшие арифметические правила и библейскую историю⁶.

Инициатива получила поддержку со стороны Саратовской конторы иностранных поселенцев и «лучших людей обществ (то есть колоний)», так как знание русского языка было необходимо поселенцам в их сношениях с конторой и русским населением⁷. Министерство внутренних дел, заведовавшее тогда колониями, однако, отклонило проект, аргументировав свои действия тем, что налог на содержание семинарии (54 копейки с ревизской души)⁸ будет обременителен для населения, что нужды в семинарии вообще нет, что для подготовки учителей достаточно лишь прислать двух-трёх хороших шульмейстеров, прибавить им жалования и заставить их сформировать новый комплект учителей из старых кадров, что колонистам не надо знать ничего, кроме немецкого письма, простейшей арифметики и Закона Божьего. Для изучения же русского языка министерство предложило колонистам посылать своих детей в русские училища⁹.

Именно борьба вокруг колонистских школ, по некоторым данным, могла стать причиной отставки Фесслера в 1833 г.¹⁰ Тогда по инициативе Саратовского губернатора Ф. Л. Переверзева снова обсуждался вопрос о преподавании немцам русского языка. Контора иностранных поселенцев предложила учредить специальные русские школы в колониях. Фесслер созвал синодальное собрание пасторов, которое, под его председательством, отвергло планы преобразования. Губернатор усмотрел в этом антирусские настроения протестантского духовенства, якобы внушаемые ему консисторией и епископом, и немедленно пожаловался в столицу. Однако П. Ф. Бартон утверждает, что ликвидация Саратовской консистории была уже до того предreshена в новом плане реорганизации протестантской церкви в России, утверждённом в 1832 г. В любом случае Фесслер был снят

¹ ГАСО. Ф. 852. Оп. 1. Д. 7. Л. 428 об., 460.

² См.: ГАСО. Ф. 852. Оп. 1. Д. 7. Л. 312.

³ ГАСО. Ф. 852. Оп. 1. Д. 7. Л. 460.

⁴ Дитц Я. Указ соч. С. 316.

⁵ Клаус А. Духовенство и школы... С. 238; Его же. Наши колонии... С. 409.

⁶ Спасский Н. А. (Русский). Указ. соч. С. 50–51.

⁷ Там же. С. 52.

⁸ Schmal P. Op. cit. S. 774.

⁹ Спасский Н. А. (Русский). Указ. соч. С. 52.

¹⁰ Дитц Я. Указ. соч. С. 332.

с занимаемой должности, а консистория была переведена в Москву¹. С ликвидацией консистории Фесслер вернулся в 1834 г. в Петербург, где и проживал до своей смерти 15 декабря 1839 г.

В истории евангелической церкви Фесслер, однако, остался не только как епископ Саратовский. Большой опыт управления делами Консистории позволил ему составить и представить в Петербург проект устава евангелическо-лютеранской церкви России. Его проект, наряду, правда, с другими, и лёг в основу Устава, утверждённого 28 декабря 1832 г. и действовавшего с незначительными изменениями и дополнениями до 1924 г.²

Параллельно с написанием исторического труда, мемуаров и сборника философских афоризмов «Результаты моих размышлений и опытов»³ и исполнением обязанностей администратора Фесслер не забывал и о масонских «работах», вопреки мнению П. Бартона, считавшего, что после отъезда из Петербурга Фесслер фактически оставил деятельность в ордене, лишь формально продолжая числиться в ложе «У трёх гор» до запрещения масонства в России в 1822 г.⁴

Фесслер основал ложу в Саратове в 1815 г.⁵ Первое её заседание состоялось в саду около немецкой церкви в особо почитаемый масонами христианский праздник – день святого Иоанна Крестителя⁶.

Масонская деятельность Фесслера в Саратове отнюдь не была лишь авантюрным предприятием заграничного профессора, заброшенного в отдаленную провинцию на краю Европы. Поволжье привлекало руководителей масонства как благодатная почва для проверки на практике масонских принципов и идей, тем более что в среде колонистов существовали религиозные убеждения, сходные с масонскими⁷.

Ложа, основанная Фесслером, отличалась открытостью. Принимать в неё разрешалось любых «свободомыслящих людей из всех частей света, всякого звания и религии, соединять их через общий интерес воедино». Фесслерова ложа была первой масонской ложей нового для России типа – независимой от любых масонских союзов и неподконтрольной правительству⁸. Очевидно, что после провала реформы российского масонства, которую Фесслер пытался осуществить в столицах, опираясь на поддержку верховной власти и создание больших федераций лож, реформатор в корне пересмотрел свои взгляды на организацию «работ»⁹.

С 1819 г., когда заседания были возобновлены благодаря возвращению Фесслера в Саратов из Сарепты, ложа стала вести постоянный журнал заседаний, не сохранившийся, к сожалению, до наших дней¹⁰.

Тогда же деятельность ложи приобрела и наибольший размах, так как её лидер и вдохновитель получил высокий пост. Саратовская евангелическо-лютеранская консистория сразу же стала центром средоточения масонов, которыми являлись шесть из семи её членов. Помимо самого Фесслера это были: светский председатель консистории Эрих Карлович Рейнгольм, светский ассессор консистории Иван (Иоганн) Иванович Клейнер, пастор Иоганн Самуэль Губер, оба пробста¹¹ –

¹ Там же. С. 351.

² Barton P.F. Op.cit.S. 497; Дитц Я. Указ. соч. С. 302; Лиценбергер О. А. Указ. соч. С. 130.

³ Fessler I. A. Resultate seines Denkens und Erfahrens als Anhang zu seinen Rückblicken auf seine 70-jaerige Pilgerschaft. Breslau, 1826. Это сочинение, обобщающие взгляды Фесслера на различные сферы жизни общества от политики и религии до брака и искусства, демонстрирует сложную смесь мистицизма и рационализма в воззрениях позднего Фесслера.

⁴ Barton P.F. Op. cit. S. 457.

⁵ О планах графа А. И. Мусина-Пушкина-Брюса относительно создания масонско-тамплиерской колонии среди прибывших в Саратов в конце XVIII в. колонистов см.: Соколовская Т. О. Русское масонство и его значение... С. 151; Пыпин А. Русское масонство. С. 101; Малов Н. М. Указ. соч. С. 193.

⁶ Лушин А. Н., Серков А. И. Указ. соч. С. 137. См. также: Толь С. Д. Ночные братья / сост., вступ. статья, коммент. М. Б. Смолина. М., 2000. С. 173–174.

⁷ Лушин А. Н., Серков А. И. Указ. соч. С. 136–137.

⁸ Серков А. И. Указ. соч. С. 170–171.

⁹ Об обстоятельствах предпринятой Фесслером в Петербурге и Москве реформы масонских лож см.: Корф М. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. СПб., 1861. С. 256–251; Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1871. С. 303–307; Пыпин А. Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX вв. Петроград, 1916. С. 387–391. Серков А. И. Указ. соч. С. 70–72, 80–81.

¹⁰ Серков А. И. Указ. соч. С. 137.

¹¹ Введенный Фесслером пост помощника суперинтенданта, наблюдающего за всеми приходами, расположенными на одном берегу Волги.

Давид фон Флитнер и Иоганн Баптист Катанео¹. Все они были сподвижниками Фесслера в деле преобразования жизни поволжских немцев-колонистов и членство в одной тайной ложе, безусловно, укрепляло влияние Фесслера на них, служило ему способом вложить в сотрудников свои идеи.

Ложа вовлекла в свою орбиту и других влиятельных лиц из числа поволжских немцев. Так, её членами были начальник колонистов (главный судья Саратова) Федор Карлович Штуц; младший член конторы опекуства иностранных поселенцев, а впоследствии – Тобольский губернатор Карл Федорович Энгельке²; Иоганн Иоганнович Неймейер, бывший член связанных с декабристами лож Избранного Михаила и Восточного светила в Томске³; Эммануэль Грюнауэр, бывший учитель в сарептской общине гернгутеров, а при епископстве Фесслера – пастор; лютеранский проповедник, бывший член Директориальной ложи Астреи купец Иоганн Амвросиевич Розенштраух⁴.

Однако ещё со времён пребывания в Санкт-Петербурге Фесслер стремился привлекать в руководимые им ложи не только своих соплеменников, но и русских. Среди членов масонского сообщества в Саратове были: сын губернатора и губернский предводитель дворянства Александр Алексеевич Панчулидзе, член Союза благоденствия, будущий декабрист Пётр Павлович Каверин, командир расквартированного в Саратове Иркутского гусарского полка, ставшего региональным центром средоточения офицеров-масонов, Михаил Павлович Ланской и ряд его подчинённых, саратовский вице-губернатор Дмитрий Гаврилович Бибиков⁵, а также собрат П. И. Пестеля по ложе Соединенных друзей С. Тарасевич, отставные офицеры Е. И. Пашков, Н. А. Челюсткин, Д. С. Сатин⁶.

Всего, по подсчётам историков, саратовская ложа Фесслера включала двадцать три или двадцать четыре вольных каменщика⁷ и являлась, наряду с Нижним Новгородом и Пензой, одним из трёх поволжских центров масонов-реформаторов⁸.

Ввиду утраты материалов работы ложи установить характер её деятельности крайне трудно. С уверенностью можно говорить лишь о том, что Фесслер и его соратники вели просветительно-педагогическую и религиозную деятельность в немецких колониях Поволжья. В храмах поселенцев стали ходить сочинённые Фесслером «Катехизис» и «Энциклопедия», содержащие «много статей весьма свободных» и, по мнению некоторых исследователей, испытавшие на себе иллюминатское влияние⁹.

Исходя из значительного участия в Фесслеровой ложе прогрессивно настроенных офицеров (и это в то время, когда масонские ложи попадают под подозрение правительства, а потом и под запрещение из-за участия в них всё большего числа военных) некоторые исследователи позволили себе предположить, что цели её членов были близки к установкам Союза благоденствия¹⁰. С другой стороны, наличие в организованном Игнатием Аврелием масонском сообществе многих представителей местной администрации, лютеранских пасторов и профессоров породило версию о том, что Фесслер замыслил административную реформу, которая затронула бы в первую очередь взаимоотношения светских и духовных властей¹¹.

Тем временем после 1820 г. отношение российского правительства к масонству стало резко меняться. Последовало Высочайшее повеление императора (1 августа 1822 г.) о закрытии всех тайных обществ и масонских лож. Стали собираться у всех государственных служащих подписки о непринадлежности впредь к масонским ложам и другим тайным обществам. Рескрипт о запрещении масонства и взятии подписок трех форм поступил также в саратовскую Контору опекуства иностранных поселенцев¹²: «На заседании Конторы (3 ноября 1822 г.) господа от присутствия прибывшие: главный судья коллежский советник Штуц, а также младшие члены – коллежский ассессор

¹ Серков А. И. Указ. соч. С. 137.

² Там же.

³ Малов Н. М. Указ. соч. С. 200.

⁴ Серков А. И. История русского масонства... С. 239; Малов Н. М. Указ. соч. С. 199.

⁵ Лушин А. Н., Серков А. И. Указ. соч. С. 138.; Малов Н. М. Указ. соч. С. 200.

⁶ Серков А. И. История русского масонства... С. 256–257.

⁷ Малов Н. М. Указ. соч. С. 200.

⁸ Серков А. И. Указ. соч. С. 183. О деятельности в то время масонов в Саратове см. также: Гладышев А. В. «Записки» И. В. Лопухина в Государственном архиве Саратовской области // Отечественные архивы. 1996. № 6.

⁹ Лушин А. Н., Серков А. И. Указ. соч. С. 138.

¹⁰ Лушин А. Н., Серков А. И. Указ. соч. С. 139.

¹¹ Серков А. И. Указ. соч. С. 257.

¹² ГАСО. Ф. 180. Оп. 7. Д. 18. Л. 463–470. № 139. 3 ноября 1822 г.

Энгельке и титулярный советник Соломонов заслушали третьим вопросом исполнение данного предписания и «...приказали: по приложенным при сем предписанным формам отобрать от всех чиновников, в ведомстве конторы находящихся, подписки и по отобрании хранить оные при делах конторы и составить из них список чиновников с разделением тех, кои принадлежали тайным обшеством и тех, кои в оные не поступали, представить департаменту Государственных хозяйств и публичных заведений при донесении, впредь же когда будут принимаемы в службу или определяемы к должностям чиновники обязывать их подпискою под № 3, которую хранить при прошениях»¹. Подписки требовались от чиновников, поступающих на службу или определяемых в должности. Но не все подчинились императорскому указу.

Саратовская ложа Фесслера продолжала тайно собираться. Весной 1824 г. архимандрит Юрьевского монастыря Фотий (Петр Никитич Спасский) направил императору послание, в котором причислил Фесслера к «ложным пророкам и апостолам сатанинской религии, проповедуемой под видом нового света»².

Ложа просуществовала до 1826 г., пока после выхода царского указа, повторно запретившего всякие масонские организации в России, Фесслер не был отправлен в Санкт-Петербург в сопровождении двух жандармов и полицейского офицера для дознания. Офицеры-масоны были переведены в другие гарнизоны, остальные члены ложи были отданы под секретный надзор губернатора. Хотя Фесслер и вернулся из столицы и снова приступил к службе в Консистории, саратовская масонская ложа распалась³.

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что два десятка лет, прожитых в Саратовском крае, стали для немецкого мыслителя периодом подведения итогов, обобщения своего жизненного опыта, создания наиболее значимых философских и исторических сочинений, и одновременно – временем, когда пожилой теоретик получил возможность реализовать себя как администратора-практика, взяв на себя роль строгого, но заботливого «опекуна» поволжских колонистов.

Л. В. Мольнар

Медик и педагог Янош Орлаи в России

Из всех медиков русинско-венгерского происхождения, попавших в Россию на рубеже XVIII–XIX веков, самую успешную карьеру сделал Янош Орлаи (его русское имя Иван Семенович Орлаи). Он стал известен как ученый секретарь Медико-хирургической Академии, лейб-медик царя Александра I и директор гимназии, где учился Н. В. Гоголь. Янош Орлаи учился во Львовском университете, где экспериментальную физику преподавал профессор Игнац Мартинович (1755–1795), ставший позже руководителем движения яacobинцев в Венгрии. Историю и классические языки читал профессор Игнац Аурел Фесслер, который в своих мемуарах упоминает Орлаи как одного из трех наилучших студентов университета⁴.

27 августа 1789 г. молодой Орлаи вступил в Пеште в Орден пиаристов и с осени того же года продолжил учебу в институте теологии города Эгер⁵. После окончания учебы, в 1789/90 учебном году, он начал работать преподавателем пиаристской гимназии в Надькаройе, где читал историю, географию, греческий и латинский языки⁶.

Орлаи провел в этой гимназии всего год, вступил в Пиаристский орден. В 1790 г. он попросил своего перевода в одну из светских гимназий, но заседание наместничества 25 августа того же года отклонило эту просьбу⁷. После этого он принял участие в конкурсе на должность преподава-

¹ ГАСО. Ф. 180. Оп. 7. Д. 71. Л. 293–295. 3 ноября 1822 г. Данный приказ в протоколе Журнала заседаний Конторы подписали: Шуц, Энгельке, Соломонов и Нордстрем (бухгалтер, секретарь).

² Серков А.И. История русского масонства... С. 256–257.

³ Лушин А.Н., Серков А.И. Указ. соч. С. 139.

⁴ Fessler's Rückblicke auf seine siebenzigjährige Pilgerschaft. Zweite Auflage. Leipzig, 1851. S. 130.

⁵ Лавровский Н. А. Гимназия высших наук в Нежине. СПб., 2011. С. 144.

⁶ Кукольник Н. В. Лицей князя Безбородко. СПб., 1881. С. 189.

⁷ Magyar Országos Levéltár (далее – MOL). Helytartótanácsi Levéltár. С. 69. (Departamentum scholarum nationalium). Fasciculus 19. № 76. (25 августа 1790 года).

теля Пештского университета, однако и эта его попытка была безуспешна, так как его не считали подготовленным на должность адъюнкта¹.

Разумеется, эти неудачи очень огорчили Орлаи, который зимой 1790–1791 г. сделал решительный шаг и, по всей вероятности, с помощью русского посольства в Вене выехал в Россию. В столицу России он прибыл 8 марта 1791 г., где с мая месяца стал стипендиатом медико-хирургического училища и в то же время стажером петербургского военного госпиталя². С начала следующего года он учился уже на собственный счет и жил на средства, заработанные в госпитале. В это время Янош Орлаи принял фамилию Орлова, которой пользовался, согласно источникам, до 1797 г., после чего в документах значится его настоящая фамилия.

Экзамены на звание врача Орлаи сдал 14 февраля 1793 г., оставаясь и после этого в военном госпитале³. 24 сентября того же года он был назначен помощником ученого секретаря Медицинской коллегии⁴. Орлаи исполнял эту должность с таким энтузиазмом и настолько добросовестно, что вскоре обратил на себя внимание придворного лекаря императрицы – Якоба Виллье. Благодаря ходатайству последнего 31 июля 1794 г. Орлаи был направлен в знаменитый венский хирургический институт Йозефинум «для усовершенствования в медико-хирургических науках»⁵. Здесь он обучался с примерным усердием, но у него оставалось время и на то, чтобы принимать участие в общественной и культурной жизни венгров, обучавшихся и работавших в Вене. В это время он познакомился с Деметером Гёрогом⁶ и Шамуэлом Керекешем, редакторами издаваемого на венгерском языке журнала «*Hadí és Más Nevezetes Történetek*» («Военные события и другие примечательные истории»), Михаем Тертиной, издателем из Пожони, известным своими антиклерикальными взглядами, а также с Лайошем Шедиусом (1768–1847), ставшим позже профессором литературы и эстетики Пештского университета⁷, Михаем Балудянским (1769–1847)⁸ и др. Знакомство с этими людьми Орлаи поддерживал и в дальнейшем. Этим в значительной мере и объясняется то, что позже ему удалось расположить к себе многих видных венгерских педагогов и ученых и способствовать их переселению в Россию.

Отличную подготовку Орлаи доказывает тот факт, что во время его поездки из Вены в Йенский университет Общество естествознания («*Naturforschende Gesellschaft*») «в знак уважения его способности в естественных науках» избрало его почетным членом⁹. 19 июля 1797 г. после трех лет учебы за границей Орлаи, «возвратившись в Россию, занял прежнее место помощника ученого секретаря Медицинской коллегии»¹⁰. В сентябре того же года, сохранив этот пост, он был назначен лекарем Семеновского Гвардейского полка¹¹, но оставался на этой должности только до сентября 1799 г., а потом был уволен по собственному желанию¹². Вслед за этим с 19 октября он стал ведущим лекарем Петербургского государственного почтамта, а с 9 марта 1800 г. получил звание придворного лекаря – гофхирурга¹³, что положило начало его серьезной карьере в России. С этого времени также начинается его

¹ MOL. Helytartótanácsi Levéltár. C–69, fasciculus 3. № 77. (16 ноября 1790 г.).

² Формулярный список штаблекаря Ивана Орлаи (16 марта 1800 г.): Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1239. Оп. 3. Д. 39611. Л. 2–3.

³ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 39611. Л. 2.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 39611. Л. 3.

⁶ Molnár J. Görög Demeter // Debreceni Szemle. 1938. 35–42 о.

⁷ Dóromby K. Schedius Lajos mint német-magyar kultúrközvetítő. Вр., 1933. 16–18 о.

⁸ Михай Балудянский (1769–1847), более известный в России как Михаил Андреевич Балудянский, по происхождению из Закарпатья, русин, получил образование юриста в Венском университете, позже, с 1789 г. стал преподавателем политических наук в юридической академии Надьварада. Так как в 1794–1795 гг. он оказался симпатизирующим якобинскому движению под руководством Мартиновича, за его работой власти наблюдали с подозрением. Поэтому по приглашению Орлаи он в 1803 г. поехал в Россию, где работал сначала преподавателем Высшего педагогического училища, позже стал ректором открытого в 1819 г. университета в Санкт-Петербурге, после чего стал государственным секретарем юстиции. Подробно о его жизни и деятельности см.: Tardy L. Balugyánszky Mihály. Вр., 1954; Косачевская Е. М.: М. А. Балудянский и Петербургский университет первой четверти XIX века. Л., 1971.

⁹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 39611. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 3.

¹¹ Там же. Л. 2.

¹² Там же.

¹³ Там же.

научно-публикаторская деятельность и работа в редакции журнала «Observationes Medico-Chirurgorum Ruthenici Imperii» («Медико-хирургическое обозрение Российской империи»).

Когда в марте 1801 г. император Павел I стал жертвой переворота, Янош Орлаи дежурил возле убитого государя, за что Александр I вознаградил его суммой в тысячу рублей. Новый император, а также несколько его сторонников (среди них великий князь Константин и граф Новосильцев) относились к деятельности Орлаи с особым вниманием. Этим объясняется то, что 2 апреля 1802 г. он был удостоен почетного звания придворного советника¹.

С начала 1800 г. Орлаи прилагает все силы для переселения в Россию венгерских педагогов и ученых, в большинстве случаев славянского происхождения – для поступления их на государственную службу. 5 марта 1803 г. он передает всесильному приближенному Александра I графу Новосильцеву подробную записку, в которой предлагалось пригласить в Россию Петра Лоди, Михая Балудянского, Ласло Кукольника, Деметера Гёрога, профессора логики из г. Печ Михая Владимира, юриста из Пешта Андраша Петрашевича, сербского ученого Атанаса Стойковича и др., с указанием, что вышеназванные лица с удовольствием готовы поступить на русскую государственную службу². По всей вероятности, Орлаи получил разрешение для выполнения своего плана. В последующие годы целый ряд специалистов венгерского происхождения действительно прибыли в Петербург и в новооткрытые российские университеты (среди них Балудянский, Лоди, Кукольник, Стойкович, Коритары, Фесслер).

В письмах того времени Орлаи описывает преимущества для тех, кто избрал Россию второй родиной. Лучшим примером этого является его письмо Михая Балудянскому, опубликованное в журнале «Zeitschrift von und für Ungarn», выходившем под редакцией Лайоша Шедиуса: «Профессора кафедр отдельных университетов пользуются в России такими льготами, каких нет нигде в мире, поэтому не удивительно, что за русские кафедры конкурирует большое число немецких, английских и французских ученых. В связи с этими конкурентами я думал о Тебе, известном человеке, о ком знаю, что он является знатоком политических наук и знаком с русским языком. Если очень престижная кафедра политических наук Тебя устраивает, я ее предлагаю Тебе, ибо считаю, что лучше занять эту должность, имеющую столько преимуществ, венграм, чем каким-либо чужим...»³.

С 1804 г. Орлаи избрали членом целого ряда русских и зарубежных научных обществ, как ученого широкого профиля, достигшего больших результатов не только в медицине, но и в минералогии, ботанике, археологии и исследовании прародины венгров. 15 октября 1804 г. он стал членом Общества соревнования медицинских и физических наук (председателем которого в то время был венгр Ференц Керестури)⁴. 15 ноября 1805 г. Он был избран в члены Общества ботаников Альтенбурга⁵. 7 марта 1805 г. он достиг значительного признания на медицинском поприще, ибо в это время Александр I назначил его первым заместителем лейб-медика, барона Виллье⁶.

Следующий год тоже принес Орлаи целый ряд признаний. 6 июля 1806 г. был удостоен диплома доктора естествоведения Кёнигсбергского университета⁷. 20 октября того же года его избрали доктором медицины и хирургии Дерптского (ныне Тартусского) университета – на основании диссертации под названием «Инаугуральная диссертация, содержащая краткую историю учения о целебных силах природы, доказательств, требования», которая в следующем году была опубликована⁸. Эта работа Орлаи посвящена проблемам патологии, физическим действиям здорового организма, механизму возникновения болезней и патологических процессов, а также «целебным силам природы» (*vis naturae*

¹ Tardy L. Orlay János. 11 о. В качестве курьеза здесь напомним, что еще до получения титула придворного советника, 31 марта 1802 г., Орлаи пишет графу Новосильцеву чрезвычайно лестное письмо, прося его ходатайства для получения благоволения императора. Это письмо мы можем считать ценным источником, ведь оно содержит детальный обзор всей деятельности Орлаи в России. См.: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 39611. Л. 1–4.

² Tardy L. Orlay János. 11 о.

³ Zeitschrift von und für Ungarn, 1803. Т. 1. S. 258–261. Полностью текст письма Орлаи публикуется в: Tardy L. Balugyánszky Mihály. 139–141 о.

⁴ Györy T. Magyarország orvosi bibliográfiája. Вр., 1900. 169 о.

⁵ В признание ботанической деятельности Орлаи профессор Георг Франц Гофман в его честь назвал семейство растений «Orlaya». См.: Hegi G. Illustrierte Mitteleuropäische Flora. Band V.2. Wien, München, 1927. S. 1066.

⁶ Tardy L. Orlay János. 14 о.

⁷ Ibidem.

⁸ Полное название диссертации на латинском языке: Joannes Orlay: Dissertatio inauguralis medica sistens doctrinae de viribus naturae medicatricibus historiam brevem, expositionem, vindicias. Dorpati, MDCCCVII.

medicatrix). В ней были использованы результаты исследований Фридриха Хофмана (1660–1742), Албрехта Галлера (1708–1779), Даниела Георга Балка (1764–1826) и др. Автор особо высоко оценил деятельность профессора Дерптского университета Балка, который поддерживал его в написании диссертации, а готовую работу изучил с профессиональной точки зрения¹.

По особому разрешению государя в 1806 г. Орлай посетил несколько европейских стран, в ходе этих поездок он познакомился и подружился с Й. В. Гёте. По его предложению Орлай был принят в члены Минералогического общества (*Mineralogische Societät*) в Йене, что считалось знаком признания заслуг и уважения². Глубокую и сердечную дружбу этих двух ученых иллюстрирует письмо, написанное 15 августа 1806 г. в чешском городе Эгер (Хеб), адресованное королю немецкой поэзии: «Несколько раз я пытался Тебя найти, чтобы лично выразить свою благодарность за твою доброту и любезность, которой ты меня удостоил в моем отсутствии, но так как Ты отсутствовал (о чем я безмерно жалею), я не мог посетить Тебя. Итак, позволь, знаменитый человек, кто был настолько внимателен и любезен ко мне, отвлечь Тебя от высоких обязанностей и выразить глубочайшую благодарность души моей. Клянусь Геркулесом, все сделаю для того, чтобы ничего не упустить из обязанностей привязанного к Тебе человека, и даже после смерти во мне будет что-то гореть из чувства благодарного воспоминания о Тебе»³.

По возвращении в Россию Орлай и далее усердно работал, исполняя свои многочисленные обязанности. Доказательством его великодушия и бескорыстия является тот факт, что в 1807 г. он подарил свою орнитологическую коллекцию Петербургскому высшему педагогическому училищу, за что император наградил его бриллиантовым перстнем⁴.

Доброта Орлай и его готовность помочь были известны и среди его друзей-венгров, о чем свидетельствует письмо Лайоша Шедиуса, написанное ему летом 1807 г. В этом письме Шедиус просит помощи и поддержки для двух венгерских путешественников: Йожефа Суппа, типографа, и Имре Бабича, камерального чиновника: «...ничего больше не желаю так, как Твоей помощи в моих стремлениях помочь венграм, едущим в Россию; ведь Твоей душой, любовь которой к своей родине и доброжелательность к соотечественникам все мы с уважением наблюдаем, тоже руководят эти стремления. Эти строки передадут Тебе господа Супп и Бабич... которые отважились на эту длинную и тяжелую дорогу с личными целями, но в первую очередь для изучения России, а в особенности Петербурга. Ни один из них не является недостойным Твоего внимания и доброжелательности, которые помогают и поддерживают всех граждан, желающих прославить свою родину»⁵.

Год 1808 приносит Орлай новый значительный успех – 27 августа его избрали секретарем Медико-хирургической Академии (наследницы Медицинской коллегии).⁶ В этой должности он сыграл значительную роль в редактировании масштабного труда по фармацевтике («*Pharmacopoea castrensis Ruthenica*»). Можно предположить, что в знак заслуг на этом поприще 9 января 1808 г. он получил звание коллежского асессора⁷.

В эти годы, помимо научной и организационной деятельности, Орлай принимал активное участие в собраниях петербургской масонской ложи, членами которой, кроме ведущих личностей русской политической и культурной жизни, были прибывшие из Венгрии Петер Лоди, Игнац Аурел Фесслер, Ференц Добша, Фридеш Хауэншилд (бывший учитель Пушкина в Царскосельском лицее)⁸. В 1809 г. была опубликована работа Орлай «Похвальная речь в честь высшей власти России, прославленной возвышением наук»⁹, которая прозвучала на открытии Медико-хирургической Академии в приветствие царя Александра I, лично появившегося на церемонии. Эта речь прослав-

¹ Краткое содержание диссертации Орлай: Schultheisz E., Tardy L. Fejezetek... 140–142 о.

² Benedek K. A jénai Ásványtani Társaság magyar tagjai. Budapest, 1942. 3–4 о. Интересно отметить, что первым председателем этого ученого общества был венгерский граф Домокош Телеки. В этой должности за ним следовал князь Дмитрий Голицын, а с 1804 года во главе общества стал Й. В. Гёте.

³ Оригинал письма на латинском языке публикуется в: Tardy L. Orlay János. 35 о.; Schultheisz E., Tardy L. Fejezetek... 157 о.

⁴ Tardy L. Orlay János. 17 о.

⁵ МТА. Könyvtár Kézirattára. F. 154. Schedius Lajos levelezése. № 29.

⁶ Молнар Л. Русско-венгерские культурные связи. С. 50.

⁷ Tardy L. Orlay János. 21 о.

⁸ Fessler's Rückblicke. S. 22; Грот Я. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники/ Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 42. СПб., 1887. С. 77, 81, 161–162.

⁹ Оригинальное название этого латинского произведения: Joannes Orlay. Oratio in laudes Russiae principorum, scientiarum promotione clarissimorum. Petropoli. MDCCCIX.

ляла правителя России как великого мецената академии и всего дела просвещения, щедрость которого сравнивалась с Птолемеевской и поддержка наук – с Петром I и Екатериной II. Автор славит заслуги Александра I в создании учебных заведений, в особенности университетов, заслуги, за которые его по праву считают добродетелем наук, искусств и молодежи.

В мае 1809 г. Орлаи избрали членом русского историко-археологического общества, в том же году он – в признание его выдающейся деятельности – был награжден Орденом св. Владимира. А когда в 1810 г. Орлаи отправился в следующую зарубежную поездку, его избрало своим членом Медицинское общество Эрлангена¹.

С 1811 г. Орлаи занимал влиятельную должность в редакции «Всеобщего журнала врачебной науки». В этой деятельности был некоторый перерыв, так как во время Отечественной войны против Наполеона в 1812 г. он попросил своего перевода в петербургский военный госпиталь, чтобы принять активное участие в уходе за ранеными. За эту работу 20 марта 1814 г. он был награжден Орденом св. Анны II степени и бронзовой медалью Отечественной войны². Щедрость его души иллюстрирует и то, что в том же 1814 г. Орлаи подарил бесценные рукописи по истории медицины Обществу по соревнованию медицинских и физических наук. 14 октября 1816 г. за этот поступок он был удостоен титула государственного советника, что в то время было наивысшим признанием³.

Таким образом, Орлаи достиг вершины своей карьеры и творчества, после чего произошли резкие изменения. Его здоровье было подорвано непривычным влажным и ветреным климатом. Организм ученого становился слабее, и выполнение ответственной работы на серьезных постах становилось для него все труднее.

В личной жизни его тоже постигли неудачи, которые привели почти к полному банкротству. Причиной этого был тот случай, когда Орлаи одолжил все свое состояние, накопленное в течение долгих лет, своему другу князю Ивану Мещерскому, ставшему неплатежеспособным должником. Этот удар вызвал большое душевное потрясение, вследствие чего Орлаи попросил освободить его от обязанностей секретаря Медико-хирургической академии. Его прошение было принято государем весной 1817 г. Одновременно было определено его годовое жалование в сумме 2 000 рублей. В признание его высоких профессиональных заслуг 17 июня того же года Медико-хирургическая академия избрала Яноша Орлаи почетным членом⁴.

Когда состояние здоровья Орлаи немного улучшилось, он попросил в письмах к барону Виллье и министру направить его на службу в любой из городов Южной России, где климат был более благоприятный. Эта просьба нашла положительный отклик уже осенью 1817 г., и с помощью своих влиятельных друзей Орлаи был назначен руководителем Нежинской гимназии – одного из старейших учебных заведений России. Одновременно он получил здесь и должность лекаря⁵.

Деятельность Орлаи в Нежине повлияла в какой-то степени даже на мировую литературу, так как он сыграл немаловажную роль в воспитании и формировании личности будущего великого русского писателя Н. В. Гоголя. Молодой Гоголь не раз упоминал о дружеских связях с ним в письмах к своим родителям. Он писал о своем учителе с некоей насмешкой, но всегда с искренней любовью и уважением⁶. Нет сомнения в том, что именно Орлаи обратил внимание своего юного ученика на закарпатский народ, обычаи которого писатель отразил позднее в своих произведениях, например, в рассказе «Страшная месть». Глубокая дружба профессора и студента укреплялась и тем, что имения Орлаи и семьи Гоголей были расположены под Полтавой, возле села Кибинцы, очень близко друг от друга. Этим объясняется то, что нежинский директор несколько раз пользовался гостеприимством родителей Гоголя – Василия Афанасьевича и Марии Ивановны⁷.

¹ Tardy L. Orlay János. 21 o.

² Ibid. 22 o.

³ РГАДА. Ф. 733. Оп. 94. Д. 32884. Л. 6–7; Ф. 733. Оп. 78. Д. 66. Л. 3–4.

⁴ Tardy L. Goethe barátja, Gogol nevelője. 123 o.

⁵ Лавровский Н.А. Указ. Соч. С. 145.

⁶ Письма Н.В. Гоголя. СПб., 1902. Т. 1. С. 14. Молодой Гоголь пишет об Орлаи в письмах № VII, XV, XXIII, XXIV, XLI, XLII, XLVII, XLVIII, XLIX, LIII.

⁷ Гаецкий Ю. Гоголь. Биографическая повесть. М., 1954. С. 21–28. Об их дружеских отношениях говорит следующая история: однажды Гоголь, боясь наказания за свой поступок, настолько правдиво симулировал сумасшествие, что Орлаи ухаживал за «больным» в течение двух недель. Когда же опасность наказания миновала, Гоголь сразу же «выздоровел». Узнав о мошенничестве, Орлаи довольствовался слабым наказанием, которым «удостоил» своего богатого на фантазию ученика. См.: Кукольник Н. В. Указ. Соч. С. 268.

В 1819 г., в период жизни в Нежине, Орлаи вместе с Гергеем Якшичем, тоже венгром по происхождению, совершил длительную поездку на Кавказ. В этой поездке он ставил перед собой две главные цели. Во-первых, улучшить свое здоровье, в надежде на благоприятное воздействие перемены климата. Во-вторых, исследовать прародину и происхождение языка венгров. Подробное описание его пути не сохранилось, однако в его письмах¹ (среди них есть письма, адресованные венгерскому издателю Михаю Тертина) находим подробное описание того, как он обнаружил город, носящий название Мадьяр и находящийся между рекой Терек и Астраханью. Жителей этого города он ошибочно посчитал венграми. И хотя взгляды Орлаи нашли живой отклик в современной венгерской прессе, они, однако, не получили надлежащего признания, так как уже тогда чувствовалась их научная необоснованность.

В 1820 г. Орлаи писал о поездке на Кавказ своему другу Михаю Тертина следующее: «Я объездил Кавказ... и везде видел собственными глазами руины правенгров. В том месте, которое лежит между рекой Дон, Кавказскими горами и Каспийским морем, я посетил руины города, носящего название Мадьяр, он так и называется до сих пор; осмотрел реку Терек и другие места, как Моздок и Каменные шахты, называемые русскими Кубанью, по сей день. В этом городе, который русские называют Кубанью, находятся очень известные шахты, потому заслуженно это место получило название "Kőbánya"... Везде я наблюдал сходство горского населения и венгров, их танцы, их гордость, правдолюбие и крутой нрав одинаково характеризуют оба народа. Особенно похож осетинский язык на венгерский»². Исследования лингвистов, проведенные позже, ясно показали, что радужные представления Орлаи о прародине венгров были полностью ошибочны и заслуживают внимания только как курьез в истории науки.

После возвращения из поездки на Кавказ Орлаи всю свою энергию сконцентрировал на организации и совершенствовании обучения в Нежинской гимназии. В знак признания его организаторской и педагогической деятельности 25 июля 1823 г. государь наградил его премией в сумме 3 000 рублей. В следующем году он назначил Орлаи главным инспектором, в служебные дела которого входило посещение учебных заведений Ростова и Чернигова³.

Деятельность Орлаи в Нежинской гимназии не прошла бесследно. Она значительно подняла престиж гимназии и улучшила подготовку преподавательского состава. Всесторонне развитый человек, знаток многих наук, обладающий высокими моральными качествами, Орлаи ввел целый ряд демократических и прогрессивных изменений в руководимом им учебном заведении. Так, например, он ввел свободные дискуссии на преподавательских совещаниях и дал возможность своим коллегам подвергать критике его действия⁴, что было просто неслыханным в то время.

В 1820 г. Орлаи составил несколько проектов реформ школьного дела в России. В одной из его педагогических работ мы читаем следующее: «Правильное воспитание молодежи означает заложение фундамента благосостояния страны. Благодаря правильному воспитанию существуют честные отцы, честные граждане, дельные чиновники. Каждый трезвомыслящий человек знает ту твердую правду, что, если бы все общественные классы были образованными и культурными... чистая мораль и достоинство предотвратили бы преступность и стали бы постоянным препятствием столь фатальному легкомысленному образу жизни, а, исходя из этого, все классы государства могли бы радоваться мирной жизни и счастью, основанным на чистой совести... Почему должны быть исключены дети бедных родителей из освоения морали и достоинства? Разве не нам знать, что бедность скрывает зачастую исключительные таланты? Разве наш знаменитый Ломоносов не из рыбацкой хижины поднялся на такую высоту над богатыми и знатными?»⁵.

Новый император Николай I тоже высоко оценил деятельность Орлаи. На это указывает тот факт, что 15 апреля 1826 г. он сделал его действительным статским советником, а 3 декабря того же года подарил ему 3 000 десятин земли. Однако Орлаи не желал больше оставаться в Нежине и попросил своего перевода в Одесский лицей Ришелье, имевший статус института. В городе на побережье Черного моря, в более благоприятных для его здоровья условиях, Орлаи занимал должность директора лицея с осени 1826 г. Журнал «Magyar Kurír» («Венгерский курьер») в 1828 г. писал: «Перед тем, как русская княжна уехала из Одессы в Санкт-Петербург, она навестила все знаменитые учрежде-

¹ Часть переписки Орлаи публикует И. С. Свенцицкий в своей книге: материалы по истории возрождения Карпатской Руси. Львов, 1905. С. 47–62.

² Krecsmarik E. A magyarorszag eredetéről // Uránia. 1921. № 1. 5–10 о.

³ Лавровский Н.А. Указ. Соч. С. 145.

⁴ Иофанов Д. Биография Гоголя. М., 1954. С. 268–273.

⁵ Tardy L. Orlay János. 35 о.

ния Одессы... 16 сентября посетила лицей, носящий имя Ришелье, где... ее встретили граф Витт и директор лицея Янош Орлаи, действительный статский советник (заслуженный сын нашего отечества, из комитата Берег). Все тщательно осмотрев, Её Высочество выразила свое удовольствие графу Витту и господину Орлаи по поводу совершенной дисциплины, царящей в лицее»¹.

Орлаи руководил Одесским лицеем всего три года – 27 февраля 1829 г., в возрасте 59 лет он внезапно скончался. Венгерская пресса известила о его кончине довольно быстро, уже 25 апреля². Связи его с венгерской научной общественностью оставались прочными до последних дней его жизни, о чем свидетельствует письмо ориенталиста и путешественника Яноша Кароя Бешше: «Господин Орлаи не дождался моего приезда; попрощался с этим миром, итак, свое письмо, привезенное из Вены, я отправляю на Елисейские поля. Очень сожалею о случившемся, говорят, у него было много записок о жителях Кавказа; достать их любым путем было бы чрезвычайно важным для истории нашего народа»³.

О потомках и наследниках Орлаи мы знаем чрезвычайно мало. Известно только, что жена его была русской и родила ему троих сыновей (Михаила, Александра и Андрея), которые поступили на военную службу в русскую армию. По мнению исследователя прародины венгров Яноша Бешше, зафиксированному в одесских записях 1845 г.⁴, они уже не владели венгерским языком.

Оценивая медицинскую и педагогическую деятельность Орлаи, необходимо отметить, что по широте своих научных знаний и прогрессивных идей он заслуживает почетного места в истории русской культуры конца XVIII–начала XIX столетия. Разносторонний ученый, ставший известным и как бескорыстный помощник венгров, поступивших на службу в России, он достоин того, чтобы будущие новые исследования открыли и уточнили отдельные моменты его творческого пути. Однако портрет Орлаи может стать полностью ясным только тогда, когда кому-либо из исследователей удастся найти его дневник, упомянутый Яношем Бешше, который Орлаи начал вести уже в ранней молодости. После критического анализа этого и других источников жизненное творчество Орлаи может стать предметом профессиональных исследований и исторических романов.

Н. А. Ким

Офенская духовная миссия.

Два века русского церковного представительства в Венгрии

В небольшом городке Ирем⁵, пригороде венгерской столицы, находится один незаслуженно забытый, но в свое время имеющий большое значение русский храм. Это храм святой мученицы Александры, воздвигнутый в самом начале XIX века с целью вечного молитвенного поминовения безвременно усопшей особы российской императорской фамилии – великой княгини Александры Павловны Романовой (1783–1801).

Великая княгиня Александра, дочь императора Павла I, была выдана замуж за представителя австрийского императорского дома эрцгерцога Иосифа Габсбурга (1776–1847), правителя Венгрии. Прожив в счастливом браке всего полтора года, она скорострительно скончалась после родов в 1801 году. Несмотря на непродолжительность времени ее пребывания, она оставила очень интересный светлый след в истории Венгрии. Расцвет венгерской культуры и искусств, рост национального самосознания, тесные связи с Россией – память о благотворном влиянии Великой княгини в этих областях сохраняется уже более двух веков.

---

¹ Molnár L. Egy Puskin-kortárs magyar tudós (Orlay János) // A. Sz. Puskin. Emlékkonferencia a költő születésének 200. évfordulója alkalmából. Szerk.: Dmitrij Szemusin. Szombathely, 1999. 51 o.

² Первое извещение о кончине Орлаи на венгерском языке см.: Hasznos Mulatságok. 1829. № 33.

³ Besse J.Ch. Voyage en Crimée, au Caucase, en Georgia, en Arménie, en Asie-Mineure et a Constantinople, en 1829 et 1830. Paris, 1838. T. V. P. 364. О пребывании Бешше в Одессе см.: Radó G. – Tardi L. Világjáró Besse János. Bp., 1963. 72–74 o.; Péter L. Magyarok Odesszában. Szeged, 1976. 7-8 o.

⁴ Jerney János keleti utazása a magyarok őshelyeinek kinyomozása végett, 1844 és 1845. T. II. Pest, 1851. 229 o.

⁵ Венгерское название Ügöm в русских документах начала и середины XIX века пишется – Иром, позже – Ирем.

После ее кончины по праву представительницы императорской фамилии ей было положено вечное молитвенное поминовение, для чего над местом ее погребения был возведен православный храм и обеспечено постоянное совершение богослужений русским духовенством. Небольшой по размерам, но относящийся к привилегированному рангу придворных церквей, этот храм долгое время был главным представительством Российской Православной Церкви в Центральной Европе, именуемым «Офенская Духовная Миссия» (Офен – старинное австрийское название Буды времен правления Габсбургов).

О краткой и во многом трагичной жизни великой княгини Александры Павловны в последнее время выпущено несколько популярных книг: А. Данилова «Пять принцесс. Дочери императора Павла I. Биографические хроники» (М., 2001); О. Е. Воловик «Александра. Жизнь, семья, судьба, память» (СПб., 2004); снят научно-биографический фильм: «Alexandra Pavlovna, a magyarok királynéja». Rendező: Szakály István. Budapest, 2007. Версия фильма на русском языке – «Александра Павловна, королева венгров» (Н/п. фильм. Реж. Сакаи Иштван. Будапешт, 2007); ей была посвящена часть Международной выставки «Венгерское королевство между двумя империями», организованной Венгерским национальным музеем и прошедшей с большим успехом в феврале – мае 2005 года в Государственном Историческом музее в Москве.

Но о храме, построенном с целью ее вечного поминовения, о его двухвековой истории известно очень мало широкой публике. Часто можно встретить кочующее из статьи в статью в популярных изданиях ошибочное мнение, что этот храм не пощадило время и войны, и до наших дней он, возможно, не сохранился. Однако дело обстоит совершенно иначе. Храм пережил годы запустения и в наши дни обрел былой блеск и величие, в нем вновь возродилась полноценная духовная жизнь русского прихода.

Более того, практически нигде не отмечен такой малоизвестный факт, что именно храм в Иреме может считаться старейшим русским храмом в Европе, как писал в 1903 году тогдашний настоятель храма протоиерей Феофил Кардасевич: «30 августа текущего года наш Иремский надгробный храм, старейший среди русских заграничных церквей... праздновал столетие своего существования»¹.

Вообще говоря, история Офенской миссии несколько отличается от истории типичного российского храма. Это связано в первую очередь, с ее изначально высоким статусом придворной церкви в иерархии русских храмов. Авторитет и личные качества священников, служивших в миссии, соответствовали ее особому положению. Трое из настоятелей миссии были впоследствии духовниками императоров, среди них были также профессора духовных академий, писатель и литературный критик, известный богослов, почитаемый в народе подвижник благочестия. И почти все священники были незаурядными людьми, пользующиеся заслуженным уважением в российском и венгерском обществе.

История строительства храма. Само существование храма, его расположение и внешний облик являются не произвольным решением создателей, но результатом долгой и трудной дипломатической борьбы, которую практически в одиночку вел духовник Великой княгини протоиерей Андрей Самборский (1732–1815). Этот выдающийся священник был законоучителем внуков императрицы Екатерины II, известным церковным и общественным деятелем. Он сопровождал Александру Павловну в Венгрии и по ее кончине устроил надгробную церковь, в которой и был первым ее настоятелем. Впоследствии русские царевны, выданные замуж за царственных особ европейских дворов, по своей кончине удостаивались вечного поминовения и возведения для этой цели отдельных православных храмов. Но исторический прецедент такого положения дел создан именно в Венгрии, благодаря огромным усилиям протоиерея Андрея Самборского, преодолевшего сильное противодействие этому плану Венского императорского двора.

Дело в том, что династия Габсбургов, католическая по вероисповеданию и имевшая среди своих подданных и православные народы, естественно по внутривосточным причинам была заинтересована в переходе русской великой княгини из православия в католичество. Судя по воспоминаниям Самборского, к этому было приложено немало усилий при ее жизни, но не увенчались успехом благодаря ее твердости в вере и постоянной поддержке ее духовника. Вообще вопрос сохранения православия великими княгинями был принципиальным для российского императорского дома, и при заключении брачных договоров это условие было обязательным. Известно, что именно этот пункт стал камнем преткновения в неудачных переговорах в 1796 году со шведским королем

¹ Церковные ведомости, прибавления. 1903. № 43. С. 1671.

Густавом о возможном браке с Александрой Павловной. Вопрос вероисповедания представителя династии был не личным, а политическим. Поэтому неудивительно, что даже и по ее кончине попытки Вены представить дело так, что усопшая перед смертью все же приняла католичество, продолжились с еще большей силой. Единственным ясным и простым способом развеять эту ложь в глазах православного населения империи Габсбургов и всей Европы было возведение православного храма над ее гробницей. Чего и стал добиваться опытный дипломат и священник Андрей Самборский.

Позже в своих мемуарах он описал события, последовавшие после смерти великой княгини, и свою дипломатическую борьбу за увековечивание памяти усопшей: «Епископы Римской церкви, распустившие молву, что великая княгиня присоединилась к их церкви, но притом лишившиеся случая заключить гроб ее в капуцинском кладбище всеусильно старались участвовать со своей музыкой и со своим собором в сопровождении гроба, а чрез то показать торжественно публике их вымышленное соединение. Но я представил им решительно, что восточная церковь не терпит смешения с западной по своему чинопоследованию, и что потому священнослужение единственно мне принадлежит. По соображению всех последовавших обстоятельств, я не должен был сомневаться, что римско-католические миссионеры и в отдаленных частях света разгласили присоединение к папской церкви покойной великой княгини. Это в бытность мою в Яссах утвердил Молдавский митрополит, который, заклиная меня Живым Богом и проливая слезы, просил сказать ему истину о слухе присоединения, о котором ему говорили с величайшим прискорбием некоторые молдоване и греки, прибавив к сему, что ежели российская принцесса соделалась таковою жертвою, то весьма потрясется греческая церковь, и все к ней приверженные христиане сильно постраждут, – ибо нет им другой защиты и другого спасения, кроме правоверной России. Я также Живым Богом удостоверил сетующего старца, что это есть совершенная папская клевета»¹.

Из этих воспоминаний, очевидно, что если сам факт существования храма можно считать результатом дипломатической победы отца Андрея, то его расположение, малые размеры и внешний вид говорят о том, что эта победа была все же не полной и Венскому двору удалось в этих вопросах отыгаться. «Архитектор, весьма не доброхотствующий России, построил Греко-российскую церковь не как было представлено в проекте к русскому двору, но в виде, представляющем надгробную пирамиду, и столь тесную внутри, что, ни иконостас не мог вместиться, ни священник в алтаре не мог иметь свободное хождение вокруг престола. Это устроено было таким образом с той целью, как меня некоторые уверяли, чтобы по перенесении гроба, запереть оную и прекратить священнослужение, а с тем вместе и положить конец той преданности, которую народ, приходящий на моление, изъявлял покойной палатине, а по этому поводу России и ее императору»².

Но тем не менее, хотя окончательный проект оказался совершенно иным, чем предлагался российской стороной, нельзя сказать, что он был совершенно неудачен и лишен художественной ценности. Наоборот, с эстетической точки зрения, творение придворного австрийского архитектора Санисло Хеппе вот уже более двух веков вызывает подлинное восхищение всех ценителей архитектуры. Удивительно, как автору проекта удалось в малых формах передать две главные идеи сооружения – скорбь и величие. Кроме того, архитектурные мотивы как храма, так и сопутствующих элементов (мостик, ограда, окружающий сад, впоследствии ставший русским кладбищем) очень созвучны облику родины великой княгини – Санкт-Петербургу. Внимательный взгляд найдет много общего между Иремским мемориальным комплексом и Летним садом, Михайловским замком, петербургскими каналами и набережными.

Существует некоторое разночтение относительно времени основания храма. На фронтоне здания выбита дата – 1802 год. Однако все документальные свидетельства указывают, что богослужения начались в 1803 году. Ясность снова вносят воспоминания первого настоятеля протоиерея Андрея Самборского, где он пишет о том, какое продолжительное время ему пришлось ожидать, чтобы добиться личного присутствия эрцгерцога Иосифа при торжественном освящении храма. То есть ситуация складывалась следующим образом: храм был заложен 19 июня 1801 года в небольшой деревушке со швабским населением, принадлежащей палатину Иосифу в 10 верстах от Будапешта вскоре после кончины великой княгини. «19 июня 1801 года происходила закладка

¹ Протоиерей Андрей Самборский. О пребывании великой княгини Александры Павловны в Венгрии (1799–1801 гг.) / предисл. В. Ламанского // Памятники новой русской истории: в 3 т. СПб., 1872. Т. 2. О. 2. С. 60, 66.

² Прот. Андрей Самборский. О пребывании великой княгини Александры Павловны в Венгрии. С.63–64.

Иремской церкви в присутствии гофмаршала графа Сапари и временно исправлявшего обязанности русского посла графа Муравьева-Апостола»¹. Строительство храма было завершено уже 6 марта 1802 года ровно к годовщине ее смерти, а освящение состоялось лишь в 1803 году в день памяти святого благоверного князя Александра Невского по церковному календарю (30 августа / 12 сентября). Освящение храма совершил протоиерей Андрей Самборский в присутствии эрцгерцога Иосифа Габсбурга. «В вечеру торжественного дня Александра Невского совершалось Всенощное бдение, а на другой день благочестивый палатин Иосиф присутствовал на освящении церкви, Св. Литургии и на благодарном молебне. Во все продолжение священнослужения он изъявлял отменное благоговение и внимание, которые послужили нашим единоверным великим утешением, папистам же его свиты – великим оскорблением! Таким образом, этот благонамеренный принц отверз своим присутствием свободный вход всем единоверным и иноверным в нашу греко-российскую православную церковь и дал ей право свободного богослужения»². Кроме самого храма, по распоряжению эрцгерцога, были устроены дом для священника в самой деревне Ирем и дом для певчих вблизи от церкви.

Тем самым храм в Иреме стал первым из ряда мемориальных храмов (если говорить именно об отдельно стоящих храмах, исключая из рассмотрения домовые церкви русских великих княжон, которые устраивались при европейских дворах и ранее³), воздвигнутых в разных странах с целью молитвенного поминания русских великих княжон, состоявших в династических браках с представителями правящих домов Европы. Эта традиция началась с великой княгини Александры Павловны и продолжилась в дальнейшем. Младшие сестры Александры Павловны тоже удостоились такой чести, но позже. Так, великая княгиня Елена Павловна скончалась в 1803 году, и в ее честь построен храм Апостолов Петра и Павла в Людвигслусте, освященный в 1811. Храм великомученицы Екатерины в Штуттгарт-Ротенберг в честь великой княгини Екатерины Павловны, скончавшейся в 1819 году, освящен в 1824. В честь Марии Павловны воздвигнут храм в Веймаре, освящен в 1862. Важно отметить, что многие из этих храмов воздвигались именно как отдельно стоящие здания, а не устраивались в виде домовых церквей в каком-либо из помещений дворца.

Кроме возведения мемориальных храмов, задолго до XIX века существовала традиция устройства походных и домовых русских церквей вне пределов России при посольствах, торговых домах, армейских частях и при дворах русской аристократии. Так, в Стокгольме с 1651 г. была домовая церковь при торговом дворе, в 1747 г. ее разместили в одном из помещений Городского дома. В Берлине была русская походная церковь при посольстве с 1718 г. В Лондоне для русской посольской церкви снимались помещения с 1721 по 1866 гг., когда был освящен Успенский храм. В Париже при русском посольстве находился священник с 1721 года, в 1764 г. устроена походная церковь, отдельный храм построен лишь в 1861 году. В городе Киль с 1727 г. была походная церковь великой княгини Анны Петровны, скончавшейся в 1728 г. После ее кончины церковь действовала до 1799 года. В Мадриде с 1760 г. при русском посольстве тоже была походная церковь⁴. Также в венгерском городе Токай, центре винодельческого района, еще в 1745 г. была устроена домовая Успенская церковь при комиссии по закупке вин для русского двора. В истории этот храм остался под именем Токайской духовной миссии. Эта миссия знаменита тем, что здесь одно время служил причетником известный философ Григорий Сковорода. Токайская миссия и церковь при ней были закрыты в конце XVIII столетия⁵.

Но отдельно стоящих зданий русских храмов как архитектурного явления прежде в Европе не было. Возможно, в качестве исключения, стоит упомянуть деревянный храм в Потсдаме, построенный в 1734 году для русских гренадеров, отправленных в царствование императрицы Анны Иоанновны на службу королю Фридриху Вильгельму. Однако этот храм тоже был скорее домовою церковью, т. к. по скудным сохранившимся описаниям был в виде двухэтажного деревянного здания. В 1765 г. он был закрыт и передан под театр.

¹ Цит. по: Карадасевич Ф. Великая княгиня Александра Павловна (К столетию со дня ее кончины) // Прибавления к Церковным Ведомостям. 1901. №9. С. 328.

² Прот. Андрей Самборский. О пребывании великой княгини Александры Павловны в Венгрии... С. 65.

³ См.: Русские храмы и обители в Европе. Под ред. Антонова В. В. СПб., 2005. С. 6.

⁴ См.: Русские храмы и обители в Европе / под ред. В. В. Антонова. СПб., 2005; Тальберг Н. Православное храмоздание Императорской России в Европе // Православный путь: церковно-богословско-философский ежегодник. Приложение к журналу «Православная Русь». 1958.

⁵ См.: Sasvári L. Keleti keresztyenyek Magyarországon. Kairosz Kiadó. Győr, 2005. S. 31.

Поэтому мы с полным основанием можем утверждать, что Иремский храм является старейшим из сохранившихся на настоящий момент русских церковных зданий в Европе (разумеется, имеются в виду территории, никогда не входившие в состав Российской империи).

Само здание храма построено «из камня местной породы и представляет собой удлиненный куб, увенчанный крестом, находящимся как бы поверх надгробного памятника»¹. Не совсем обычна внутренняя планировка храма. Несмотря на свои малые размеры, он имеет два придела. В главном приделе находится алтарь и престол в честь святой мученицы царицы Александры, небесной покровительницы великой княгини. Согласно ее «Житию», царица Александра была византийской императрицей в начале IV века нашей эры и пострадала за Христа одновременно с великомучеником Георгием Победоносцем, будучи свидетельницей его мучений и воодушевленная его твердостью духа, также бесстрашно исповедавшая свою веру перед своим супругом, императором-богоборцем.

Другой придел храма назван в честь святого праведного Иосифа Обручника, небесного покровителя эрцгерцога Иосифа Габсбурга. Необычность этого придела заключается в том, что в нем расположен жертвенник, а не второй алтарь с престолом, как это устроено в большинстве многопридельных храмов. Таким образом, наш храм двухпридельный, но однопрестольный.

Храм представляет собой памятник архитектуры, что подтверждено решением государственной комиссии по охране культурного наследия Венгрии. В связи с этим в 1960 году на стене здания установлена официальная табличка. Прежде, в 1958 году, были опубликованы результаты архитектурно-исторических исследований памятника².

С течением времени вокруг храма образовалось небольшое русское кладбище, где похоронены священники, диаконы, певчие и члены их семей, служившие в Иреме с 1803 по 1926 годы. К сожалению, во времена забвения в середине XX столетия кладбище оказалась сильно запущенным.

Главным украшением храма в Иреме является чудом сохранившийся до наших дней иконостас, подарок императора Александра III к столетию со дня рождения великой княгини Александры в 1883 году. Он выполнен под руководством академика В. В. Васильева и размещен в храме во время настоятельства протоиерея Феофила Кардасевича. Все иконы, написанные в безукоризненном классическом стиле на золотом фоне с тонкой гравировкой, помещены в резную дубовую раму. Единое целое с иконостасом составляет запрестольный образ Святой Троицы (новозаветный), являющийся художественной доминантой алтарной части.

Иконостас состоит из трех рядов, его структура близка к классической форме православного иконостаса. Первый ряд образуют главные храмовые образы и Царские врата. Врата сплошь покрыты позолотой. В верхней части врат изображение Благовещения Пресвятой Богородицы, разделенное на две части – на левой створке врат архангел Гавриил, на правой – Пресвятая Дева. Ниже на круглых медальонах иконы, изображающие четырех евангелистов. К сожалению, иконы евангелистов были украдены во время запустения храма, это единственная утрата иконостаса. Далее на обычных местах расположены ростовые иконы Спасителя и Богородицы. На диаконских дверях изображены иконы святой царицы Александры, небесной покровительницы храма (на южных дверях справа) и святого благоверного князя Александра Невского, покровителя Российского императорского дома (на северных дверях слева). Следующий ряд икон т. н. «праздничный». В центре ряда над Царскими вратами расположена икона Тайной вечери. Иконография всего праздничного ряда ближе к западным образцам. Икону Тайной вечери окружают иконы праздников Рождества Христова и Рождества Богородицы, далее идут иконы Вознесения Господня и Успения Божией Матери. Выше, по законам классического православного иконостаса, должны идти ряды Деисус и пророческий, включающие иконы Вседержителя, Иоанна Предтечи, Богородицы, апостолов, вселенских учителей, святителей, пророков. Оба эти ряда искусно скомпонованы в один. Вместо обычной иконы Господь Вседержитель мы видим икону Воскресения Христова (с двумя ангелами у гроба) как доминанту не только верхнего ряда, но и всего иконостаса. Эту икону окружают две тройные иконы святителей. На левой иконе изображены святители Петр Московский, Николай Мир-Ликийский и Савва Сербский, на правой – обычная композиция великих Вселенских учителей и святителей: Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст.

¹ Тальберг Н. Православное храмоздание Императорской России в Европе // Православный путь. Церковно-богословско-философский ежегодник. Приложение к журналу «Православная Русь». 1958. С. 137–163.

² Üröm. Budai járás // Magyarország Műemléki Topográfiaja. V kötet. Pest Megye Műemlékei. II. / Szerk.: Dercsényi Géza. Akadémia kiadó. Budapest, 1958. S. 238–245.

По краям верхнего ряда расположены два блока икон. Каждый блок содержит по три круглые иконы пророков или апостолов. Левый блок пророческий, здесь расположены иконы пророков Моисея, Исайи и Иоанна Крестителя. Правый блок апостольский, в нем иконы апостолов Андрея, Петра и Павла.

Над центральной иконой Воскресения резная рама иконостаса имеет надпись «Христос воста от мертвых начаток умерших бысть». Над всем иконостасом возвышается Крест. Над иконами святителей находятся резные изображения ликов шестикрылых херувимов, над пророческим и апостольским блоками икон – шестиконечные звезды Давида.

Об этом иконостасе, прекрасном образце иконописного искусства императорской России конца XIX века, истории его создания и иконографии опубликована отдельная статья в научном сборнике¹.

И, конечно же, главная особенность храма, связанная с его первоначальным предназначением, – это наличие крипты под храмом, в которую ведет узкая винтовая лестница и где находится гробница с земными останками великой княгини. Крипта имеет простую округлую форму со сводом. В центре крипты медная гробница, покрытая бархатом, у гробницы деревянное распятие. На обратной стороне распятия можно прочитать краткую историю сооружения храма в память о великой княгине с перечислением поименно знатных особ, принимавших участие в этом благочестивом деле. Приводим полный текст этой важной для истории храма надписи: «Во имя Пресвятыя Животворящия и Нераздельныя Троицы воздрусися сей Святыи Крест по благоизволению ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Благочестивейшего ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО, по благоугодному же обету и горячайшей любви его императорского Высочества Венгерскаго Палатина Иосифа к блаженныя и вечно достойныя памяти своей вселюбезнейшей супруге ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ Высочеству Великой Княгине Всероссийской АЛЕКСАНДРЕ ПАВЛОВНЕ Эрцгерцогине Австрийской на созидание Православной Греко-Российской Церкви во имя святого и праведнаго Иосифа и святыя мученицы царицы Александры, в которой гроб ЕЯ Высочества долженствует препочить навсегда. Священный сей обряд совершал 1801-го года месяца Иуния девятнадцатый день, в присутствии Его Превосходительства г. Камергера и Кавалера Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола отправляющаго должность Российскаго Министра при ИМПЕРАТОРСКОМ Венском дворе, духовник Протоиерей Андрей Самборский. Первый четверугольный средостенный камень в Христианском Единодушии положили: Превосходительный г. Муравьев-Апостол, г. Обер-гофмейстер Сиятельнейший Граф Сапари, Пречестнейший препозит Обердуховник придворный и духовник Андрей Самборский. Возобновлен же, украшен и вновь освящен Сей Св. Храм и сей честный Крест 1838 года месяца Декабря шестаго дня на Тезоименитство ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Благочестивейшаго Государя ИМПЕРАТОРА Всероссийскаго НИКОЛАЯ ПЕРВАГО – иером. Амфилохием. 1879 года, месяца октября, св. храм сей повелением Его Кор. Высочества Эрцгерцога Иосифа паки обновлен, тщанием же настоятеля священника Феофила Кардасевича вновь украшен и освящен того же месяца в 21-й день». (Насколько возможно, сохранены орфография и написание букв. Прим. – Н. К.).

В 2007 году была проведена профессиональная реставрация этого креста.

Ранее, в 2003 году, Венгерский институт реставрации передал храму восстановленный позолоченный макет российской короны и заново изготовленный макет австрийской короны вместо пропавшего в 80-е годы во время ограблений крипты. При гробе Великой Княгини Всероссийской и Эрцгерцогине Австрийской отныне вновь присутствуют, как и прежде, символы двух императорских дворов, а на стенах храма помещаются их гербы с указанием сокращения высокого титула покойной и даты ее смерти (в русском варианте приведена по церковному календарю – 4 марта 1801).

Статус храма. Освященный в 1803 году, храм святой мученицы царицы Александры, небесной покровительницы великой княгини Александры Павловны, относился к числу придворных церквей. Это само собой разумеющееся положение, ибо даже церковная утварь и иконы новозведенного храма были из домово́й церкви великой княгини, которую доставил в г. Буду, установил и проводил в ней богослужения протоиерей Андрей Самборский.

---

¹ Ким Н., протоиерей. История создания и иконография иконостаса храма св. Александры в г. Ирем, Венгрия // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 2010.

Статус придворных храмов и положение священников, в них служивших, были довольно высокими в иерархии Русской православной церкви и российского общества. В 1798 году привилегированное положение придворных священников законодательно оформил указ Павла I, по которому они, в отличие от епархиальных священников, получили наименование пресвитеров, «данное в знак уважения к высокому месту их служения при Высочайшем дворе». При Александре I было образовано отдельное ведомство придворного духовенства во главе с протопресвитером Московского Благовещенского и Придворного соборов. Глава ведомства избирался государем и являлся его личным духовником или духовником членов императорской семьи. Дворцовые и придворные церкви, таким образом, вышли из местного епархиального подчинения, изменился порядок прохождения документации для этих церквей. «В Российской Православной Церкви имелись два ведомства, подобных которым не было ни в одной из других православных Церквей – это ведомства протопресвитера придворного духовенства и военного и морского духовенства. Особенность их состояла в том, что их главы – протопресвитеры – подчинялись непосредственно Св. Синоду, хотя они носили лишь пресвитерский сан. По рангу российских чинов протопресвитеры приравнивались к архиепископам. Ведомство протопресвитера придворного духовенства не было многочисленным. К нему принадлежало духовенство собора Зимнего дворца в Санкт-Петербурге, московских Благовещенского и Архангельского соборов и разных придворных церквей – всего немного более 40 священников столько же диаконов»¹.

Все русские православные церкви за рубежом (за исключением Америки и Японии, где существовали самостоятельные епархии) находились в ведении митрополита Петербургского. Известно, что храм в Иреме относился к разряду придворных церквей при надгробиях вместе с храмами в Висбадене, Гааге и Флоренции, штат которых составлял 12 служителей с общим содержанием около 35 тысяч рублей². Настоятели всех церквей представляли в Департамент личного состава и хозяйственных дел подробные ежегодные отчеты о суммах, назначенных по штату на церковные расходы.

Служению священника за рубежом всегда придавалось особое значение. Даже его поведение, внешний вид и манеры несколько отличались от привычного для того времени образа русского бабюшки. Еще в XVIII веке, когда при русской посольской церкви в Лондоне служил о. Андрей Самборский, священник перед отъездом на место служения получал от Синода письменную инструкцию. Так, например, предписывалось носить «платье колера черного не весьма дорогой цены, но только чистое», длинное («не выше 2 вершков от земли»); «босоножно не ходить, но в сапогах, какие там употребляют, или в башмаках с чулками черными». Запрещалось «монашеское одяние во время ношения на руку заметывать, продавать на улице свечи церковные, или выставлять столики на улице для сбора денег, выдумывать чудеса и видения». По городу надлежало «чистою коляскою ездить, а не пешком ходить»³.

Кроме высокого положения в иерархии русских храмов, церковь святой Александры была особо выделяема и при дворе Габсбургов. Так, вплоть до кончины эрцгерцога Иосифа 13 января 1847 года храму полагалось круглосуточная почетная стража.

Официальное название храма в церковных документах и епархиальных списках – Иремская придворная надгробная церковь святой Александры (с теми или иными вариациями). Хотя иногда встречается наименование – Офенская духовная миссия. Это же название есть на некоторых из сохранившихся книг когда-то богатой библиотеки храма. Оно более точно отражает смысл пребывания русских священников в Венгрии, ибо их служение заключалось не только в совершении поминальных богослужений, но и свидетельствовало о красоте Православия в инославной среде, о достоинстве Российского императорского дома в центре Европы.

В связи с этой миссионерской стороной жизни храма надо вспомнить о его знаменитой библиотеке. Ее начало положено книгами, привезенными из России для домового храма Великой княгини еще при ее жизни. Они же и составляли главную ценность библиотеки. Впоследствии новые книги присылались из Санкт-Петербурга, пополнялись священниками, причтом и просто благодетелями на протяжении более ста лет. Известно, что до Второй мировой войны в библиотеке было несколько сот томов духовной и богослужебной литературы. Во время войны значительная часть

¹ Шавельский Г., протопресвитер. Русская Церковь перед революцией. М., 2005. С. 409.

² Справочная книга для должностных лиц центральных и заграничных установлений Министерств иностранных дел. СПб., 1869. Цит. по: Чернявская Л. С. Документы архива Министерства иностранных дел по истории русских православных миссий за границей // Отечественные архивы. 2001. № 4. С. 29–34.

³ См.: Сарни М. Русская Церковь в Лондоне // Церковный Вестник. 2006. № 19 (344). С. 12.

книг пропала. До наших дней дошло несколько десятков томов, причем некоторые изданы еще во время царствования императрицы Елизаветы Петровны. Библиотеке Офенской духовной миссии посвятил работу венгерский исследователь Тарди Лайош¹. Однако в силу трудности церковнославянского языка и сложности восприятия для светского ученого вообще всего строя богослужебной литературы эта работа может считаться только началом более серьезного изучения библиотеки Офенской духовной миссии.

Священство храма. В качестве придворной церкви храм пользовался особым покровительством Святейшего Синода, который регулярно командировал клириков из России – священника, диакона и 4 певчих. До революции было 12 настоятелей. Первый – Андрей Афанасьевич Самборский, он приехал в Венгрию в 1799 году, сопровождая Великую княгиню Александру как духовник и настоятель ее домового храма.

О нем сохранилось много сведений в архивах и периодике того времени.

Протоиерей Андрей Самборский (1732–1815), член Императорского вольного экономического общества, был священником при Российском посольстве в Лондоне. В 1781 году находился при свите Великого Князя и Наследника, Государя Павла Петровича во время его путешествия по Европе. По возвращении в Отечество награжден Императрицей Екатериной II бриллиантовым крестом на голубой ленте. С 1785 года назначен наставником в Законе Божьем Великих Князей Александра Павловича и Константина Павловича и Великих Княжон. В 1788 году стал первым протоиереем новопостроенного близ Царского Села Софийского Собора. В 1797 году избран членом Экспедиции государственного хозяйства и сельского домоводства. В 1799 году награжден орденом св. Анны I класса, определен духовником к Великой Княгине, Эрцгерцогине Австрийской Александре Павловне. После ее безвременной кончины он предпринял путешествие по Греции и славянским южным землям. По возвращении в Санкт-Петербург награжден алмазными знаками ордена св. Анны; по болезненному своему состоянию для поправления здоровья получил позволение жить в Михайловском замке, где он по двухлетних непрерывных немоцах скончался на 82-м году жизни 5 октября 1815 года. Он известен своими познаниями в земледельческих и других хозяйственных науках. Так, в Москве в 1781 году издано его «Описание практического английского земледелия». Из его духовных сочинений ничего не было опубликовано, кроме речи 1787 года по случаю возвращения из южного путешествия Государыни Императрицы Екатерины II.

Протоиерей Николай Музовский был назначен в Ирем по ходатайству Самборского. Будучи его преемником, молодой священник Николай Музовский (урожд. Лупп Васильевич Музовский, род. 23 августа 1772 г.), в дальнейшем во многом повторил путь своего предшественника и даже в чем-то превзошел его. Он также впоследствии стал духовником императорской семьи и занимал одно из высших положений в русской церковной иерархии.

Отец Николай служил в Иреме с 1804 по 1810 годы. О нем оставил краткое воспоминание В. Броневский в своих путевых заметках: «Отец Николай Музовский, проповедник, раньше служил при различных посольствах. Этим объясняется, что он носит черный фрак и внешне ничем не напоминает русского священника... Отец Николай заслужил здесь великое уважение. Крестьяне протестантского исповедания приходят к нему из дальних деревень, он читает им Евангелие на немецком языке; по праздникам же посещают его добрые сербы из соседних деревень»².

Здесь же, в Иреме, отца Николая постигло большое горе – скончалась его супруга, и ее могила была первой на русском кладбище возле храма. К сожалению, до наших дней эта могила не сохранилась. По окончании своего послушания в Венгрии Николай Музовский стал «законоучителем православного вероисповедания» в Царскосельском лицее (с 1811 по 1816 годы) как раз в то время, когда там учился А. С. Пушкин. Известно, что протоиерей Музовский сопровождал принцессу Шарлотту (будущую императрицу Александру Федоровну) в ее путешествии из Берлина в Петербург в 1817 году. При этом он давал принцессе первые уроки русского языка и научал ее основам православного вероучения. В дальнейшем, уже в сане протопресвитера, Николай Музовский стоял во главе военного духовенства на должности обер-священника армии и флота (1827–1848 гг.), на этом поприще он известен тем, что установил правила ведения церковного хозяйства в армии. Также он был преподавателем Санкт-Петербургской духовной семинарии и с 1814 года – членом

¹Tardy L. A «budai orosz könyvtár» és az ürömi mauzoleum orosz leírói // Az Országos Széchényi Könyvtár Évkönyve. 1965-1966. Budapest, 1967. S. 429-445.

²Цит. по: Стелецкий Н., свящ. протоиерей Андрей Самборский – законоучитель императора Александра I // Труды Киевской духовной академии. 1896. № 10-12.

Российского Библейского общества, в которое в то время входили такие выдающиеся ученые и богословы, как: Киевский митрополит Серапион, Петербургский митрополит Амвросий, ректор Петербургской академии, архимандрит Филарет.

Был протопресвитером, членом Святейшего Правительствующего Синода, духовником Их Императорских Величеств, обер-священником Главного Штаба, кавалером орденов: св. Александра Невского с алмазными украшениями, св. Владимира 2-го класса, св. Анны 1-й степени и прусского ордена Красного Орла 3-й степени.

После Музовского в Иреме служил иеромонах Герман (с 1810 по 1817 гг.); он оставил по себе добрую память своей строгой иноческой жизнью, всегдашней готовностью оказать услугу, оказать помощь нуждающимся; он возвратился в Россию по старости и слабости своего здоровья; где и когда умер, неизвестно. При нем в 1814 году во время проведения Венского конгресса совместно посетили храм российский император Александр I, король Пруссии Фридрих Вильгельм и император Австрийский Иосиф. В следующем году гробницу сестры посетила великая княгиня Екатерина Павловна в сопровождении австрийского эрцгерцога Иоганна.

Иеромонах Геннадий родом из московских купцов, первоначально поступил в Спасо-Преображенский Валаамский монастырь в 1800 году, откуда в 1810 г. переведен в Александро-Невскую Лавру, где и был посвящен в иеромонаха. Роста он был высокого, плотен, говорил густым басом и в молодости хорошо пел на клиросе. В 1812–1814 и 1816 годах находился для исправления священнослужения на кораблях Балтийского флота и, по свидетельству флотского начальства, «благороднейшим своим поведением, ревностным и благоговейным исправлением своей должности оказывал всем служащим с ним пример веры и приобрел искреннее их почтение». В 1817 г. отец Геннадий назначен для священнослужения в Иремской церкви. При отъезде к своему посту 21 января 1817 года он был представлен государыне императрице Марии Федоровне, и 22-го того же месяца по воле государя императора Александра Павловича митрополит Амвросий возложил на него золотой наперсный крест. Отец Геннадий состоял в означенной должности до 1822 года. Во время пребывания государя императора Александра Павловича за границей, в 1821 и в 1822 годах в Лайбахе и Вероне (по случаю собравшегося тогда европейского конгресса) старец вызван был для исправления службы в походной Его Величества церкви, причем два раза удостоился быть духовником государя. При отъезде к своему посту отец Геннадий получил от бывшего тогда начальником штаба Его Величества князя Волконского два свидетельства, в которых сказано, что он во время пребывания своего в Лайбахе и Вероне приобрел всеобщее уважение соответствующим сану его примерным христианским житием.

В 1822 году отец Геннадий подал прошение об увольнении его по болезни от занимаемой должности. При отъезде из Венгрии старец имел честь представиться эрцгерцогу Австрийскому, Венгерскому Палатину Иосифу и получил от него в подарок драгоценный бриллиантовый перстень. В 1829 году 13 августа, то есть уже по возвращении отца Геннадия в Александро-Невскую Лавру, за долговременное и беспорочное его служение как во флоте, так и в Венгрии и по болезненному его состоянию, высочайше повелено выплачивать ему пенсию из Государственного казначейства. В 1831 году во время свирепствовавшей в Петербурге холеры старец в городских лазаретах исправлял требы при больных. За усердное исполнение этого поручения ему была объявлена благодарность от Высокопреосвященного митрополита Серафима. 31 декабря 1834 года он прибыл в Оптину пустынь и пребывал в ней до своей кончины, то есть 12 лет. Он был гостеприимен, ласков, разговорчив и до конца своей жизни любил тесный путь.

Из 46 лет, посвященных исключительно служению Господу в иноческом чине, отец Геннадий почти 17 лет провел вне пределов своего Отечества. Его простые рассказы о виденном и слышанном отличались беспристрастием и скромностью и имели тем большую цену, что старец смотрел на все глазами русского православного человека, не увлекаясь внешним блеском западной жизни. Скончался в добром исповедании на 73-м году от рождения. Воспоминания о нем можно найти в Оптином патерике.

Старцу Геннадию наследовал протоиерей Феодор Раевский, служивший в Измайловском полку, семьянин, человек уже немолодой и заслуженный; его слабое здоровье влекло его на юг искать более мягкого климата, но он оставался здесь только до 1831 года, когда по возникшим недоразумениям и доносам на него вынужден был переселиться в родную Орловскую губернию, где и скончался. Его имя выгравировано на трисвечнике, подаренным им для нашей церкви.

Иеромонах Амфилохий служил с 1832 по 1846 гг. Биографических данных о нем нет. По рассказам, он владел достаточными личными средствами и был очень гостеприимен. На память о себе

он подарил для Иремской церкви прекрасное иерейское облачение из золотой парчи, и такую же одежду, и пелены на престол и жертвенник, и на два аналая. При нем в 1838 году был проведен первый ремонт храма, о чем есть надпись на кресте в крипте. Скончался 15-го марта 1846 года и погребен на кладбище близ церкви.

После смерти иеромонаха Амфилохия Иремский храм по неизвестной причине оставлен некоторое время без настоятеля; и только в 1848 году был назначен сюда кандидат академии Василий Судакевич, из диаконов парижской церкви, он прожил здесь с небольшим полгода, скончался в январе 1849 года от чахотки и погребен здесь же подле своего предшественника. Об отце Василии есть запись в книге выпускников Санкт-Петербургской Духовной академии за 1845 год.

В 1850 году место настоятеля получил магистр богословия Василий Миронович Войтковский. После шестилетнего пребывания здесь, он был переведен настоятелем посольской церкви в Копенгагене, но оставался там недолго, и снова был возвращен к Иремскому храму, и здесь прослужил до 1870 года.

В книге выпускников Санкт-Петербургской Духовной академии записано, что В. М. Войтковский, поступивший из Подольской семинарии, закончил курс академии в 1849 году со степенью магистра. Также его имя находится в списке клириков Санкт-Петербургской епархии за 1867 год, к которой относился придворный храм в Иреме.

Во время служения отца Василия 11 сентября 1852 года Иремский храм посетил наследник русского престола Великий князь Александр Николаевич, когда приезжал в Венгрию на маневры, происходящие около Будапешта, а в 1866 году – Великий князь Константин Николаевич.

Однако окормление Иремского храма не было единственной заботой Войтковского во время его пребывания в Венгрии. Известно, что протоиерей Василий был одним из основателей русского храма в Карловых Варах в Чехии.

В Иреме похоронен его сын Иоанн Васильевич Войтковский, умерший в младенчестве 31 августа 1867 г. После служения в Венгрии Войтковский вернулся в Россию, где посвятил себя научной и преподавательской деятельности. Он стал профессором церковной истории и богословия в Императорском Новороссийском университете и настоятелем университетского храма. Примечательно, что этот храм тоже был посвящен святой мученице царице Александре. Скончался профессор протоиерей Василий Войтковский в 1904 году, оставив после себя богатое научное наследие¹. После протоиерея Войтковского на его место в том же 1870 году был переведен настоятель Мадридской посольской церкви священник Константин Лукич Кустодиев.

Отец Константин Кустодиев – личность во многих отношениях замечательная. Литературный критик, историк, богослов, путешественник, журналист – во всех этих сферах он сумел проявить свои незаурядные таланты. К сожалению, яркая и творчески плодотворная жизнь о. Константина очень рано оборвалась. Вот что пишет о нем «Русский биографический словарь» под ред. А. А. Половцева (СПб., 1903. Т. 9, С. 614–615): Кустодиев Константин Лукич – протоиерей Иремской церкви близ Пешта в Венгрии, сын сельского дьякона, род. около 1837 г. в с. Царева Саратовской губернии, ум. в 1875 г. Образование получил в саратовской духовной семинарии и в московской Духовной Академии. В начале октября 1862 г. определен был псаломщиком в Мадрид; в 1864 г. рукоположен к мадридской же церкви в священника, а в 1870 г. произведен в сан протоиерея и перемещен к иремской церкви в Венгрии, устроенной над могилой великой княгини Александры Павловны. Еще студентом Академии в 1861–1862 гг. он печатался в «Русской Речи», «Русском Вестнике» и «Московских Ведомостях». Поступив на службу в Мадрид, он посещал университет, изучил испанский язык и занимался в посольском архиве. Плодом его занятий был ряд статей в «Христианском Чтении», «Православном Обозрении» и «Русском Архиве». В Мадриде он был избран в члены ученого общества «Атеней» и читал там некоторое время (в ноябре 1862 г.) лекции по русскому языку. В Иреме о. Константин Кустодиев занялся историей угорской Руси и напечатал статьи по этой теме².

¹ Главные труды В. Войтковского: «О православной церкви в австрийских владениях»; «Об униатской церкви в Австрии»; «О церковном положении глаголитов»; «О богослужении протестантской церкви»; «О религиозном движении в Галиции»; «О сверхъестественном в религии»; «Обрядовой вопрос в Галиции»; «Отношения между католичеством и протестантством»; «Об упадке богослужения в протестантской церкви»; «О церковном соединении Германии»; «Платон Атанацкевич, заслуженный сербский епископ в Австрии»; «Начатки христианства между мадьярами».

² Труды К. Кустодиева: «Обзор духовной журналистики в 1860 г.»; «Сведения о капуцинах и иезуитах Астрахани в прошлом и начале нынешнего столетия»; «Об исповедании веры сектанта Бандырева, саратов-

Памяти К. Кустодиева посвящен труд священника Т-ского «Отец Константин Лукич Кустодиев и его жизнь в Испании», опубликованный в двух первых номерах журнала «Странник» за 1884 год. Из этой обширной статьи мы узнаем много важных моментов и подробностей жизни священника-писателя. Интересны такие детали совершаемой им Литургии, как чтение Евангелия лицом к народу не только в пасхальный период, но и во все другие дни, обязательная проповедь после Евангелия. Эти особенности богослужебной практики говорят об открытости и миссионерской направленности его служения.

Свидетельства о деятельности Кустодиева можно обнаружить во многих странах Европы. Память о нем как о талантливом миссионере-исследователе до сих пор хранят православные христиане Мадрида, где он был настоятелем русского прихода. Во время настоятельства в Иреме он также окормлял приход в Карловых Варах, который был в то время приписан к Офенской миссии; в летописи русского храма в Дрездене обнаруживаем, что он участвовал в освящении и этого храма.

В феврале 1874 г. он был избран профессором Петербургского университета на кафедру богословия, но, не вступив еще в эту должность, о. Константин Кустодиев заболел тифом в 1875 г. во время поездки по Италии в Милане; погребен в Иреме, близ Пешта. На его памятнике краткая надпись: «Здесь покоится тело протоиерея Константина Лукича Кустодиева».

После смерти о. Константина Кустодиева в 1875 году его место занял священник Михаил Мансветов, определенный сюда из Санкт-Петербурга. О нем сохранилось очень мало сведений. До назначения в Венгрию иерей Михаил Мансветов служил в Соборе князя Владимира Санкт-Петербурга, ранее с октября 1870 года до ноября 1872 года был настоятелем церкви Преображения Господня лейб-гвардии Гренадерского полка на Аптекарском острове, до этого служил в церкви при Государственном Контроле. Его преемник протоиерей Феофил Кардасевич отзывается о бывшем настоятеле как о человеке престарелом и болезненном. Он почил о Господе в 1877 году, похоронен в Иреме.

Протоиерей Феофил Кардасевич. Из списка духовенства С-Петербургской епархии конца XIX века: «Протоиерей Феофил Николаевич Кардасевич. Имеет палицу и ордена: св. Владимира 3 ст., св. Анны 2 ст., Фридриха Виртембергского 1 кл., Черногорского Даниила I-го 3 ст., Сербского св. Саввы 3 ст. и Болгарского св. Александра 4 ст. офицерский крест. В 1869 г. по окончании курса в С.-Петербургской духовной академии со степенью кандидата богословских наук определен диаконом к Штутгартской церкви; в 1877 г. назначен настоятелем к Иремской церкви; в 1888 г. возведен в сан протоиерея».

Известно, что кроме послушания в Иреме, о. Феофил окормлял русскую колонию в Мерано. Первая русская православная церковь была организована в Мерано в наемном доме еще в 1884 г. и освящена в честь Николая Чудотворца. Почетной попечительницей храма стала Великая княгиня Екатерина Михайловна. Настоятелем церкви был о. Феофил Кардасевич.

После отъезда Кардасевича в храме остался служить протоиерей Стефан Колумбов. О нем сохранилось мало сведений, но те, что мы имеем, довольно любопытны. Так, его отец, диакон Яков Колумбов, служил при Иремском храме с 1830 года, как явствует из надписи на его надгробии. Вместе с диаконом Колумбовым рядом похоронены его жена и дочери. Т. е. его сын Стефан был, скорее всего, уроженцем Ирема, хотя и русский по происхождению. Сын пошел по стопам отца, стал священнослужителем и впоследствии настоятелем Иремского храма. Он оставался при храме вплоть до своей кончины в 1926 году, когда уже не было ни Российской империи, ни государственной поддержки для причта. Таким образом, церковная династия Колумбовых верой и правдой служила при храме почти столетие.

ского раскольника-протестанта»; «О состоянии испанских духовных семинарий»; «Христианство в Испании под владычеством мусульман»; «Испанские мистики»; «Исследование о музеребской литургии в Толедо»; «Жизнь сельского духовенства в Англии»; «О церкви и государстве в Америке»; «Последнее auto-da-fe в Севилье»; перевод «Писем о России» Дюка де-Лириа; «Последнее дело угорских русинов в Вене в 1849 г.»; «Конгресс католиков в Венгрии и угорские русские»; «Церковь угорских русских и сербов в их взаимоотношении»; «Церковно-административные реформы сербской церкви в Венгрии»; «Петр Великий в Карлсбаде», и «История пряшской епархии в Венгрии»; отдельно изданы: «Опыт истории библейской женщины»; «Перевод на испанский язык литургии св. Василия Великого и Иоанна Златоустого» и на испанском же языке «Сравнительное изложение главнейших христианских исповеданий»; «Христианство в Испании под владычеством мусульман» (М., 1867).

Из венгерских источников¹ известно, что о. Стефан входил в известный в то время «кружок» будапештских языковедов, поддерживал приятельские отношения с знаменитостями – Сини Йожефом, Мункачи Бернадом, Ашбот Оскаром. Жил отец Стефан в Будапеште, по адресу Fő utca 18.

После смерти о. Стефана с 1926 по 2003 годы не было настоятелей. Ежегодно в храме совершали богослужения священники Будапештских русских приходов: Святой Троицы, св. Иоанна Златоуста, преп. Сергия Радонежского. Они в меру своих сил заботились о старейшем русском храме в Венгрии. Следующего настоятеля храма св. Александры назначили только к 200-летию юбилею храма.

Протоиерей Николай Ким, выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии, кандидат богословия, рукоположенный в сан священника в 1992 г. в Санкт-Петербурге, инициировал начало работ по восстановлению храма в Иреме и возобновление регулярных богослужений. 6 сентября 2003 года на торжествах по случаю 200-летия храма указом епископа Венского и Австрийского Илариона² назначен настоятелем Иремского храма. С декабря 2012 года настоятель русского православного прихода в городе Хевиз (Венгрия).

Иерей Димитрий Свирко был рукоположен в сан священника в 2010 году и назначен ответственным за совершение богослужений в Иремском храме по ходатайству предыдущего настоятеля, протоиерея Николая Кима. До этого в течение десяти лет нес послушание регента храма, кандидат технических наук, духовное образование получил в Московской духовной семинарии.

Общий взгляд на историю храма. Говоря об истории нашего храма, уместно вспомнить термин «микроистория», часто встречающийся последнее время в научных публикациях. Причем, применительно к русской духовной миссии в Венгрии этот термин действительно наполнен его изначальным смыслом – как отражение в частной истории общеисторических тенденций.

Для более ясного представления истории миссии, приведем ее условную периодизацию:

– *1-й период* – с 1803 по 1848 годы – время наивысшего значения храма. Совпадает со временем правления Иосифа Габсбурга в Венгрии, любящего супруга Александры Павловны. Оканчивается смертью эрцгерцога и событиями венгерской революции 1848 года;

– *2-й период* – с 1850 по 1926 годы – время служения замечательных священников, пользующихся серьезной поддержкой императорской России. Благодаря преданности и чувству долга последнего из них, о. Стефана Колумбова, этот период окончился не с падением Российской империи, а лишь со смертью одного, последнего настоятеля из плеяды дореволюционных священников.

– *3-й период* – с 1926 по 1950 годы – начало забвения. Время между двумя войнами и сразу после Второй мировой войны, когда ситуация с православными приходами и клириками в Венгрии характеризовалась крайней неустроенностью.

– *4-й период* – с 1950 по 2001 годы – запустение храма. Совпадает с периодом социалистической Венгрии. Логичный итог – многочисленные ограбления и перенесение из храма его главной святыни – земных останков Великой княгини. С падением безбожных режимов в России и Венгрии начинается постепенное возрождение храма;

– *5-й период* – с 2001 года по настоящее время. Возрождение храма, осмысление его исторического значения и возвращение внешнего благолепия. Полноценное возобновление богослужebной жизни. Конечно же, все это невозможно представить вне глобального процесса духовного возрождения России.

Отметим, что для всех периодов характерны несколько общих черт: миссионерская направленность служения священников, их высокий научный и богословский уровень, авторитет не только среди прихожан, но и далеко за пределами Ирема и Будапешта. Не прерывающееся на протяжении двух столетий молитвенное свидетельство оказывало благотворное влияние на самые отдаленные уголки как империи Габсбургов, так и современной Венгрии. Например, в одном церковно-историческом исследовании при упоминании Иремского храма отмечается значительное влияние русских священников Офенской миссии на интеллигенцию Закарпатья. Их деятельность не ограничивалась рамками богослужebной жизни в храме. Они вели дипломатическую работу, проводили научные исследования, занимались публицистикой, окормляли многочисленные русские общины по всей Центральной Европе, основывали приходы, строили храмы, занимались духовным просвещением местного населения.

¹ Tardy L. Régi hírünk a világbán. Budapest, 1979. S. 213.

²Ныне митрополит Волоколамский Иларион, Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, постоянный член Священного Синода Русской Православной Церкви.

Современное положение. В заключение кратко обрисуем состояние храма в настоящий период.

В 2001 году началось возрождение этого единственного старинного русского храма в Венгрии. Без внешней поддержки, лишь усилиями настоятеля и малочисленной группы верующих было обеспечено возобновление регулярных богослужений, восстановление храма и прилегающего русского кладбища. За короткое время это место приобрело былую известность, церковь посетили представители династических фамилий Габсбургов и Романовых, высокие государственные чиновники России и Венгрии, православные и католические церковные иерархи.

Так, в 2003 году были проведены торжества по случаю 200-летия основания храма. При большом стечении гостей, среди которых были представители российского посольства и кардинала, было совершено освящение мемориальной стены на северной стороне кладбища с иконами Богородицы, святых царя Николая и короля Иштвана, выполненных известной венгерской художницей по керамике Марией Петраш.

6 сентября 2004 года с согласия семьи Габсбургов, принявших во внимание возобновление полноценной богослужебной жизни и проведенную в короткий срок реставрацию здания и прилегающего кладбища, земные останки великой княгини Александры Павловны возвращены из фамильной крипты Габсбургов в крипту нашего храма. Торжества по поводу этого события, знаменующего собой полное возрождение бывшей святыни, возглавил Преосвященный Иларион, епископ Венский и Австрийский, управляющий Венгерской епархией. Панихида и речи почетных гостей происходили при многотысячном стечении народа, участии представителей Венгерского и Российского государств, личном присутствии примаса католической церкви Венгрии кардинала Петера Эрде, а также членов семей Габсбургов и Романовых. Многие венгерские СМИ как до, так и после этого события давали информацию об истории жизни русской царевны Александры Павловны и о храме, воздвигнутом в ее честь.

В октябре того же года возрожденную святыню посетил постоянный член Священного Синода Русской Православной Церкви, Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, ныне Святейший Патриарх Московский и всея Руси, и вручил настоятелю церковный орден прп. Сергия Радонежского III степени, присвоенный ему за труды по восстановлению Иремского храма.

После возвращения останков великой княгини реставрационные работы в храме не прекратились. Большую помощь оказывал мэр Ирема Лабода Габор. В 2005 году группой реставраторов – Эберт Каталин и Папп-Шереметьев Яношем была проведена реставрация росписи внутреннего купола. Эта работа выполнена на высоком профессиональном и научном уровне, дала ряд интересных новых исторических данных, которые были представлены на XXXI Международной конференции реставраторов в Венгерском национальном музее в 2006 году¹.

О современном состоянии храма посетители уже упоминавшейся Международной выставки «Венгерское королевство между двумя империями», прошедшей в 2005 году в Москве, в Государственном историческом музее, могли судить по фильму, снятому творческой группой Венгерского национального музея и демонстрировавшемуся в рамках выставки.

В настоящее время храм и кладбище полностью восстановлены, богослужения совершаются неукоснительно каждую неделю, недостающая богатая церковная утварь восполнена. Божественная Литургия в храме и панихида у гробницы великой княгини совершаются по субботам, это связано с тем, что в православном недельном богослужебном круге именно суббота является днем сугубого поминовения усопших. Это святое для русской памяти место пользуется уважением и неизменным интересом гостей Венгрии и местных жителей. Для российской дипломатии и венгерских властей оно вновь стало зримым символом глубоких исторических корней российско-венгерских отношений.

---

¹ Seremetyeff-Papp J., Jébert K. Az ürömi sírkápolna boltozati falképének restaurálása // XXXI. Országos Restaurátor Konferencia. Magyar Nemzeti Múzeum. Budapest. 2006 január 26. Работы финансировала венгерская фирма T-Mobil.

«Художник его императорского величества»
Михай (Михаил Александрович) Зичи (1827–1906 гг.).
Судьба венгерского художника в России

Венгерский художник Михай Зичи (1827–1906) попал в Россию по прихоти судьбы 20-летним юношей, но из 60 лет своей последующей жизни (весьма плодотворной в творческом отношении) провел здесь более пятидесяти. Эти полвека не были для него безоблачными, но после неоднократных попыток поискать удачи в другом месте и даже обосноваться на родине, он все равно возвращался в Россию. Скончался Зичи в Петербурге, однако похоронен был в Будапеште. Что привело молодого художника в Россию, каким уровнем профессионального мастерства обладал он к моменту приезда и как складывалась его творческая судьба вдали от родины, каковы были его позиции при царском дворе и какие творческие задачи ставили перед ним 4 российских монарха, которым он верно служил в качестве придворного художника, каковы были связи Зичи с современной ему русской (а также, в силу стечения жизненных обстоятельств, и грузинской) культурой? Ответы на все эти вопросы мы пытаемся найти в своем исследовании.

Начало пути. Михай Зичи родился в 1827 г. в среднепоместной дворянской семье. Род его был знатным, восходил своими историческими корнями к XIII в., одна из ветвей этого рода (впрочем, не та, к которой принадлежал художник) за верную службу Габсбургам получила в XVIII в. графский титул. Как бы то ни было, семейство Зичи относилось к середине XIX в. к числу обедневших дворянских семейств. Родовое имение Зичи находилось к югу от Балатона, в комитате Шомодь. В сохранившемся по сегодняшний день родительском доме, где одно время располагалась и мастерская художника, сегодня находится его музей¹.

Зичи рано потерял отца. Вдова-мать (как это было принято в среде венгерского среднепоместного дворянства) заботилась о том, чтобы оба сына получили в первую очередь юридическое образование – это дало бы им возможность сделать карьеру на административной службе. Брат Михая Антал не только стал видным политиком, но даже был избран в Академию наук. Михай тоже учился на юриста, но его с юных лет куда сильнее тянуло к искусству, нежели к юриспруденции. В 15 лет вопреки возражениям матери он записался в Пеште² в частную художественную школу довольно известного в то время в Венгрии художника итальянского происхождения Якоба Марастони. В 1844 г. по настоянию матери М. Зичи все же поступил на юридический факультет Венского университета, но увлечение искусством снова перевесило. Молодой венгр берет уроки у академика живописи Фердинанда Георга Вальдмюллера (1793–1865), человека очень передовых для Вены того времени художественных принципов, который сразу обратил внимание на незаурядные способности юноши. Уже в 1845 г. Зичи не только ассистирует Вальдмюллеру в создании ряда работ, но и с успехом выставляет свои произведения. А через год венский академик взял его с собой в творческую поездку по Италии.

В феврале 1847 г. в Вену прибыл с супругой и младшей дочерью (вскоре после горькой утраты – в 1845 и 1846 гг. – двух старших дочерей) великий князь Михаил Павлович, младший брат императора Николая I. 20-летняя великая княжна Екатерина Михайловна Романова (1827–1894) увлекалась искусством, и Вальдмюллер был приглашен дать ей уроки рисунка. Вначале предполагалось, что пожилой венский маэстро совершит летнюю поездку в Россию, однако Вальдмюллер предложил великокняжеской чете вместо себя молодого ученика-венгра. Так Зичи оказался в свите, путешествовавшей по Европе семьи Михаила Павловича, побывал с ней в Берлине, Ницце. Между великой княжной Екатериной и красивым венгерским дворянином, учителем рисования (они были ровесниками) быстро вспыхнула искра взаимного увлечения, что трудно было скрыть от посторонних глаз. Естественно, что в придворных кругах реагировали на это с немалым раздражением – слишком велик был мезальянс.

---

¹ Музей Зичи в селе Зала был открыт в 1979 г. В 1992 г. экспозиция была реорганизована и обновлена. Большую роль в создании музея сыграл правнук художника видный общественный деятель Иштван Чичери-Ронаи. Точный адрес музея: Zichy Múzeum, 8660 Zala, Zichy M. utca 20.

² Буда, Пешт и Обуда слились в единый город Будапешт в 1873 г. (Прим. переводчика).

Первый Санкт-Петербургский период (1848–1874). Как бы то ни было, великая княжна Екатерина настояла на том, чтобы молодой учитель рисования приехал с семьей в Петербург зимой 1847/1848 г. Так Зичи оказался в чужой незнакомой стране с иной культурой. Независимо от его отношений с царской племянницей предложение было весьма заманчивым и с материальной точки зрения: большое жалование позволяло расплатиться с долгами, которые молодой художник нажил за месяцы учебы в Вене. Помимо этого Зичи теперь мог наконец доказать своей строгой матери, что и на стезе профессионального художника тоже можно достичь высокого общественного положения. Правда, в творческом отношении многие заказы, полученные молодым художником (например, поручения сделать зарисовки любимых комнатных собачек августейших дам), не представляли для него никакого интереса.

Вскоре после прибытия в Петербург Зичи был представлен самому императору, и эта встреча дала пищу распространенному анекдоту, в котором трудно отделить правду от вымысла¹. На дворе был 1848 г. К этому времени в Венгрии (и шире – в монархии Габсбургов) вспыхнула революция, для спасения венского императорского дома выступила 200-тысячная русская армия. В эти же месяцы при знакомстве с Николаем I, молодой венгр вместо ожидавшегося от него осуждения мятежников, не дав оснований упрекнуть себя в невежливости, вместе с тем совершенно не счит нужным скрывать глубокий венгерский патриотизм и тревогу за судьбу своего отечества. Правда, в последовавшем вскоре удалении Зичи от царского двора сыграл главную роль не столько этот эпизод, сколько другие обстоятельства. В сентябре 1849 г., через месяц после подавления венгерской революции, скончался великий князь Михаил Павлович, в определенной мере покровительствовавший 22-летнему художнику и глядевший сквозь пальцы на отношения с ним любимой дочери. Терпеть продолжавшийся роман царской племянницы с бедным венгерским дворянином при дворе больше не могли.

Оказавшийся без императорского жалования молодой живописец, пока еще не известный в российской художественной среде, остался в Петербурге, начав тяжелым трудом зарабатывать себе на хлеб. Вместе с тем этот период пребывания Зичи в России был весьма плодотворным в творческом отношении, ведь он теперь куда чаще, чем в бытность придворным художником (и даже позже, став именитым живописцем и графиком), брался за кисть, движимый не узким заказом, а настоящим творческим побуждением. Именно в этот период устанавливаются и тесные связи Зичи с русской культурой и российским профессиональным художественным сообществом, что во многом определило всю его последующую жизнь.

Вначале в полном одиночестве, обремененный долгами, он снимал комнату в невзрачном петербургском доме, в комнате с окном, выходящим во двор-колодец. В ту суровую петербургскую зиму молодого художника, остро нуждавшегося в деньгах, преследовали болезни. Он не прочь был вернуться в Вену, но ни возможности, ни средств для этого не было. После нескольких горьких месяцев в начале 1850 г. Зичи нашел себе работу в фотосалоне братьев Веннингеров, где ретушировал дагерротипы, и только этим зарабатывал себе на жизнь. Работа была совсем не творческой и вызывала скуку, однако и в этой непростой ситуации Зичи сумел использовать преимущества своего нового положения. Он познакомился, в частности, с некоторыми аристократами, посещавшими салон, и даже получил от них ряд заказов на изготовление портретов и миниатюр. Весной 1850 г. дела пошли в гору, и это позволило в том же году обзавестись семьей. Спутницей жизни стала привлекательная и добрая девушка Александра Ершова из купеческой семьи. Бескорыстно ухаживая за Михаем во время болезни, она по-настоящему привязалась к нему. Зичи довольно долго скрывал от нее свое дворянское происхождение, но еще больше проблем доставляло различие вер. Живя в России, Зичи оставался всю жизнь католиком, категорически отказавшись принять православие. Брак долгое время был гражданским, в конце концов, они венчались по католическому обряду, но по тогдашним российским законам брак был недействительным (жена католичество тоже не приняла). Детей крестили в католическом соборе, но они были оформлены как внебрачные. Все это впоследствии принесло немало головных болей супружеской паре и их детям – Ольге, Софье, Марии и Николаю.

В начале 1850-х годов Зичи активно писал портреты аристократов в технике акварели, но в 1852 г. получил заказ на ряд картин религиозного содержания, к сожалению не сохранившихся. По заказу была написана серия портретов офицеров, им был выполнен также ряд портретов-миниатюр в рамке из слоновой кости. В свое удовольствие, по вдохновению Зичи писал картинки

¹ Сам Зичи упоминает эту историю в письме от 17 октября 1897 г. См.: Magyar Országos Levéltár (Венгерский государственный архив). Ernst hagyatéka. № 183–184.

из повседневной уличной, городской жизни, бытовые юмористические зарисовки, где в качестве персонажей выступали офицеры, возившиеся со своим обмундированием. Благодаря связям, приобретенным Зичи в 1848–1849 гг., две такие зарисовки были показаны при дворе (в том числе и самому императору) и весьма понравились членам царской фамилии, художник был близок к тому, чтобы вновь завоевать расположение царственных особ, и уж во всяком случае, перед ним открылись новые возможности.

Между тем в качестве свободного художника Зичи в 1850–1853 гг. завел знакомство с людьми из творческой среды. Он интересовался современным русским искусством, ходил на выставки. В его работах, относящихся к этому периоду, прослеживаются следы влияния таких разных по своей творческой манере художников, как Карл Брюллов и Павел Федотов.

Зичи не только прекрасно овладевает к этому времени русским языком, но и читает русскую литературу. Особенно он увлекается Лермонтовым. Можно предположить, что именно благодаря знакомству с творчеством Лермонтова Зичи уже в начале 1850-х годов заинтересовался Кавказом – этот интерес он пронес через всю свою дальнейшую жизнь. В последние годы николаевского царствования у иностранного подданного не было шансов получить разрешение поехать на Кавказ. Но это отнюдь не удержало Зичи от воплощения своего творческого замысла. В 1852 г. он выполняет серию литографий с видами Кавказа, на следующий год она была издана и снискала немалый успех. Другой важной работой, оставившей еще больший след в истории русского искусства, явилась серия иллюстраций к «Слову о полку Игореве» в переложении Н. В. Гербеля (подарочное издание 1854 г.).

Оригиналы 4 иллюстраций из этой серии утрачены. В следующем, 1855 г. с цветными иллюстрациями Зичи, выполненными в технике литографии, вышло лубочное издание с рассказами для детей. На 6 иллюстрациях изображены сцены Крымской войны.

Первый придворный заказ после 4-летнего перерыва художник получил в октябре 1853 г. Его вызвали в Гатчину для выполнения ряда акварельных работ с групповым изображением членов императорского дома.

Начиная с этого времени заказы становятся постоянными, за считанные месяцы он исполнил более 20 работ. Конечно, память о военной кампании 1849 г., подавлении при участии русской армии венгерской революции была жива в сознании Зичи, однако художник был не в том положении, чтобы отказываться от выгодных императорских заказов.

После смерти в 1855 г. Николая I и прихода к власти его сына Александра II положение Зичи в принципе не изменилось, он продолжал получать заказы императорского дома. Самым важным заданием было участие наряду с другими художниками (как русскими, так и иностранными) в оформлении художественного альбома, запечатлевшего коронационные торжества. За этим поручением следуют другие. Новому монарху пришелся по душе стиль художника, сочетавший величественность изображения с интересом к выразительным, подчас комическим и юмористическим деталям. В событиях, которые Зичи хотел запечатлеть, он выхватывал для изображения наиболее яркие эпизоды, мастерски выписывая по памяти запоминающиеся детали. Виртуозное владение художника техникой рисунка, акварели, гуаши получает признание не только при дворе, но в петербургском высшем обществе, помогает ему сделать хорошую творческую карьеру. С 1856 г. он закрепился на позициях придворного художника, а с 1859 г. в качестве «художника Его Императорского Величества» получал постоянное и немалое жалование и право на высокую пенсию после ухода с государственной службы. В 1858 г. Зичи избирают в Академию художеств (президентом Академии был, как правило, представитель императорского дома, в данном случае великая княгиня Мария Николаевна). Мастерская художника была оборудована в одном из императорских владений – здании Нового Эрмитажа, ныне входящем в комплекс зданий Государственного Эрмитажа. Зичи был удостоен высоких государственных наград – в 1859 г. получил орден Святого Станислава III степени, а в 1863 г. – II степени.

Придворная служба была делом почетным и доходным, но чрезвычайно обременительным. Приходилось сопровождать царя и членов императорской фамилии в различных поездках, постоянно присутствовать на царских охотах, фиксировать в зарисовках все дворцовые праздники и придворные церемонии. К этому периоду творчества Зичи относится более тысячи рисунков и акварелей, на которых были запечатлены совершенно разные события, как будничные, так и официальные – балы и маскарады, торжественные официальные обеды и праздничные ужины, военные парады, дипломатические приемы, театральные представления и концерты. В обязанности художника входила своего рода хроника событий – фиксация ритуалов и церемоний, связанных с повсе-

дневной жизнью всего немалочисленного клана Романовых. Рождения новых великих князей, их крестины, обручения, свадьбы, отпевания, похороны – весь круговорот семейной жизни правящей фамилии запечатлевался в рисунках и акварелях. Но придворная жизнь была достаточно многоликой, она могла представлять взору художника и своими веселыми, неформальными сторонами, что находило отражение в юмористических зарисовках различного рода игр и развлечений. Работы Зичи, выполненные при дворе, отнюдь не сводились к произведениям искусства графики. Так, по высочайшему заказу он художественно оформлял вееры для членов царской фамилии. Одна из самых значительных работ Зичи – относящийся к 1860 г. альбом из 52 миниатюр с изображением сцен царской охоты, стилизованных под игральные карты. Планы издания этого альбома в виде книги так и не были реализованы. Оригинал хранится в фондах Государственного Эрмитажа, как и большинство других произведений, выполненных Зичи по заказу царского двора¹.

Хотя придворная служба оставляла мало свободного времени, Зичи не пренебрегал общением с коллегами-художниками. С ноября 1857 г. складывается сообщество художников, собиравшихся, как правило, по пятницам поочередно на одной из квартир для обмена мнениями по актуальным проблемам современного искусства. Приходили И. К. Айвазовский, представители знаменитого художественного семейства Клодтов, П. П. Соколов, В. Ф. Тимм, итальянец А. Лавеццари, работавший в России, и другие. В процессе общения делались зарисовки. Некоторые из них выставлялись потом на витринах художественного магазина Бегрова и продавались, выручка шла на поддержку нуждавшихся художников. Общение Зичи не ограничивалось только этим кругом, он имел и другие знакомства в художественной среде и в 1857–1858 гг. выполнил серию сатирических и юмористических портретных зарисовок (по сути дела карикатур), получившую хождение в кругу художников и ценителей искусства и вызвавшую немалый отклик. В 1860-е годы все большее место занимали в его творчестве иллюстрации. Он приступает к работе над иллюстрациями к поэме М. Ю. Лермонтова «Демон». Ее образы настолько притягивали художника, что он то и дело обращался к ним и позже, в частности в 1880–1890-е годы.

В 1858 г. состоялась знаменательная встреча, в определенной мере повлиявшая на дальнейшую судьбу художника и сделавшая его творчество более известным как в России, так и за рубежом, в том числе на родине. В Россию приехал известный французский писатель, критик и искусствовед Теофиль Готье (1811–1872), один из законодателей художественных вкусов эпохи. Его поездка широко освещалась в прессе, сам Готье отразил свои впечатления в очерках, публиковавшихся не только во Франции, в журнале «L'Artiste», но и в России. Позже, в 1867 г., в Париже выходит его книга «Путешествие в Россию», нашедшая большой отклик в Петербурге. В одну из пятниц Готье посетил собрание кружка художников, к которому относился Зичи, а потом побывал и в его мастерской. В своих очерках Готье восторженно оценил работы Зичи, а в книге посвятил ему целую главу, и мнение знаменитого француза повлияло на восприятие его творчества и в Венгрии.

Между тем в 1866 г. вследствие покушения Д. Каракозова на царя правительство ужесточает внутреннюю политику. К тому же польское восстание усилило подозрения в отношении католиков. Зичи всерьез опасался административных преследований за незаконный брак с православной женщиной и от греха подальше выехал с семьей в Венгрию, в свое родовое имение Зала. Жена с 4 детьми поселилась там, сам же Зичи через несколько месяцев вернулся в Петербург, где его ждали новые заказы. Венгрию в последующие годы он посещал время от времени наездами.

В 1869 г. при поддержке самой императрицы Марии Александровны Зичи организовал свою первую персональную выставку в Петербурге, был отпечатан каталог. Всего была представлена 91 работа, причем посетитель мог познакомиться с разными этапами более чем 20-летнего к этому времени творческого пути художника. Отклик художественного сообщества на персональную выставку был неоднозначным. Критика отмечала высокое техническое мастерство художника и вместе с тем обращала внимание на то, что его творческие установки были достаточно далеки от идеалов передвижников и – шире – тех течений в искусстве, которые ставили во главу угла изображение повседневной народной жизни. Для Зичи, между тем, становилось очевидным, что служба в качестве придворного художника оставляет мало времени и сил для воплощения некоторых заветных замыслов. Ему наскучил и придворный мир с его строгим регламентом и этикетом, художника тянуло к более свободным формам творческой жизни.

¹ Описание этого альбома см.: Princeva G.A. II. Sándor vadászjelenetes kártyái // Zichy Mihály, a "rajzoló fejedelem". Budapest (далее – Вр.), 2007.

В 1871 г. Зичи, воспользовавшись приглашением британского престолонаследника, получил творческий отпуск и совершил поездку по Европе. Непосредственное знакомство с новейшими явлениями искусства, как и знакомство с более либеральной творческой атмосферой усилили в художнике желание изменить образ жизни. В 1873 г. он просил разрешения выйти на пенсию, и его совершенно не удерживали, тем более что в придворных кругах довольно косо смотрели на его широкие и разнообразные связи в художественной среде, создание произведений, не имевших никакого отношения к высочайшим заказам (в одной из дневниковых записей Зичи откровенно заметил, что впал в немилость). С 1 января 1874 г. художник оказывается в отставке, по сути без обещанной когда-то пенсии, а летом того же года покидает Россию. Его отъезд привлек внимание общественного мнения, нашел отклик в петербургской прессе (было неясно, покидает ли он Россию навсегда или нет). Причем доминировали довольно теплые отзывы о сделанном им за годы пребывания в России. Сам 47-летний Зичи был всерьез настроен на то, чтобы начать творческую жизнь заново, теперь уже в роли свободного художника. Он считал в то время маловероятным, что ему доведется вернуться в Россию.

Проведя летние месяцы в Венгрии с семьей, художник затем переселился в Париж, надеясь на то, что там еще помнят хвалебные отзывы на его работы Теофиля Готье, а бурная художественная жизнь придаст его творчеству новые импульсы. В июле 1875 г. к нему присоединилась молодая подруга и ученица Мария Этлингер (1857–1934), дочь одного из придворных врачей, на протяжении последующих 8 лет, вплоть до своего замужества, неизменная его спутница в поездках по Европе.

В Париже Зичи провел 7 лет. Интересно, что и в работах, относящихся к этому времени, прослеживаются русские мотивы. Так, на одном из больших живописных полотен, написанных в период Восточного кризиса и русско-турецкой войны 1877–1878 гг., запечатлен образ царя Александра II, призывающего войска к выступлению¹. В силу некоторых политических причин (страх Европы перед российской экспансией на Балканах), а также из-за присутствия в ней антицерковных мотивов появление этой картины сопровождали скандалы, после которых художник счел бесперспективной парижскую карьеру. Он покидает Париж, живет в Ницце, затем приезжает в Венгрию и проводит несколько месяцев как в Будапеште, так и в своем имении Зала с семьей. Творческого удовлетворения он не испытывает и все больше подумывает о возобновлении работы в России.

Кавказ, 1881–1882. Как уже говорилось, под влиянием увлечения Лермонтовым Зичи еще в 1850-е годы проявлял интерес к Кавказу, запечатлел его виды в целой серии литографий, хотя на Кавказе ему тогда не довелось побывать. Интерес к Кавказу и желание увидеть его своими глазами усилились после неожиданного знакомства с дворянами грузинского происхождения. С этим совпало еще одно событие: старый приятель Зичи петербургский издатель и редактор популярного журнала «Нива» А. Ф. Маркс отыскал в Париже художника и завел с ним разговор об иллюстрациях к готовящемуся тому сочинений Лермонтова. Более того, он обещал организовать Михаилу Александровичу поездку на Кавказ, что было давней мечтой художника. В сентябре 1881 г. вместе с ученицей Марией Этлингер художник прибыл в Тифлис. Очарованные природой Кавказа, они проводят многие часы за мольбертом с карандашом и кистью, создавая все новые и новые панорамы гор. Завязав знакомство с представителями грузинской культурной элиты, Зичи заинтересовался предложением создать иллюстрации к шедевру грузинской средневековой литературы – эпической поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Эта работа была выполнена несколько позже, в 1885–1887 гг. 26 прекрасных иллюстраций Зичи украсили подарочное издание поэмы на грузинском языке, вышедшее в свет в 1887 г. и ставшее событием громадного значения для развития грузинской национальной культуры Нового времени. Венгерский художник Зичи сумел довольно глубоко постичь образную ткань средневековой поэмы, хотя и написанной на чуждом ему языке. Неудивительно, что на его иллюстрациях было воспитано в патриотическом духе не одно поколение грузинской интеллигенции². Благодарную память о Зичи хранят в Грузии до сих пор. Его именем названа улица в Тбилиси, а в 1987 г., еще в советское время, был поставлен памятник художнику работы венгерского скульптора Шандора Киша. Он украшает живописный парк, выходящий на главную магистраль города – проспект Руставели³.

¹ Картина, о которой идет речь, находится в экспозиции Венгерской Национальной галереи.

² На грузинском языке существует литература о Зичи. Надо выделить книги Гордезиани «Зичи в Грузии» (Тбилиси, 1966), Г. Сараме «Михай Зичи и грузинская культура» (Тбилиси, 1978).

³ Иллюстрации Зичи к «Витязю в тигровой шкуре» были выставлены и в Будапеште в 1888 г. Первое издание поэмы в венгерском переводе (1917, переводчик Б. Викар) также сопровождалось иллюстрациями Зичи.

Именно поездка в Грузию пробудила в Зичи интерес к этнографии, он становится страстным коллекционером предметов народного прикладного искусства, в его богатой коллекции имелись среди прочего образцы народной одежды и старинное оружие. Поддерживая связи со своими соотечественниками, Зичи сделал ряд зарисовок костюмов из своей коллекции для известного в то время в Венгрии художника Берталана Секея, мастера костюмированных исторических сцен. Они были использованы в 1896 г., когда в Венгрии с большим размахом отмечалось тысячелетие «обретения родины» (прихода венгерских племен в Среднее Подунавье), прежде всего при создании одежды, стилизованной под древнюю венгерскую, которая была востребована во время торжественного костюмированного театрального представления об истории прихода венгров на их новую историческую родину.

Хотя то самое издание М. Лермонтова, для которого Зичи готовил иллюстрации к «Демону», не состоялось, эти работы были опубликованы в приложении к журналу «Нива» и в декабре 1883 г. переданы в основанный при Николаевском кавалерийском училище в Петербурге Лермонтовский музей; в советское время, после упразднения училища они были переданы в музей Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР (ныне РАН). Рисунки, выполненные в Грузии, позже, в 1900 г., вышли отдельным изданием в виде фотоальбома – в работе над реализацией этого замысла художнику помогала ученица, Анна Гусева. Уже в последние месяцы своего пребывания в Грузии, осенью 1882 г., Зичи возобновил связи с представителями императорского дома, согласившись выполнить два заказа (серию картин с изображением охоты и альбом с гравюрами, на которых запечатлен военный праздник).

Второй петербургский период (1883–1906). С согласия нового императора, Александра III, в 1883 г. М. А. Зичи получил предложение вернуться на государственную службу в прежнем качестве придворного художника. 56-летний мастер принял это предложение, гарантировавшее ему стабильное существование на склоне лет. Ему пришлось вернуться в Петербург и вновь заняться привычным делом – художественной хроникой бесконечной череды событий придворной жизни. Впрочем, самое первое поручение было особенно ответственным – подготовка альбома, посвященного коронации Александра III. 27 мая 1883 г. Художник присутствовал в Москве на коронационных торжествах и сделал многочисленные зарисовки. Впрочем, эта работа так и не была реализована в задуманном объеме.

В этот период Зичи жил довольно замкнуто, много работал над выполнением придворных заказов. При этом у него сохранялась привычка жить на широкую ногу и, несмотря на высокое жалование, денег по-прежнему не хватало, приходилось бороться с долгами (тем более, что он продолжал материально заботиться об оставшихся в Венгрии жене, детях и внуках). Последние двадцать три года его жизни, проведенные главным образом в Петербурге, реконструировать довольно трудно. В самом деле, пресса довольно скудно сообщала о его судьбе, отклик публики на его работы также был не слишком велик, к тому же в своей переписке Зичи не часто упоминал о конкретных заказах, которые выполнял при дворе. Санкт-Петербург он покидал чаще всего в составе свиты, совершая путешествия и выезды вместе с членами царской фамилии. Отдыхать в летние месяцы он предпочитал в дачной местности Лахта в 30 км к северо-западу от Петербурга на берегу Финского залива. Однако мы знаем очень мало работ, о которых можно твердо сказать, что они были созданы на загородной даче. Плохо перенося суровые русские зимы, Зичи несколько раз, чтобы поправить здоровье, выезжал в Ниццу. В родную Венгрию он в последний раз приехал в 1887 г., но позже неоднократно встречался с детьми в Вене. Жена вплоть до своей кончины жила с детьми в Венгрии. В роли же постоянной спутницы жизни Марию Этлиндер (в замужестве княгиню Эристову) сменила другая молодая ученица, Анна Гусева, которая вела домашнее хозяйство.

В художественных пристрастиях и творческом методе Зичи произошли определенные изменения. Прежде всего, после парижской неудачи он утратил интерес к созданию крупномасштабных, аллегорических полотен и вообще не собирался больше бросать вызовы общественному вкусу, не рассчитывая на международное признание. Он вообще теперь почти не обращался к живописи, занимаясь только графикой, и все реже брался за работы, выходящие за рамки его обязанностей придворного художника (исключение составляли, прежде всего, книжные иллюстрации). В то же время после посещения Грузии продолжал устойчиво сохраняться его интерес к пейзажу. К числу увлечений прибавился театр. Хотя на поприще театрального художника Зичи не успел себя проявить, но зато с высочайшего разрешения подготовил ряд альбомов с зарисовками театральных представлений, состоявшихся при дворе. По итогам путешествий с членами царской семьи рождались панорамные пейзажи и бытовые зарисовки. Что касается искусства книжной иллюстрации,

то оно занимало все большее место в его творчестве, и обращался он к нему, как правило, по собственному внутреннему побуждению. Причем это была как раз та нить, которая связывала Зичи с его родной национальной культурой. По заказам, полученным с родины, им были выполнены иллюстрации к изданиям произведений классиков венгерской литературы – Шандора Петёфи, Яноша Араня, Имре Мадача¹.

Особое место в творчестве Зичи занимают эротические рисунки. В этом жанре художник дебютировал довольно рано. Из его дневника, в частности, узнаем, что уже в 1856 г. он активно выполнял частные заказы в этой области и один из его рисунков купил даже сам принц Уэльский. Особенно много Зичи занимался изображением эротических сцен в 1880-е годы. В своих рисунках, нередко стилизованных под французское рококо XVIII в., художник запечатлел различные фазы сексуального действия, уделяя большое внимание именно физиологической стороне. Бесстрастная, отстраненная (как в пособии по сексу) манера письма лишь в некоторых случаях становилась более эмоциональной, а иногда приобретала сатирическое звучание: художник, долго вращавшийся при дворе, хорошо знал нравы этой среды, что определенным образом преломилось и в его творчестве. Работая над эротическими, а иногда откровенно порнографическими рисунками, Зичи удовлетворял немалый спрос на такую продукцию в придворных кругах. Император Александр II смотрел на все это совершенно сквозь пальцы. Правда, его сын Александр III, будучи подчеркнутым блюстителем пуританской морали, такие вещи не одобрял, но и мер никаких, по сути, не принимал. А при Николае II царили вольные нравы и, более того, расцветает мода на порнографию, так что эротические рисунки Зичи пришлось в полном смысле этого слова ко двору. Альбом с эротическими рисунками Зичи впервые был издан еще в 1885 г. (*Etudes de femmes*), в 1895 г. выходит более полное собрание из 58 зарисовок (*Breviarium eroticum*), оригиналы многих из которых утрачены. Всего же Зичи создал не менее 160 эротических рисунков, в год его смерти (1906) большой альбом выпустило немецкое издательство, за ним последовало другое, посмертное издание, 1911 года (*Liebe*), тогда же вышло издание с текстом на французском языке (*Les plaisirs de l'amour*). Наиболее полное издание эротического наследия художника – венгерское издание 1989 г.².

В 1894 г. художник отмечал в Петербурге 50-летний юбилей своего творческого пути – он вел отчет своей профессиональной деятельности с 1844 г., когда начал брать уроки у Вальдмюллера в Вене. Поздравления пришли в этот день из разных уголков Российской империи. В тот же год скончался Александр III, с приходом к власти Николая II положение Зичи в роли придворного художника не изменилось. 26 мая 1896 г. при церемонии коронации Николая II в Москве Зичи был свидетелем ходынской трагедии, унесшей жизни более 1300 человек³.

В 1897 г. Зичи отмечал свое 70-летие и 50-летие придворной службы при русском дворе (отсчет велся с того момента, когда он стал давать уроки рисования великой княжне Екатерине Михайловне, до юбилейной даты не дожившей всего три года). В это время он пробует свои силы (если не считать, конечно, прежних писем и дневников) в новом качестве – как литератор, причем на родном венгерском языке. Зичи обращается к описанию царских охот, сопровождая текст своими рисунками. Издание этой книги предполагалось организовать в Венгрии при помощи сына Миклоша (Николая), который, живя с детства в Венгрии, овладел венгерским языком настолько, что в конце 1890-х годов уже выступал в роли литературного редактора своего обрусевшего отца, потомственного венгерского дворянина. Но в 1900 г., когда Зичи находился в Крыму с императором и его окружением, пришла горестная весть о безвременной кончине сына, с которым художник не переставал общаться и активно переписывался, по сути именно через Миклоша осуществлялась связь Михая с родной страной и ее культурой (другим таким человеком был зять, Тивадар Феледи, но он умер еще раньше, в 1896 г.). Утрата сына была одной из самых горестных потерь в жизни Михаила Александровича. К тому же с уходом Миклоша оборвался по мужской линии дворянский

---

¹ В 1885 г., по некоторым сведениям, Зичи попросил при дворе двухмесячный отпуск для работы над иллюстрациями к «Трагедии человека» Имре Мадача. Крупноформатное венгерское издание 1887 г. с его иллюстрациями имело огромный успех, выдержало 5 переизданий, причем к новым изданиям Зичи подготовил дополнительные иллюстрации. К этой серии иллюстраций проявила интерес императрица Мария Федоровна, которой художник подарил немецкоязычное издание «Трагедии человека». См.: Андор Ч. История создания «Трагедии человека» // Мадач Имре. Трагедия человека / изд. подготовил Ю. П. Гусев (Серия: Литературные памятники). М., 2011. С. 389–390 (Прим. переводчика).

² См.: Zichy Mihály. Egato. Вр., 1989.

³ В коронационных торжествах участвовал и соотечественник Зичи знаменитый дирижер А. Никиш, руководивший берлинским симфоническим оркестром (Прим. переводчика).

род Зичи (по крайней мере, та его ветвь, к которой принадлежал художник). После кончины сына Зичи завещал всю свою петербургскую собственность своей подруге Анне Гусевой.

М. А. Зичи скончался в Петербурге 15 февраля (по новому стилю 1 марта) 1906 г. в возрасте 79 лет. Уважительные некрологи были опубликованы как в российских, так и в венгерских газетах. Отпевание прошло в петербургском католическом костеле 4 марта. Вначале была идея захоронить художника на загородном кладбище в Лахте, любимом месте отдыха. Но венгерское правительство обратилось с предложением о захоронении Зичи на родине. Гроб с телом художника был доставлен в Будапешт, выставлен на церемонии прощания 19 марта в главном выставочном зале города (построенном к торжествам «обретения родины» Мючарноке) на площади Героев. Далее катафалк проследовал на Керепешское кладбище, где и состоялось погребение. Процессия была многочисленной, придворного художника Романовых знали и на родине, ценили его творчество. На могилу было возложено большое количество венков, среди которых выделялся грандиозностью венков от царской семьи¹. Надгробный памятник по заказу дочерей и внуков изготовил один из крупнейших венгерских скульпторов Алайош Штробль. Он был установлен в 1916 г., за полгода до падения династии Романовых, которой 6 десятилетий верно служил художник, занимаясь своим профессиональным делом. При установлении памятника об этом старались не вспоминать: Россия и Австро-Венгрия сражались друг против друга на полях Второй мировой войны. А до войны, в 1907 г. в Петербурге состоялась выставка, приуроченная к 80-летию со дня рождения Зичи. На ней были выставлены работы, находившиеся в частных собраниях.

Столетие Зичи отмечалось в эпоху Хорти, в 1927 г. Вышла большая монография искусствоведа Яноша Бенде «Жизнь и искусство Михая Зичи», основанная на добросовестном изучении его жизненного и творческого пути². Положение Зичи при царском дворе сравнивалось в ней с положением жаждущего свободы орла в золотой клетке. Автор неплохо передал душевные терзания художника, временами тяготившегося своим статусом. Надо к тому же принять во внимание, что и клетка была не из чистого золота, учитывая нравы, царившие при дворе: зависть и мстительность сопровождали Зичи на протяжении многих лет его пребывания в должности придворного рисовальщика. Но оказавшись в Париже в ином амплуа – свободного художника, – Зичи так и не смог в полной мере себя реализовать, во всяком случае, его творчество получило не тот резонанс, на который рассчитывал художник. В конце концов, он предпочел в 1883 г. вернуться в «золотую клетку», которую когда-то покинул. Живя до последних своих дней в комфорте и довольстве, он в то же время испытывал определенное угнетение от той системы, при которой деятельность художника почти всецело предопределялась заказами свыше и зависела от прихотей августейших особ. Отношения Зичи с царским двором до конца оставались амбивалентными – проявляя уважение к работодателю, честно работая на него и рассчитывая на его благосклонность, он в то же время внутренне не изменил своим юношеским идеалам. В его иллюстрациях к произведениям Лермонтова и Петёфи, выполненных в бытность Зичи придворным художником, предстает свобододолюбивая натура, чей духовный настрой мало совместим с абсолютистским произволом царской власти.

М. А. Зичи и русская литература. Уже говорилось о сильном увлечении молодого Зичи творчеством Лермонтова и особенно поэмой «Демон», которую он иллюстрировал. Можно предполагать, что он познакомился с ней еще до ее первого издания (1856 г.), в рукописи, благодаря своему другу князю Г. Г. Гагарину. Есть основания также считать, что он был знаком с лермонтовскими рисунками, выполненными на Кавказе, – ощутима перекличка мотивов двух рисовальщиков. Вообще образ летящего «Демона», появившись в рисунках Зичи в 1850-е годы, сопровождал потом художника всю творческую жизнь, эту же фигуру можно видеть в разных произведениях³. Зичи выполнял также иллюстрации к «Герою нашего времени» (образы княжны Мэри и др.).

Другим примером удачного сочетания заказа и подлинного творческого вдохновения художника можно считать работу Зичи над иллюстрациями к «Слову о полку Игореве», с которым он познакомился в 1853 г. и образами которого не уставал восторгаться⁴. Особенно плотно художник

¹ Подробный фоторепортаж о церемонии похорон Зичи опубликовала будапештская воскресная газета «Вашарнапи уйшаг» в своем номере от 25 марта 1906 г.

² Bende J. Zichy Mihály élete és művészete. Bp., 1927. Через год под таким же названием вышла книга Б. Лазара: Lázár B. Zichy Mihály élete és művészete. Bp., 1928.

³ См. исследование на эту тему К. Геллер в сборнике: Zichy Mihály, a «rajzoló fejedelem». Bp., 2007. См. ее же: Geller K. Zichy Mihály, 1827–1906. Bp., 1990.

⁴ Кстати, первая публикация «Слова о полку Игореве» в Венгрии на венгерском языке относится к этому же времени (1858 г.) (Прим. переводчика).

занился изучением русской литературы в 1860-е годы, что было связано с его деятельностью в области книжной иллюстрации. Именно на этот период приходятся его наиболее значительные иллюстрации к произведениям А. С. Пушкина – прежде всего к «Бахчисарайском фонтану»¹, а также «Евгению Онегину». К образам Пушкина он обращался и позже, наиболее поздние его иллюстрации к его стихотворениям относятся к рубежу XIX–XX вв.

В 1873 г. наряду с другими художниками Зичи принял участие в большом проекте издателя А. Н. Якоби – издании цветной иллюстрированной антологии русской литературы, адресованной детям. Он подготовил к этому изданию три иллюстрации к стихотворению поэта Я. П. Полонского «Мишенька». В 1880-е годы на первый план в деятельности Зичи как иллюстратора вышли шедевры венгерской литературы. Но в то же время он остался верен и русской литературе – можно назвать в качестве примера иллюстрации 1880 г. к «Тарасу Бульбе» Н. В. Гоголя.

Незадолго до кончины, в 1903 г., Зичи лично познакомился с русским писателем новой генерации – Максимом Горьким. В восприятии Горького венгерскую литературу представляла, прежде всего, знаменитая философская драма Имре Мадача «Трагедия человека». О ее содержании он вначале получил представление по рецензиям в русских журналах². В русском переводе (довольно несовершенном) он ознакомился с ней несколько позже³. Как бы то ни было, интерес к этой поэме М. Горький сохранил до конца жизни, по отзывам современников, он нередко заводил о ней разговор⁴. В 1903 г. М. Горький хотел поспособствовать изданию поэмы в русском переводе и предложил маститому художнику выступить в качестве иллюстратора. Зичи, конечно, дал согласие, тем более что к этому времени с его прекрасными иллюстрациями вышло и затем было переиздано венгерское издание «Трагедии человека». Однако план этот был реализован в менее дорогостоящем варианте, без иллюстраций Зичи.

Связь Зичи с Венгрией. Зичи родился и вырос в семье с глубокими патриотическими традициями, и в юности, в годы общественного подъема в канун революции 1848 г., был убежденным приверженцем идей прогресса и далеко идущих реформ, с которыми выступали Л. Кошут и его сторонники. Как художник, способный принести славу венгерскому национальному искусству, в 20 лет он подавал большие надежды. Не случайно его учитель Вальдмюллер в октябре 1847 г. уделил ему много внимания в своем послании к депутатам венгерского Госсобрания, где речь шла о необходимости поддержки талантливых молодых художников, в противном случае они будут потеряны для родины. Этот голос не был тогда услышан. Как бы то ни было, обстоятельства сложились так, что Зичи оказался надолго в Петербурге. На родине почти ничего не знали о нем до тех пор, пока он не стал известным художником. К тому же в общественном мнении после военной кампании 1849 г. существовали предубеждения – не удивительно, ведь Зичи находился на службе у той державы, которая помогла Габсбургам подавить венгерскую революцию. Первое официальное приглашение посетить родину Зичи получил только в 1876 г., через два года после ухода с царской службы. Но и в дальнейшем он не удостоился каких-либо заманчивых предложений, которые предопределили бы его возвращение на родину. Важно, однако, заметить, что Зичи до самого конца сохранял гражданство своей родной страны⁵, хотя это было сопряжено для него с определенными неудобствами и, более того, давало повод для насмешек в петербургском высшем свете. Как отмечалось, он не перешел и в православие, что делало по сути незаконным и его брак и рожден-

¹ Эта серия акварелей находится в отделе графики Третьяковской галереи.

² В 1893 г. статья о «Трагедии человека» Мадача была опубликована в журнале «Русское обозрение» (Прим. переводчика).

³ В 1904–1905 гг. вышли сразу три перевода «Трагедии человека» на русском языке – стихотворные Н. Холодковского и В. Мазуркевича, а также прозаический перевод З. Крашенинниковой, заказанный М. Горьким и опубликованный по его инициативе в издательстве «Знание», очевидно, без иллюстраций. См. подробнее: Гусев Ю. П. Имре Мадач и его «Трагедия человека» // Мадач Имре. Трагедия человека (Серия: Литературные памятники). М., 2011 (Прим. переводчика).

⁴ М. Горький упоминает «Трагедию человека» устами одного из героев эпопеи «Жизни Клима Самгина». Тогда же, в 1920-е годы, он говорил об этом произведении во время беседы на Капри с видным венгерским писателем Д. Костолани. В 1935 г. Горький предложил включить «Трагедию человека» в план издания памятников мировой литературы издательства «Академия». О возможности постановки «Трагедии человека» в советских театрах говорил в свою очередь А. В. Луначарский. Из литературы см.: Waldapfel J. Gorkij és Madách / Tanulmányok a magyar-orsz irodalmi kapcsolatok köréből. II. k. Bp., 1961 (Прим. переводчика).

⁵ Речь идет сначала о гражданстве Австрийской империи, а после ее преобразования в 1867 г. в дуалистическую Австро-Венгерскую монархию о венгерском гражданстве, поскольку в каждой из двух половин двуединой монархии подданные имели австрийское либо венгерское гражданство (Прим. переводчика).

ных в этом браке 4 детей. Интересно, что на петербургских приемах (и даже дипломатических) с личного разрешения Александра III он бывал в венгерском парадном костюме. В последние десятилетия жизни Зичи получал все больше заказов с родины и, несмотря на свою занятость в качестве придворного художника, работал над ними предельно добросовестно, внося огромный вклад в венгерское искусство книжной иллюстрации. Зичи вел активную переписку с венгерскими деятелями культуры, особенно художниками и писателями.

В своих письмах Зичи не скрывал горечи в связи с тем, что почти весь его творческий путь протекал на чужбине. Приходится иногда сожалеть, откровенно заметил он в одном письме, что мне пришлось пожертвовать собой «ради хотя и искренне любимой, но все же чужой для меня нации»¹. В последние годы жизни он особенно сильно чувствовал тоску по родине и одиночество. Большая часть обширного творческого наследия Зичи (и в том числе работы, выполненные по высочайшему заказу) находится в российских собраниях – в Государственном Эрмитаже, Русском Музее, Третьяковской галерее, а также в литературных музеях². Многое – в запасниках и выставляется для широкой публики лишь во время временных выставок. Но некоторые значительные работы художника имеются и в Венгерской национальной галерее. Первая большая выставка работ художника, хранившихся в СССР, прошла в Венгрии в 1952 г., к 125-летию Михая Зичи³. За этой выставкой последовали другие, в том числе недавняя 2007–2008 гг. как плод сотрудничества Эрмитажа и Венгерской Национальной галереи⁴.

(Перевод с венгерского языка А. С. Стыкалина)

И. В. Крючков

Перспективы продления Австро-Венгерского таможенного союза на страницах «Вестника финансов, промышленности и торговли» в 1905 г.

Во время выстраивания дуалистической системы в 1867 г. одной из сложнейших стала проблема таможенного союза между Австрией и Венгрией. После долгих дебатов стороны пришли к соглашению о необходимости сохранения таможенного союза⁵. В то же время каждый раз он должен был заключаться сроком на 10 лет. При этом оговаривалось, что Венгрия берет на себя 30 % общеимперских расходов, а Австрия 70 %⁶. Данная пропорция в целом соответствовала доле каждой половины империи в объеме собираемых прямых налогов в империи Габсбургов. В 1872 г. доля Венгрии увеличивается до 31,4 %, в 1899 г. – до 34,4 %⁷.

В 1876–1878 гг. переговоры по поводу заключения очередного десятилетнего соглашения прошли относительно спокойно. Правда, Венгрия добилась трансформации Австрийского национального банка в Австро-Венгерский национальный банк. В 1886–1887 гг. при заключении второго соглашения Австрия вынуждена была пойти на некоторые уступки в пользу Венгрии, стремившейся активно проводить индустриализацию страны⁸. В 1897 г. закончился срок действия таможенного соглашения, но стороны на этот раз не смогли вовремя прийти к компромиссу, что привело к серь-

¹ Письмо приводится в книге: Lázár B. Zichy Mihály élete és művészete. Вр., 1928. 128–129 о.

² Из литературы о Зичи, вышедшей на русском языке, см.: Тихомиров А. Искусство Венгрии IX–XX веков. М., 1961; Алёшина Л.С. Михай Зичи. М., 1975.

³ Из работ, вышедших в эпоху социализма, заслуживает упоминания: Berkovits I. Zichy Mihály. Вр., 1964.

⁴ См. каталог: Zichy Mihály, a «rajzoló fejedelem». Вр., 2007.

⁵ Венгерский закон о предметах общего интереса земель Венгерской короны и других земель, подвластных Его величеству, и способам распорядка означенных предметов. Закон X 1867 г. // Собрание конституционных актов. Вып. II-й. М., 1905. С. 16.

⁶ Лоуэлль А. Л. Правительства и политические партии в государствах Западной Европы. М., 1905. С. 355.

⁷ Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней / отв. ред. Т. М. Исламов. М., 1991. С. 221.

⁸ Государственный строй и политические партии в Западной Европе и Северо-Американских Соединенных штатах. Т. II. СПб., б. г. С. 59.

езным трениям в австро-венгерских отношениях. Одно из основных противоречий заключалось в требовании Австрии увеличить долю Венгрии в общеимперских расходах. В то же время некоторые торгово-промышленные круги Венгрии, страдавшие от конкуренции с Австрией, требовали разрыва таможенного союза с Венцией. В 1897 г. из-за обструкции в австрийском парламенте новое соглашение с Венгрией не было заключено, затем наступает волна внутривластных неурядиц в Венгрии, вызванных борьбой национальной оппозиции с короной. В данной ситуации действовало временное соглашение, одобряемое в конце июля каждого года императором-королем по представлению правительств обеих половин империи, оно действовало в течение года.

В России традиционно уделяли много внимания основным тенденциям и противоречиям развития Австро-Венгрии, в том числе специфике австро-венгерских экономических взаимоотношений после 1867 г. Изданием, активно интересовавшимся перспективами экономических связей Австрии с Венгрией в последней трети XIX – начале XX вв., являлся журнал «Вестник финансов, промышленности и торговли». «Вестник» был официальным еженедельным журналом, издававшимся с ноября 1883 г. Первоначально до 1885 г. он назывался «Указатель правительственных распоряжений по министерству финансов». В журнале постоянно публиковались такие видные экономисты, как И. М. Кулишер, И. Х. Озеров и др. «Вестник» был близок к С. Ю. Витте и его ближайшему окружению. «Вестник» во многом отражал позицию правительства России по злободневным проблемам развития экономики России и зарубежных стран. В октябре 1917 г. журнал прекращает свою деятельность.

В 1905 г. издание опубликовало несколько интересных материалов, посвященных перспективам заключения между Австрией и Венгрией нового соглашения о таможенном союзе. Подводя экономические итоги 1904 г., «Вестник» признавал отрицательное влияние неопределенности экономических взаимоотношений Австрии с Венгрией на состояние дел в их экономиках: обе половины империи Габсбургов несли существенные убытки в виду отсутствия определенности по поводу заключения нового таможенного соглашения¹. В то же время издание признавало, что обе экономики пока не реагировали в полном объеме на политические баталии, поэтому и экономический ущерб пока не был значительным.

В начале февраля 1905 г. Вестник останавливается на результатах последних парламентских выборов в Венгрии, где уверенную победу одержала Партия независимости Ф. Кошута, требовавшая проведения Будапештом самостоятельной таможенной политики. Итоги выборов, по мнению издания, произвели большой эффект в Австрии. Торгово-промышленные круги страны требовали от правительства и парламента страны разработки превентивных мер на случай разрыва Венгрией таможенного союза с Австрией². В Рейхсрате происходит консолидация политических сил перед лицом «венгерской угрозы». В Цислайтании общественность все больше осознавала возможность и даже желательность разрыва таможенного союза с Венгрией.

Издание не сомневалось, что представители партии Ф. Кошута войдут в состав коалиционного правительства, формируемого Д. Андраши, но даже в случае их отсутствия в составе кабинета министров Ф. Кошут в любом случае будет оказывать сильное влияние на политику нового венгерского правительства³. Однако, по мнению издания, Ф. Кошут не станет добиваться немедленного разрыва таможенного союза с Австрией, поскольку Венгрия пока не была готова к таким действиям, в том числе технически, не говоря уже об экономических основах. Венгрия имела положительное сальдо в торговле с Австрией. Правда, она в основном вывозила сельскохозяйственную продукцию, ввозя из Цислайтании промышленные товары. Обе половины империи были заинтересованы в развитии двусторонних экономических связей.

Поэтому издание считало, что прагматики из партии независимости и сам Ф. Кошут, которого Вестник относил к числу прагматиков, не добивались полного экономического разрыва с Австрией, понимая чреватость этого пути для Венгрии⁴. Но даже прагматики крайне политизировали данную проблему, не отдавая себе отчета в экономических потерях, которые могут последовать после любого изменения характера таможенных взаимоотношений с Австрией. Решая политические задачи, Ф. Ко-

---

¹ Специальная корреспонденция из Австро-Венгрии // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1905. № 5. С. 173.

² Специальная корреспонденция из Австро-Венгрии // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1905. № 7. С. 250.

³ Там же.

⁴ Там же

шут и его сторонники добивались прекращения таможенного союза с Австрией и его замены отдельным торговым договором, какие заключались между независимыми государствами.

Наивность Ф. Кошута, по мнению издания, заключалась в том, что он упускал из виду нежелание Австрии идти на существенные уступки Венгрии в случае разрыва таможенного союза¹. Ведя переговоры с Венгрией о заключении торгового договора, Австрия займет жесткую позицию. В случае таможенной войны с Венгрией, Австрия сможет заключить более выгодные для себя торговые договоры с Россией и Балканскими государствами, соглашаясь на снижение таможенных тарифов на ввоз из этих стран сельскохозяйственной продукции. В данной ситуации Австрия решала несколько глобальных для себя проблем. Во-первых, она могла рассчитывать на снижение таможенных пошлин на ввоз в эти государства своих промышленных товаров. Во-вторых, такого рода компромиссы с Россией и странами Балканского полуострова способствовали снижению цен на продукты в Австрии. Ни для кого не было секретом то, что высокие таможенные тарифы на импорт аграрной продукции Австро-Венгрия вводила под давлением венгерских аграриев. Не раз Австрия по вине Венгрии ввязывалась в тяжелые таможенные войны с соседними государствами.

Венгрия в отличие от Австрии оказалась бы в тяжелом положении. С одной стороны, в Европе не было крупных потребителей венгерской сельскохозяйственной продукции. Следовательно, она не имела возможностей компенсировать потерю австрийского рынка. С другой стороны, Венгрия остро нуждалась в промышленных товарах, произведенных в Австрии. Они поставлялись в Венгрию на основе льготного кредитования теми же австрийскими банками венгерской оптовой и розничной торговли. Венгерская торговля постоянно нуждалась в долгосрочном кредите. Более того, венгерская экономика, особенно промышленность, не могли развиваться без австрийских инвестиций, поток которых мог иссякнуть после развала таможенного союза.

К тому же, на взгляд «Вестника», Венгрия, оставшись одна, не смогла бы заключить выгодные торговые договоры с иностранными государствами, так как теперь она не могла рассчитывать на поддержку Австрии². Зарубежные государства практически не зависели от торговли с Венгрией, поэтому им было легко навязать ей невыгодные экономические соглашения.

В апреле 1905 г. газета обратила внимание на высказывание венгерских парламентариев после встречи с императором о том, что он готов поддержать таможенную независимость Венгрии, в случае если это решение поддержат обе палаты парламентов Австрии и Венгрии и такие действия не нанесут ущерба переговорам Дунайской империи с другими государствами о заключении новых торговых договоров.

Издание констатировало важность данной проблематики для внутривосточной ситуации в Венгрии и Австрии³. В Австрии реальность таможенного разрыва с Венгрией, по сути, стало основной новостью на страницах ведущих газет страны. Реализация данного факта на практике сильно задевала интересы австрийской экономики. Австрийский вывоз в Венгрию составлял примерно 25 % всего экспорта страны, в то время как Венгрия в Австрию поставляла почти 75 % всего экспорта. Следовательно, Австрия от такого разрыва несла меньше убытков в сравнении с Венгрией. Издание вновь отмечало, что Венгерская партия независимости действовала весьма агрессивно в этом вопросе, не отдавая себе отчета в том, насколько губительным таможенный разрыв может быть для Венгрии.

По мнению издания, в Австрии таможенный разрыв с Венгрией поддерживали только пангерманисты⁴. Они никогда не скрывали своего неприязненного отношения к дуализму и к Венгрии. Поэтому экономический разрыв с Будапештом приближал их к реализации стратегической задачи – заключению таможенного союза Австрии с Германией, что стало бы первым шагом на пути создания Великой Германской империи. Решительными противниками такого поворота событий являлись чешские и польские политики, стремившиеся любой ценой сохранить независимость Австро-Венгрии и не допустить превращения Австрии в одну из провинций Германии. Вестник признавал, что остальные австро-немецкие партии по данному вопросу занимали противоречивую позицию. Они понимали неизбежность таможенного разрыва с Венгрией в ближайшей исторической перспективе. Поэтому они предлагали не дожидаться благоприятного случая для этого разрыва с Венгрией и в случае тупика на переговорах по поводу заключения нового таможенного соглаше-

¹ Там же.

² Там же. С. 251.

³ Специальная корреспонденция из Австро-Венгрии//Вестник финансов, промышленности и торговли. 1905. № 15. С. 52.

⁴ Там же.

ния между Австрией и Венгрией согласиться на разрыв, но при условии увеличения венгерской доли в общеимперских расходах. Все разговоры о возможности разрыва таможенных отношений с Венгрией заставили министерство торговли Австрии заняться обработкой данных о внешней торговле Цислайтании (чем оно никогда не занималось), используя статистику, отражавшую состояние дел во внешней торговле империи Габсбургов в целом, включая и Боснию-Герцеговину. Для сравнения: Венгрия вела собственную статистику внешней торговли страны с 1881 г.

В данной связи издание привлекла резолюция, принятая тремя основными Торгово-промышленными союзами Австрии, которая наиболее полно характеризовала позицию австрийской бизнес-элиты по вопросу возможного краха Австро-Венгерского таможенного союза¹. В резолюции говорилось, что если союз будет разрушен, то Австрия не должна идти на всякие переходные этапы и временные соглашения, в том числе вариант обложения в Венгрии ряда австрийских товаров дополнительными тарифами. Разрыв должен быть полным и окончательным, но при условии увеличения отчислений Венгрии в общий бюджет Австро-Венгрии. «Вестник» обращал внимание на тщательность проработки торгово-промышленными палатами данной резолюции. Накануне ее принятия палаты провели опрос австрийских предпринимателей, имеющих экономические связи с Венгрией². Они, не одобряя таможенный разрыв с Венгрией как таковой, все же допускали возможность замены венгерского рынка рынками других государств при содействии государства.

Аналогичную позицию занял Рейхсрат Австрии, создавший специальную комиссию под председательством депутата Дершатта для изучения истории и перспектив австро-венгерского экономического сотрудничества. По мнению комиссии, от экономического союза Венгрия выигрывала в большей степени, чем Австрия. Часть депутатов Рейхсрата призывала срочно принять автономный австро-венгерский таможенный тариф. С одной стороны, это упрочит позиции правительства Австрии на переговорах с Венгрией, а, с другой стороны, в случае развала таможенного союза даст возможность для обложения высокими таможенными тарифами венгерский экспорт в Австрию.

Разногласия между Австрией и Венгрией по вопросу о заключении нового таможенного соглашения самым негативным образом сказывались на переговорах Дунайской империи с Бельгией, Швейцарией, Россией, Сербией, Италией и другими государствами о подписании новых торговых договоров³. По сути, эти переговоры срывались по вине империи Габсбургов. Венгерское правительство И. Тисы ушло в отставку из-за разногласий с венгерскими радикалами, но по просьбе императора И. Тиса исполнял обязанности премьер-министра, не участвуя при этом в переговорном процессе. От таких действий страдали все участники переговорного процесса и прежде всего сама Австро-Венгрия. Экономика империи несла большие убытки, к тому же у зарубежных партнеров возникали сомнения в стабильности империи Габсбургов и ее надежности в качестве внешнеэкономического партнера.

Весной 1905 г. «Вестник» отмечает значительные изменения в позиции венгерских радикалов. Они были несколько напуганы решимостью Австрии в случае провала переговоров пойти на немедленный разрыв таможенного соглашения с Будапештом. Более того, в этих условиях укрепились бы позиции венгерских аграриев и тех политических кругов страны, которые они поддерживали. Венгерский экспорт муки и зерновых культур достигал 500 млн крон. Сама возможность расторжения таможенного союза с Австрией заставляла арендаторов требовать от крупных землевладельцев снижения арендной платы за землю в виду предстоящих колоссальных убытков из-за разрыва с Австрией, что неминуемо привело бы к значительному сокращению экспорта сельскохозяйственной продукции из Венгрии в Австрию. Надежды на возможность увеличения венгерского аграрного экспорта в Германию, на взгляд «Вестника», были утопичными, так как Германия взяла курс на повышение пошлин на импорт продукции сельского хозяйства как из России, так из Австро-Венгрии⁴.

К числу противников разрыва таможенного союза с Австрией издание относило венгерских купцов. Они провели собственный съезд, где один из их лидеров Сандор заявил об ошибочности мнения о желательности быстрого получения Венгрией таможенной независимости⁵. И этот вопрос придется решать не в конце 1907 г., на что рассчитывали венгерские политики, а в 1906 г., когда закончат действие практически все торговые договоры, заключенные ранее Австро-Венгрией с ведущими государствами мира и прежде всего с Германией. К этому Венгрия не была готова, в то

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. С. 53.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

время как Австрия требовала либо неминуемого разрыва таможенного союза, либо его дальнейшего продления еще на 10 лет.

В мае «Вестник» в материале, посвященном дискуссии в австрийском парламенте по поводу принятия автономного австро-венгерского таможенного тарифа как основы для заключения нового торгового договора с Германией, вновь поднимает проблему перспектив продления таможенного союза Австрии с Венгрией. Отмечая все расхождения между австрийскими депутатами по ряду аспектов таможенной политики, все они были едины в том, что автономный таможенный тариф жизненно необходим и по внутривнутриполитическим причинам¹. После завершения действия торговых договоров Австро-Венгрии со Швейцарией, с Болгарией и другими государствами и провала переговоров о заключении нового таможенного договора Австрии с Венгрией. Автономный австро-венгерский таможенный тариф можно было легко трансформировать в австрийский таможенный тариф и применить его как к Венгрии, так и к зарубежным государствам. «Вестник» признавал, что позиция депутатов Рейхсрата была более решительной, чем действия министерства торговли Австрии. Оно постоянно подтверждало свою готовность заключить новый таможенный союз с Венгрией и его желательность, но даже министр торговли признавал, что если к концу февраля 1906 г. переговоры с Венгрией не увенчаются успехом, то Австрии не останется ничего, как разорвать таможенный союз с Венгрией².

В этом же материале «Вестник» внимательно отслеживает динамику внешней торговли Австро-Венгрии за последние годы. В 1901–1903 гг. на Австрию приходилось 82,7 % всего австро-венгерского экспорта и 86 % импорта, на Венгрию соответственно – 17,3 % и 14 %. На Венгрию приходилось 34 % австрийского экспорта и 34 % импорта, в то время как на Австрию – 82 % венгерского экспорта и 77,8 % импорта³. После чего издание приходило к выводу, что: «...Венгрия сильно заинтересована в сохранении за собой австрийского рынка»⁴.

В мае 1905 г. Рейхсрат Австрии принял правительственный вариант автономного австро-венгерского таможенного тарифа. После этого, по предложению Ф. Кошута, парламент Венгрии должен был разработать собственный таможенный тариф как основу для заключения торгового договора с Австрией и зарубежными государствами. Вестник заинтересовался предложениями венгерской национальной оппозиции по этому вопросу, поскольку в будущем России, возможно, пришлось бы заключать с Будапештом отдельный торговый договор. Вестник отмечал дифференцированный подход оппозиции к проведению протекционистской политики по отношению к Австрии⁵. Она не собиралась облагать пошлинами большинство австрийских товаров, за исключением тех, которые мешали развитию венгерской промышленности. При этом оппозиция рассчитывала, что Австрия взамен не обложит таможенными тарифами большинство венгерских сельскохозяйственных товаров и не пойдет на уступки в данном вопросе иностранным конкурентам. Оппозиция была уверена, что Австрия пойдет на уступки, так как от ограничения вывоза промышленных товаров в Венгрию пострадает главным образом рабочий класс. Австрийская сторона доказывала необоснованность этих расчетов, показывая, что австрийские рабочие в незначительной степени зависят от вывоза товаров в Венгрию, в то время как венгерские аграрии пострадают значительно больше от развала таможенного союза Австрии и Венгрии.

«Вестник» был согласен с теми австрийскими и венгерскими политиками и экономистами, утверждавшими, что в Европе никто не заплатит больше за венгерские аграрные товары, чем Австрия⁶. Следует отметить, что в Австрии продовольствие действительно стоило очень дорого, что в основном являлось следствием закрытости австро-венгерского рынка от основных экспортеров сельскохозяйственной продукции. Данная ситуация постоянно вызывала недовольство широких слоев населения Австрии. Уже в сложившейся ситуации венгерские аграрии призывали Вену не идти на уступки Сербии, не открывая собственный рынок для импорта сербской продукции.

Все рассуждения венгерской оппозиции вызывали скепсис «Вестника», в частности предложение Ф. Кошута о разделе Австро-Венгерского национального банка, несмотря на то, что Венгрия

---

¹ Специальная корреспонденция из Австро-Венгрии // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1905. № 19. С. 222.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Специальная корреспонденция из Австро-Венгрии // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1905. № 22. С. 337.

⁶ Там же.

автоматически потеряет огромные финансовые ресурсы с увеличением стоимости кредитных средств в стране¹.

Летом 1905 г. Ф. Кошут активно пропагандировал идею создания независимых таможенных систем Австрии и Венгрии, но при полной координации их таможенной политики по отношению к третьим государствам. «Вестник» сомневался в реальности этого плана потому, что на него никогда бы не согласилась Австрия. В этом плане Ф. Кошута «Вестник» усматривал, с одной стороны, осознание лидером венгерской оппозиции экономической катастрофы для Венгрии в случае развала таможенного союза, а с другой стороны, попытку угождения избирателям партии независимости, которым Ф. Кошут обещал полную экономическую независимость от Австрии². Следовательно, по мнению издания, Ф. Кошут сам себя загнал в тупик.

Издание тщательно проанализировало мнение ведущих торгово-промышленных и политических кругов Австрии о предложении Ф. Кошута. Они не отвергали его план, понимая, что для Австрии будет более выгоден окончательный разрыв таможенного союза с Венгрией, чем создание никакого гибрида. Австрийцы были раздражены заявлениями венгерских политиков, в частности депутата Маркбрейта, о необходимости принятия парламентом Венгрии специальной декларации, где должно быть зафиксировано положение о невозможности заключения с Россией, Сербией, Румынией и Бельгией договоров без установления высоких таможенных тарифов на ввоз в империю Габсбургов из этих государств сельскохозяйственных товаров. Тем самым даже в условиях разрыва таможенного союза с Австрией и при заключении совместных договоров с другими иностранными государствами Венгрия стремилась сохранить неприемлемые для Австрии условия. По мнению издания, Венгрия дополнительно хотела возложить на Австрию свои потери на германском рынке после заключения Австро-Венгрией нового торгового договора с Берлином. Все эти рассуждения и прожекты Будапешта вызывали нескрываемое раздражение в Вене, ослабляя позиции сторонников сохранения таможенного союза с Венгрией любой ценой.

В Вене понимали, что дальнейшее ограничение ввоза сельскохозяйственной продукции из России и стран Балканского полуострова будет способствовать росту стоимости продовольствия в Австрии, мешать проникновению австрийских промышленных товаров в Россию и на Балканы³.

Вестник отмечал еще одну причину, по которой Австрия не согласится на компромиссный план Ф. Кошута. Как уже отмечалось, с 1 января 1900 г. Австрия несла на себе 65,6 % всех расходов общеимперского бюджета, а Венгрия – 34,4 %. В то же время все таможенные поступления шли в общий бюджет, а так как на Австрию приходилось 86 % австро-венгерского импорта, то она от данной системы теряла больше, чем Венгрия. В случае развала единого таможенного пространства Австрия как минимум получала дополнительно 23,5 млн крон. Они теперь шли бы не в общеимперский бюджет, а в бюджет Австрии. По мнению издания, Ф. Кошут очень хорошо знал об этом факте, поэтому он пытался предлагать различные варианты раздела таможенного пространства, но с условием, чтобы Австрия и дальше выплачивала таможенные сборы в общеимперский бюджет⁴. Он понимал, что, как только австрийские таможенные платежи уйдут из общего бюджета, эти потери необходимо будет компенсировать дополнительными финансовыми средствами из бюджетов Австрии и Венгрии, отчего Венгрия несла бы больший экономический урон в сравнении с Австрией.

«Вестник» отмечал один важный момент, способный сделать венгерскую оппозицию более сговорчивой. Правительство Австрии, ожидая нормализации ситуации в Венгрии, откладывало внесение торгового договора с Германией на ратификацию парламента страны. Однако по мере затягивания кризиса в Венгрии многие австрийские депутаты и политики требовали от правительства немедленного решения этого вопроса. Более того, из Берлина поступали сведения, что германское правительство в случае дальнейшей анархии в Венгрии согласится на заключение торгового договора только с Австрией с последующим разрывом старого торгового договора с Венгрией. От этих действий сильно пострадали бы венгерские аграрии. Тем более германские аграрии были очень недовольны наплывом аграрной продукции из Венгрии на внутреннем рынке и заключенной по настоянию венгерских аграриев новой ветеринарной конвенцией Германии с Австро-Венгрией. Она, по мнению германских аграриев, еще больше открывала германский рынок для сельскохозяйственной продукции из Венгрии. У Австрии было еще одно обстоятельство, заставлявшее ее торо-

¹ Там же. С. 338.

² Там же

³ Там же.

⁴ Там же.

питься. С 1 марта 1906 г. у империи Габсбургов заканчивалось действие торговых договоров с большинством иностранных государств, а без заключения договора с Германией об этом не могло быть и речи. Кстати, Венгрия, понимая всю опасность ситуации, вовремя ратифицировала все торговые договоры с иностранными государствами, в том числе с Россией. В дальнейшем издание не публиковало принципиально новых рассуждений о перспективах заключения очередного таможенного соглашения между Австрией и Венгрией, в большей степени констатируя очередные изменения в позициях сторон.

В октябре 1907 г. заключается очередное таможенное соглашение, последнее в истории дуалистической монархии. Австрии удалось добиться от Венгрии ряда существенных уступок. По соглашению доля Венгрии в общеимперских расходах увеличивалась на 2 %. Кроме этого, Австрия добилась согласия Будапешта на соединение Далматинских железных дорог через территорию Венгрии с остальной частью Цислайтании и отмены сверхпошлины на сахар¹. Современники и многие историки оценивала соглашение 1907 г. как крупный успех Австрии. Однако следует помнить, что данное соглашение было выгодно обеим сторонам, и оно во многом было основано на компромиссах. Венгрия получала значительные преимущества и прежде всего в виде сохранения австрийского рынка для венгерских аграриев и доступ к австрийским финансовым ресурсам. К тому же многие промышленные предприятия страны все больше начинали ориентироваться на вывоз своей продукции в Австрию.

Таким образом, «Вестник финансов, промышленности и торговли» уделял большое внимание проблеме заключения нового договора о таможенном союзе Австрии с Венгрией, на чем основывалась дуалистическая система, созданная в 1867 г. «Вестник» критически относился к действиям венгерской национальной оппозиции, обвиняя ее в некомпетентности и излишнем политиканстве, когда запросы реальной экономики становились заложником межпартийной борьбы. Ф. Кошут и его сторонники, по мнению издания, рассуждая о разрыве таможенного союза с Австрией, стремились по-прежнему возлагать основное бремя финансовой ответственности на Австрию в формировании общеимперского бюджета. Более того, признавая таможенную независимость Венгрии, Вена должна была оберегать позиции венгерских аграриев перед лицом иностранной конкуренции в ущерб собственным интересам. «Вестник» приходил к выводу, что венгерская национальная оппозиция хотела, чтобы Австрия оплачивал все ее проекты, связанные с созданием независимого таможенного пространства Венгрии.

«Вестник» не сомневался в крахе всех проектов Ф. Кошута и его сторонников. Во-первых, Австрия в отличие от предыдущих лет не была намерена сохранять таможенный союз с Венгрией любой ценой, допуская возможность его развала. Во-вторых, Вена осознавала, что от ликвидации таможенного союза Венгрия понесет более весомые потери, поэтому она готова была вести переговоры до «победного конца». В-третьих, внутри Венгрии влиятельные политические и экономические круги были заинтересованы в сохранении таможенного союза. В целом издание не сомневалось в реальности заключения нового таможенного соглашения Австрии с Венгрией, альтернативой этому договору был только окончательный развал таможенного союза, в чем не были заинтересованы ни Вена, ни Будапешт.

А. Г. Айрапетов

Российские революционеры и венгерские левые интеллектуалы

Первое десятилетие XX в. отмечено в венгерском обществе динамизмом идейно-интеллектуальных исканий, связанных с ответами духовной элиты на вызовы второй волны модернизации индустриального общества. В ходе острых дискуссий между представителями консервативного, либерального, радикального, социалистического направлений общественно-политической мысли и практики, столкновения теоретико-методологических парадигм (позитивизм, марксизм, социал-дарвинизм, элитизм) переосмысливалось историческое прошлое Венгрии и формулировались стратегии ее дальнейшего развития. Заметим, что вопрос о смысле и уроках истории и кон-

---

¹ Исламов Т. М. Политическая борьба в Венгрии накануне Первой мировой войны 1906–1914 гг. М., 1972. С. 201.

струировании моделей общественного развития акцентируется и в начале XXI в. в условиях, с одной стороны, глобализации и интеграции, с другой – нового всплеска национализма, сепаратизма и религиозно-политического экстремизма.

Идейно-интеллектуальную жизнь Венгрии первых двух десятилетий XX в. невозможно представить вне деятельности Общества социальных наук, возникшего в 1901 г. и внесшего заметный вклад в развитие социальных наук. «Общество» и его журнал «Хусадик сазад» («Двадцатый век») стали своего рода трибуной для принципиального, но толерантного научного и идеологического диалога. Наиболее активными деятелями «Общества» были лидеры левого крыла интеллектуальной элиты Венгрии: левый либерал Оскар Яси (1875–1957) и социал-демократ Эрвин Сабо (1877–1918). Их мировоззренческое становление испытало значительное влияние западноевропейской (для обоих) и российской (особенно для Э. Сабо) общественно-политической мысли и непосредственно ее представителей.

Э. Сабо, выходец из мелкобуржуазной семьи, поступив в 1895 г. на факультет права и государственных наук Будапештского университета, в 1898–1899 гг. прослушал ряд курсов в Венском университете. Вена сыграла заметную роль не только в профессиональном, но и в идейно-мировоззренческом становлении Сабо, в выборе им жизненного пути. Здесь он прочел Фридриха Ницше и Артура Шопенгауэра, которые, по его воспоминаниям, вызвали в нем «революционный переворот»¹.

По свидетельству близкого друга и первого биографа Сабо Оскара Яси, мораль Ницше была для юного Сабо «эстетическим жизненным побудителем» в то время, когда его окружала «мелкая и большая действительность»². Глубокий след оставили в душе Сабо откровения Льва Толстого и американского философа и писателя Ралфа Уолдо Эмерсона³.

На рубеже XIX–XX вв. на фоне прогрессирующей массовизации технизируемого и прозаически вещного капиталистического мира тревожно раздавались голоса философов и писателей, выступавших в защиту человеческого «Я». Их воспевание красоты как универсального мерил общественного прогресса, их нравственное кредо, выраженное в максиме «Будь самим собой!», были близки мироощущению Эрвина Сабо. Но за этим внешним прославлением «жизни», под этой «переливающейся красками одеждой эстетической блистательности» скрывалось социальное бездействие. Для Сабо же насущным был вопрос, какими силами можно и нужно добиваться освобождения личности. Из его воспоминаний следует, что в венский период он нашел два несхожих ответа. Один – у К. Маркса и Ф. Энгельса, чьи философские и социологические теории оказали на него непреходящее влияние. Они указывали, как путем революционного преобразования общества устранить отчуждение человека. Другой ответ с акцентом на моральное совершенствование человека предлагали П. А. Кропоткин и П. Л. Лавров, чьи взгляды «подпитывали индивидуалистские склонности» юного Сабо⁴. Изучению трудов великих мыслителей-революционеров способствовало то обстоятельство, что Сабо сблизился в Вене с российскими эмигрантами-социалистами.

На рубеже XIX–XX вв. в Вене, так же как и в других крупных городах Европы, жило много российских революционеров-эмигрантов. По рекомендации своей родственницы Цецилии Поллачек, русской по происхождению, Сабо познакомился и стал близким другом семьи бывшего революционного народника Семена Львовича Клячко (1851–1914), одного из первых популяризаторов трудов К. Маркса в России. В 1880 г. Клячко с семьей поселился в Вене и поступил на работу переводчиком в бюро патентов, став позже старшим администратором и акционером этой фирмы. За границей он долгое время не вступал ни в какую партию и оказывал помощь российским социалистам разных направлений. Лишь в 1905 г., желая содействовать сотрудничеству российских и австрийских социал-демократов, он вступил в Социал-демократическую рабочую партию Австрии. По возвращении в Будапешт Сабо продолжал вести переписку с С. Л. Клячко и членами его семьи. Взаимные нежные чувства связывали Эрвина со старшей дочерью Клячко, Алиной, которая была моложе его на шесть лет. Близко познакомившийся с этой семьей зять Сабо, Шандор Лам, в письме к Сабо от 3 ноября 1901 г. так отзывался о ней: «Бесконечно милые, добрые, умные люди. Радость от общения с ними заставляет забыть свои боли. Вряд ли было еще место, где бы я чувствовал себя

¹ Szabó E. Hol az igazság!? Budapest, 1977. S. 390. o.

² Litván Gy. Szabó Ervin. Budapest, 1978. S. 30–31. o.

³ Szabó E. Op. cit. S. 390. o.

⁴ Ibidem.

так хорошо, как у них. Открытость в общении, гармония в отношениях друг с другом, в самом деле, восхищают»¹.

В Вене Сабо тесно сошелся и с другим российским социалистом Павлом Федоровичем Тепловым (1867–1908), одним из руководителей заграничного «Союза русских социал-демократов». Вместе с Б. Н. Кричевским П. Теплов редактировал газету группы «Рабочее дело», представлявшей «экономистское» течение в российской социал-демократии.

Общаясь с российскими социалистами, Сабо все более проникался мыслью, что ему необходимо связать свое будущее с революционной практикой. Из его переписки явствует, что осенью 1898 г. он стал сторонником социал-демократического движения². Это, однако, не означало, что он принял сразу социал-демократическую доктрину. Знакомая Сабо по Венскому университету студентка из Галиции Гизелла Шефер полагала, что социалистичность Сабо заключалась, как у всякого порядочного человека, в сострадании к угнетенным³. Сам же Сабо в одном из писем матери, посланных в то же время из Вены, сознавался, что в душе он анархист. От этих слов Луиза Сабо (Поллачек), для которой Эрвин был единственной надеждой, ее гордостью и счастьем, приходила в отчаяние⁴.

Теплов, который был старше Сабо на десять лет, по существу, принял участие в социализации своего венгерского друга (чуть позже он в письмах будет ласково называть его «мой дорогой мадьяр»). Теплов убеждал Сабо по возвращении в Будапешт включиться в деятельность будапештской организации Социал-демократической партии Венгрии (СДПВ), решительно отбросив хандру и уныние, угадываемые по отдельным словам и между строк в сабовских письмах. Причиной минорных настроений юного Сабо могли быть материальные заботы, но эти проблемы преходящи, ободрял его русский друг: «Как-нибудь Вы их преодолете. Что до всего остального, тут нужны воля и сильное желание»⁵. Теплов, переехав в 1899 г. из Вены в Берн, подробно описывал Сабо уклад жизни революционера-эмигранта. На собственном опыте он показывал, как разумно организовать свой быт и, в частности, как рационально питаться при скромных финансах. Каждый день у Теплова был заполнен трудом (подготовка статей, переводы, редактирование), в промежутке – короткий (часовой) отдых, включавший прогулку или беседу со знакомыми. Но над всем этим «царило» неистребимое стремление участвовать в реальной политике, в рабочем движении. Так, в июне 1899 г. он пишет о своем желании вновь оказаться в Вене, где происходили многочисленные выступления против антидемократического избирательного закона⁶.

Примерно в это же время Сабо стал сотрудником редакции центрального печатного органа СДПВ «Непсава» («Голос народа»). Это решение Сабо одобрил Теплов. Касаясь партийной работы, Теплов подсказывал ему, как лучше расставить акценты в отношениях с коллегами в «Непсаве»: «Глубже изучайте общественно-политическую обстановку в Венгрии, положение различных категорий рабочих. Читайте соответствующую литературу, в частности, по вопросу об аграрно-социалистическом движении. Не спешите с моральными и интеллектуальными оценками деятелей рабочего движения. Принимайте их с их способностями, опытом, знаниями. Учитесь понимать людей. Они, по сути, лучше, чем кажутся на первый взгляд. Очень легко, – предостерегал Теплов, – возмущаться и давать убийственные нравственные оценки и намного труднее найти в каждом человека и самому быть человечным». Теплов чувствовал, что Сабо не вписывался в руководящую элиту СДПВ, уступавшую ему по силе интеллекта. Он убеждал венгерского друга не отчаиваться, а активно работать, устанавливая контакты с «лучшими интеллигентными людьми в провинции. От них желательно получать информацию о положении дел на местах и одновременно оказывать им помощь советом и литературой»⁷.

В 1900 г. Теплов нелегально выехал в Россию, где вскоре был арестован и сослан в Сибирь. О доверительном характере отношений между Сабо и Тепловым, которые успели сложиться за относительно короткое время, говорил тот акт, что об аресте Теплова Союз русских социал-демократов сообщил строго конфиденциально только Сабо. Из письма представителя «Союза» И. М. Пескина к Сабо от 7 августа 1900 г. явствовало, что Сабо известили о случившемся, потому

¹ Szabó Ervin levelezése. 1. köt. Budapest, 1977. S. 159. o.

² Ibid. S. 38. o.

³ Ibid. S. 46. o.

⁴ Ibid. S. 46, 80. o.

⁵ Ibid. S. 49, 52. o.

⁶ Ibid. S. 61–62 o.

⁷ Ibid. S. 50, 52. o.

что Теплов в разговорах всегда положительно отзывался о венгерском друге¹. Из далекого Виллойска и Иркутска в Будапешт к Сабо шли теплые дружеские письма Теплова. Он много рассказывал Сабо о своей родине, особенно о российском революционном движении. Он вновь обращал внимание Сабо на необходимость изучения аграрных проблем, столь злободневных в социально-экономической и политической жизни как России, так и Венгрии. Теплов советовал Эрвину читать произведения «настоящих русских писателей»: М. Горького, Г. Успенского, М. Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого. Он описывал также условия жизни в Виллойске, заочно знакомя Эрвина со своими товарищами по ссылке. Все это настолько впечатляло Сабо, что он в письме Теплову выразил желание поехать в Россию и добраться до места сибирской ссылки Теплова².

У своих старших русских товарищей Сабо учился правилам конспирации и нелегальной работы. Вернувшись в Будапешт, он стал принимать деятельное участие в пересылке подпольной литературы из Швейцарии в Россию и на деле постигал азы «ремесла» профессионального революционера. Неслучайно, что среди первых публикаций Сабо на политические темы была статья «Как человек становится революционером в России (Воспоминания русского молодого человека)?», опубликованная без подписи в июне 1899 г. в «Непсаве». В примечаниях к статье автор сообщал, что он использовал материалы, полученные от своих русских единомышленников. В статье с нескрываемой радостью говорилось о растущем размахе российского революционного движения конца XIX в. «Если раньше, – писал Сабо, – немногочисленные представители интеллигенции олицетворяли в России армию борцов за свободу, а террор и заговор были их боевым средством, то сегодня на арену борьбы вышел промышленный пролетариат»³. Из Вены Сабо увез с собой чувства глубокого уважения к русским революционерам и восхищения ими.

По возвращении в Будапешт в марте 1899 г. Сабо столкнулся с целым рядом проблем, в том числе житейских. Его независимой натуре претило сознание необходимости поступать на службу, где места доставались по протекции, где все было пронизано духом филистерства, чиновничества, лицемерия. С марта по октябрь Сабо искал работу и, наконец, остановил свой выбор на должности библиотекаря в венгерском парламенте, где, правда, задержался недолго. В 1900 г. он перешел на такую же должность в торгово-промышленную палату, а с 1904 г. и до конца своей жизни работал сотрудником, а затем директором будапештской городской библиотеки. Поначалу библиотечная работа казалась ему рутинным, нетворческим трудом. Его не оставляла мысль, что он находится пусть в косвенной, но зависимости от государства, порядки которого вызывали у него внутреннее отторжение⁴. Зная о ригоризме сына, Луиза Поллачек писала Эрвину: «Ты слишком высоко стремишься и хочешь сразу улучшить мир и людей»⁵.

В этот переломный момент жизни Сабо ему на помощь вновь пришли Клячко и Теплов. «Разгадав» его эмоциональную натуру, они предостерегали Сабо от категоричности и юношеского максимализма. Прежде всего, советовали они, следует вникать в дело и не спешить с моральными, интеллектуальными и идеологическими оценками. Важно, подсказывали они, уметь идти на компромиссы по частным вопросам⁶.

С. Л. Клячко решительно отговаривал Сабо от карьеры профсоюзного функционера. Порядочность Сабо была несовместима с нередко нечистоплотной работой профбюрократа. Клячко не видел в Сабо и политика. Этому мешали (о чем он откровенно писал Сабо, оговариваясь, что речь идет о данном моменте) «слабое здоровье, некоторые душевные свойства и идейная размытость» венгерского друга⁷. Сабо хотел бы оставаться свободным и независимым, не беря на себя ответственность, но абсолютная свобода была одной из тех иллюзий, о которых его предупреждали русские друзья⁸.

Рефлексирующий Сабо склонен к самоуничижению, он называет себя лентяем и беспечным человеком⁹. Но отец и дочь Клячко не дают ему замкнуться в себе. Семен Львович просит Сабо,

¹ Ibid. S. 104. o.

² Ibid. S. 161–183, 172. o.

³ Szabó E. Hogyan lesz az ember Oroszországon forradalmárrá // Szabó Ervin válogatott írásai (SzEVI). Budapest, 1958. S. 31. o.

⁴ Szabó Ervin levelezése. 1. köt. 85–89. o.

⁵ Ibid. S. 45. o.

⁶ Ibid. S. 50, 58, 69, 82, 83. o.

⁷ Ibid. S. 70. o.

⁸ Ibid. S. 82–83. o.

⁹ Ibid. S. 85. o.

шутя, что таким образом он испытывает на прочность их дружбу, прислать материалы съезда венгерских сельскохозяйственных рабочих, состоявшегося в апреле 1900 г. Он также передает просьбы ряда лиц и эмигрантских организаций о содействии в пересылке в Россию пропагандистской литературы.

Впечатлительного Сабо не может не удивлять, как напряженно и одухотворенно «работает над собой» Алина Клячко. Очень симпатичная ему девушка делилась в письмах впечатлениями от прочитанных книг (И. В. Гете, Овидий, немецкий коммунист-утопист В. Вейтлинг, немецкий писатель и драматург Г. Гауптман) и прослушанных музыкальных произведений (9 Симфония Бетховена и скрипичные сочинения П. Сарасате). Она подсказывала, как «бежать» от меланхолии: «Чем радостнее и свободнее выполняешь стоящие на очереди дела, тем приятнее становится жить. Яркое чувство надолго действует освежающе»¹. Ободряя Сабо, Алина Клячко писала ему, что он, как и ее отец, всегда выбирает в жизни правильный и лучший для себя путь².

Из писем Теплова Сабо мог почувствовать, что его русский друг даже в экстремальных условиях сибирской ссылки не унывал: он заполнял время изучением литературы об аграрных проблемах европейских стран и просил Сабо выслать ему несколько книг по этой тематике. Он консультировал Сабо, как составлять газетные обзоры социально-политических событий. Опекая друга, Теплов настоятельно просил своего «дорогого мадьяра» подробно рассказывать о своих занятиях, здоровье, настроениях, житейских заботах, положении в Венгрии. «Будьте жизнерадостны!» – такими словами заканчивались письма из далекой, оторванной от большого мира Сибири в шумный столичный Будапешт³.

Сабо испытывал дискомфорт и оттого, что ему не удавалось закончить университет. С. Л. Клячко устроил ему протекцию, и весной 1903 г. он сдал последний государственный экзамен по праву в Будапештском университете. Алина, предвидя возражения Сабо, просила его отбросить ложную гордость, побороть нежелание зубрить юридические учебники и отвечать на экзамене, невзирая на то, что сказанное противоречило его взглядам. Теплов, знавший об этой проблеме Сабо, потребовал оставить сетования по поводу «проклятых занятий»⁴.

В 1900-е годы Сабо проходил своеобразную школу нелегальной революционной работы. С его помощью российские эмигранты-социалисты переправляли в Румынию, Галицию и далее в Россию социалистическую пропагандистскую литературу. В этом деле нужно было соблюдать конспирацию. Большею частью эти пересылки удавались, но бывали и провалы: коробки с литературой задерживались на таможне. К Сабо обращались за помощью представители Заграничного Союза российских социал-демократов (В. П. Иваншин, И. М. Пескин), Союза русских социалистов-революционеров (Х. И. Шитловский, А. М. Ротштейн), группы «Рабочее дело» (М. Конопко), меньшевистского крыла РСДРП (Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод). Помощь Сабо почти всегда была эффективной и всеми его корреспондентами высоко оценивалась⁵. Восторженное отношение Сабо к российскому освободительному движению не мешало, однако, ему дистанцироваться от неприемлемых с его точки зрения приемов борьбы, в частности индивидуального террора. Так, в 1902 г. он не высказал одобрения по поводу покушения на российских сановников: министра внутренних дел Д. С. Сипягина и харьковского генерал-губернатора И. М. Оболенского⁶.

Помимо пересылки нелегальной литературы Сабо информировал в прессе российского читателя о положении дел в Венгрии, которая во многом оставалась для россиян terra incognita. В январе 1902 г. он послал Российской аграрно-социалистической лиге ответы на заданные вопросы, касавшиеся преследований венгерских социалистов, подавления крестьянских выступлений, роли интеллигенции в венгерском рабочем движении, кооперативной политики СДПВ, введения всеобщего избирательного права. В России из ответов Сабо составили и издали брошюру «Как борются венгерские земледельцы за свои права?»⁷. В апреле 1904 г. С. Л. Клячко предложил Сабо написать статью «Социалистическое движение в Венгрии» для «Настольного словаря социалиста», который собирался издать большевик Г. Д. Лайтайзен. Тогда же Г. В. Плеханов обратился к Сабо с просьбой прислать опубликованные на немецком языке протоколы съезда СДПВ 1904 г. и материалы

¹ Ibid. S. 92–93, 107, 113. о.

² Ibid. S.122. о.

³ Ibid. S. 119–120, 131, 140, 141. о.

⁴ Ibid. S. 153, 159, 163, 173.о.

⁵ Ibid. S. 181–208, 324, 326, 327, 330, 332, 504, 622–645.о.

⁶ Ibid. S. 220. о.

⁷ Ibid. S. 177. о.

о венгерском аграрном движении. Плеханов предполагал написать статью о положении в Венгрии¹. В свою очередь Сабо консультировался с Плехановым относительно впервые предпринятого им двухтомного издания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на венгерском языке.

В 1900-е гг. венгерская социал-демократия ощущала острую нехватку теоретически подготовленных кадров из рядов интеллигенции. Сабо столкнулся с этим, сотрудничая в газете «Непсава» и руководя изданием революционно-публицистического, научно-популярного и культурно-просветительного альманаха «Календарь “Непсавы”». Восполнить дефицит интеллектуальных сил в партии была призвана агитационно-пропагандистская работа Сабо среди будапештских студентов. Перед его мысленным взором стоял пример российского революционного движения. «...Русский народ, – писал Сабо в апреле 1901 г. в «Непсаве», – российский пролетариат... выступили рука об руку с революционными студентами против казацких нагаек и сабель»². Годом позже он констатировал, что терроризм уже не является доминирующей тенденцией освободительного движения против самодержавного строя. Россия перестала быть, утверждал также Сабо, жандармом Европы³. Он заканчивал свою статью словами: «Русские студенты, молодые герои! Мы благодарны вам за урок! Вы показали нам, что живете едиными мыслями и чувствами с народом, ради которого Вы жертвуете самым дорогим: знаниями, страстями, надеждами, самой жизнью».

Руководящая роль Сабо в студенческом кружке (в 1900–1902 гг. он назывался «Революционный комитет», а с 1902 по 1907 г. студенческая организация носила нейтральное название «Просветительский кружок» и охватывала около ста человек) зиждилась на его глубоких знаниях, одержимости общим делом, уравновешенной хладнокровием и твердостью духа. Близкий друг Сабо О. Яси находил объяснение притягательности его личности и в том, что он использовал перенятые от русских друзей в Вене приемы воздействия на молодежь: ночную и слегка таинственную организацию секретных явок и собраний. Чрезвычайно много времени и сил Сабо отдавал строго доверительным беседам с юными студентами⁴. В кружке Сабо читал студентам доклады, направлял их борьбу против клерикальных и националистических организаций в Будапештском университете. Одним из свидетельств такой идейной поддержки явилась брошюра Сабо «Венгерская свобода» (1902), положившая начало серии просветительно-пропагандистских изданий «Библиотека социалистических студентов». Примечательно, что в 1904 г. в рамках этой серии была переведена на венгерский язык и опубликована книга П. Л. Лаврова «Методы социалистической пропаганды», а в 1906 г. – обращение П. А. Кропоткина «К молодым». Надо заметить, что Сабо впервые ознакомился с этой работой русского анархиста в Вене. Вернувшись в венгерскую столицу, он вначале сетовал на то, что не находит в Будапеште достойных молодых людей, каких имел в виду Кропоткин⁵.

Ряд студентов, членов кружка, вошли в 1904 г. в левую оппозиционную группу СДПВ во главе с Сабо. Будучи идейным руководителем оппозиции Сабо, однако, не показал себя искусным тактиком, что, кстати, сам признавал. «Я не политик... И с этим ничего не поделаешь, – читаем в одном из его писем того времени»⁶. Моральный нонконформизм изолировал Сабо от официальных лидеров СДПВ. Он испытывал непреходящее чувство антипатии к «вождям» венгерской социал-демократии, которые, по его наблюдениям, «ради укрепления своего руководящего положения в партии систематически и планомерно изолируют от партии всякого, кто в умственном и нравственном отношении стоит выше них»⁷.

В феврале 1905 г. Сабо, получив от С. Л. Клячко его брошюру «История российской революции. От старого русского революционера» (Вена, 1905), поместил в либеральном венгерском журнале «Двадцатый век» аннотацию этой книги. Примечательно, что опытный партийный литератор Клячко стал считаться с мнением Сабо, быстро накапливавшего опыт публициста и теоретика (Сабо задумал в это время историко-социологический труд о классовой борьбе). Клячко просил Сабо снисходительно отнестись к его работе, признавая, что в научном отношении она стоит ниже вся-

¹ Ibid. S. 474–475, 486. o.

² Szabó E. Az oroszokért! // Népszava. 1901. 30.04.

³ Szabó E. Visszapillantás az 1902. évi munkásmozgalomra // SzEVI. S. 72–73. o.

⁴ Litván G. Op. cit. S. 56–57. o.

⁵ Szabó Ervin levelezése. 1. köt. S. 54. o.

⁶ Ibid. 2. köt. Budapest, 1978. S. 644–645. o.

⁷ Ibidem.

кой критики. В ней, написанной на основе доклада в эмигрантском кружке, много общих фраз, но она, по оценкам слушателей, вполне подходила для целей агитации¹.

Деловая часть письма Теплова от 15 февраля 1906 г. касалась просьбы прислать ему в Вену, куда он приехал после амнистии, картотеку новейшей бельгийской и итальянской социалистической литературы с пометками +, -, 0, что означало «хорошая», «плохая» книга, «ни рыба, ни мясо». Теплов уговаривал Сабо, не откладывая в долгий ящик, написать брошюру о венгерском аграрно-социалистическом движении. Он, занимаясь в то время проблемами профсоюзного движения, просил Сабо прислать также список литературы о западноевропейском анархо-синдикализме². Обращения Теплова, равно как и письма Клячко, указывают на то, что российские социалисты признали в Сабо теоретически образованного социалиста.

В 1908–1909 гг. за помощью к Сабо обращались отец и сын Клячко, редактор «Рабочего дела» Б. Н. Кричевский. Клячко-старший просил помочь с литературой о Первом Интернационале российскому меньшевику Д. Б. Рязанову (позже перешедшему к большевикам), который готовил сборник документов об основании Международного товарищества рабочих. Клячко-младший, библиотекарь Венского общества социальных наук, просил Сабо, ведущего библиографа Будапештской городской библиотеки, прислать списки литературы по общественным, естественным наукам и произведениям изящной словесности. Сабо выполнил эти просьбы. Кричевский, увлекшись французским синдикализмом, приглашал Сабо к сотрудничеству в газете французских синдикалистов «Революция», выходившей в Париже. Речь шла о написании серии очерков «Письма из Венгрии». Кричевский убеждал Сабо в необходимости этого предприятия, ибо французы очень мало знают о родине Сабо, и его очерки станут открытием Венгрии для Франции³. Сабо подготовил первую статью, но 27 марта 1909 г. газета перестала выходить. Сабо, пристально следивший в это время за развитием западноевропейского синдикализма (он регулярно читал журнал «Социалистическое движение»), не нашел поддержки у С. Л. Клячко. Тот признался, что не очень хорошо разбирается в синдикалистской теории, равно как и в платформе «ревизионистов». Однако он все же поделился с венгерским другом своими впечатлениями от знакомства с синдикалистской доктриной, сравнив ее с «жидким супом, которым нельзя наестся» и «сидением на двух стульях». Отграничивая Сабо от ведущих теоретиков синдикализма, Клячко писал ему: «Вы, конечно, умнее и образованнее Артуро Лабриолы и не так косноязычны»⁴.

Рассказанная нами история идейных связей и человеческой дружбы венгерского и российских интеллигентов, социалистов была недолгой. Павел Федорович Теплов умер от туберкулеза в 1908 г. Семен Львович Клячко скончался в 1914 г. Эрвин Сабо умер от туберкулеза в 1918 г. Незадолго до смерти он узнал, что в Москве Социалистическая академия общественных наук избрала его своим почетным членом.

А. Н. Птицын

Миграция венгерских славян в Россию в эпоху дуализма

Во второй половине XIX – начале XX вв. Австро-Венгерская монархия была одним из мировых лидеров по масштабам эмиграции своих граждан. Главной поток переселенцев из этой страны был направлен в США, значительная миграция шла также в европейские страны, преимущественно в Германию и Россию. С 1830 по 1914 гг., по данным таможенной статистики, в нашу страну переселилось 774 тысячи австро-венгерских граждан⁵.

Из собственно Венгрии в период дуализма (1867–1918 гг.) выезжали в основном представители национальных меньшинств – словаки, русины, хорваты, сербы, румыны, а также евреи. Их эмиграция была вызвана преимущественно социально-экономическими причинами: высокими темпами роста населения, перенаселенностью аграрных регионов, малоземельем, безработицей и т. д. Еще од-

---

¹ Ibid. S. 59. o.

² Ibid. S. 303–304. o.

³ Ibid. S. 638, 666, 675, 692, 744. o.

⁴ Ibid. S. 762–763. o.

⁵ Подсчитано по: International Migrations / Ed. W. E. Wilcox. Vol. 1. New York, 1929. P. 798–799.

ним фактором, способствовавшим миграции членов венгерских общин, являлось существовавшее в этой стране национальное неравенство и проводимая будапештским правительством политика «мадьяризации».

В Россию из венгерских земель переселялись в большинстве представители славянских народов – словаки, карпатские русины, сербы и хорваты. Им было легче, чем другим иностранцам, адаптироваться в нашей стране и освоить русский язык.

Внешние миграции венгерских граждан были сложным, многоплановым явлением. Большинство мигрантов выезжало в Россию на время – на заработки, для торговли, учебы и т. д., а затем возвращались обратно, часть же приезжих оставалась там на постоянное жительство, образуя собственно эмиграцию.

Венгерская миграция в нашу страну носила преимущественно экономический, трудовой характер. Ее участники отправлялись на восток в поисках заработка, возможностей для ведения торговли и иной предпринимательской деятельности, открытия собственного дела, приобретения собственности и т. д. Наряду с экономической миграцией была представлена и учебная миграция, поскольку многие зарубежные славяне для получения образования приезжали в российские вузы. Наконец, была и эмиграция по политическим и идеологическим причинам, вызванная преследованием в Венгрии некоторых славянских деятелей или влиянием идей «славянской взаимности».

Российское общество неизменно оказывало заграничным славянам благосклонный прием. По численности среди венгерских эмигрантов преобладали словаки, за ними по убывающей следовали карпатские русины, сербы и хорваты.

Основным регионом словацкой миграции в Россию был Туроч (северная горная словацкая область) с центром в г. Турчанский Святой Мартин. Его жители еще с конца XVIII в. стали вести в нашей стране разносную и развозную торговлю. Среди словацких торговцев преобладали шафранники (продавцы специй и лекарственных трав) и олейкары (торговцы растительным маслом и благовониями). Кроме того, словаки продавали полотно, галантерею, мелкие металлические и ювелирные изделия, керамику, пиявки и прочий мелочный товар. География словацкой торговли была обширной, охватывая большую часть Европейской России и Кавказ. В эту торговлю было вовлечена значительная часть жителей Северной Словакии, она стала своего рода «национальным промыслом».

В 1863 г. русский ученый В. И. Ламанский, побывавший в словацких землях, сообщал о том, что «теперь русская речь из всех славян наиболее распространена между словаками, ибо тысячи простых словаков ежегодно отправляются в Россию для мелкой торговли»¹. О численности торговцев говорят следующие факты: в 1868 г. российское правительство запретило иностранцам заниматься мелочной торговлей, и за год количество австро-венгерских подданных, въезжавших в Россию, сократилось со 139 тыс. до 19 тыс. человек. В следующем году запрет был отменен и число въезжавших сразу же увеличилось до 132 тыс. человек². В 1880 г., по данным словацких историков, почти в каждой семье, проживавшей в турчанской общине, кто-либо из мужчин торговал в России³.

Словацкие торговцы поделили Россию на «сферы влияния» и приезжали в тот или иной регион из года в год. Одна из их групп, например, торговала на Северном Кавказе. В 1880 г. годовые билеты на право жительства в России, обязательные для всех иностранцев, в канцелярии ставропольского губернатора получили 10 словацких торговцев и приказчиков. Только двое из них прибыли непосредственно из Австро-Венгрии (из городов Святой Мартин и Тречин), остальные же находились в нашей стране и в предшествующем году, при этом прошлогодние билеты на жительство двое словаков получили в Ставропольской губернии, двое – в Терской области, один – на Кубани и еще трое – в Донской области. Словаки вели торговлю как в городах, так и в селах и станицах Северного Кавказа, и добирались даже до высокогорной Теберды⁴.

Часть словацких торговцев осела в России на постоянное жительство, некоторые из них открыли собственные фирмы. Крупнейшей из них стала фирма Осагов, основанная в 1878 г. в Варшаве братьями Юраем, Игнацем и Йозефом Осагами. Она поставляла на российский рынок това-

¹ Рокина Г. В. Теория и практика славянской взаимности в истории словацко-русских связей XIX века. Казань, 2005. С. 229.

² Виды внешней торговли России за 1869 год. Ч. 1. СПб., 1870. С. 857; Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1870 год. Ч. 1. СПб., 1871. С. 875.

³ Hrozdiečik J. Turčianske olejkári a šafránici. Bratislava, 1981; Рокина Г. В. Указ. соч. С. 214.

⁴ Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Оп. 4. Д. 913-915, 917, 1830, 1915.

ры западноевропейского производства: текстиль, галантерею, резиновые и стальные изделия и т. д. В этой фирме в качестве торговых агентов было занято около 200 словаков, которые распространяли товары в различных российских регионах – от Киева до Владивостока, преимущественно в глубинке¹. Руководивший деятельностью торгового дома в начале XX в. Йозеф Орсаг (сын одного из основателей) являлся крупнейшим словацким предпринимателем в нашей стране. В августе 1914 г. он стал членом Совета чехов и словаков России и в качестве словацкого представителя участвовал во встрече его лидеров с Николаем II².

На рубеже XIX и XX вв. приезд словацких торговцев в нашу страну сократился в связи с тем, что все больше словаков стало эмигрировать в США. В 1900-е гг., по оценке отечественного слависта Т. Д. Флоринского, в Российской империи вели разъездную торговлю около тысячи словаков³.

Помимо словаков торговлей в России занимались и другие венгерские славяне. Карпатские русины вели мелкую торговлю в западных российских губерниях. Ее ассортимент и организация напоминали аналогичную торговлю словаков. Русины также объединялись в группы странствующих торговцев, связанных семейными и земляческими узами. Здесь можно упомянуть следующий случай. В 1866 г. в Киевской губернии были задержаны «венгерцы» Иван Кузьмин и Андрей Шелько (судя по именам и фамилиям, как раз русины), обвиненные «в сборе денег по деревням с политической целью»⁴. Как раз этот инцидент привел к тому, что в 1868 г. российское правительство запретило иностранцам заниматься в нашей стране мелкой торговлей, однако уже в следующем году этот запрет был снят.

Сербы и хорваты занимались в России торговлей преимущественно в причерноморских и приазовских городах, главным центром их предпринимательства была Одесса. По данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., всего в нашей стране было занято торговлей 260 сербов, хорватов и словенцев (следует заметить, что они были выходцами не только из Австро-Венгрии, но и из Сербии и Черногории). 19 человек из их числа торговали зерном, 56 – другими сельскохозяйственными продуктами, 51 – тканями и одеждой, 45 – развозной и разносной торговлей. Примечательно, что торговцы были самой крупной по численности профессиональной группой среди сербов, хорватов и словенцев⁵.

Особую группу словацких переселенцев в Российской империи составляли ремесленники-металлисты, называемые на родине дротарями. Они специализировались на изготовлении изделий из жести и проволоки, починке посуды, паяльных работах и т. п. Дротари появились на российских просторах в середине XIX в. и нашли там обширный рынок сбыта, отсутствие конкуренции и благожелательное отношение местного населения. Вначале дротари странствовали по стране, затем постепенно стали оседать в различных городах, открывая там свои мастерские. По подсчетам словацких историков, всего в нашей стране действовало около 80 дротарских мастерских, некоторые из них со временем выросли в крупные предприятия⁶.

В 1868 г. в Москве была открыта дротарская мастерская Яна Гунчика и Йозефа Крутошика, перешедшая затем к их сыновьям Штефану Гунчику и Имриху Крутошику. В 1900-е гг. она представляла собой фабрику со 135 рабочими и годовым производством в 125 тыс. руб. Предприятие выпускало «всевозможные кухонные и хозяйственные изделия из меди, латуни, алюминия, жести и проволоки»⁷. Накануне Первой мировой войны мастерские в Москве содержали также словаки Степан Дочар (изготовление проволоки), Павел Дьявик (медно-паяльное заведение) и Мартин Юрше (паяльное заведение)⁸.

В Петербурге в начале XX в. действовал десяток дротарских мастерских, в которых было занято, в общей сложности, около 200 словацких ремесленников. Владельцами этих предприятий

---

¹ Голец Р. Словацкие предприниматели в России накануне Первой мировой войны / Мифы – стереотипы – образы. Восприятие Словакии в России. Братислава; Йошкар-Ола, 2010. С. 31–32.

² Рокина Г. В. Указ. соч. С. 214.

³ Флоринский Т. Д. Славянское племя. Статистико-этнографический обзор современного славянства. Киев, 1907. С. 143–144.

⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 27. Д. 89. Л. 15.

⁵ Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 29 января 1897 г. СПб., 1905. Т. II. С. 327.

⁶ Голец Р. Указ. соч. С. 30.

⁷ Фабрично-заводские предприятия Российской империи / сост. Л. К. Езиоранский. СПб., 1909. Отдел Б. № 1500.

⁸ Германские и австрийские фирмы в Москве на 1914 год. М., 1914. С. 71, 76.

были Имрих Кадак, Павел Дьюриш, Степан Рудинский, Иосиф Дьявик, Яков Мадай, братья Иосиф, Юрий и Фабиан Милуцкие. Крупные дротарские мастерские, помимо столиц, были в то время в Баку (владельцы – Йозеф Белон и Ян Кнохик), Тифлисе (Йозеф Белон), Туле (Кашпар Ковач), Самаре (Имрих Дочар), Оренбурге (Винцент Корчек), Иркутске и Омске (в обоих сибирских городах владельцами мастерских были Йозеф Табачик, Павел Корнян и Балтазар Шутарик). Работниками этих мастерских тоже, как правило, были словаки. Например, в мастерской Йозефа Белона в Тифлисе работало 28 его соотечественников. В деятельности словацких ремесленников, как и торговцев, большую роль играли родственные и земляческие связи¹.

Заметную группу среди венгерских переселенцев составляли сельскохозяйственные и неквалифицированные рабочие («чернорабочие»), в числе которых были и женщины. Они были заняты, главным образом, в сельскохозяйственном секторе южных и западных губерний, а также на лесопильных и сахарных заводах, строительстве железных и шоссейных дорог. Венгерские рабочие приезжали в Россию, как для сезонной работы, так и на постоянное жительство. Всего в нашей стране, по данным переписи 1897 г., трудилось 26 тысяч сельскохозяйственных и промышленных рабочих, бывших уроженцами Австро-Венгрии (в том числе 6 тысяч женщин)². Словаки-«чернорабочие» на рубеже XIX–XX вв. проживали, например, в некоторых хуторах Ставропольской губернии, Донской и Кубанской областей³.

Венгерские славяне в отличие от чехов не переселялись в Российскую империю в качестве крестьян-колонистов. Лишь отдельные словацкие семьи смогли поселиться в чешских колониях, возникших в 1860–70-е гг. на Черноморском побережье Кавказа⁴. Неудачей закончилась и попытка организовать в нашей стране колонию из венгерских русинов. В 1891 г. русин Константин Турков, арендатор поместья Чертеж в Закарпатье (его владельцем был известный деятель русинского национального движения А. И. Добрянский), обратился к графу С. А. Шереметьеву, главноначальствующему гражданской частью на Кавказе, с предложением организовать в Сухумском округе колонию карпатских русинов. К. Турков писал о том, что «наши люди сейчас толпами выселяются в Америку и там зарабатывают много денег», однако приобрести землю и заниматься привычным крестьянским трудом там не могут. Поэтому, если российские власти предоставят русинам землю на Кавказе, туда направится поток переселенцев не только из Венгрии, но и из США⁵. Предложение К. Туркова было рассмотрено в управлении кавказского наместника и в министерстве государственных имуществ, после чего он получил ответ об отсутствии «свободных земель для поселения» на Черноморском побережье Кавказа (в действительности тамошние земли были крупными массивами розданы высшим чиновникам и членам царской семьи и заселялись арендаторами – турецкими армянами и греками)⁶.

Самая значительная община переселенцев из Венгрии – словацкая – получила отражение в зеркале российской статистики. Характеристику словацкой общины Петербурга позволяют дать материалы городской переписи 1881 г. Общая численность словаков в российской столице тогда составила 92 человека. Демографические характеристики словацкой общины свидетельствовали о трудовом характере эмиграции. Так, женщин среди переселенцев было всего 3, из них одна девочка в возрасте до 6 лет, среди мужской части диаспоры детей до 6 лет не было совсем. Таким образом, словацкое население российской столицы составляли почти исключительно мужчины, приехавшие на заработки. В этом отношении словацкая община существенно отличалась от чешской, носившей в значительной степени семейный характер – среди 225 чехов, проживавших тогда в Петербурге, было 73 женщины и 19 детей в возрасте до 6 лет. По вероисповеданию почти все петербургские словаки были католиками, за исключением 2 протестантов и 3 православных. Грамотными среди словаков были 45 человек, т. е. ровно половина (среди взрослых чехов грамотных было 96 %). Высокий процент неграмотных словаков свидетельствовал о том, что многие из них были заняты ручным неквалифицированным трудом⁷.

¹ Ferko V. Svetom, moje, svetom (Slovenskí drotári doma i vo svete). Bratislava, 1985. S. 102–107; Pavlík Ā. Drotárstvo: z dejín drotárstva // www.velkerovne.sk/contents/drot_sk.htm.

² Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г. СПб., 1905. С. 34.

³ ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 1830. Л. 161–166; Пукиш В. С. Чехи Северного Кавказа. Годы и судьбы: 1868–2010. Ростов-н/Д., 2010. С. 292–293.

⁴ Пукиш В. С. Указ. соч. С. 292–293.

⁵ РГИА. Ф. 381. Оп. 28. Д. 17699. Л. 4–6.

⁶ Там же.

⁷ Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1881 г. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1883. С. 243, 247.

С данными по столице можно сравнить материалы переписи в провинциальной Астрахани, проведенной в 1891 г. Всего в этом городе проживало 17 человек с родным словацким языком, в том числе 11 мужчин и 6 женщин. Среди мужчин было 8 грамотных и 3 неграмотных, среди женщин соответственно 5 и 1. Семейное положение переселенцев было следующим: среди мужчин 8 были холостыми, 2 – женатыми и 1 – вдов, среди женщин – 5 девиц и только 1 замужняя. Все свидетельствовало о том, что проживавшие в Астрахани словаки приехали туда на заработки¹.

В материалах Первой Всероссийской переписи 1897 г. словаки были объединены в одну группу с более многочисленными чехами, что не позволяет установить точную численность словацкой диаспоры. Всего в России тогда проживало 50 385 чехов и словаков. Из них 47 % составляли женщины. Торговлей в нашей стране было занято 780 чехов и словаков (еще 794 человека принадлежали к членам их семей), в том числе разносной и развозной торговлей – 101 человек (11 человек – члены их семей). Последняя цифра оказалась невелика из-за того, что перепись проходила зимой, а странствующие торговцы в это время, как правило, сворачивали свою деятельность и возвращались на родину. Обработка металлов была специальностью 1193 российских чехов и словаков (1470 человек – члены их семей). Наконец, учебной и воспитательной деятельностью в России было занято 259 чехов и словаков (члены их семей – 188 человек)².

Среди словаков, которые в начале Первой мировой войны находились в Кубанской области и Черноморской губернии, были представители следующих профессий: торговцы, крупчатники, черноработчие, бухгалтеры, зубные врачи, а также домохозяйки³. Для сравнения можно привести данные по белорусским губерниям, где в то время среди словацких переселенцев доминировали торговцы и приказчики и также были представлены управляющие, врачи, жестянщики и черноработчие⁴.

Особую группу переселенцев из Венгрии составляли представители интеллектуальных профессий (главным образом, учителя) и студенты. С середины 1860-х гг. российское министерство просвещения стало активно приглашать из Австро-Венгрии молодых учителей латинского и греческого языков, острая потребность в которых возникла в связи с проводимой в то время гимназической реформой. Среди приглашенных было 40 русинов (в том числе несколько выходцев из Закарпатья), два десятка словаков и несколько хорватов и сербов⁵.

Одним из первых словацких учителей в России стал 23-летний филолог Густав Штур, племянник знаменитого словацкого общественного деятеля и ученого Людовита Штура. Он приехал в нашу страну в 1866 г., обучался на педагогических курсах в Петербурге и работал учителем гимназии и лицея в Варшаве вплоть до своей скоростижной смерти пять лет спустя.⁶

В 1868 г. в нашу страну переселился словацкий учитель Эмилий Вячеславович Черный, который вплоть до конца века преподавал латинский и греческий языки в Московской 3-й гимназии. Он являлся автором ряда школьных учебников и словарей, а также фундаментальной работы по русской стенографии⁷.

В том же году в Воронежской гимназии начал свою российскую карьеру словак Юлий Осипович Стовик. Позднее он работал учителем и инспектором в гимназиях Харькова и Феодосии, а в 1894–1899 гг. являлся директором Измаильской прогимназии. В 1898 г. Ю. С. Стовик получил чин действительного статского советника (чин 4 класса, приравненный к генеральскому и дававший права потомственного дворянства)⁸.

Словак Александр (Людовит) Матвеевич Мичатек, зачисленный на русскую службу в 1870 г., на протяжении трех десятилетий работал в Новгородской, а затем в Петербургской 5-й гимназии

¹ Ведомости о личном составе населения, дворовых участках, строениях и квартирах г. Астрахани, составленные на основании результатов однодневной переписи 20 января 1891 г. Астрахань, 1895. С. 4, 9, 11–15.

² Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 29 января 1897 г. Т. II. СПб., 1905. С. 3, 327.

³ Пукиш В. С. Указ. соч. С. 289–290.

⁴ Филюта Н. М. Чешский и словацкий этносы в истории Беларуси (XIX – начало XXI в.) // Этнокультурное развитие Беларуси в XIX – начале XXI в. Минск, 2011. С. 220.

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 169. Д. 230.

⁶ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М. Ф. Раевского. 40–80-е гг. XIX в. М., 1975. С. 553.

⁷ Рокина Г. В. Указ. соч. С. 215.

⁸ Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения. 1894/95 учебный год. СПб., 1894. С. 569.

в качестве учителя древних языков и инспектора. Он активно занимался научной работой, составил и опубликовал первые русско-словацкий и словацко-русский словари¹.

Примечательной была педагогическая карьера словака Михаила Матвеевича Янко. На русскую службу он поступил в 1870 г., в 24-летнем возрасте, после окончания Пресбургского (Братиславского) лицея. Педагог отличался хорошими организаторскими способностями и уже в 1876 г. был назначен директором мужской гимназии, открытой в недавно присоединенном Ташкенте. М. М. Янко сыграл заметную роль в становлении гимназического образования в Туркестане. В 1883 г. он был переведен в Петербург, где стал директором 4-й прогимназии, а через год – директором 5-й гимназии, и проработал на этом посту более 20 лет. В 1905–1910 гг. словацкий педагог был директором Псковской гимназии, последним же этапом его службы стало директорство во 2-й Кишиневской гимназии в 1910–1912 гг. Таким образом, педагогический стаж М. М. Янко составил 42 года, он стал действительным статским советником и полным кавалером орденов Св. Анны и Св. Станислава².

Федор Иванович Францисци, происходивший из семьи видного деятеля словацкого национального движения Яна Францисци, переехал в Россию в 1880 г. в 25-летнем возрасте. Сдав экзамен на звание гимназического учителя немецкого языка, он в течение многих лет преподавал в учебных заведениях Костромы, Калуги и Москвы (3-я мужская гимназия). В 1911–1917 гг. Ф. И. Францисци являлся директором гимназии в г. Нерехте (Костромская губерния), получив в 1914 г. чин действительного статского советника³.

Помимо перечисленных выше, в России в последней трети XIX – начале XX в. работали следующие учителя-словаки: Август Степанович Шандори (Шандоры) (около 30 лет проработал в 1-й Харьковской гимназии в качестве учителя и инспектора), Эрнест Матвеевич Полони (Полоний) (40 лет проработал в Тамбовской гимназии), Иван Петрович Даляк (около 35 лет был учителем гимназии в г. Слуцке Минской губернии), Игнат Георгиевич Станко (преподавал в Тифлисе, а затем в Уфе), Филипп Доминикович Целар (работал в гимназии г. Вольска Саратовской губернии, а затем в Саратове) и другие⁴.

Карпатский русин Юрий Юрьевич Худобай приехал в Россию в 1868 г. Вначале он был назначен учителем Тульской гимназии, а через год переведен в Москву, где работал учителем древних языков в 3-й мужской гимназии и лицее цесаревича Александра почти до конца века⁵.

Его земляк Петр Иванович Феерчак прошел обучение в Институте славянских стипендиатов и был зачислен на русскую службу в 1870 г. в 25-летнем возрасте. После работы учителем и инспектором в различных гимназиях, в 1883 г. он был назначен директором Одесской 1-й прогимназии. В 1892–1903 гг. П. И. Феерчак руководил Одесской 3-й гимназией, став в 1896 г. действительным статским советником. Педагог также получил известность как автор книги о карпатских русинах⁶.

Преподаватель истории Ужгородской гимназии и публицист, русин Виктор Федорович Кимак эмигрировал в Россию в 1871 г. вследствие преследований со стороны венгерских властей. Около 30 лет он проработал учителем латинского и немецкого языка в гимназиях Москвы (6-я мужская гимназия), Екатеринослава и Одессы⁷.

В 1876 г. в Россию из-за политических преследований перебрался венгерский адвокат и бывший депутат парламента, русин Эммануил Иванович Грабарь (Храбров). Его сын – знаменитый художник и искусствовед Игорь Грабарь – отмечал в своих воспоминаниях: «Отец, пользуясь знанием иностранных языков, предпочел карьере судебной службу педагогическую и, выдержав экзамен на преподавателя немецкого и французского языков при Московском учебном округе, по-

¹ Зарубежные славяне и Россия. С. 549.

² Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1912 год. СПб., 1912. С. 536.

³ Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1917 год. СПб., 1917. С. 361.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 169. Д. 230; Зарубежные славяне и Россия. С. 370–371, 545, 552.

⁵ Зарубежные славяне и Россия. С. 551.

⁶ Список лицам, служащим по ведомству министерства народного просвещения. 1884/1885 учебный год. СПб., 1884. С. 400; Список лицам, служащим по ведомству министерства народного просвещения на 1902 год. СПб., 1902. С. 617.

⁷ Зарубежные славяне и Россия. С. 545; Список лицам, служащим по ведомству министерства народного просвещения. 1894/1895 учебный год. СПб., 1894. С. 113.

ехал учителем в городок Егорьевск Рязанской губернии»¹. Позднее Э. Грабарь преподавал в Измайловской прогимназии и служил помощником ректора Юрьевского университета.

Хорват Адольф Фабианович Якшич, выпускник Загребского университета, приехал в Россию в 1874 г. Он работал учителем древних языков в гимназиях Вязьмы, Ставрополя и Тифлиса. Его земляк и коллега Матвей Матвеевич Вук более 20 лет начиная с 1880 г. проработал в гимназии г. Новотроицка Оренбургской губернии. Серб Иосиф Сормилич с 1874 г. преподавал в Бердянской гимназии, а с 1887 г. – в прогимназии г. Глухова Черниговской губернии. Еще один серб – Семен Маркович Чекердакович с 1880 г. являлся учителем древних языков гимназии г. Мариасполь Сувалкской губернии².

Помимо учителей из Австро-Венгрии в Россию приезжали на работу университетские профессора. Так, в 1869–1872 гг. в Новороссийском университете в Одессе кафедрой истории славянских законодательств заведовал хорват Валтасар Богишич, затем он был откомандирован в Черногорию для составления сборника законов этой страны, продолжая числиться на русской службе. Выдающийся хорватский филолог Ватрослав (Игнатий Викентьевич) Ягич был профессором двух российских университетов: Новороссийского (в 1871–1874 гг.) и Петербургского (в 1880–1886 гг.) В 1881 г. он был избран действительным членом Российской академии наук³.

Необычной фигурой среди словацких эмигрантов был Душан Маковицкий. Врач по специальности, он увлекся идеями Л. Н. Толстого, и в 1904 г. переехал в Россию, поселившись в толстовском имении Ясная Поляна. Вплоть до смерти великого писателя в 1910 г. Д. Маковицкий являлся его врачом и секретарем. Дневник Д. Маковицкого «У Толстого. Яснополянские записки» был впоследствии опубликован и высоко оценен литературоведами. После смерти своего кумира он продолжал жить в России, работая врачом и участвуя в толстовском движении. В годы Первой мировой войны Д. Маковицкий и несколько других толстовцев были осуждены по обвинению в антивоенной агитации и отбыли годичное тюремное заключение. На родину вместе со своей русской женой-крестьянкой он вернулся в 1920 г.⁴ Заслуживает упоминания деятельность еще одного словака – Штефана Порубского, который являлся католическим священником и служил в различных российских приходах. В начале XX в. он был настоятелем католического прихода в Новороссийске и вел занятия по изучению чешского языка в окрестных чешских колониях⁵.

В условиях политики «мадьяризации» многие венгерские славяне были вынуждены уезжать для получения высшего образования в другие страны, в том числе в Россию. Некоторые из них получали статус «славянских стипендиатов», которые обучались за казенный счет или на средства славянских благотворительных комитетов. Большого всего студентов из Венгрии училось в Петербургском университете и Учительском институте славянских стипендиатов. Примечательно, что подавляющее большинство их после завершения образования оставались работать в нашей стране.

Некоторые из этих студентов смогли сделать в России неплохую карьеру. Так, словак Рудольф Крупец после получения образования два десятка лет (в 1860–70-е гг.) проработал в качестве инженера на строительстве российских железных дорог, став главным инженером путей сообщения и акционером Закаспийской железной дороги⁶. Другой словак – Владимир Кривош, учившийся во второй половине 1880-х гг. на факультете восточных языков Петербургского университета, затем работал в Главном управлении почт и телеграфов, в качестве криптографа выполнял ответственные задания МИДа, МВД и адмиралтейства, а с 1906 г. по 1913 г. заведовал стенографическим бюро при Государственной думе и Государственном совете⁷.

Жившие в России славяне, как правило, были довольны своим положением. Так, словацкий учитель Э. Черный спустя год после приезда в Россию заявлял: «Должен сознаться, что я никогда не надеялся в таком скором времени достичь здесь такого выгодного состояния»⁸. В этой связи следует заметить, что жалование гимназического учителя в нашей стране в то время было выше,

¹ Грабарь И. Э. Моя жизнь: Автобиография. Этюды о художниках. М., 2001. С. 18.

² Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1880 год. Тифлис, 1880. С. 24; Чуркина И. В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. М., 2011. С. 163.

³ Зарубежные славяне и Россия. С. 60–63, 554; Чуркина И. В. Указ. соч. С. 159.

⁴ Рокина Г. В. Указ. соч. С. 285–286.

⁵ Пукиш В. С. Указ. соч. С. 88–89.

⁶ Голец Р. Указ. соч. С. 31.

⁷ Зданович А. А., Измозик В. С. Сорок лет на секретной службе. Жизнь и приключения Владимира Кривоша. М., 2007.

⁸ Зарубежные славяне и Россия. С. 463.

чем в Австро-Венгрии, учителя считались госслужащими и получали классные чины. Почти все австро-венгерские учителя прослужили в российских гимназиях вплоть до пенсии, которую педагоги начинали получать после 25 лет выслуги, а некоторые – и большие сроки.

Венгерские переселенцы часто в своих письмах рекомендовали землякам присоединиться к ним. Так, например, словацкий врач Д. Маковицкий писал своему знакомому: «Жизнь в России для славянина полна такого же смысла, как бы он жил дома. Мы, словаки, в своей практической деятельности... впереди русских... В России славянину легко привыкнуть и можно хорошо себя чувствовать. Пусть вас не страшат тревоги, в газетах все втрое или даже вчетверо преувеличено, а многое просто выдуманно»¹.

Приезжавшие в нашу страну славяне в силу своей языковой и культурной близости с русскими адаптировались весьма быстро. Например, учитель Э. Черный стал вести уроки на русском языке уже через три месяца после переезда. Прожив в России год, он сообщил на родину: «...не только я, но и моя жена и 3 девочки мои говорят уже довольно хорошо и плавно по-русски»².

Свидетельством успешной адаптации славянских переселенцев в России являлось то, что большая часть из них со временем приняла российское подданство, а некоторые – и православие. На рубеже XIX–XX вв. в МВД ежегодно рассматривались десятки прошений словаков и русинов о смене подданства, и большинство из них удовлетворялось. Этот процесс значительно ускорился после начала Первой мировой войны. По данным МВД, накануне и в начале Первой мировой войны (в 1911–1915 гг.) ходатайства о переходе из австро-венгерского в российское подданство подали: 643 русина (208 из них просили принять в новое подданство и членов их семей), 188 словаков (из них 55 – с семьей), 80 сербов (из них 18 – с семьей) и 24 хорвата (из них 5 – с семьей)³.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. из Венгрии в Россию активно переселялись славяне: словаки, русины, хорваты и сербы. Они смогли достаточно быстро адаптироваться к жизни в нашей стране, заняв определенные социальные и профессиональные ниши. Переселенцы внесли свой вклад в развитие торговли, ремесла и системы гимназического образования в России. Приезжавшие в нашу страну представители славянских народов играли роль посредников в налаживании экономических, культурных и прочих контактов между славянскими землями и Россией, способствовали взаимному знакомству и взаимодействию славянских народов. После тяжелых испытаний Первой мировой и Гражданской войн часть славянских переселенцев вернулась на свою историческую родину, остальные остались в России, прочно связав с ней свою судьбу. Таким образом, эмигранты из венгерских земель стали частью многонационального российского социума.

А. Колонтари

Венгерская разведка в Крыму в 1920 г.

На первый взгляд мы могли бы полагать, что в 1920 г. после поражения в мировой войне, после двух революций, под влиянием шокировавшего страну Трианонского договора в условиях полной экономической и политической изоляции под жестким контролем держав-победительниц венгерскому политическому и военному руководству было не до того, что происходит в Крыму, далеко от границ Венгрии, где белые силы вели арьергардные бои с большевиками. Архивные документы, однако, свидетельствуют о том, что лидеры Венгрии и Крыма исходя из идеологической близости двух режимов искали сношения друг с другом. Местом поддержания связей на первых порах был Белград, где венгерские и русские дипломаты и военные (в частности, посланник и советник венгерского посольства Андор Водианер и Антал Мадьяри и военный представитель генерала П. Н. Врангеля в Белграде генерал-майор В. А. Артамонов) в своих беседах неоднократно затрагивали вопрос создания постоянного представительства генерала Врангеля в венгерской столице⁴. Сам В. Артамонов уже с апреля регулярно докладывал о политическом положении Венгрии, где, по его мнению, была установлена твердая диктаторская власть Хорти, в целом население, даже

---

¹ Голец Р. Указ. соч. С. 31.

² Зарубежные славяне и Россия. С. 463–464.

³ Подсчитано по: РГИА. Ф. 1284. Оп. 243. Ч. 2. Д. 7631–7648.

⁴ Hadtörténeti Levéltár (HL – Архив Военной Истории) VKF B.161 3054.1987. Л. 572–578.

рабочий класс, были настроены против большевиков и не было социалистических партий. «В правительстве и населении – симпатия к России и желание дружбы с нею. Вера в возобновление России и ее будущую мощь», – отмечал генерал¹. Исходя из всего этого В. Артамонов считал возможным в будущем использовать Венгрию, в качестве опорной точки для заграничной антибольшевистской работы. Для преодоления географических трудностей известный российский летчик и авиаконструктор Максим Германович Лерхе, который неоднократно бывал в венгерской столице, даже хотел организовать авиарейсы между Будапештом и Севастополем². Первый обмен письмами между адмиралом Хорти и генералом Врангелем произошел в июле 1920 г. Письмо Врангеля было передано Хорти контр-адмиралом А. Д. Бубновым. После некоторых вежливых фраз оба лидера белых сил желали друг другу успехов в антибольшевистской борьбе и выражали надежду, что их народы, которые по воле судьбы сражались в войне на противоположных сторонах, в дальнейшем смогут понимать друг друга³. Контр-адмирал А. Бубнов в начале сентября докладывал, что он получил согласие венгерского правительства «на установление взаимного Представительства». А. Бубнов со своей стороны предложил назначить во главе миссии бывшего секретаря генерального консульства в Будапеште князя Г. Д. Маврокордато, который уже имел связи и знакомства в венгерской столице⁴.

Однако дело затягивалось по целому ряду причин. Среди них можно упомянуть расхождения в политической ориентации Венгрии и Крыма. В Будапеште исходили из того, что основной покровительницей режима Врангеля является Франция, которую считали главным инициатором и сторонником расчленения Венгрии, поэтому руководители венгерской внешней политики сомневались в целесообразности и эффективности слишком тесных связей с Крымом. Сдерживающим фактором явилось и нахождение значительного количества венгерских военнопленных и офицеров-заложников на советской территории, через которых советское правительство могло оказать давление на Будапешт. Однако от всего вышеизложенного не менялся тот факт, что летом – осенью 1920 г. в венгерской столице старались добиться как можно более точных и подробных сведений о положении в Крыму, о режиме Врангеля, о его внешних связях, о перспективах антибольшевистской борьбы. Это было тем более необходимо, что в Венгрии время от времени появлялись самые разнообразные лица из русской эмиграции, и они охотно выдавали себя за представителя генерала Врангеля.

Разведчики. Личность первого венгерского разведчика, безусловно, заслуживает внимания. Его жизненный путь носит на себе отпечатки исторических потрясений XX века. Херман Покорни явился типичным представителем военной элиты Австро-Венгерской монархии. Он родился в чешской части Моравии в семье немецкого почтмейстера. По его воспоминаниям, он уже в детстве сталкивался с проявлением этнических напряжений в многонациональной империи⁵. После окончания гимназии он поступил в военное училище, с завершением учебы и подготовки в чине старшего лейтенанта генерального штаба попал в действующую армию. Он рано выделялся своим профессионализмом, широким кругозором и способностью к языкам. Благодаря знанию чешского языка он относительно легко выучил и другие славянские языки, в том числе польский, болгарский.

Во время своего пребывания в Вене в 1911–1912 гг. он начал изучать русский язык, брал уроки от большевистского политэмигранта из Балтии по фамилии Гутера⁶. В это время Х. Покорни уже активно интересовался Россией. В 1912 г. он был одним из двух офицеров, которые, по существовавшей в то время практике отношений между русской и австро-венгерской армией, были откомандированы в Москву для усовершенствования знания русского языка. Х. Покорни в своих мемуарах детально описывает свои впечатления о России, его описания практически охватывают весь спектр тогдашнего российского быта: празднование трехсотлетия царствования династии Романовых, пасхальные праздники, обычаи, традиции, повседневную жизнь, поездки по стране⁷. Само со-

¹ Архив Внешней Политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 34. Л. 2.

² HL. VKF. 2 24.277.1920. Л. 146.

³ Magyar Országos Levéltár (MOL – Венгерский Национальный Архив) K-64-1920-41. 300. res pol. Halász Iván: Az orosz fehér emigránsok és Magyarország a húszas évek elején. // Ezredforduló, század forduló, hetvenedik évforduló: tanulmányok Zimányi Vera tiszteletére. Újvári Zsuzsanna (ред.), Oziris, Budapest, 2001. 539. o.

⁴ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 34. Л. 11.

⁵ Pokorny H. Emlékeim. A láthatatlan hírszerző. Budapest: Petit Real, 2000. [Покорни Х. Мои воспоминания. Невидимый разведчик. 2000]. С. 33.

⁶ Pokorny H. Emlékeim. С. 52.

⁷ Pokorny H. Emlékeim. С. 52–65.

бой разумеется, что он не обходился вниманием, особенно во время второй поездки в Россию, и военные вопросы приготовления русской армии. После возвращения из России Х. Покорни в генеральном штабе уже считался экспертом по русской армии. Во время Первой мировой войны он служил на разных участках фронта, на восточном театре войны организовал перехват русских радиogramм и добился крупных успехов в их расшифровке. Его считали одним из лучших специалистов в этой области.

В 1917–1918 гг. Х. Покорни был членом австро-венгерской делегации на переговорах с большевиками в Брест-Литовске. В его воспоминаниях мы находим немало иногда, пожалуй, субъективных, зато весьма интересных сведений и замечаний о Брест-Литовских событиях: «Среди русских делегатов выделился Троцкий со своей личностью. Со своим колючим взглядом, с густыми темными волосами, козлиной бородой произвел впечатление Мефисто. Благодаря его ораторскому таланту, огромной общей образованности и присутствию духа, он из словесных дуэлей, как правило, выходил победоносно. Он искусно знал, как надо использовать ту или иную тему в нужном ему русле и использовать ее для всевозможного пропагандирования своих коммунистических взглядов и учений. Но у него не хватило практического чутья, чтобы осознать благоприятную ситуацию, и так со своим вызывающим и непримиримым поведением он скорее повредил, чем помог своей стране, которая хотела главным образом мира»¹. Благодаря знанию немецкого и французского языков, прибавил к этому Х. Покорни, Л. Троцкий не нуждался в переводчике, это дало ему то преимущество, что во время переводов он уже мог обдумывать свой ответ, мог проверить корректность перевода. Между Л. Троцким и Х. Покорни имела место даже одна личная встреча, когда Х. Покорни собирался ехать в Киев для ознакомления с ситуацией на Украине. Инициатива исходила от Л. Троцкого, но, когда украинцы подписали сепаратный мир с центральными державами, он изменил свой взгляд и отговорил Х. Покорни от поездки, сказав, что не может гарантировать безопасность и жизнь последнего. Позже, уже после Второй мировой войны, Х. Покорни узнал, что Л. Троцкий якобы выдал даже ордер на его арест в случае появления в Киеве². Х. Покорни очень критически относился и к немецкому министру иностранных дел Рихарду фон Кюльману, который, по мнению Х. Покорни, по всем качествам уступал хитрому и умному Л. Троцкому. Х. Покорни не скрывал свое отрицательное отношение к жесткой позиции центральных держав в территориальном вопросе, ведь речь шла о таких территориях, которые до Первой мировой войны принадлежали России. Сам Х. Покорни высказывался за соглашение по принципу «нет победителя, нет побежденного» и за быстрое заключение мира. Однако он не нашел поддержки ни у германского генералитета, ни у большевистской делегации³. Х. Покорни после разрыва переговоров в конце февраля уехал из Брест-Литовска, не дождавшись подписания мира.

1918 год, последний год войны, оказался роковым для империи Габсбургов. Осенью в связи с неудачами на фронтах начался процесс распада-расчленения многовековой Дунайской монархии и формирование-создание на ее месте полосы маленьких государств. Х. Покорни в этой ситуации принял весьма любопытное решение. Он исходил из того, что в Чехословакии его всегда будут принимать за немца, а в Австрии – за чеха, то есть в обоих государствах он мог бы быть, по его словам, «второстепенным гражданином», поэтому он решил принять венгерское гражданство и вступить на службу в венгерскую армию. Все это для него связано было с необходимостью изучения очередного иностранного языка – венгерского.

В 1918–1920 гг. в Венгрии неоднократно менялись власти, при этом Х. Покорни старался неизменно оставаться на своем посту. За службу в Венгерской Красной Армии против него было возбуждено следствие, его приняли в национальную армию, но в течение нескольких месяцев «был в опале». Летом 1920-го года он получил важное поручение, он должен был поехать в Крым и информировать венгерские политические и военные круги о создавшемся там положении. После возвращения он продолжал службу в «Учетном Бюро» (в разведывательном органе) генерального

¹ Pokorny H. Emlékeim. С. 91.

² Проверить достоверность информации Х. Покорни относительно ордера Л. Троцкого на его арест в современных условиях представляется весьма затруднительным.

³ Там же. С. 140–141. На тот случай, если немецкие требования затрудняют соглашение с «русскими максималистами», австро-венгерская делегация по предложению Х. Покорни имела полномочие от императора-короля Карла заключить с большевиками сепаратный мир без аннексии и контрибуций. Однако, по мнению Х. Покорни, Л. Троцкий, которого он называет холодным экспериментатором, рассчитывая на быстрое революционизирование Германии и Австро-Венгрии, и для которого пропаганда была важнее, чем реальный мир, отказался от этого предложения. Pokorny H. Emlékeim. С. 11–12.

штаба Венгрии. Потом служил в действующих войсках. Одна из его последних должностей была должность командира бригады в г. Мишколц. В 1935 г. его перевели на пенсию в чине генерал-лейтенанта. Он и после этого вел активный образ жизни. Короткое время руководил шифровальным отделом генерального штаба, потом стал сотрудником Военного Архива, занимался военной публицистикой.

Х. Покорни как пенсионер уже не играл активной роли во Второй мировой войне. В 1944 г. после оккупации немцами Венгрии его тесть был интернирован и депортирован в Аушвиц как лицо еврейского происхождения. Х. Покорни старался мобилизовать все свои связи, но не смог спасти его. Во время оккупации он включился в движение сопротивления, занимался спасением людей от ареста и депортации. В январе 1945 года, когда бои шли уже на улицах Будапешта, одетый в генеральскую форму Х. Покорни подошел к появившимся на его улице советским солдатам и, обратившись к ним на русском языке, заявил, что «хочет идти с ними». После допросов он попал в ставку маршала Р. И. Малиновского, с одной стороны, в качестве переводчика, с другой стороны, его попросили разрабатывать отдельные сюжеты его прежней деятельности (расшифровка русских телеграмм, деятельность во время Брест-Литовских переговоров, его поездка в Крым в 1920 г.) и описывать австрийский театр военных действий¹.

После окончания войны Х. Покорни стал сотрудником Министерства иностранных дел и отвечал за поддержку связей с Союзной Контрольной Комиссией, с советскими военными органами по вопросам репараций и военнопленных. Х. Покорни, который по политическим убеждениям стоял ближе к партии мелких сельских хозяев, настаивал на более решительной защите венгерских интересов на этих переговорах, поэтому он постепенно становился «персоной нон грата» для венгерских коммунистов. В условиях введения однопартийной диктатуры советского типа Х. Покорни в 1949 г. был уволен из министерства, после этого он работал переводчиком и писал свои мемуары. Умер Х. Покорни в 1960 г.

О жизненном пути второго разведчика лейтенанта Дьёрдя Пурьеса мы располагаем гораздо меньшими сведениями. Он родился в деревне Алшосиклаш в комитате Гемер (сегодня Нижни Скальник, Словакия). В своем рапорте он упоминает, что во время Гражданской войны в России он служил добровольцем в армии А. И. Деникина, командовал в ней, по его словам, конной ротой. К сожалению, детали данного сюжета совершенно неизвестны. Его карьера в венгерской армии была не длинной. После возвращения из Крыма он, как многие офицеры сверх разрешенного Трианонским миром контингента, был переведен на таможенную службу, стал начальником таможенного поста на южной границе Венгрии. Оттуда он летом 1923 г., взяв с собой деньги из кассы, сбежал в Королевство СХС и предложил свои услуги сербской разведке. В Венгрии против него было возбуждено уголовное дело, однако оно не сопровождалось с требованием выдачи Д. Пурьеса, так как вопрос о его гражданстве висел в воздухе. Он родился на той территории, которая согласно территориальным установкам Трианонского договора отошла к Чехословакии. Д. Пурьес после вступления в силу договора должен был бы заявить о своем намерении сохранить венгерское подданство (оптировать). Но он этого не сделал, поэтому во время бегства его нельзя было считать венгерским подданным. То, что он, несмотря на это, мог служить в венгерской армии и таможне, свидетельствует о неопределенности послевоенной ситуации. После бегства в Королевство СХС следы Д. Пурьеса теряются, по некоторым сведениям, он оттуда еще в 1923 г. переехал в Прагу, где нашел себе работу в Национальном театре. В 1940 г. возбужденное против него уголовное дело за казнокрадство было прекращено по причине давности².

Х. Покорни в Крыму. Херман Покорни был откомандирован в Крым в конце июня 1920 г. Поскольку Венгрия под жестким контролем держав-победительниц не обладала полным суверенитетом, об официальном, легальном делегировании Х. Покорни к Крымскому правительству не могло быть и речи. Предыстория его поездки тоже заслуживает внимания. Она была связана с весьма авантюристскими, лишенными всякой реальной основы планами группы бывшего генерала царской жандармерии М. С. Комиссарова. В эту группу входили бывший мэр Одессы Б. А. Пеликан и отдельные представители немецких (главным образом баварских) хозяйственных кругов. Членом

---

¹Pokorny H. Emlékeim. С. 132. Х. Покорни многие документы и материалы передал советским военным органам, в том числе свои брест-литовские записки, большое количество копий расшифрованных русских телеграмм со времен Первой мировой войны, ключи к шифрам и т. д. Они по всей вероятности хранятся в российских архивах.

²HL. HM. 1924. Eln. 13. o. №132. 7–9., 18. l. и HM. 1940. Eln. 13. o. №63.178. 4–5. l.

группы был и балтийский немец Макс Шеубнер-Рихтер, который потом был смертельно ранен в 1923 году во время «пивного путча» А. Гитлера.

Что касается политических представлений М. Комиссарова, то из венгерских архивных документов вырисовывается весьма пестрая картина. В Венгрии он хотел создать антибольшевистский центр и разведбюро. Кроме этого, он хотел напечатать романовские рубли в Венгрии. При этом он особый акцент ставил на сохранении вида законности. Поэтому, по его мнению, в Крыму надо было создать правительство, которое объявило бы себя правопреемником царской России, и в качестве такого оно имело бы право выпустить деньги. Клише для печатания денег, как он утверждал, имелись в его руках. Конечной целью своих политических стремлений он назвал создания блока России – Германии – Венгрии – Японии. Он, по свидетельству процитированного документа от 12-го июля 1920 г., выразил свое недоверие Врангелю, так как тот дружил с Антантой. Но если Врангель не пойдет за ним, то он (Комиссаров) «стерет его в порошок». Судя по венгерским архивным документам, у М. Комиссарова были весьма смутные представления и по другим вопросам, он, например, был убежден, что царь и его семья живы и здоровы. Николай II должен был отречься от престола в пользу своего сына. Когда в Европе все уладится, он собирался поехать в Японию и взять оттуда с собой наследника престола¹. Ключевым моментом сотрудничества, являлось то предложение, что за венгерскую и немецкую поддержку русские готовы платить сырьевыми ресурсами Южной России². Имеющиеся в наших руках документы не дают нам возможности судить о том, насколько сам М. Комиссаров думал серьезно о том, о чем сам говорил, но в Венгрии он широко разрекламировал свои взгляды. После его появления в Будапеште, было решено включать профессионального разведчика в его группу с целью ознакомления с ситуацией в Крыму и с действительным влиянием группы М. Комиссарова на полуострове. Осторожность венгерского правительства была тем более уместной, потому что находившийся в венгерской столице контр-адмирал А. Бубнов, узнав о деятельности группы, прилагал все усилия, чтобы дезавуировать упомянутых лиц в глазах венгерских властей³.

Хотя официально Х. Покорни был делегирован в Крым Объединенной Национальной Христианской Лигой (общественной организацией), задания он получил от венгерского генштаба и Министерства иностранных дел: изучение на месте военно-политического положения в Крыму, боеспособности врангелевской армии, изучение отношений Врангеля с зарубежными странами, в частности с Антантой и Германией, а также возможностей сотрудничества⁴. Организация поездки, оформление необходимых документов, получение транзитных виз оказались непростой задачей. Х. Покорни ездил нелегально с фальшивыми документами, оформленными на имя Александра Циммерманна, по конспиративным соображениям – в отдельности от членов «группы Комиссарова». В Варне в Российском вице-консульстве Х. Покорни получил новые документы, в которых он тоже фигурировал как Александр Циммерманн, но уже как российский подданный. Поскольку морской транспорт между Варной и Крымом всецело находился под контролем французских властей, явиться в порт для Х. Покорни даже с русскими документами было рискованно. Французы уже были проинформированы о «группе Комиссарова» и всячески препятствовали проезду ее членов в Крым. Х. Покорни с помощью своих русских знакомых задолго до отправления скрылся на борту корабля, который вез русских солдат и офицеров в Крым в армию Врангеля⁵.

Пароход прибыл в Феодосию 9-го августа, и Х. Покорни как раз стал свидетелем сосредоточения в городе кубанских казаков и подготовки к Кубанскому десанту под командованием С. Г. Улагая. Из Феодосии Х. Покорни пришлось перебраться поездом в Севастополь, в столицу Крымского государства Врангеля. Там он узнал о крахе авантюры М. Комиссарова, которого даже не пустили в Крым. Пеликан и его товарищи должны были сознаться, что на самом деле у них никакой связи с Врангелем нет, и никаких полномочий от него не имеют, потом быстро убрались из Севастополя⁶.

Х. Покорни мог приступить к выполнению своей основной задачи, к сбору информации. Он явился в штаб Врангеля, где его приняли любезно и с большим вниманием. В своих воспоминани-

¹ HL .VKF B.160. 3004.1987. № 712.405.

² MOL. K-64-1922-24. № 2341.

³ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 34. Л. 12. Видимо, с влиянием Бубнова связана пометка от руки на документе венгерского МИД-а, где упоминаются имена Комиссарова и Пеликана: «полученная информация не положительна». (MOL K-64-1922-24. № 189.)

⁴ Pokorny H. Emlékeim. С. 14–15.

⁵ Pokorny H. Emlékeim. С. 105.

⁶ Pokorny H. Emlékeim. С. 106.

ях он пишет об этом: «Почти ежедневно бывал в штабе. Ко мне прикомандировали офицера связи капитана Штулмана, который был одним из адъютантов генерала Врангеля. Я старался войти в сношение с различными слоями, чтобы мог как лучше войти в положение. Высокопоставленные люди, генералы и сенаторы, сбежавшие в Крым, просили меня читать им доклад о Венгрии. На этих мероприятиях присутствовало много генералов, которые во время войны своими приказами волей-неволей оказывали мне помощь в расшифровке русских шифров (например, Эверт или граф Келлер – с двумя «е» в фамилии. – Прим. А. К.). Они проявляли особый интерес к королевству без короля и институту регентской власти, так как у них были схожие представления относительно будущей России»¹.

Из своих встреч он упоминает об аудиенции у главы правительства А. В. Кривошеина и о том, как он виделся с Я. А. Слащовым-Крымским, которого «только что сняли с фронта». В мемуарах Х. Покорни очень коротко и довольно сурово отзывается о личности Я. Слащова, считая его авантюристом, кто храбро защищал Крым от большевиков, но делал немало неприятностей Врангелю. «Он мне показался морфинистом» – затрагивал Х. Покорни один из самых спорных сюжетов жизни Я. Слащова². Однако их связь на этом не прерывалась. Уже после эвакуации из Крыма, в январе 1921 г., в разгаре острых споров с Врангелем Я. А. Слащов издал книгу «Требую суда общества и гласности (Оборона и сдача Крыма)». Я. Слащов счел нужным прислать один экземпляр в Венгрию Х. Покорни³.

С ухудшением положения на фронте для Х. Покорни стал вопрос об отъезде из Крыма. Это тоже было нелегко сделать из-за строгого контроля держав Антанты над морским транспортом. Наконец, с помощью министра торговли и промышленности В. С. Налбандова Х. Покорни и упомянутый выше Шеубнер-Риттер получили место на одном из покинувших Крым кораблей. Они отправились из Севастополя 3-го октября. Переезд по бурному морю на старом, находившемся в плохом состоянии паруснике, произвел сильное впечатление на Х. Покорни. Он в своих мемуарах описывает яркими красками, как он чувствовал близкую смерть. После пятидневных испытаний они прибыли в Бургас. Оттуда поездом поехали дальше в Софию. Там, в русском военном представительстве, Х. Покорни получил новые документы и продолжил дорогу уже как русский дипломатический курьер.

На значимость его поездки указывает тот факт, что о результатах он докладывал не только своим непосредственным начальникам, но был принят и правителем страны, адмиралом М. Хорти. После того как выслушал разведчика, М. Хорти повел его к окну и, указав на старую избушку Табана (район под будайской крепостью), сказал: «Как это избушка скоро исчезнет с лица земли, так и будет конец русскому большевизму». «Он оказался плохим пророком», прибавил к этому в своих мемуарах Х. Покорни, написавший воспоминания в 1950-е годы, когда СССР находился в зените своего могущества⁴.

В начале 1920-х годов Х. Покорни был в тесной связи с военным представителем барона Врангеля в Венгрии полковником (с 1923 генерал-майором) А. А. фон Лампе. После возвращения из Крыма Х. Покорни продолжал служить в Учетном (разведывательном) бюро генерального штаба Венгрии, руководил отделом «Х», который занимался расшифровкой шифрованных телеграмм иностранных миссий в Будапеште. Он неоднократно встречался с А. А. фон Лампе не только по служебным делам, но и с целью обмена информацией в частном порядке. Ходили вместе в рестораны, приглашал к себе в гости домой в Геделе. Иногда Х. Покорни сам заходил к нему по тем или иным вопросам, например в феврале 1922 г. по поводу возвращения Я. Слащова-Крымского в «Совдепию». Х. Покорни интересовал вопрос, можно ли ожидать от Я. Слащова контрреволюции-

---

¹ Pokorny H. Emlékeim. С. 106. Что касается упомянутых в цитате русских военачальников, то тут мы сталкиваемся с некоторыми проблемами при определении их личностей. Генерал от инфантерии Эверт Алексей Ермолаевич, бывший командующий армиями Западного фронта, не мог присутствовать на докладах Х. Покорни в Крыму. Он в 1917 г. был уволен со службы, после этого жил в Верее, по одним сведениям, умер в 1926 г. Однако существует версия, что он был убит большевиками еще в 1918 г. Х. Покорни вполне мог встретиться с генерал-лейтенантом Келлером Николаем Карловичем, с командующим 6-й дивизии Врангеля. Во время войны он командовал полком. Однако не исключено, что Х. Покорни просто путает его с генерал-лейтенантом, графом Келлером Федором Артуровичем, командующим 3-м кавалерским корпусом на Западном театре войны, но он был расстрелян петлюровцами в 1918 г. после захвата Киева.

² Pokorny H. Emlékeim. С. 107.

³ Там же. С. 15.

⁴ Там же. С. 111.

онных выступлений. А. фон Лампе поступок Я. Слащова объяснил его конфликтом с Врангелем, повышенным самолюбием, нищим положением в эмиграции и не в последнюю очередь влиянием молодой жены. А. фон Лампе в одинаковой мере сомневался в перспективах сотрудничества Я. Слащова с большевиками и в том, что в Советской России он сможет стать лидером какого-то антибольшевистского выступления. Первое, по его мнению, невозможно, потому что Я. Слащов «сильно скомпрометировал себя казнями рабочих в Крыму», второе ставит под сомнение именно то обстоятельство, что «слишком много говорят о контрреволюционной цели его предательства»¹.

На этих встречах с Х. Покорни А. фон Лампе постоянно возвращался к одной и той же теме, к заключению Брест-Литовского мира. В альбоме Х. Покорни находился целый ряд уникальных фотографий о тех событиях. В своем дневнике А. фон Лампе пишет о «грязной роли» немцев (министр иностранных дел Рихард фон Кюльман) и большевиков (Лев Троцкий, Адольф Йёффе, Лев Каменев и др.) в брестских событиях. Но острее всего он высказывается о русских офицерах, военных членах советской делегации, о контр-адмирале В. М. Альтфатере и о капитане В. Липском: «Эти офицеры генерального штаба в погонах и в форме там продавали Россию» и в первые минуты большевизма «совершенно самовольно снимались» с главами большевистской делегации еврейского происхождения².

В своих воспоминаниях Х. Покорни сообщает о том, что он был награжден орденом Св. Владимира. Это было, однако, не столько знаком признания его разведывательной деятельности во время крымской поездки, сколько «вложение в будущее». А. Фон Лампе еще в мае 1921 г. просил разрешения от Врангеля наградить тех венгров, которые делали и могут сделать много для русских. Разрешение он получил, с условием заблаговременного доклада начальнику штаба о каждом отдельном случае³. Передача ордена Св. Владимира Х. Покорни произошла 30 августа 1922 г. Об этом А. фон Лампе пишет следующим образом в своем дневнике: «Передал ордена Мануйловичу, Ракоши и Покорному – как они все довольны, хорошо, что я добыл сами кресты, патент без креста значит весьма мало, теперь они ощутили на самом деле, что получили, и я думаю, что это подействует и на других в смысле большей предупредительности в содействии нам, каждый будет рассчитывать на ордена, которые они очень (гораздо больше нас) любят»⁴.

Лейтенант Дьедь Пурьес в Крыму. Разведывательная поездка Д. Пурьеса в Крым длилась с 23-го сентября по 18 декабря 1920 г. То есть он прибыл в Крым уже после отъезда оттуда своего коллеги Х. Покорни. Обстоятельства его поездки и характер изученного нами источника, его донесения Учетному бюро генерального штаба⁵ несколько отличаются от того, с чем мы встречались у Х. Покорни. Лейтенант Д. Пурьес выбрал своеобразный путь для того, чтобы добраться до Крыма. Он явился в Белграде к военному агенту Врангеля генерал-майору В. А. Артамонову и вступил добровольцем в Русскую Армию. Встречался в Белграде и с другими лидерами русской колонии, в том числе с генерал-лейтенантом В. В. Марушевским, который несколько позже был откомандирован в Будапешт с целью организации переброски русских военных с севера на юг к Врангелю. Принятие на службу Д. Пурьеса было своего рода исключением из правил. Несколько позже, 7 ноября 1920 г., в эмигрантской газете «Последние новости» появилась статья под заглавием: «Иностранные офицеры у Врангеля». Автор статьи сообщал, что в русские военные учреждения поступало много ходатайств иностранных, а именно, английских, шведских, датских, венгерских и немецких офицеров о принятии их на службу в Русскую Армию добровольцами. Что касается двух последних, статья завершалась фразой: «Совершенно отказывают в приеме немецких и венгерских

---

¹ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 103. Подобные размышления появились сразу после неожиданного возвращения Я. Слащова в Советскую Россию. Сам Я. Слащов считал нужным выступить с опровержением этих слухов. Однако А. С. Кручинин, биограф Я. Слащова, не исключает возможности такого сценария, указав на то, что конфликт с Врангелем был урегулирован и Слащов вполне мог возвращаться в Совдепию по договоренности с ним (Кручинин А. С. Генерал-лейтенант Я. А. Слащов-Крымский // Белое движение. Исторические портреты / состав. А. С. Кручинин. М.: Астрель, 2006. С. 418–423).

² ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 147. Д. 9. Л. 40.

³ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 74, 109.

⁴ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 38. Ракоши Дьерд, майор – сотрудник контрразведывательного отдела генерального штаба. С ним А. фон Лампе встречался регулярно, обычно в последнюю субботу каждого месяца. На этих встречах они обменивались информацией венгерской и врангелевской разведок о международном коммунистическом движении.

⁵ НЛ 1920 VKF. микрофильм В.161 3062.1987 и 3063.1987 №24.277 Л. 115–150.

офицеров»¹. Принятие Д. Пурьеса на службу облегчалась не только тем, что он владел русским языком, но, по словам самого Д. Пурьеса, тем, что он раньше служил при А. И. Деникине, командовал конной ротой в ВСЮР². Детали этого сюжета, к сожалению, неизвестны. Но из его донесения видно, что благодаря своим старым знакомствам и связям он хорошо разобрался в этой среде.

Его обширное донесение, которое в венгерском генеральном штабе было квалифицировано как весьма ценное, выделяется своей детальностью, основательностью. В нем находится огромное количество информации о крымских событиях. Причем его сведения оказались в подавляющем большинстве точными, правильными, в дальнейшем они подтвердились архивными источниками, мемуарной литературой, историческими исследованиями.

В качестве примера можно привести детальное описание структуры армии Врангеля и систему политического правления полуостровом. В этой части упоминаются самые важные имена и сюжеты: главнокомандующий П. Н. Врангель, начальник штаба П. Н. Шатилов (причем правильно указывается его чин до эвакуации – генерал-лейтенант), генерал В. Е. Вязмитинов, начальник военного управления, полковник А. М. Шкеленко, начальник оперативного отдела генерального штаба, генерал-майор Г. И. Коновалов, генерал-квартирмейстер и т. д.³ Относительно гражданского управления он тоже располагал точными сведениями. Д. Пурьес в своем донесении характеризует всех важнейших членов крымского правительства. Глава правительства Кривошеин – монархист, сторонник французской ориентации, П. Б. Струве, который руководил внешними делами, при царе некоторое время находился в ссылке, поэтому среди монархистов был непопулярен, М. В. Бернацкий, по мнению Д. Пурьеса, не смог справиться с управлением финансами полуострова, не смог остановить инфляцию и обесценение крымской валюты⁴.

При описании действующих войск Д. Пурьес упоминает о Корниловской, Марковской, Алексеевской и Дроздовской дивизиях, об их боевой силе, командном составе. Он, видимо, был в курсе деталей жизни этих дивизий, знал, что они были развернуты из офицерских полков. Он информирует своих начальников о судьбе командира Марковской дивизии, генерал-майора А. Н. Третьякова, который после поражения в Северной Таврии 14-го октября был отстранен Врангелем от должности командира дивизии. «Однако он не хотел жить вместе с этим стыдом и застрелился», – пишет в своем донесении Д. Пурьес. Что касается Корниловской дивизии, продолжает он, она тоже получила неудачного командира в лице генерал-майора Н.В.Скоблина. Он был молодым, неопытным генералом, но пользовался большой популярностью среди офицеров дивизии, поэтому снять его было невозможно⁵.

О Я. Слащове он отзывается более положительно, чем Х. Покорни. «Организаторская работа и продолжение контрреволюции являются исключительно заслугой Слащова, который прикрыл перекопский перешеек от продвигавшихся на юг частей Красной Армии, тем самым обеспечил базу для реорганизации новой армии. Эта его заслуга признается и Врангелем, и в каждом из его приказов, где он говорит о спасении Крыма, упоминает имя Слащова с признанием. Генерал Слащов получил от Врангеля к своему имени эпитет «Крымский», значит его новое имя Слащов-Крымский»⁶. Отрицательные и спорные моменты его характера Д. Пурьес приписывал интригам против Я. Слащова. Главным источником этих интриг венгерский разведчик назвал генерала Кутепова, который с ревностью относился к Слащову за его успехи. О Я. Слащове распространились слухи, что он пьянствует, морфинист и гермаофил⁷.

Д. Пурьес подробно информировал свое начальство и о деталях боевых действий. Он подчеркивает, что с занятием и укреплением Каховки на левом берегу Днепра, большевистскому военному руководству удалось приковать Врангеля к Крыму, так как в случае продвижения белых сил, из Каховки можно было им угрожать возможностью быть отрезанными от Перекопа⁸. В связи с кубанским десантом С. Г. Улагая и действиями М. А. Фостикова на Таманском полуострове Д. Пурьес подчеркивает субъективные ошибки военного руководства как причины неудач этих мероприятий. В первом случае говорит о преждевременности этой акции, так как население Кубани еще недостаточно разочаровалось в большевистском режиме и не было еще готово открыто под-

¹ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 4. Л. 429.

² НЛ. 1920. VKF микрофильм В.161 3062.1987 и 3063.1987 №24.277. Л. 127.

³ Ibid. Л. 115. смотри еще Штаб Русской Армии (<http://whiterussia1.narod.ru/CITIZI/STABRA.HTM>).

⁴ НЛ. 1920. VKF. микрофильм В.161 3062.1987 и 3063.1987 №24.277. Л. 121.

⁵ НЛ. 1920 VKF. микрофильм В.161 3062.1987 и 3063.1987 № 24.277. Л. 117.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid. Л. 131.

⁸ Ibid. Л. 117, 119.

держивать войска Улагая. А причину поражения Фостикова и вытеснения его из Тамани Д. Пурьес, недостаточно учитывая реальное соотношение сил, видел исключительно в том, что врангелевское руководство не снабжало его снарядами и боеприпасами¹.

Во внешнеполитической части донесения Д. Пурьес дает обзор взаимоотношений Крыма с великими державами, лимитрофами и другими государствами. Здесь мы постараемся подытожить информацию и выводы Д. Пурьеса относительно перспектив венгерско-крымских отношений. О Венгрии, пишет он, в Крыму знали относительно мало, были информированы о победе контрреволюции, слышали о белом терроре (наличие которого Д. Пурьес, кстати, опровергал). Однако та симпатия к Венгрии в Севастополе, которая была вызвана подавлением Венгерской советской республики, сопровождалась целым рядом мешающих развитию отношений факторов. Венгерско-польское сближение во время Советско-польской войны, которое обосновывалось историческими связями между двумя нациями, скорее, вызвало недоверие к Венгрии. К этому прибавилось, отмечает Д. Пурьес, что Врангель и его панславистское окружение боролись за единую, неделимую Россию, которая претендовала на Восточную Галицию и на Прикарпатскую Русь. В крымских газетах, по утверждению Д. Пурьеса, неоднократно публиковались статьи о том, что на этой территории, на южных склонах Карпат с IX века живут русские, которые до сих пор сохранили свой язык, свою культуру, несмотря на чужое иго². О том, что в верхах Русской Армии действительно были такие настроения, свидетельствует письмо П. А. Шатилова к В. Н. Шtrandману, русскому дипломатическому представителю в Белграде. Письмо было написано 15 декабря, уже после оставления Крыма, в самое острое для армии время на чужбине. В нем П. Шатилов от имени Врангеля просил В. Шtrandмана содействовать переброске 3 000 русских беженцев «из Сербии в Угорскую Русь», где нет интеллигенции. Не скрывал П. Шатилов и конечной цели этого плана: «...желательно использовать наш беженский элемент для развития в Угорской Руси идеи объединения с Россией и укрепления православия»³. Вторая половина просьбы Врангеля была направлена на то, чтобы В. Шtrandман попробовал добиться у венгерского правительства бесплатного и беспрепятственного проезда этих лиц через Венгрию, от которой только буквально недавно была отторгнута данная территория по Трианонскому договору.

В последние дни и во время эвакуации Д. Пурьес остался с армией, в своем донесении он уделяет особое внимание этому периоду. В исходе операции одним из решительных моментов он считает то, что благодаря рано наступившей и особенно холодной зиме море замерзло, и это позволяло красным нанести удар в направлении Чонгара и выйти в тыл укрепленной линии Перекопа⁴. Из советских военачальников в донесении Д. Пурьеса упоминается только М. Буденный, который, со слов венгерского разведчика, имел репутацию среди белых генералов. Д. Пурьес подчеркивает ожесточенность и кровопролитный характер боев за Крым. С завершением боевых действий война закончилась поражением белых сил: «Почтенный образ генерала Врангеля будет ярким примером в истории России. Никто его до сих пор не превзошел в любви к родине и в самопожертвовании. С этим навсегда погасла свеча контрреволюции, которая до сих пор теплилась в Крыму»⁵.

Д. Пурьес не только описывает подробности боевых действий, но и старается найти причины поражения Врангеля. В разгаре событий он не всегда приходит к тем выводам, которые делают современные историки. По его мнению, тактические ошибки руководства армии, бесчувственное равнодушие Европы к антибольшевистской борьбе Врангеля, более удачное геостратегическое положение и превосходство в силах красных и не в последнюю очередь интриги и вражда между генералами белой армии, их личные амбиции (больше всего критикует Д. Пурьес в этой области тех, которые сидели в тылу и т. н. «личный резерв генералов») – все эти факторы в совокупности привели к краху.

Особое внимание уделяет Д. Пурьес внутреннему экономическому и политическому положению Крыма. Как и многие из его современников, он разделяет теорию еврейско-масонского сговора, который, по его мнению, в конечном счете, привел к подрыву экономики, спекуляции, инфляции и дорого-

¹ Ibid. Л. 119.

² Ibid. Л. 125.

³ АВПРИ Ф. 166. Оп. 508/3 Д. 34. Л. 20.

⁴ НЛ. 1920. VKF микрофильм В.161 3062.1987 и 3063.1987 № 24.277. Л. 134. Не только чонгарская операция, которую М. Фрунзе планировал как вспомогательную, но и переправа 15-й и 51-й стрелковых дивизий через «Гнилое море» на Литовский полуостров таили в себе опасность для белых, так как красные обходили перекопские укрепления с фланга и выходили в их тыл.

⁵ Ibid. Л. 133.

визне. Эти круги, продолжает Д. Пурьес, сознательно стремились к разорению национальной России и Крыма, за рубежом вели активную враждебную пропаганду против Врангеля¹.

Д. Пурьес был эвакуирован из Крыма на пароходе «Сиам». На борту оказалось 2 500 военных и гражданских беженцев на 1000 мест. Путь в Константинополь длился 2 дня, потом еще 8 дней стояли на карантине. За это время горячей пищи ни разу не получали, скудный паек на 4 человека состоял из одной консервы и двух кусков сухарей в день. «Положение эвакуированных ужасное. Французы не были готовы принять такое количество беженцев... Русских, попавших в лагерь в окрестностях Константинополя, постигла тяжелая участь. В лагере Сан-Стефано беженцы жили в палатках и в холодных сырых бараках. Кухни у них (по крайней мере, в течение тех четырех дней, которые я провел там) не было. Горячую пищу или чай могли себе готовить только в том случае, если у людей был собственный примус. Беженцам было воспрещено входить в город, лагерь был огорожен колючей проволокой, они находились под постоянным надзором»². Хорошая осведомленность Д. Пурьеса прослеживается и в том, что он точно перечисляет, где были созданы лагеря для беженцев и регулярные части армии (Константинополь, Принкипо, Тузла, Галлиполи, Чатаджи и в последний день его пребывания в Сан-Стефано, пришла весть о создании такого же на острове Лемнос). После 4-дневного пребывания в лагере для беженцев венгерский разведчик отправился домой, в отличие от Хермана Покорни на детали этого путешествия он уже не распространяется в своем донесении.

В итоге мы можем констатировать, что оба разведчика успешно справились со своей задачей, они снабдили венгерское политическое и военное руководство в основном достоверными и исчерпывающими сведениями о положении в Крыму. И, хотя события не позволяли установить официальные связи между Венгрией и Крымом, часть этих сведений в Будапеште могли учесть при формировании венгерской политики по отношению к русским беженцам.

---

¹ Ibid. Л. 129–131.

² HL. 1920 VKF. микрофильм В.161 3062.1987 и 3063.1987 № 24.277. Л. 135–136.

Т. А. Колосовская

Топографические и военно-статистические исследования Кавказа в первой половине XIX в. (по материалам офицеров Генерального штаба)

В настоящее время, когда интерес к истории формирования российско-кавказского государственного единства усиливается, все более актуальным становится вопрос расширения источниковой базы для ее изучения. В этой связи все большее количество современных исследователей-кавказоведов для подтверждения своих исторических концепций обращаются к данным, собранным о Кавказе в XIX в. по инициативе Генерального штаба. Не претендуя на развернутый источниковедческий анализ таких материалов, попробуем реконструировать саму историю их собирания и накопления. При этом акцентируем внимание на топографических и военно-статистических исследованиях Кавказа, выполняемых офицерами Генерального штаба в один из самых трагичных периодов присоединения региона к России – так называемой Кавказской войны.

Вопросы изучения новой южной окраины Российской империи привлекали внимание еще дореволюционных исследователей. На рубеже XIX–XX вв. появились первые попытки выявления роли военных в этом процессе. На страницах обобщающих трудов по истории Генерального штаба¹ и Корпуса военных топографов² были представлены имена многих офицеров, внесших свой вклад в собирание сведений о Кавказе и народах его населяющих. В советское время развернутая библиографическая характеристика кавказоведческих работ российских военных, анализ их исторических и этнографических данных были представлены в трудах Н. И. Покровского³ и М. О. Косвена⁴.

Значительное внимание истории изучения Кавказа, в том числе и военными специалистами, уделяется на современном этапе⁵. Особенно активно историками обсуждается проблема формирования образа Кавказа в русском общественном сознании⁶, влиянию на этот процесс военно-политических событий XIX в.⁷ Однако организационные основы военно-разведывательного исследования региона, вопросы о том, для каких целей и каким образом собирались военно-топографические и военно-статистические материалы, затрагиваются в современной историографии лишь фрагментарно.

Восполнить пробел в освещении изучения Кавказа офицерами Генштаба позволяет обширная документальная база, представленная распоряжениями, рапортами и отчетами непосредственных участников событий. Большинство подобного рода материала отложилось в фондах архивных учреждений военного ведомства и сейчас сосредоточено в коллекциях Военно-ученого архива Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА)⁸. Отдельные работы, представляющие собой примеры военно-статистических описаний Кавказа, выполненных офицерами Ген-

¹ Глиноецкий Н. П. История русского Генерального штаба. СПб., 1883. Т. I, 1894. Т. II; Гейсман П. А. Исторический очерк возникновения и развития в России Генерального штаба в 1825–1902 гг. СПб., 1910. Вып. II.

² Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов (1822–1872 гг.). СПб., 1872.

³ Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2009.

⁴ Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М., 1955. Т. I. С. 265–374.

⁵ Колесникова М. Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века. Ставрополь, 2011; Савельев А. Е. Роль российских офицеров в исследовании Кавказа // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2010. № 2. С. 9–13.

⁶ Саблин Д. В. В плену иллюзий: образы Кавказа и горцев в русском общественном сознании XIX в. // Военно-историческая антропология: ежегодник. 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2006. С. 53–72.

⁷ Ткаченко Д. С. Эволюция образа горских народов в России в период Кавказской войны XIX века // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. 2010. № 6. С. 59–63.

⁸ РГВИА. Ф. 846. Военно-ученый архив; Ф. 410. Материалы о Российской империи; Ф. 414. Статистические, экономические, этнографические и военно-топографические сведения о Российской империи; Ф. 417. Топографические и семитопографические работы; Ф. 418. Планы и описания городов, крепостей, селений и других населенных пунктов бывшей Российской империи; Ф. 482. Кавказские войны.

штаба, можно найти в Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК)¹. Частично источники военного изучения Кавказа были опубликованы на страницах многотомного документального издания «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» (АКАК)².

Наконец, большое значение в раскрытии темы имеют источники личного происхождения. Речь идет прежде всего о мемуарах офицеров Генерального штаба, принимавших участие в «ознакомлении» с краем. Многие из них появились на страницах российских периодических изданий уже во второй половине XIX в.³, некоторые сейчас переизданы⁴. Эти уникальные материалы позволяют взглянуть на процесс изучения Кавказа глазами очевидцев, понять, в каких условиях приходилось действовать российским военным и какими личными мотивами они при этом руководствовались.

Начало интенсивного изучения Кавказа российскими военными было положено еще в XVIII в. и шло параллельно с его присоединением к Российской империи. В преддверии и после завершения Персидского похода Петра I военно-разведывательное исследование Кавказа было сосредоточено преимущественно в его прикаспийских провинциях. Дагестан, Ширван и Гилян являлись главными объектами изучения подполковника А. П. Вольнского, лейтенанта Ф. И. Соймонова, капитана И. Г. Гербера и др. Во многом это объясняется политическими и экономическими интересами страны, связанными с поиском надежных и безопасных торговых путей в восточные страны.

В дальнейшем география исследования Кавказа с участием российских военных была существенно расширена. Завершение русско-турецких войн второй половины XVIII в., ознаменовавшихся присоединением к России Центрального Предкавказья, установлением российского протектората в Восточной Грузии и проведением границы российского влияния по Кубани включило в пределы исследования территории не только Восточного, но также Центрального и Западного Кавказа. С этого времени в сбор сведений о местном населении активно включается военная администрация. В 1784 г. известным кавказским деятелем первым Кавказским наместником П. С. Потемкиным было подготовлено «Краткое описание о кабардинских народах». Рукопись этого сочинения получила широкое распространение и использовалась авторами начала XIX в. Среди них следует выделить командующего войсками на Кавказской линии И. Л. Дебу, написавшего труд «О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске...». Его отрывки впервые были опубликованы в начале 20-х гг. XIX в. на страницах журнала «Отечественные записки», а в 1829 г. сочинение И. Л. Дебу вышло отдельным изданием.

Можно назвать и другие менее известные работы. Например, по итогам командировок на Кавказ в 1814–1815 гг. поручиком Генерального штаба М. Н. Муравьевым было создано «Описание кавказских народностей». Несмотря на то что ее автор получил благодарность от своего начальства, сама рукопись затерялась в архивах военного ведомства⁵.

Эскалация военного противостояния на Северном Кавказе в 20-е гг. XIX в. актуализировала проблему изучения этой новой окраины России. К этому времени топографическими исследованиями были охвачены преимущественно территории, расположенные по южную сторону Главного Кавказского хребта. Проводилась военная съемка тех провинций Закавказского края, «в коих она по мере покорности жителей не могла встретить особенного со стороны их препятствия»⁶.

На Северном Кавказе топографических работ на значительных пространствах не проводилось, за исключением отдельных съемок малых пространств и маршрутов. На отсутствие необходимых карт указывал командующий Отдельным Кавказским корпусом генерал А. П. Ермолов. Осуществляя военные экспедиции в верховьях Кубани, он писал: «Офицеры квартирмейстерской части сделали довольно обстоятельную съемку или, по крайней мере, несравненно совершеннейшую всех доселе произведенных обозрений, хотя нельзя сказать, чтобы недостаточно было времени собрать о стране сей сведения, особенно когда Кабарда наслаждалась продолжительным прежде спокойствием и совершенно повиновалась нашей власти. В делах предместников моих ничего не

¹ ГАСК. Ф. 79. Общее управление Кавказской области.

² АКАК. Тифлис, 1866–1904. Т. I–XII.

³ Воспоминания о Кавказе и Грузии // Русский вестник. 1869. Т. 69; Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. 1883. № 5, 6; 1884. № 1, 2 и др.

⁴ Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. СПб., 2000; Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 2008 и др.

⁵ Глиноецкий Н. П. История русского Генерального штаба. Т. I. С. 358.

⁶ АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 379.

нашел я, кроме нелепо составленной карты из произведенных частных экспедиций, для связи коих надобно было прибегать к разным вымыслам...»¹.

На эту же проблему, затруднявшую местное начальство не только в военных предприятиях, но и в распоряжениях по управлению краем², указывали и приемники А. П. Ермолова. «О землях горских народов, вообще как покорных, так и непокорных, – замечает корпусный командир Г. В. Розен, – до прибытия моего на Кавказ, мы почти вовсе не имели сведений. О некоторых странах были показания туземцев, которые по неосновательности своей вводили только в заблуждение»³.

Российское командование понимало, что без точного представления о географии Кавказа, о быте и обычаях его населения, невозможно проведение успешных военных операций и налаживание эффективной системы управления. «Едва ли когда-либо и где-либо военная история представляла вопрос более сложный и трудный для разрешения, нежели тот, который встретился России в умиротворении Кавказа, – писал современник событий, участник Кавказской войны полковник Генерального штаба Д. И. Романовский. – Недоступная, своеобразная местность этого края, его разноплеменное воинственное народонаселение, особые условия Кавказской войны и ее самообытный характер требовали основательного и глубокого изучения. Между тем источники для предварительного изучения Кавказа, в особенности в военном отношении, как мы знаем, и по настоящее время весьма ограничены. В таких обстоятельствах для ознакомления с Кавказским краем оставалось одно средство – изучение на месте...»⁴.

С 30-х гг. XIX в. начался новый этап в изучении Кавказа российскими военными, в ходе которого военно-разведывательная деятельность приобретала более организованный и систематический характер, а для проведения топографических исследований и составления военно-статистических описаний Кавказа в первую очередь привлекались офицеры Генерального штаба.

Впервые в России Генеральный штаб был учрежден Петром I под названием квартирмейстерской части. При Екатерине II он был организован в особый корпус, имевший отдельного начальника в лице генерал-квартирмейстера, свой штат и обмундирование. В Николаевскую эпоху в систему его комплектования были внесены существенные изменения. Если до 1825 г. Генеральный штаб пополнялся молодыми людьми, начинавшими службу с унтер-офицерского звания и проходившими затем в нем же постепенное продвижение по служебной лестнице, то с императора Николая I Генеральный штаб комплектовался прямо офицерскими чинами не ниже поручика, избираемыми из всей армии. Подобные нововведения повышали статус Генерального штаба как элитного подразделения русской армии.

В начале 30-х гг. XIX в. систему комплектования Генерального штаба было введено еще одно новшество. По распоряжению Николая I для поступления в его ряды предварительно офицеры должны были получить особое высшее образование в специально учрежденной Военной академии, со временем получившей наименование Николаевская. Обучение в ней длилось два года, в течение которых помимо военных наук офицеры изучали основы топографии и геодезии, черчения планов и глазомерной съемки, «русскую словесность, примененную к искусству правильного изложения сочинений по части военной», а также военную историю и литературу⁵. В итоге таких преобразований значительно повышался образовательный уровень офицеров Генерального штаба. Получаемая ими в стенах академии теоретическая подготовка безусловно положительно отражалась на качестве создаваемых ими в ходе выполнения своих служебных обязанностей военно-статистических описаний различных регионов Российской империи, в том числе и Кавказа.

В первой половине XIX в. из Генерального штаба на Кавказ ежегодно командировались к войскам Отдельного Кавказского корпуса от двух до трех офицеров, «преимущественно из таких, которые не имели случая участвовать в военных действиях»⁶. Офицеры оставались здесь как минимум два года, а затем могли вернуться в свои части.

В желающих служить на Кавказе в те времена не было недостатка. По замечанию одного из офицеров Генерального штаба Ф. Ф. Торнау, он привлекал в первую очередь ту часть русской военной молодежи, которая «предпочитала труды боевой жизни парадной службе и блеску паркет-

¹ Ермолов А. П. Записки. 1818–1825 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. СПб., 2000. С. 64.

² АКАК. Т. VIII. С. 379.

³ АКАК. Т. VIII. С. 380.

⁴ Романовский Д. И. Кавказ и Кавказская война. М., 2004. С. 197.

⁵ Глиноецкий Н. П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882. С. 16.

⁶ Глиноецкий Н. П. История русского Генерального штаба. Т. II. С. 200.

ных удач»¹, являясь, по образному замечанию другого офицера Г. И. Филипсона, «обетованной землей для всякого, кому надоела сонная, пустая, однообразная жизнь в России и особенно в Петербурге»². В период с 1832 по 1855 гг. на службе при Отдельном Кавказском корпусе находилось не менее 25–30 офицеров Генерального штаба³. Их служба здесь имела два направления. С одной стороны, офицеры принимали непосредственное участие в военных экспедициях, с другой стороны, занимались сбором местного материала и изучением края.

Из-за необходимости расширения топографических работ на Кавказе там постоянно было весьма значительное число топографов как офицерского звания, так и нижних чинов. В 1832 г. при Отдельном Кавказском корпусе была сформирована рота топографов № 3, в составе 48 человек, на укомплектование которой тогда же было переведено 14 топографов из роты № 4 Оренбургского корпуса⁴. Назначаемые в экспедиции они во многом облегчали службу офицеров Генерального штаба.

С 1833 г. благодаря обер-квартирмейстеру полковнику Н. И. Горскому сбор военно-топографического материала на территории Северного Кавказа приобрел систематический характер⁵. На Северо-Восточном Кавказе под общим надзором Генерального штаба полковника Ф. И. Гене съемки проводились тремя отрядами топографов: 1) полковник Тимофеев с 3 топографами исследовал местность от крепости Грозной, через Кизляр и крепость Бурную до владений шамхала Тарковского, Дербентского округа и Нижней Табасарани; 2) подполковник Колоколов с 4 топографами изучал Кубинские приставства; 3) поручик Семенов с 3 топографами Шекинские приставства и выючную дорогу из Нухи в Кубу⁶.

В 1835 г., пользуясь тем, что в руках русских находились три влиятельных аманата из Дидойского общества, были произведены топографические съемки земель к северу от Кахетии: тушин, хевсуров и кистинцев. Одновременно собраны военно-топографические сведения о Кабарде и Карачае⁷. В 1836 г. военным топографом подпоручиком Александровым была начата съемка Черномории и части Ставропольской губернии, которая в 1837 г. была окончена под руководством Генерального штаба штабс-капитана Фалькенгагена⁸.

В ходе проведения топографических исследований Северного Кавказа особое внимание было обращено на местности, через которые горские партии прорывались в пределы Кавказской области и Черномории. В этом отношении большую опасность таила в себе территория, расположенная между верховьями рек Кубани и Малки и открывающая дорогу к курортным поселениям Кавказских Минеральных Вод.

Первоначально, топографическое исследование данной местности было предпринято в ходе Эльбрусской экспедиции 1829 года генерала Г. А. Емануеля. Эта экспедиция нашла широкое отражение как в научной, так и в публицистической литературе, поэтому в рамках настоящего исследования отметим лишь, что в ходе ее проведения были собраны сведения для устройства новой линии укреплений, способной оградить мирное население от частых нападений со стороны закубанских горцев⁹.

В середине 30-х гг. XIX в. топографическое исследование верховьев Кубани было продолжено. Одним из участников организуемых съемок стал Григорий Иванович Филипсон, который после завершения Военной академии, с чином капитана и причислением к Генеральному штабу, был командирован на Кавказ. «Тогда, – отмечал Григорий Иванович в своих воспоминаниях, – о Кавказе и Кавказской войне я имел смутное понятие»¹⁰. Поэтому на предложение обер-квартирмейстера Н. И. Горского на выбор отправиться в военную экспедицию или на съемку он выбрал последнее, «небезосновательно предполагая, что полезнее будет ознакомиться со всеми особенностями края, прежде чем принять участие в военных действиях»¹¹.

¹ Торнау Ф. Ф. Воспоминания о Кавказе и Грузии / Торнау Ф. Ф. Воспоминания русского офицера. М., 2002. С. 153.

² Воспоминания Г. И. Филипсона // Русский архив. 1883. № 5. С. 166.

³ Глиноецкий Н. П. История русского Генерального штаба. Т. II. С. 200.

⁴ Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов. С. 354.

⁵ Там же. С. 354.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 355.

⁹ См. об этом: Голицын Н. Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Емануеля. СПб., 1851.

¹⁰ Воспоминания Г.И. Филипсона. С. 163.

¹¹ Там же. С. 166.

Пространство, на котором проводились топографические работы Филипсона, располагалось к югу от Кисловодска до р. Малки и ее притока р. Хасаута. В помощниках у него было 4 топографа. «Места, где производилась съемка, считались небезопасными, а потому при каждом топографе было от 15 до 20 линейных казаков, и, кроме того, у меня, – отмечает Григорий Иванович, – в конвое было человек 12, в числе которых были и из мирных горцев»¹. Сам Филипсон все лето провел в разрездах для осмотра работ топографов, «которые были размещены верст на полтораста»².

Главным итогом съемки стала карта, представленная на вычерченных, а затем склеенных между собой листах. Благодаря своим внушительным размерам она заняла пол почти всей столовой Н. И. Горского. «Экая термалама!»³ – заметил командующий Кавказской линией генерал А. А. Вельяминов, имея в виду большую пестроту плана края, гористого и во многих местах покрытого хвойными, лиственными и смешанными лесами⁴.

Работа военных топографов, в особенности по исследованию районов, непосредственно прилегающих к территориям «немирных» горцев, была сопряжена с целым рядом трудностей и опасностей. Нередко им приходилось жить в необитаемых горах, в тех местах, которые служили удобным и скрытым убежищем для «хищнических партий», поэтому без военного конвоя обойтись было сложно.

Несмотря на принимаемые российским командованием меры предосторожности, военные столкновения во время съемок были нередки. Например, топограф Разуваев, производя исследования в верховьях р. Большого Зеленчука, подвергся нападению со стороны черкесской партии. Он был ранен пулей в грудь на вылет, планшет с инструментами рассечен шашкой, а несколько казаков его конвоя убито⁵.

В еще более сложной обстановке приходилось действовать российским офицерам при изучении территорий неподконтрольных российской администрации. Сбор сведений в таких случаях осуществлялся либо во время военных экспедиций, либо, говоря словами корпусного командира Г. В. Розена, в форме «скрытных обозрений»⁶.

В 30-е гг. XIX в. несколько офицеров Генерального штаба с ведома кавказского начальства и с риском для жизни проникло в горы Кавказа. Их главной целью являлся сбор топографических сведений для выбора мест под новые укрепления и прокладку удобных и необходимых для российских войск путей сообщения. На территории Западного Кавказа проведение подобных секретных операций было связано с именами поручика Г. В. Новицкого, штабс-капитана И. В. Шаховского, штабс-капитана Ф. Ф. Торнау. Исследованием дорог, связывающих Грузию через нагорный Дагестан с побережьем Каспийского моря, занимались разведывательные отряды поручика Г. С. Гордеева, полковника Ф. И. Гене, штабс-капитана В. И. Мочульского и подполковника А. И. Бергенгейма⁷.

Обосновывая необходимость использования «скрытных обозрений» для исследования Черноморского побережья Кавказа, один из непосредственных их участников Ф. Ф. Торнау писал: «Для производства десантных рекогносцировок в разных пунктах, на протяжении сорока географических миль совершенно нам незнакомого, гористого берега, покрытого сплошным лесом, представлявшим для неприятеля отличную оборону, требовалось употребить несколько тысяч человек и около двадцати военных и транспортных судов. Жертвы людьми и деньгами, которые правительство должно было понести в этом случае, далеко превышали выгоды, какие могли принести рекогносцировки. Места пришлось бы занимать наудачу, платя жизнью десятков солдат за каждый участок земли, не превышающий пространства, находящегося под огнем нашей артиллерии...»⁸.

При этом самые важные сведения о дорогах внутри гор, количестве населения и его образе жизни все равно остались бы недоступными российскому командованию. В такой ситуации, по мнению Ф. Ф. Торнау оставалось одно средство – осматривать местность «тайным образом»⁹.

¹ Там же. С. 167.

² Там же.

³ Термалама – пестрая шелковая ткань с крупными узорами, выделяемая в Персии и Турции.

⁴ Воспоминания Г.И. Филипсона. С. 177.

⁵ Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов. С. 356.

⁶ АКАК. Т. VIII. С. 380.

⁷ Более подробно об организации и проведении секретных экспедиций см.: Колосовская Т. А. Скрытные обозрения земель неприязненных нам горцев: разведывательная деятельность российских военных на Кавказе в 30-е гг. XIX в. // Армия и общество. 2013. № 1. С. 175–182.

⁸ Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. С. 177–178.

⁹ Там же. С. 178.

Более сдержанную оценку целесообразности такой формы изучения давал служивший в то же время на Кавказе Г. И. Филипсон, подчеркивающий, что подобные мероприятия показывали «...во-первых, как мало мы знали край, в котором несколько десятков лет велась война, а во-вторых, какие странные приемы употребляли для собрания этих сведений»¹.

Наряду с офицерами Генерального штаба «тайные рекогносцировки» осуществлялись представителями Корпуса военных топографов. С этой целью в 1836 г. были командированы: прапорщик Чуркин из Карачая в Цебельду (через Кавказский хребет); топограф Белкин к востоку от Военно-Грузинской дороги и топограф Фейзулин из Белокан, через Хинзрук, Ункратль, Карах и Андалаял, в Гергебиль и Темир-Хан-Шуру, и, кроме того, под руководством Генерального штаба капитана Индериуса, топографами была сделана более или менее скрытно съемка Абхазии и Сванетии².

К середине 40-х гг. XIX в. закончился первый этап так называемой «полуинструментальной» съемки территорий Северного Кавказа. Дальнейшие топографические работы были связаны с исправлением прежних съемок и нанесением новых населенных пунктов, не обозначенных еще на вновь составившейся тогда 10-верстной карте Кавказского края³.

В итоге активных топографических исследований был собран значительный и, что немало важно, достоверный материал для развития кавказской картографии. Одновременно топографические съемки и составляемые во время их проведения полевые журналы наблюдений способствовали постепенному накоплению статистического материала о Кавказе. Последний в условиях эскалации военного противостояния в регионе представлял интерес в первую очередь для Генерального штаба, в обязанности которого входила разработка стратегии и тактики военных действий, решение вопросов размещения, передвижения и продовольственного снабжения войск. Поэтому без современных, систематически изложенных статистических сведений о «погибелном» (как его называли тогда в народе) Кавказе ему нельзя было обойтись.

Одной из первых попыток военно-статистического описания Кавказа периода Кавказской войны может служить труд штабс-капитана Генерального штаба И. Ф. Бларамберга. За свой двухлетний период пребывания в крае (с 1830 по 1832 г.) он привел в систему разнообразные сведения о горских народах, большинство из которых было собрано в ходе «тайных рекогносцировок». Рукопись Бларамберга из двух частей «Описание Кавказа в географическом, историческом и военном отношении» была представлена императору и, доставив автору обильные награды, говоря словами историка Н. П. Глиноецкого, была «схоронена» в недрах военных архивов⁴. Лишь в 90-х гг. XX в. благодаря публикации она стала известна широким кругам исследователей⁵.

Наряду с систематизацией материалов о местных народах Северного Кавказа офицерами Генерального штаба составлялись обозрения пограничных районов Кавказской области и Черномории. Примером тому может служить менее известное в научных кругах, чем работа Бларамберга, военно-статистическое описание Терского левобережья штабс-капитана Г. К. Калмберга. В 1834 г. ему было поручено инспектировать левый фланг Кавказской линии и собрать достоверную информацию о военном и хозяйственном состоянии его крепостей, казачьих постов и станиц. Подготовленный им отчет в виде рукописи на 94 листах впоследствии был передан в архив штаба командующего Кавказской линией, а в настоящее время хранится в Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК)⁶.

По своему содержанию рукопись Калмберга представляет собой уникальный исторический источник. Содержащиеся в ней военные, топографические, статистические, экономические и даже исторические сведения позволяют увидеть реалии кавказского пограничья 30-х гг. XIX в. во всем их многообразии и противоречии: недостатки в организации кордонной службы казаков, неустроенность их станичного и хозяйственного быта.

В 1836 г. по инициативе военного министра А. И. Чернышева впервые в России была разработана единая программа составления военно-статистических обозрений губерний и областей страны. «Обозрения» предназначались для исключительного употребления Военным министерством, главными военными управлениями и Генеральным штабом, при этом вклю-

¹ Воспоминания Г. И. Филипсона. С. 171.

² Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов. С. 355.

³ Там же. С. 358.

⁴ Глиноецкий Н. П. История русского Генерального штаба. С. 202.

⁵ Бларамберг И. Кавказская рукопись / пер. И. М. Назаровой. Ставрополь, 1992.

⁶ ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1508 «Статистическое описание частей Ставропольского и Пятигорского округов, составленное Генерального штаба штабс-капитаном Калмбергом в 1834 г.». Л. 1–94.

ченные в них статистические данные через каждые три года должны были подвергаться исправлению и обновлению.

Весь этот труд, создаваемый офицерами Генерального штаба под общим заглавием «Военно-статистическое обозрение Российской империи», был разделен на 18 томов, которые, в свою очередь, подразделялись на 82 части. Каждый том включал в себя военно-статистические обозрения губерний и областей какого-либо одного края или пространства империи, например: Великого княжества Финляндского, Царства Польского, Оренбургского края и т. д. Каждая из 82 частей в составе 18 томов включала в себя военно-статистическое обозрение одной губернии или области своего тома в соответствии с административно-территориальным делением России. Кавказу в этом грандиозном издании посвящался том XVI.

В течение 17 лет (с 1837 г. по 1854 г.) офицеры Генерального штаба составили по сведениям, собранным на месте, три издания «Военно-статистических обозрений губерний и областей Российской империи». Первое и второе издания были литографированы при Департаменте Генерального штаба, а третье издание частично опубликовано. Из XVI тома в начале 50-х гг. были напечатаны часть 1 – «Обозрение Ставропольской губернии (1851 г.)», часть 6 – «Обозрение Эриванской губернии (1853 г.)» и часть 10 – «Обозрение Восточного берега Черного моря (1853 г.)». Остальные «Обозрения» Кавказских губерний и областей в связи с военными обстоятельствами остались в рукописях.

Автором военно-статистического «Обозрения Ставропольской губернии» стал капитан Генерального штаба Николай Николаевич Забудский. По окончании академического курса в 1846 г. он был переведен поручиком в Генеральный штаб и назначен на Кавказ. Здесь он служил до 1865 г., находясь исключительно на правом фланге Кавказской линии, пройдя постепенно должности старшего адъютанта, обер-квартирмейстера и начальника штаба этого фланга¹.

«Обозрение Эриванской губернии» по «рекогносцировкам и материалам, собранным на месте», было написано капитаном Генерального штаба Петром Карловичем Усларом – впоследствии общеизвестным исследователем истории и лингвистики Кавказа. Он начал службу на Кавказе с 1837 г., участвовал в военных экспедициях в южном Дагестане. В связи с поступлением в конце 1840 г. в Военную академию Услар оставил Кавказ, чтобы через 10 лет вновь вернуться сюда уже в качестве офицера Генерального штаба для составления военно-статистического описания Эриванской губернии. Отрывки из готовящегося им сочинения были представлены на заседаниях недавно начавшего свою деятельность Кавказского отдела Русского географического общества, действительным членом которого он являлся. Эти отрывки: «Равнины Эриванской губернии» и «Взгляд на Эриванскую губернию в гидрографическом отношении и обозрение реки Аракса» были помещены в 1-й книге «Записок Кавказского отдела» и получили высокую оценку современников.

Военно-статистическое обозрение восточного берега Черного моря подготовил Николай Иванович Карлгоф. Закончив в 1841 г. Военную академию, он был в звании капитана переведен в Генеральный штаб, а в 1845 г. уже полковником направлен на Кавказ, где почти без перерывов до 1854 г. служил на Черноморской береговой линии. В 1854 г. был назначен обер-квартирмейстером Отдельного Кавказского корпуса с производством в генерал-майоры, а после завершения Крымской и Кавказской войн возглавлял Главное управление иррегулярных войск.

События Крымской войны (1853–1856 гг.) на время приостановили военно-статистические работы Генерального штаба. В 1857 г. эти исследования были возобновлены, но уже на новых основаниях. Кроме своего прямого военного назначения, с этого времени они получили еще одно направление – принести пользу статистической науке и собрать полезный материал для изучения России².

В 1858 г. уже на основании новых правил была опубликована 5 часть XVI тома, включающая в себя военно-статистическое описание Кутаисской губернии по материалам, собранным на месте еще до Крымской войны и дополненным после нее новыми сведениями. Поскольку во время составления данного описания Кутаисская губерния вместе с некоторыми соседними частями Закавказского края была поставлена под общее управление Кутаисского генерал-губернатора и образовала с ними одно административное целое, к описанию собственно Кутаисской губернии были добавлены военные обозрения Мингрелии, Абхазии и Сванетии, а также приставств Самурзаханского и Цебельдинского. Таким образом, составилось «Описание Кутаисского генерал-губернаторства»,

¹ Глиноецкий Н. П. Исторический очерк Николаевской академии. С. 263.

² Главные основания военной статистики и военно-статистические труды Генерального штаба // Военный сборник. 1861. № 1. С. 238.

которое стало первым статистическим изданием Департамента Генерального штаба, предназначенным для широких кругов общественности.

Автором данного «Обозрения» был штабс-капитан Генерального штаба Александр Иванович Лаврентьев, впоследствии генерал и известный военный писатель, в 70-х гг. XIX в. являвшийся главным редактором «Военного сборника» и «Русского инвалида».

Конечно, составленные офицерами «Обозрения» имели весьма неодинаковые достоинства, что во многом зависело от личных способностей авторов и от обилия и достоверности доступных им материалов. «Важная, но вместе с тем одна из труднейших задач статистических работ – соби- рание данных, оценка их достоверности и сличение их... – отмечал автор «Обозрения» Кутаисско- го генерал-губернаторства, – представляет огромные затруднения. А потому, статистические опи- сания подобных стран едва ли могут удовлетворить строгим требованиям современной науки. На многие и весьма многие вопросы статистики еще нет ответа; во многих сведениях ощущается большой недостаток»¹. Поэтому, по откровенному признанию военного исследователя, «вместо того чтобы вращаться в области эфемерных цифр и на них строить неосновательные выводы, я ограничивался приблизительными определениями и выводами, а о многих предметах даже счита- л необходимым вовсе умолчать»². Бедностью статистических сведений в «Обозрении» Кутаис- ского генерал-губернаторства в особенности отличалась статья о местном населении.

Сбор статистических материалов в Кавказском крае из-за военных обстоятельств и неполно- ты гражданского устройства губерний и областей, был сопряжен с целым рядом трудностей. У большей части горцев было запрещено гласное исчисление народонаселения из-за опасения же- лания правительства будто бы установить между ними рекрутский набор или причислить их к ка- зачьему сословию. Кроме того, у мусульманских народов не велось ничего подобного метрическим книгам и всякие справки о числе родившихся могли быть приняты ими «за оскорбительную не- скромность, нарушающую святость домашних тайн»³.

При этом важно подчеркнуть, что многие исследования офицеров Генерального штаба отли- чались неоспоримыми достоинствами, о чем свидетельствуют положительные отзывы о них чле- нов Русского географического общества, а также отдельных представителей гражданской и воен- ной администрации. «Военно-статистические обозрения губерний и областей империи, составляе- мые офицерами Генерального штаба, – подчеркивал военный министр Н. О. Сухожанет, – заклю- чают в себе много занимательного и любопытного для каждого русского и, сверх того, могут по- служить полезным материалом для общей статистики всей Российской империи»⁴.

Таким образом, изучение Кавказа в топографическом и военно-статистическом отношении в первой половине XIX в. являлось одним из приоритетных направлений российской политики в регионе. Ведущую роль в этом процессе играли офицеры Генерального штаба как наиболее обра- зованная часть военных, имеющих для этого специальные знания и подготовку.

«Меня интересовал край, при мне родившийся, на моих глазах развивающийся»⁵ – фраза, приве- денная в воспоминаниях Г. И. Филипсона, достаточно точно характеризует личные мотивы, которыми руководствовались и большинство офицеров в своей военно-разведывательной деятельности. Всецело посвящая себя «ознакомлению» с краем – занятию, как мы видели, в условиях Кавказской войны не- легкому, а порой и опасному для жизни, они бесспорно стояли у истоков формирования кавказской картографии и статистики. Более того, собранные и систематизированные офицерами данные способ- ствовали завершению военного противостояния на Кавказе, а в дальнейшем формированию эффекти- вной системы управления краем в период нового мирного его развития.

¹ Военно-статистическое обозрение Кутаисского генерал-губернаторства. Т. XVI. Ч. 5. С. X.

² Там же. С. X.

³ Сборник статистических сведений о Кавказе, издаваемый Кавказским отделом Русского географиче- ского общества. Т. 1. Сост. Н. И. Воронов. Тифлис, 1869. С. 4.

⁴ Цит. по: Военно-статистическое обозрение Кутаисского генерал-губернаторства. Т. XVI. Ч. 5. С. II–III.

⁵ Воспоминания Г.И. Филипсона // Русский архив. 1883. № 6. С. 322.

Горцы Северо-Восточного Кавказа в путевых заметках второй половины XIX века

С окончанием в 1859 г. Кавказской войны на Северо-Восточном Кавказе российская администрация приступила к проведению масштабных административно-хозяйственных мероприятий, главным из которых стала организация новой системы управления в регионе. Она, по оценке Кавказского наместника Михаила Николаевича, была призвана «поставить над горцами власть твердую, энергичную и действующую в формах несложных и понятных простому уму...»¹. Для этого Кавказский наместник предполагал широко использовать, зарекомендовавшие себя в годы Кавказской войны принципы военно-народного управления – системы, в которой организация самоуправления этнической территорией лежала одновременно на российской воинской власти и горских выборных представителях. Наместник отмечал, что ведущую роль должно играть воинское начальство, «знакомое уже со свойствами и понятиями горцев»². Оно должно было наделяться «значительными правами и полномочиями, при которых власть получила силу и значение в глазах населения...»³. При этом одной из первых задач системы военно-народного управления горцами провозглашалась необходимость учредить «суд, понятный им, их понимающий – составленный из выборных представителей горских населений, решающий дела в духе народных воззрений, но воззрений, постепенно смягчаемых... участием в постановлении решений представителя правительственной власти»⁴.

Наместник был заинтересован всеми мерами поощрять участие представителей горской знати в системе военно-народного управления, так как, по его мнению, только представители своей этнической группы могли «водворить среди горцев принцип твердой правительственной власти, и водворить не только силой материальной, но и нравственным своим значением и влиянием: благодаря этому только и может подвигаться к решению исполненной трудностей задача нравственного сближения с нами покоренных народностей...»⁵.

Для успешной реализации подобной концепции в первую очередь следовало получить точное представление обо всех горских обществах, населявших территории бывшего имамата. Поэтому одним из направлений деятельности администрации в 60–80-х гг. XIX в. стало проведение переписей горского населения и сбор разного рода этнографического материала «как самых необходимых данных для всех соображений»⁶, по словам наместника.

К данной работе были широко привлечены российские военные и гражданские исследователи. «Осенью прошлого (1867) года, – пишет в своих путевых заметках бывший учитель ставропольской мужской гимназии Н. И. Воронов, – я имел счастливый случай ознакомиться с большей частью Дагестана, сопутствуя начальнику Кавказского Горского Управления, обозревавшему этот край по служебным обязанностям и посетившему такие места Дагестана, в которые нелегко проникнуть частному путешественнику. Я имел возможность прислушаться к опросам и показаниям многих горских джамаатов, составить понятие об общем складе жизни дагестанцев и собрать значительное количество данных... О некоторых уголках Среднего Дагестана почти ничего не сказано в нашей литературе; поэтому я и решился предложить... несколько отрывков из своих дагестанских впечатлений в той надежде, что заметки мои могут иметь интерес, если не по своей полноте, то, по крайней мере, по малоизвестности тех мест, которых они касаются»⁷.

Наибольшую сложность сбор материала представлял в районах бывшего имамата Шамиля, которые совсем недавно перешли под контроль российской администрации. Во многих из таких мест, далеких от линии российских укреплений, еще в полной мере сохранялся самобытный уклад

¹ Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказской армией по военно-народному управлению за 1863 – 1864 гг. СПб., 1870. С. 3.

² Там же. С. 3.

³ Там же. С. 3–4.

⁴ Там же. С. 4.

⁵ Там же. С. 5.

⁶ Там же. С. 6.

⁷ Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану // Сборник сведений о Кавказских горах. Вып. 1. Тифлис, 1868. С. 3.

жизни и хозяйственной деятельности. Как отмечал Н. И. Воронов, на примере описания аула Орода, расположенного в Гидатлинском обществе, только здесь в первоизданном виде сохранились дагестанские боевые башни. «Причиною такой целости... послужило, без сомнения, то обстоятельство, что в Гид до самой сдачи Шамиля ни разу не проникали наши войска, а потому не оставили здесь никаких следов военных опустошений»¹.

Первое, что бросалось в глаза свежему путешественнику, – это явное несоответствие увиденного своими глазами с романтической картиной вольной горской жизни, вышедшей из под пера российских писателей, воспевавших Кавказ (Бесстужева-Марлинского, Лермонтова и отчасти, Л. Толстого).

Так, при въезде в аул Хупро, административный центр старого шамилевского наибства, Н. И. Воронов восклицает: «Об этом ауле сказывали как об одном из крепких горских поселений. Естественно, можно было ожидать значительных размеров. Но при виде с горы, не ознакомившись еще с характером устройства всех вообще аулов Дагестана, невольно поражаешься миниатюрностью его общего склада. Эта скученная на пригорке масса серых, деревянно-каменных клетушек, одна на другой, без дворов, без улиц. Из каждой клетушки глядят одно-два отверстия, то круглые, то четырехугольные, без рам и стекол: это окна, это же – и амбразуры всей этой кучи горских жилищ, устроенных на такой склад с местными стратегическими целями... С высоты здешних перевалов, думается, что это – хуторок, расположившийся серым пятном на зеленых лугах горного ската»².

Образ местного жителя, также отличавшийся от поэтического литературного вымысла, порастил путешественника, не меньше, чем вид его жилища. «Оружием никто не был обвешан... Редко кто имел при себе ружье, шашку, пистолет; только у каждого на поясе кинжал. Костюмы тоже не франтовские: чухи из серого домашнего сукна, затянутые кожаными поясами; бараньи шубы с длинными воротниками и длинными рукавами; неуклюжие низкие папахи из рыжих овчин; обувь шерстяная вроде наших чулок и туфлей, – обувь оригинальная, приготовляемая на месте дидойскими женщинами... Было несколько и дырявых одежд; на ком-то показалась сильно порыжелая и заплатанная солдатская шинель – быть может, трофей прежних боевых годов»³.

С сохранившимися пережитками не только бытового, но и административного характера, российская администрация сталкивалась и при организации административной сетки региона. Так, сразу после покорения Восточного Кавказа в 1859 году, военные власти, сохранив систему деления шамилевских наибств, включили территорию Чечни вместе с тремя вольными обществами нагорного Дагестана (Анди, Технуцалом и Гумбетом) в состав нового Ичкерийского округа. Однако уже через три года выявилось неудобство данного административного деления, так как чеченские и дагестанские общества говорили на разных языках. В связи с этим в 1861 г. прошла реорганизация административного деления, оставившая в составе округа только территории чеченской Ичкерии, о юго-западной границе которой у властей имелись довольно смутные представления.

В связи с этим в 1864 году под руководством офицера И. Ограновича на юго-западную окраину бывшего имамата Шамиля была направлена одна из разведывательных экспедиций. «Неожиданное поручение, возложенное на меня начальством, – пишет исследователь, – доставило мне случай совершить поездку в Ичкерию»⁴. Цель экспедиции, как отмечал офицер, была практическая: ей следовало уточнить границы горских сельских обществ для составления точной карты одного из наименее доступных районов Северного Кавказа. Кроме топографа в состав экспедиции входил и геолог – для разведки полезных ископаемых.

Руководивший экспедицией офицер оказался очень наблюдательным человеком, зафиксировавшим в своих мемуарах не только ход разведки в ранее недоступных для исследователей районах, но и впечатления от увиденного в замиренном крае.

Добравшись из Владикавказа в крепость Грозную, экспедиция прошла до Ведено по старой просеке, оставленной солдатами генерала Евдокимова во время штурма этого аула в 1858 г. В той части Чечни, где еще недавно шли ожесточенные бои, все еще говорило о недавнем военном положении. «Из крепости Грозной, – писал Огранович, – дорога идет прямо на Юго-Восток, где у небольшого укрепления Бердыкель переезжают по деревянному мосту реку Аргун. На другой стороне моста устроена деревянная башня в два яруса с одним орудием и здесь содержится постоянный караул... Обыкновенных проезжих без конвоя не пускают, но это только ночью»⁵. «Укрепле-

¹ Воронов Н. И. Указ. соч. С. 27.

² Там же. С. 11–12.

³ Там же. С. 13.

⁴ Огранович И. Поездка в Ичкерию. Б. м, б. г. С. 1.

⁵ Там же. С. 2.

ние Эрсеной, – продолжает он, – расположено перед входом в большое Хулхулаусское ущелье, обнесено земляным рвом; по углам стоят орудия и ходят часовые... Во время моего проезда в Эрсеное кипела работа: куринцы строят новое каменное укрепление с башнями на восточном и северном углах; каждая башня на пять орудий, кругом стена с бойницами, внутри казарма на одну роту. Постройка укрепления очень быстро продвигается вперед под надзором самоучки инженера (бывшего офицера Куринского же полка). Мы тронулись далее...»¹. Вместе с тем в районе уже были видны следы налаживающейся мирной жизни. «...Еще и пяти лет не прошло, как по этой самой дороге ходили всегда оказии, а от укрепления и на выстрел бывало не смей отойти, а вот теперь мы трясемся на парочке, и мало горя»², – пишет он в своих эмоциональных путевых впечатлениях. «Дорого стоит эта дорога, – подчеркивает автор вклад солдат в благоустройство Кавказа. – Сколько трудов и денег! Препятствие представляет грунт земли очень рыхлый, глинистый, а частые проливные дожди в несколько часов уничтожают полугодовую работу. Бывали случаи, что совсем прекращалось на время колесное сообщение Грозной с Ведено»³.

С наблюдениями Ограновича в Чечне согласуются и дагестанские заметки Н. И. Воронова, который также описывал продолжающееся дорожное строительство, начатое еще солдатами Кавказской армии. «О дагестанских дорогах, – пишет он, – часто приходится слышать ужасы, запугивающие воображение нервных людей. Действительно, кое-где по здешним путям сообщения едущему становится невмочь сидеть на коне, приходится отводить глаза от обрыва, по которому проложена узкая, осыпающаяся тропинка. При том же заметно, что здешние пути сообщения, даже и в трудно разрабатываемых под дороги ущельях Верхнего Дагестана, год от году улучшаются... Разработанные в военное время и для военных целей дороги держатся преимущественно открытых мест и ведут из ущелья в ущелье по вершинам горных хребтов, тогда как чисто горские приемы проложения дорог заключаются в весьма искусном огибании боковых выступов ущелья»⁴, – пишет автор, говоря о необходимости учета местного опыта в освоении региона, без которого все усилия будут напрасны.

Переходное состояние от длительного кровавого противостояния к миру были заметны не только в Дагестане. Так, центр Ичкерийского округа – Веденская крепость, основанная рядом с развалинами бывшей резиденции Шамиля, представилась И. Ограновичу как смесь старого – военного – с зарождающимся новым – торгово-промышленным – укладом жизни. Разумеется, в месте пребывания начальника округа, которым по традиции был назначен командир Куринского пехотного полка, располагалась полковая штаб-квартира. В ней, как и в соседних укреплениях, активно шло военное строительство новых фортификационных сооружений «с башнями и каменной стеной»⁵. При этом Ведено стремительно приобретало вид гражданского населенного пункта. «Форштат разделен одной продольной улицей и несколькими поперечными. В одной из них построено красивое каменное здание «мягкаме», или народный суд, где также помещается ичкерийское военно-окружное управление. В другой улице построено обширное здание, занимаемое офицерским клубом, с библиотекой, а подле полковая деревянная церковь и при ней небольшой недавно разведенный сад, в котором по вечерам играет полковая музыка»⁶, – пишет офицер.

При этом Ведено, по оценке И. Ограновича, «неутомимым старанием начальника округа», превращалось из места расположения войск в мирный торгово-промышленный и культурный центр Чечни. «Теперь жители всей Ичкерии и даже андийцы каждое воскресенье являются большими массами на праздничный базар в укрепление, где идет всегда оживленная мелочная торговля и все очень недорого... – отмечает офицер-очевидец, – сюда приезжают горцы с красным товаром на вьюках. Прежде женщины, приходившие на базар, помещались далеко от укрепления со своими домашними продуктами и не иначе продавали, как при посредстве мужчины, тоже татарина; теперь же они приходят прямо к крепостному рву и усаживаются рядышком на земле, ведут, не стесняясь, оживленную торговлю, коверкая кое-как русские слова или объявляя цену пальцами, прибавляя: «шаур», «абаз», «монет».

¹ Там же. С. 4.

² Там же. С. 3.

³ Там же. С. 3.

⁴ Воронов Н. И. Указ. соч. С. 6–7.

⁵ Огранович И. Указ. соч. С. 7.

⁶ Там же. С. 7.

Кроме того, в укреплении есть народная школа, куда также стараниями начальника округа жители начали отдавать своих детей в учение, хотя очень немногие, – но начало положено»¹.

Начало мирной жизни благоприятно сказывалось и в Дагестане. «Прежнее боевое житье, – говорит Воронов, описывая свои беседы с представителями Казикумухского джамаата, – поминалось многим как самое худое для них время. Особенно несъито было при нем мугархцам. «Теперь мы поправились, – говорили они: а прежде сильно бедствовали! Штаны носили всего до колен, рубаха бывала длиною в локоть, ели одно толокно с водой; все селения были сожжены»².

Вместе с тем, детально описывая разворачивавшиеся перед ними бытовые картины горской повседневной жизни, российские этнографы отторгали все, что не укладывалось в сознании человека, мыслящего европейскими мерками. «В Дагестане на все свой взгляд, – восклицает Воронов, – или же, выражаясь словами горцев, свой адат. Что на наших глазах безобразно, тяжело, то в их понятиях представляется и уместным и легким делом. Вот хотя бы следующее: ...на вопрос, далеко ли придется ходить за дровами (лесу нигде вблизи не было видно), получился ответ: «Леса наши близко: вот там, за горою. Баба как выйдет утром из дому, то к вечеру и вернется назад с вьюком дров». Нечего сказать, и удобно и близко!»³.

При этом автор отмечает, что в регионе постепенно начинала преодолеваться традиционная замкнутость, а отсутствие военного положения давало возможность населению искать заработки на стороне. «Нужда и привычка к хожалости побуждают их изворачиваться и добывать себе не только хлеб, но и нередко капиталец – торговлей, ремеслами и заработками. Из них есть торговцы, ведущие свои обороты на десятки тысяч рублей; изделия казикумухцев проникают даже в Тифлис; между ними есть замечательные оружейные мастера и искусные резчики на металле; лудильщика-казикумухца можно встретить в разных местах Кавказа, – иные из них заходят даже в Ростов, в Оренбург, в Нижний. Из прочих же селений округа большей частью ходят только на Прикаспийскую плоскость – в Дербент, Кубу, где нанимаются маренкопателями, зарабатывая в течение восьми месяцев рублей по пятидесяти и больше»⁴.

Аналогичные наблюдения в Чечне оставил и Огранович, отряд которого, покинув центр Ичкерийского округа, отправился к основному месту проведения топографической съемки – к предгорьям Главного Кавказского хребта⁵. Здесь, вдали от линии российских укреплений и дорог, офицер впервые столкнулся с коренным населением, о жизненном укладе которого он ранее имел только самое общее представление. Жизнь в высокогорной Чечне поразила человека, знакомого раньше с горцами по военным реляциям. «Нельзя не отдать справедливости туземцам, их неутомимому старанию, способности и готовности служить. Я убедился собственными глазами, как быстро, охотно и добросовестно они исполняют все поручения и приказания начальства, причем никогда не заметишь на лице ни малейшего оттенка неудовольствия или отказа, малейшее поощрение служит особым побуждением к соревнованию»⁶, – писал военный исследователь.

Гостеприимство и стремление угодить почетным гостям, в которых из врагов превратились кавказские офицеры, иногда приобретали комическую для европейца форму. «Я остановился на ночлег у чемберлеевского наиба, прапорщика Дубы, – писал исследователь. – Вечером явился музыкант-импровизатор с инструментом, вроде балалайки... Старик много играл народных песен и, наконец, лезгинку или что-то в этом роде, чрезвычайно быстрый и живой танец. В заключении музыкант сыграл несколько русских военных сигналов и, наконец, «подъем», пояснив с самодовольствием, что все это он заучил, когда ходил с Шамилем и поэтому часто слышал, как русские музыканты играли в лагерях»⁷.

Оказалось, что высокогорные аулы населены не сплошь грабителями и разбойниками, как это представлялось российским военным ранее, а людьми, занятыми устройством своей хозяйственной жизни. На чеченской, как и на дагестанской окраине бывшего имамата, оказалось развитым земледелие, причем даже товарное, огородничество и ремесла. Осознание того, что хозяйственный комплекс не зародился с окончанием Кавказской войны в 1859 г., а имеет глубинные корни, так поразило российского офицера, что он счел своим долгом оставить самое детальное

¹ Там же. С. 25–26.

² Воронов Н. И. Указ. соч. С. 37.

³ Там же. С. 36.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 37.

⁶ Там же. С. 43.

⁷ Там же. С. 42–43.

описание хозяйственного, бытового и культурного уклада горцев, сообщить читателю массу деталей о чеченцах, среди которых он жил, – даже мелочей. «Горцы народ неприхотливый, – пишет он в зарисовках своей жизни во время топографических съемок, – посуда нелуженая; обыкновенно вешают котел на треножник и варят в нем баранину; потом, выложив ее на лоток, садятся вкруговую и начинается трапеза руками, а из кружек запивают бульоном; потом рассядутся вкруг костра и слушают с увлечением народные песни, которые обыкновенно поют двое. Сюжет общий всем восточным песням: постоянно воспевается с разными вариантами любовь и красота женщины»¹.

Уважительно описывая традиционный уклад жизни в горском ауле, автор, однако, крайне негативно отзывается о следах поверхностной европеизации, случайно занесенной в горы, воспринимающей лишь внешние черты нового жизненного уклада. Так, посетив дом старшины одной из чеченских деревень, «который имеет претензию на европейскую жизнь», офицер не смог сдержать свою иронию при виде вещей, выставленных напоказ хозяином дома как свидетельство своего европейского достатка. «Войдя в его приемную комнату, я был поражен собранием развешанных по стене тарелок и блюдец, с проверченными на середине дырочками и насаженных на гвоздиках; тут же стояли миски, подносы, бутылки, штофы, одеколоновые флакончики и помадные банки, битые и склеенные сургучом стаканы; на перекладине потолка висели стенные часы, которые показывали одно, а били другое; по углам стояли две скрипучие, полусломанные кровати и едва державшийся на ножках столик; две стены были оклеены кусками разноцветных обоев, которые хозяин, вероятно где-нибудь собрал как редкость; два же окошка заклеены бумагой... Вся деревня собралась смотреть на нас, точно на чудо какое-нибудь»².

Очень похожие впечатления от вида в одном из зажиточных жилищ странной смеси европейских вещей и необходимых в повседневной жизни предметов домашнего обихода оставил и Н. И. Воронов. Это представлялось ему «чем-то странным, не идущим, как говорится, ни к селу ни к городу... Горца забавляют те самые вещи, которые у нас составляют предмет известного и необходимого употребления, и он, не понимая их назначения, обращает все это на украшение своей кунакской»³.

Описывая начавший меняться жизненный уклад горца, по-европейски мыслящие люди неизбежно задумывались над возможностью общей модернизации традиционного мышления, которая неизбежно назревала в условиях вставания региона в общеимперский государственный и хозяйственный комплекс. Препятствием к развитию прогресса российские этнографы считали не столько природную малодоступность местности, сколько традиционализм и консервативность горского общества, описывая которое, Н. И. Воронов не мог не провести аналогию с «Домостроем» допетровской Руси⁴. «Я не возьму на себя разрешения трудной задачи, в чем именно заключаются главнейшие черты дагестанской самобытности, – пишет он в путевых заметках, – я могу указать только на некоторые ее проявления, бросающиеся в глаза проезжего... Все, что может служить для защиты страны, для сохранения ее отчужденности от остального мира, все это находится в целесообразном порядке: тропинки едва существуют, аулы неприступны, каждое жилище в отдельности непроницаемо. Такая неудобная для жизни обстановка не мешает однако замечательной общительности дагестанцев между собой, следовательно, такая обстановка неудобна только для чужих... «Мы – хорошие каменщики», – заявлял о себе тилитлинский джамаат... Это признание не может быть рассматриваемо в одном его прямом смысле: нет, в этом заявлении звучала нота, которая побуждала видеть перед собою... не простых каменщиков, а тех строителей, которыми устраивался край; даже больше: это не только строители, но они же – моральные камни, на которые следует смотреть как на зиждательный материал всего дагестанского склада жизни»⁵.

Русский этнограф несколько раз отмечает, что жители селений жаловались властям на отсутствие топлива для очагов их жилищ, а находящиеся прямо под их ногами залежи горючего торфа и каменного угля, которые могли бы в корне решить проблему, оставались нетронутыми. «При отсутствии лесов в горах Среднего Дагестана, горючий сланец (каменный уголь. – Прим. Д. Т.) мог бы послужить в помощь скудному горскому хозяйству, немало страдающему от недостатка топлива. Но, без сомнения, трудно ожидать, чтобы горцы при их консерватизме, решились бы видоизменить существующий у них, сложившийся веками способ постройки своих жилищ; а без такого видоизменения немислимо отапливать их сланцем. Поэтому, хотя отыскивались новые прииски слан-

¹ Там же. С. 41.

² Там же. С. 38–39.

³ Воронов Н. И. Указ. соч. С. 33.

⁴ Там же. С. 24–25.

⁵ Там же. С. 23–24.

ца... в хребте по правую сторону течения Карадахского ручья, он станет расходоваться... исключительно только войсками штаб-квартиры Гуниба и укрепления Карадаха»¹.

Консерватизм был присущ не только дагестанскому джамаату, но и чеченскому тухуму. «На южном склоне хребта, – пишет И. Огранович, – к селению Гонотль, в ущелье есть рудники свинцово-серебряные. Я осмотрел только вверху лощины одно место, где начали рыть и разбивать камни, но тут я ничего не нашел; между тем как жители сами принесли мне два куска руды довольно богатой, но, боясь стариков, отказались показать место, где ее добывают; по рассказам, они достают здесь много свинца»².

Таким образом, совпавшее с началом капиталистической модернизации завершение Кавказской войны, несомненно, сделало возможным более тщательное этнографическое изучение народов Северо-Восточного Кавказа. Военные и гражданские этнографы получили возможность вести свои наблюдения в ранее недоступных регионах. Их наблюдения показывали, что общая модернизация страны требовала изменения всего привычного уклада жизни, к которому этнические группы были не готовы. Элементы капиталистической модернизации в условиях сохранения пережитков Кавказской войны вызывали в регионе достаточно сильное отторжение, которое, накладываясь на допущенные российской администрацией ошибки, подогревали сначала полосу мятежей 1870–1880 гг., а затем и грянувший в начале XX в. революционный взрыв.

М. Е. Колесникова

История изучения Северного Кавказа в историографических исследованиях XIX – начала XX вв.

Впервые тема истории изучения Северного Кавказа прозвучала в трудах исследователей XIX в. Так, в своем «Описании поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах» Г.-Ю. Клапрот приводит имена древних авторов, писавших о регионе, сведения о путешественниках и исследователях, таких как Гербер, Гмелин, Паллас, Гильденштедт, Потоцкий, Рейнеггс, посетивших данные территории до него³. Клапрот занимался и редактированием отдельных частей труда Гильденштедта, посвященного путешествию по Кавказу⁴.

В начале XIX в. издаются систематические извлечения из более ранних произведений, посвященных описанию Северного Кавказа, которые используются в качестве справочных пособий для российской администрации на Кавказе. В 1809 г. академиком К. Ф. Германом были переведены и опубликованы извлечения из публикаций Палласа⁵.

Одной из первых и долгое время единственной работой, в которой был дан подробный обзор предшествующим исследованиям Кавказа, являлось сочинение С. М. Броневского «Новейшие Известия о Кавказе» (в 2 т.), написанное в период с 1803 по 1810 гг. При жизни автора, в 1823 г., был издан первый том (из двух частей), содержащий географические и этнографические сведения о Кавказе⁶. Первая часть его включала «общие познания о Кавказе», вторая – разнообразные сведения о его северной стороне. Второй том, названный автором «Историческая Известия о сношениях России с Персией, Грузией, черкесами и другими горскими народами со времен царя Ивана Васи-

---

¹ Там же. С. 12–13.

² Огранович И. Указ. соч. С. 40.

³ Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах по приказанию русского правительства Юлиусом фон Клапротом, придворным советником Его Величества императора России, членом Академии Санкт-Петербурга и т.д. / пер. с англ. К. А. Мальбахов. Нальчик, 2008. С. 11–13, 56, 75–77, 83–85, 88–90, 102, 156, 205.

⁴ *Reisen nach Georgien und Imerethi*, hrsg. von J. Klaproth. Berlin, 1815; *Beschreibung der Kaukasischen lander*, hrsg. von J. Klaproth. Berlin, 1834.

⁵ Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на академика И. А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах / Издано по повелению Имп. Академии наук. СПб., 1809.

⁶ Броневский С. М. Новейшие географическая и историческая известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. М., 1823. Ч. 1–2; Стереотипное переиздание. Майкоп, 1990; Отдельные извлечения из работы были опубликованы, см.: Мусукаев А. Извлечения по Центральному и Северо-Западному Кавказу. Нальчик, 1999.

льевича Грозного до восшествия на престол императора Александра I», с несколько измененным названием был издан только в 1996 г.¹ Полная научная публикация сочинения С. М. Броневского была осуществлена Санкт-Петербургским филиалом Института востоковедения РАН в 2004 г.²

В отечественной историографии сочинение С. М. Броневского считается «краткой энциклопедией Кавказа». Он впервые в отечественном кавказоведении сделал попытку собрать и систематизировать разрозненные сведения о Кавказе в одном издании, поставив целью «...иметь общее и сокращенное понятие о собранных уже материалах в систематическом виде для лучшего вразумления читателей, вместо необъятного для них труда собирать известия из разных путешествий, сличать содержащиеся в оных предметы, подводить под одинакия статьи или разделять по материям, дабы, отвергнув путешественныя излишества, вычерпать все то, что может служить руководством к географическому познанию Кавказа»³.

Сведения историографического характера об ученых и исследователях Северного Кавказа содержатся в трудах А. Я. Купфера⁴ и П. Хицунова⁵, вышедших в 1830–40-е гг.

Работы, в которых в той или иной мере затрагиваются и анализируются отдельные аспекты истории изучения Северного Кавказа, появляются во второй половине XIX в. В большинстве своем они носят описательный, фактографический характер, как, например, труды Г. Н. Казбека, посвященные обзору исторических сочинений о Кавказе и его народах⁶.

Краткие историографические сюжеты, связанные с изучением Северного Кавказа, содержатся в трудах известного кавказоведа, председателя Кавказской археографической комиссии А. П. Берже. Во введении к своей работе «Краткий обзор горских племен на Кавказе» он указывает, что «с самых древних времен край этот с прилегающими странами представлял неисчерпаемый источник для всевозможных исследований». А. П. Берже упоминает сочинение Страбона («De situ orbis»), в котором отмечается около 70 различных племен, населяющих Кавказские горы, исследования Гюльденштедта, посетившего край в 1773 г., и других путешественников по Кавказу (Клапрот, Розен, Броссе, Шифнер)⁷. Перу А. П. Берже принадлежит и биографический очерк о Ш. Б. Ногмове, известном адыгском историке, филологе, писателе и просветителе.

Ценный историографический материал сосредоточен в юбилейных обзорах и исторических очерках, посвященных истории столичных научных учреждений и обществ, занимавшихся изучением Северного Кавказа. Это очерки В. Н. Бензенгра и В. В. Богданова по истории Имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии; П. П. Семенова-Тян-Шанского по истории Имп. Русского Географического общества (РГО); Н. И. Веселовского по истории Русского археологического общества; Н. А. Попова по истории Имп. Московского общества истории и древностей российских; П. С. Уваровой, В. Ф. Миллера по истории Имп. Московского археологического общества (МАО); П. П. Пекарского по истории Имп. Академии наук; М. Полиевктова по истории Имп. Русского исторического общества; А. И. Ходнева по истории Вольного Экономического общества; работы по истории Имп. археологического института в Санкт-Петербурге. Научная ценность юбилейных изданий определяется исторической направленностью их содержания и значительным фактическим (эмпирическим) материалом.

Отдельные страницы истории этнографического изучения народов Северного Кавказа нашли отражение в обобщающей работе А. Н. Пыпина «История русской этнографии» (СПб., 1890), посвященной истории русской этнографии. В 1913–1916 гг. членом РГО, известным этнографом

---

¹ Броневский С. М. Исторические Выписки о сношениях России с Персиею, Грузиею и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими со времен царя Ивана Васильевича доныне. СПб., 1996.

² Броневский С. М. Новейшая известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским: в 2 т. / предисл., примеч. И. К. Павловой. СПб., 2004.

³ Там же С. 23.

⁴ Купфер А. Я. Рапорт о путешествии на гору Эльбрус // Акты Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге. 1830. С. 76–82.

⁵ Хицунов П. О путешествии Гмелина (в 1770–1774 гг.) по берегам Каспийского моря и взятии его в плен Усмием Каракайдацким // Закавказский вестник. 1848. № 50, 51.

⁶ Казбек Г. Н. Обзор некоторых наиболее замечательных сочинений о черкесских племенах // Русский инвалид. Ежегод. Прибавление. СПб., 1864. № 32. С. 4–9; Его же: Еще об итальянцах, писавших о Кавказе // Кавказ. 1868. № 72, 73, 75, 78, 79.

⁷ Берже А. П. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Тифлис, 1858. С. 3.

Д. К. Зелениным была опубликована часть научного архива общества, в котором отложилось значительное количество этнографических описаний народов Северного Кавказа¹.

Попытки осмысления результатов практической деятельности отдельных исследователей Северного Кавказа были предприняты при создании биобиблиографических очерков и заметок, авторами которых были известные отечественные ученые. Среди них работы Н. Н. Ардашева об основателе МАО графе А. С. Уварове, с именем которого связано развитие кавказской археологии; В. В. Богданова, П. С. Уваровой, А. А. Шахматова о выдающемся кавказоведе В. Ф. Миллере²; А. И. Маркевича об академике П. С. Палласе, совершившем в XVIII в. не одно путешествие на Северный Кавказ³; Д. Н. Анучина об известном археологе, архивисте и историке Д. Я. Самоквасове, занимавшемся в XIX в. изучением курганов юга России, и др.⁴. В указанных работах сосредоточен ценный фактический материал, являющийся скорее источником по истории науки, нежели ее исследованием. Однако в них уже обозначились определенные подходы к проблеме изучения исследовательской традиции на Северном Кавказе во второй половине XVIII–XIX в. В центре внимания авторов оказывалась история археологических и этнографических исследований, научных обществ, охраны исторических памятников, судьбы любителей древностей, коллекционеров, путешественников и исследователей.

В трудах исследователей второй половины XIX в. уже были обозначены определенные подходы и к пониманию проблемы становления провинциальной историографии. Так, в материалах V Археологического съезда, состоявшегося в 1881 г. в Тифлисе, в выступлениях известных исследователей Д. Я. Самоквасова, Д. Н. Анучина, А. И. Кельсиева были даны оценки деятельности северокавказских краеведов-любителей и археологов, в частности Е. Д. Фелицына⁵. К изучению бумаг и дневников Е. Д. Фелицына обращались В. Мальмберг и А. Лаппо-Данилевский, когда восстанавливали ход раскопок кургана Карагодеуашх (обнаружен около станицы Крымской, исследован в 1888 г. Е. Д. Фелицыным)⁶. Появились и работы, посвященные самому съезду, сыгравшему ключевую роль в становлении и развитии кавказской археологии⁷.

Тенденция к обобщению и осмыслению научно-исторической деятельности в российской провинции прослеживается в обобщающих историографических трудах К. Н. Бестужева-Рюмина, В. С. Иконникова, П. Н. Милюкова, А. С. Лаппо-Данилевского, А. Н. Пыпина. В них были отмечены и проанализированы результаты научной деятельности губернских (областных) статистических комитетов, губернских ученых архивных комиссий по изучению истории и культуры российской провинции. Отдельный раздел работы В. С. Иконникова «Опыт русской историографии» был посвящен коллекциям статистических комитетов. Роль статистических комитетов в разработке отечественной археологии была рассмотрена в докладе Н. П. Бочарова на I Археологическом съезде в 1869 г.

Начиная с 1860-х гг. выходят и работы северокавказских исследователей, посвященные истории создания и деятельности местных статистических комитетов. Это труды Н. И. Воронова, И. В. Бентковского, А. С. Собривеского, Г. А. Вертепова, Б. М. Городецкого, Л. Т. Соколова, А. С. Селевко и др.⁸

¹ Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива Русского географического общества. Вып. 1–3. Пг., 1913–1916.

² Богданов В. В. В. Ф. Миллер как председатель Этнографического отдела // ЭО. 1913. Кн. 98–99. № 3–4. С. 27; Уварова П. С. В. Ф. Миллер как исследователь Кавказа // ЭО. 1913. Кн. 98–99. № 3–4. С. 1–10; Ее же. Памяти В. Ф. Миллера // Древности. М., 1914. С. 266–270; Шахматов А. А. [В. Ф. Миллер] // Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук за 1913 год / сост. акад. Н. А. Котляревский. СПб., 1914. С. 2–29; Его же. В. Ф. Миллер: некролог // ЭО. 1913. Кн. 98–99. № 3–4. С. 129–131.

³ Маркевич А. И. Академик П. С. Паллас. Его жизнь, пребывание в Крыму и ученые труды (к 100-летию со дня его смерти) // Изв. Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1912. № 47. С. 167–242.

⁴ Анучин Д. Н. Д. Я. Самоквасов как археолог // Древности. Труды МАО. М., 1914. Т. 23. Вып. 2. С. 403–410 и др.

⁵ Труды V Археологического съезда в Тифлисе / под ред. графини П. С. Уваровой. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К, 1887. С. IV, LXXIII, LVI.

⁶ Материалы по археологии России, издаваемые Императорской Археологической комиссией. СПб., 1894. № 13. Древности южной России. Курган Карагодеуашх.

⁷ Миллер В. Ф. V археологический съезд в Тифлисе // Русская мысль. 1882. № 1. Отд. 2. С. 17–36; Майков Л. Н. Пятый Археологический съезд в Тифлисе // Журнал Министерства народного просвещения. 1882. № 1. Отд. 2; V Археологический съезд в Тифлисе // ИКОРГО. 1882. Т. 7. № 2. Разд. Научная летопись. С. 179.

⁸ Воронов Н. И. Статистические этюды // Кавказ. 1866. № 73, 78, 79; Его же: Обзор деятельности статистических комитетов Кавказского наместничества с 1862 по 1867 г. // СССоК. Тифлис, 1869. Т. 1. С. 1–12;

В одних работах освещалась общая истории статистических учреждений России и Кавказа, другие были приурочены к юбилейным датам северокавказских статкомитетов, третьи представляли собой списки изданий комитетов. Деятельность местных комитетов по Кавказу была затронута и в сводной работе А. Кауфмана¹. Большинство работ были выполнены в жанре очерков, некоторые – в жанре воспоминаний, авторами их были сами члены статкомитетов. В них широко цитировались отчеты и протоколы заседаний комитетов, в силу этого в данной диссертации они рассматриваются и как исторические источники. В них уже видны определенные подходы к оценке деятельности Ставропольского губернского, Терского, Кубанского и Дагестанского областных статистических комитетов как научно-административных учреждений, занимающихся помимо «обязательных работ» и всесторонним изучением Северного Кавказа.

В это же время появляются работы, посвященные истории создания и деятельности провинциальных научных обществ, которые занимались всесторонним изучением региона. Среди них труды Б. М. Городецкого, посвященные истории Кавказского отделения Русского географического общества², Г. И. Раде – деятельности Кавказского музея³, очерки С. Никольского о Ставропольском епархиальном церковно-археологическом обществе⁴, В. М. Сысоева и Б. М. Городецкого по истории Общества любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО)⁵, Р. Р. Лейцингера, Б. М. Городецкого, А. П. Лорча, Д. М. Павлова по истории Кавказского горного общества в г. Пятигорске

Его же: Обзор статистических трудов на Кавказе в последнее 25-летие // СССоК. Тифлис, 1869. Т. 1. С. 12–17; Его же. Предисловие [К «Сборнику статистических сведений о Кавказе» (Т. 1. Тифлис, 1869 г.)] // СССоК. Тифлис, 1869. Т. 1. С. I–X; Бентковский И. В. Ставропольский губернский статистический комитет: Первое XXV-летие с 1858 по 1883 г. Ставрополь, 1883; Собириевский А. С. Статистика вообще, на Северном Кавказе и в Ставропольской губернии в частности: ее задачи и организация. Ставрополь: Типография наследников Берка, 1905; Его же. Краткий очерк деятельности Кубанского областного статистического комитета со времени учреждения его, т. е. с 1879 по 1896 гг. // Журнал Кубанского областного статистического комитета. Заседание 24 окт. 1897 года. Екатеринодар, 1897. С. 9–17; [Вертепов Г. А.] Исторический очерк Терского областного статистического комитета по поводу 25-летия его деятельности. Б. м., Б. г.; Его же. Тридцатилетие Терского областного статистического комитета // ТС. Владикавказ, 1903. Вып. 6. С. 1–12; Городецкий Б. М. Статистические учреждения на Северном Кавказе // Куб. сб. Екатеринодар, 1911. Т. 16. С. 601–612; Его же. Статистические учреждения на Северном Кавказе. Историческая справка по поводу исполнившегося 22 июля 1909 года 30-летия Кубанского областного статистического комитета. Екатеринодар, 1911; Его же. О статистических учреждениях на Северном Кавказе и о Кубанском статистическом комитете (резюме доклада) // Изв. ОЛИКО. Екатеринодар, 1912. Вып. 5. С. 224; Его же. Терский календарь на 1911 г. Издание Терского областного статистического комитета // Изв. ОЛИКО. Екатеринодар, 1912. Вып. 5. С. 183–184; Его же: Терский сборник. Литературно-научное приложение к Терскому календарю 1911 г. Издание Терского областного статистического комитета / под ред. М. А. Караулова. Вып. 7 // Изв. ОЛИКО. Екатеринодар, 1912. Вып. 5. С. 185–186; Соколов Л. Т. Перечень трудов Кубанского областного статистического комитета в хронологическом порядке (с 1875 по 1908 гг.) // Куб. сб. Екатеринодар, 1908. Т. 14. С. 491–500; Список книг, брошюр, картам, планам и альбомам Кубанского областного статистического комитета / сост. А. С. Селевко. Екатеринодар, 1909.

¹ Кауфман А. Свод трудов местных комитетов по Кавказу, Области войска Донского, Сибири, Степному краю и Туркестану. СПб., 1904.

² Городецкий Б. М. Известия Кавказского отделения Русского географического общества // На Кавказе. Екатеринодар, 1909. № 6. С. 217–219.

³ Раде Г. И. Краткий очерк истории развития Кавказского музея в первые 25 лет существования. Тифлис, 1891.

⁴ Никольский С. Ставропольское епархиальное церковно-археологическое общество в первое десятилетие своего существования и деятельности. Ставрополь, 1905.

⁵ Сысоев В. М. Об обществе изучения Кубанской области // КОВ. 1896. № 69. 2 апр.; Его же. Краткий очерк возникновения общества любителей изучения Кубанской области, цель и программа деятельности его // Изв. ОЛИКО. Екатеринодар, 1899. Вып. 1. С. 1–6; Городецкий Б. М. Обзор деятельности ОЛИКО за первое десятилетие его существования (1897–1907) // Изв. ОЛИКО. Екатеринодар, 1909. Вып. 4. С. 1–42; Его же. Отчет о деятельности ОЛИКО за 1908 г. // На Кавказе. Екатеринодар, 1909. № 5. С. 132–134; Его же. Обзор деятельности ОЛИКО за 1908–1911 гг. // Изв. ОЛИКО. Екатеринодар, 1912. Вып. 5. С. 216–236; Его же. Обзор деятельности ОЛИКО за 1912 г. // Изв. ОЛИКО. Екатеринодар, 1913. Вып. 6. С. 308–327; Его же. Список докладов, прочитанных на заседаниях ОЛИКО за время 1898–1913 гг. // Изв. ОЛИКО. Екатеринодар, 1913. Вып. 6. С. 328–337; Его же. ОЛИКО за 25 лет существования (1897 – 16 окт. 1922) // Изв. ОЛИКО. Екатеринодар, 1922. Вып. 7. С. 5–44; Его же: К 30-летию ОЛИКО // Бюллетень научных обществ и учреждений Северо-Кавказского края. Ростов н/Д, 1928. № 11. С. 1; 30 лет исследовательской работы [Из деятельности Общества любителей изучения Кубанской области] // Северо-Кавказский край. 1928. № 6, 7. С. 110–114.

(КГО)¹, В. Н. Лучника по истории Ставропольского общества для изучения Северо-Кавказского края в естественно-историческом, географическом и антропологическом отношениях².

Предпринимались попытки осмыслить феномен губернских ученых архивных комиссий на страницах известных дореволюционных изданий, таких как «Вестник археологии и истории», «Исторический вестник», «Историческое обозрение», «Русский архив», «Русская мысль», «Русская старина». Наиболее распространенной формой были обзоры и доклады о деятельности архивных комиссий, чаще приуроченные к юбилейным датам. Среди них следует отметить доклады И. Е. Андреевского, А. Н. Труворова, М. В. Довнар-Запольского, В. И. Снежневского, А. Н. Норцова, В. Н. Сторожева, С. А. Харизоменова и др. В них затрагивались общие вопросы организации и функционирования комиссий, анализировалась история развития архивного дела в России. Уже тогда не было единого мнения в понимании задач, стоящих перед архивными комиссиями. Одни исследователи считали, что комиссии должны были заниматься только упорядочиванием «архивных бумаг» на местах и созданием провинциальных исторических архивов, другие видели их основное предназначение в сохранении памятников древности в целом и популяризации знаний о них. Были и те, кто критиковал деятельность архивных комиссий, считая их виновниками разрушения архивных фондов³.

Появились и первые работы, посвященные Ставропольской губернской ученой архивной комиссии (СУАК), единственной архивной комиссии, созданной на Северном Кавказе. Это труды Г. Н. Прозрителева, Л. Я. Апостолова, В. Загорской, Г. Телева, И. И. Успенского⁴. В них в основном рассматривались отдельные аспекты, связанные с историей создания комиссии. Авторы не ставили задачи всесторонне осветить работу комиссии, а в основном уделяли внимание насущным проблемам. Отдельные сюжеты истории СУАК затрагивались и в работах, посвященных музею Северного Кавказа, созданного совместными усилиями членов Ставропольского губернского статкомитета и СУАК. Затем на многие десятилетия история СУАК выпала из поля зрения историков. Эта участь коснулась многих архивных комиссий, истории которых не уделялось должного внимания в советский период истории.

Конец XIX – начало XX в. отмечено пополнением источниковой базы северокавказских исторических исследований. Законодательные акты, распоряжения, указы, «мнения», рескрипты, правила, инструкции, своды местных «узаконений», административные директивы, относящиеся к Северному Кавказу были собраны и систематизированы А. А. Кануковым⁵. Отдельными изданиями были опубликованы и законоположения по различным вопросам административного, судебного и земельного устройства Ставропольской губернии, Терской, Кубанской и Дагестанской областей⁶. В это время издаются известия античных авторов о народах Кавказа, выявленные и систематизиро-

---

¹ Лейцингер Р. Р. Лето альпиниста. I. Поездка к Казбеку. II. Поездка в Баксанскую долину и к Эльбурсу // Ежегодник КГО. 1908. № 2. С. 91; Его же. Проект проведения пешеходной тропы на вершину Эльбруса и сооружения на нем метеорологических станций // Ежегодник КГО. 1908. № 2. С. 59–74; Городецкий Б. М. Ежегодник Кавказского горного общества в Пятигорске. Вып. 2 за 1904–1907 гг. Пятигорск, 1908 // Изв. ОЛИКО. Екатеринодар, 1909. Вып. 4. С. 136–138; Лорч А. П. Значение Кавказского горного общества в деле развития лечебных местностей Кавказа. Пятигорск, 1917; Павлов Д. М. Очередные задачи Кавказского горного общества // Вестник КГО. Пятигорск, 1916. № 1.

² Лучник В. Н. Об открытии Ставропольского общества для изучения Северо-Кавказского края // Этномолог. Обозрение. 1910. Т. X. С. 409.

³ Самоквасов Д. Я. Архивное дело в России: Современное русское архивное нестроение. М., 1902. Кн. 1–2; Его же. Проект архивной реформы и современное состояние окончательных архивов в России. М., 1902.

⁴ Апостолов Л. Я. Труды Ставропольской ученой архивной комиссии по археологии и работы председателя ее Г. Н. Прозрителева // Труды XV Археологического съезда в Новгороде в 1911 году. М., 1914. Т. 1: Протоколы. С. 108–111; Загорская В. Отчет о деятельности Ставропольской ученой архивной комиссии за 1911 год // Труды СУАК. Ставрополь, 1913. Вып. 4. С. 3–15; Прозрителев Г. Н. Архивная комиссия // Северный Кавказ. 1905. № 7; Ее же. К истории нашей Ученой архивной комиссии // Труды СУАК. Ставрополь, 1911. Вып. 1. С. 3–11; Телев Г. Архивная комиссия // Северный Кавказ. 1905. 15, 25 янв.; Успенский И. И. О необходимости учреждения в г. Ставрополе-Кавказском ученой архивной комиссии (Доклад общему собранию членов Ставропольского губернского статистического комитета 16 июля 1905 года) // Труды СУАК. Ставрополь, 1911. Вып. 1. С. 1–12.

⁵ Кануков А. А. Законодательные акты, касающиеся Северного Кавказа и в частности Терской области. Владикавказ, 1914.

⁶ О сохранении памятников старины. Циркуляры и приказы Начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913 и др.

ванные В. В. Латышевым¹, сведения арабских писателей и географов о Кавказе, Армении и Азербайджане, систематизированные Н. А. Карауловым². Появляются и первые обзоры археологических исследований и открытий, сделанных в регионе³, истории кавказоведения в России⁴. История изучения Северного Кавказа нашла отражение в обозрении П. С. Уваровой деятельности археологических съездов России и на страницах ее «Воспоминаний»⁵.

Историографические сюжеты, связанные с историей изучения Северного Кавказа, содержатся в работах, посвященных археологическим памятникам региона (Г. Н. Прозрителев, А. Н. Дьячков-Тарасов, В. А. Городцов) и истории их изучения (К. Герц)⁶.

Во второй половине XIX – нач. XX в. внимание северокавказских исследователей привлекают биографии ученых, историков, краеведов, которые являются одним из главных историографических фактов. Становление биографического жанра в отечественной историографии связано с работами К. Н. Бестужева-Рюмина (СПб., 1882). В своей работе «Биографии и характеристики» он создал ряд портретов дореволюционных историков, ставших образцом для последующих исследователей. В рассматриваемый период вышли биографические очерки, хроники и заметки В. Ф. Золотаренко, Г. Н. Прозрителева, М. Краснова, В. М. Сысоева, В. С. Шамрая, В. И. Томкеева, Ф. А. Щербины, В. Е. Рудакова, описание бумаг П. П. Короленко. Кавказоведческим исследованиям Е. Г. Вейденбаума был посвящен очерк Л. М. Меликсет-Бекова⁷. Благодаря им научное наследие провинциальных исследователей стало составной частью отечественной науки и культуры, значительно расширив наши представления о просветительской и общественной деятельности интеллигенции в российской провинции.

Особо следует отметить цикл работ известного библиографа, краеведа и публициста Б. М. Городецкого, посвященный истории изучения Северного Кавказа. В него вошли исторические исследования, библиографические очерки, посвященные отдельным исследователям региона, рецензии и научно-литературные труды⁸, в которых была освещена степень изученности истории и культуры ре-

---

¹ Латышев В. В. Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1893. Т. 1; СПб., 1906. Т. 2.

² Караулов Н. А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМПК. Тифлис, 1903. Т. 32; Его же. Сведения арабских географов IX и X в. по Р.Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. 38. Отд. 1. С. 1–130.

³ Герц К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. М., 1876.

⁴ Уварова П. С. Археология // Коллекции Кавказского музея, обработанные совместно с учеными специалистами и изданные Г. И. Раде. Тифлис, 1902.

⁵ Уварова П. С. Обзор деятельности XII археологических съездов с 1869–1902 гг. М., 1905; Ее же. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2005. С. 117 – 127.

⁶ Прозрителев Г. Н. Древние христианские памятники на Северном Кавказе // ССК. Ставрополь, 1906. Т. 1. С. 1–16; Дьячков-Тарасов А. Н. Сентинский храм и его фрески // Куб. сб. Екатеринодар, 1899. Т. V. С. 1–9; Городцов В. А. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджар в 1907 г. // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове в 1909 г. / под ред. П. С. Уваровой. М., 1911. Т. 3. С. 162–208; Герц К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. М., 1876 и др.

⁷ Меликсет-Беков Л. М. Е. Г. Вейденбаум как кавказовед. Тифлис, 1919.

⁸ Городецкий Б. М. Кто и как изучал Кубанскую область: Доклад, прочитанный на годовом собрании членов Общества любителей изучения Кубанской области 10 февр. 1912 г. // Изв. ОЛИКО. 1912. Вып. 5. С. 7–24; Его же. Литературные и общественные деятели Северного Кавказа (Россинский, Абих, Фелицын, Берже, Берзенов, Зейдлиц, Потто, Щербина, Короленко): Библиографические очерки // Куб. сб. на 1913 год. Екатеринодар, 1913. Т. 18. С. 333–396; Его же. Историк-исследователь Кубанского края [По поводу 40-летия научно-литературной деятельности Щербины Ф. А.] // Исторический вестник. СПб., 1912. Т. 127. С. 1025–1035; Его же. Абих Г. В. и его работы по исследованию Кавказа // Куб. сб. Екатеринодар, 1913. Т. 18. С. 341–451; Его же. Василий Александрович Потто (Библиографический очерк) // Куб. сб. на 1913 год. Екатеринодар, 1913. Т. 18. С. 380–384; Его же. Галерея деятелей Кубанской области, получивших известность на разных поприщах общественной пользы // Кубанская школа. Екатеринодар, 1914. №2. С. 112; №3. С. 161; Его же. Первый просветитель Кубани – Россинский К. В. // Кубанская школа. Екатеринодар, 1915. № 4. С. 193–197; Его же. Научное исследование Кубанской области // Кубанская мысль. Екатеринодар, 1916. №1(85); Его же. В. Ф. Владимирский // Изв. СОИИКК. Екатеринодар, 1919. Вып. 2. С. 79–82 и др. Подробную библиографию Б. М. Городецкого см.: Мошкович Г. Г. Борис Митрофанович Городецкий. Российские исследователи Кавказа. Сер. История, археология, этнография. Вып. 6. Краснодар; Армавир, 1995. С. 18–22; Золотарева И. Д. Б. М. Городецкий. Научная и общественно-просветительская деятельность. Краснодар, 2003. С. 215–241.

гиона к началу XX в. Первая попытка историографического описания изучения истории Кубани была предпринята Б. М. Городецким в статье «Кто и как изучал Кубанскую область». В ней содержатся весьма ценные сведения о трудах И. Я. Акинфиева, М. Н. Алейникова, Л. Я. Апостолова, С. М. Броневского, П. Г. Буткова, М. А. Дикарева, Н. А. Динника, В. М. Сысоева, Ф. А. Щербины и др. Одним из первых на Северном Кавказе Б. М. Городецкий начал заниматься и исторической биографией. Благодаря кропотливой исследовательской работе в его знаменитом труде «Литературные и общественные деятели Северного Кавказа» было собрано более 500 наименований книг, статей и рецензий, дополнивших очерки жизни и деятельности Г. В. Абиха, А. П. Берже, Н. Г. Берзенова, Н. К. Зейдлица, П. П. Короленко, И. Д. Попко, В. А. Потто, К. В. Россинского, Е. Д. Фелицына, Ф. А. Щербины. При выборе героев своих очерков Б. М. Городецкий исходил из их вклада в изучение Северо-Кавказского региона, общественно полезной деятельности на благо просвещения и развития его культуры. Перу Б. М. Городецкого принадлежат многочисленные библиографии, рецензии на работы о Северном Кавказе, анализ научного изучения региона.

В работах отдельных исследователей содержались оценки деятельности историков-любителей, намечались перспективные темы исследований (А. Н. Дьячков-Тарасов, Ф. А. Щербина), предпринимались попытки историографического анализа трудов предшественников (Ф. А. Щербина, Л. И. Загурский, Н. И. Воронов, Е. Козубский, И. В. Бентковский), сообщались сведения о трудах иностранных авторов, рассматривались вопросы отражения в творчестве известных русских писателей XIX в. темы Кавказа и деятельности просветителей, в том числе из местной интеллигенции. Составлялись и первые библиографии трудов исследователей, занимавшихся изучением Северного Кавказа. Среди них следует отметить «Библиографический указатель литературы о Кубанской области, о Кубанском казачьем войске и Черноморской губернии», авторами-составителями которого были известные исследователи, кавказоведы Е. Д. Фелицын и В. С. Шамрай¹. Указатель на тот момент являлся наиболее полным библиографическим изданием по истории Кубани.

Интерес представляют и пособия по регионоведению С. Урусова, Е. Яхонтова, Б. М. Городецкого, в которых кратко дается обзор изучения региона в предшествующий период.

Особое место занимают рецензии на исторические, археологические, этнографические и лингвистические исследования, написанные на материалах Северного Кавказа. В них содержится множество интереснейших наблюдений, «следы» полемики, свидетельствующие о желании их авторов понять ход исторического изучения региона и в какой-то мере повлиять на процесс познания Кавказа. Это рецензии А. О. Корниловича на книгу С. М. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе»; Л. П. Загурского и К. Г. Залемана на знаменитые «Осетинские этюды» В. Ф. Миллера; А. Е. Крымского на работы В. Ф. Миллера; Л. П. Загурского на труды Е. Д. Фелицына, посвященные горцам Кубанской области; Н. И. Воронова на исследования П. К. Услара. Все они содержат источниковедческий анализ имеющейся исторической литературы о Северном Кавказе.

Кавказоведческие исследования находились в центре внимания выдающегося ученого В. Ф. Миллера. В «Этнографическом обозрении» были опубликованы его рецензии на труды крупнейших знатоков кавказских языков П. К. Услара и А. М. Дирра, капитальные труды П. С. Уваровой и В. В. Латышева.

На страницах «Этнографического обозрения» выходили и рецензии на работы, посвященные разным этапам истории Кавказа с древнейших времен до вхождения его в состав России. Автором многих из них был беззаветный «труженик кавказоведения» А. С. Хаханашвили, вошедший в историю российского академического кавказоведения под именем А. С. Хаханова. Среди них рецензии на работы В. Потто, Е. Максимова, Г. Вертепова, П. С. Уваровой, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Материалы по археологии Кавказа», «Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества».

Следует отметить рецензии и труды секретаря Дагестанского областного статистического комитета, известного кавказоведа Е. И. Козубского, посвященные источниковедению истории Кавказа, в которых нашла отражение и история изучения края².

¹Библиографический указатель литературы о Кубанской области, Кубанском казачьем войске и Черноморской губернии / сост. Е. Д. Фелицын, В. С. Шамрай. Екатеринодар, 1899–1916.

²Козубский Е. К источниковедению истории Кавказа: (Исторические журналы за I-е полугодие 1893 г.). Тифлис, 1893; Его же. Кавказ в энциклопедическом словаре гг. Брокгауза и Эфрона // Кавказ. 1893. № 266; Его же. О некоторых изданиях по истории Кавказа // Русский архив. 1896. Кн. 3. № 12. С. 536–546.

Интерес представляют и энциклопедические словари, издававшиеся в дореволюционный период, в особенности «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых» С. А. Венгерова и «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», а также «Материалы для историко-географического словаря Кавказа» Е. Г. Вейденбаума, «Словарь Кавказских деятелей» Г. М. Туманова, на страницах которых нашли место биографические справки об исследователях региона¹. В конце XIX в. энциклопедические словари уже содержали статьи «Биография», «Биографические сборники», что свидетельствовало о понимании биографии как культурного явления в отечественной историографической традиции². Не менее информативны адреса и заметки по случаю юбилеев северокавказских исследователей³.

Сведения о жизненном пути, литературной и научной деятельности кавказоведов имеются в некрологах, которые печатались на страницах периодических изданий во второй половине XIX – нач. XX в. Несмотря на небольшой объем, некрологи представляют интерес для историографии. Помимо обязательных для данного жанра сведений биографического характера они содержат оценку вклада исследователей в изучение Северного Кавказа, раскрывают проблематику исследований. Часто с некрологом помещался и библиографический список трудов. Среди них некрологи и памятки на смерть председателя Кавказской археографической комиссии А. П. Берже⁴, секретаря Ставропольского губернского статкомитета И. В. Бентковского⁵, академика А. М. Шегрена⁶, лингвиста и этнографа В. Ф. Миллера⁷, археолога В. Г. Тизенгаузена⁸, кавказоведа М. М. Ковалевского⁹, путешественника Фредерика Дюбуа де Монпере¹⁰, краеведа Г. К. Пправе¹¹, северокавказских исследователей И. Д. Попко¹², Е. Д. Фелицына¹³, К. Т. Живило¹⁴, П. П. Короленко¹⁵, Н. Я. Динника¹⁶,

¹ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. 2-е изд. Пг., 1915–1918. Т. 1–2; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1891: Репринт. М., 1990; Вейденбаум Е. Г. Материалы для историко-географического словаря Кавказа. Вып. 1. Тифлис, 1894; Туманов Г. М. Словарь Кавказских деятелей. Тифлис, 1890.

² Биография и биографические сборники // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1891. Т. IV. Полут. 7. С. 33–36.

³ По поводу предстоящего десятилетнего юбилея ученой деятельности И. В. Бентковского // КОВ. 1881. № 46; Адрес И. В. Бентковскому по случаю десятилетнего юбилея его ученой деятельности // КОВ. 1881. № 48; В память 50-летнего юбилея военно-литературной деятельности В. А. Потто. Тифлис, 1909; Городецкий Б. М. Чествование Ф. А. Щербины по случаю 40-летия его научно-литературной деятельности // Изв. ОЛИКО. 1912. Вып. 5. С. 187–205; Прозрителев Григорий Николаевич [Очерк жизни и деятельности в г. Ставрополе] // Северокавказский край. 1916. № 94. 1 мая. С. 3; 30 лет научно-литературной и общественной работы Б. М. Городецкого // Краеведение на Северном Кавказе. 1928. № 3–4. С. 86–88; Сорокопятилетний юбилей Григория Николаевича Прозрителева. Ставрополь: Тип. Окриздата, 1929.

⁴ Адольф Петрович Берже: некролог // Исторический вестник. 1886. Т. XIII. С. 730.

⁵ Абрамов Я. И. В. Бентковский: некролог // Северный Кавказ. 1890. № 66; Бентковский Иосиф Викентьевич: Некролог // КОВ. 1890. № 35; Загурский Л. П. И. В. Бентковский: некролог // Кавказский календарь на 1891 год. Тифлис, 1890. С. 1–5. Отд. 1; Городецкий Б. М. Памяти И. В. Бентковского // Кубанский курьер. Екатеринодар, 1910. № 613.

⁶ Академик А. М. Шегрен // ЖМНП. 1855. Ч. 86. № 4. С. 1–8. Отд. 5.

⁷ Анучин Д. Н. Памяти В. Ф. Миллера // Русские ведомости. 1913. 7 нояб.; Уварова П. С. Памяти В. Ф. Миллера // Древности. М., 1914. С. 266–270; Шахматов А. А. В. Ф. Миллер: некролог // ЭО. 1913. Кн. 98–99. № 3–4. С. 129–131; Марков А. В. В. Ф. Миллер (1848–1913): некролог // ИКОРГО. 1914. Т. 22. Вып. 2. С. 174–182.

⁸ Барон В. Г. Тизенгаузен: некролог. Библиографический список трудов В. Г. Тизенгаузена // Изв. ИАК. 1902. Вып. 2. С. 112–126.

⁹ Городецкий Б. М. Максим Ковалевский и Кавказ. Памятка на гроб великого ученого: некролог // Кубанская мысль. Екатеринодар, 1916. № 71 (155). 29 марта.

¹⁰ Брюссе. Фредерик Дюбуа де Монпере: [некролог] // Кавказ. 1850. № 50. 2 июня.

¹¹ Георгий Константинович Пправе: некролог // Власть Советов. 1925. 23 авг.; К смерти Г. К. Пправе // Власть Советов. 1925. 27 авг.

¹² Иван Диомидович Попко: [некролог] // Исторический вестник. 1893. № 11. С. 621–622.

¹³ Петлюра С. В. Памяти Е. Д. Фелицына. Ум. 10 декабря 1903 г. // Вестник казачьих войск. 1904. № 2. С. 27–28; Шамрай В. С. О действительном члене Кавказского отдела Императорского Русского географического общества Е. Д. Фелицыне // ИКОИРГО. Тифлис, 1904. Т. XVII; Сысоев В. М. Евгений Дмитриевич Фелицын // МАК. М., 1904. Т. 9. С. 1–12.

¹⁴ Городецкий Б. М. Памяти К. Т. Живило // Кубанская школа. Екатеринодар, 1914. № 5. С. 273–277.

¹⁵ Памяти П. П. Короленко // Бюл. ОЛИКО. Екатеринодар, 1914. Вып. 2. С. 4.

¹⁶ Н. Я. Динник: [некролог] // ИКОИРГО. Тифлис, 1917. Т. 25. № 2–3. С. 366–368.

Н. И. Воронова¹, М. В. Краснова², А. В. Пастухова³, военного историка В. А. Потто⁴, председателя Ставропольской губернской ученой архивной комиссии Г. Н. Прозрителева⁵ и др.

В рассматриваемый период в отечественной историографии появляется тема, которая будет иметь развитие и в последующие периоды, – это роль российской художественной интеллигенции XIX в. в формировании образа Кавказа в российском общественном сознании. В дореволюционный период раскрытию этой роли были посвящены работы Н. А. Котляревского о декабристах А. И. Одоевском и А. А. Бестужева-Марлинском⁶; Г. М. Туманова о русской литературе⁷; исследования Е. Г. Вейденбаума о творчестве А. С. Пушкина, А. Бестужева, В. Т. Нарезного, декабристов⁸; труд П. А. Висковатова о М. Ю. Лермонтове⁹.

Почти все указанные работы, созданные в дореволюционный период, можно отнести к обзорно-библиографической историографии, где ведущим направлением было составление хроник исторических, этнографических и археологических обследований региона, истории деятельности различных научных обществ и отдельных ученых. Исследователи правильно понимали роль и место провинциальных историков и любителей-краеведов в развитии отечественной исторической науки, оценивали их влияние на формирование устойчивого общественного интереса к истории, археологии и этнографии родного края, однако специальных исследований, посвященных развитию провинциальной историографии, создано не было. Как отмечает современный исследователь А. А. Севастьянова, в дореволюционной историографии состоялась лишь постановка проблемы наследия русской провинции в исторической мысли¹⁰. Не было создано и обобщающих историографических трудов по истории Северного Кавказа.

Подводя итог дореволюционному этапу изучения Северного Кавказа в отечественной исторической литературе, следует отметить, что его главным результатом было накопление обширного фонда знаний по самым различным вопросам истории, культуры и быта народов региона. Был сделан определенный шаг от простой фиксации и накопления фактов к обобщению и появлению первых исторических концепций, складыванию научной традиции. Отечественное кавказоведение, частью которого являлась история изучения региона, сложилось в особую область исторического знания, посвященную археологии, истории, этнографии, лингвистике, фольклору народов Кавказа.

---

¹ Загурский Л. П. Николай Ильич Воронов: некролог // ИКОРГО. Тифлис, 1886–1888. Т. 9. № 2. С. 494–497; Проценко Ю. П. Н. И. Воронов: некролог // Кавказ. 1888. № 301.

² Краснов М. В. (1841–1915): [некролог] // Северокавказский край. 1915. 31 июля.

³ Пагирев Д. Д. Андрей Васильевич Пастухов: [некролог] // ИКОРГО. 1900. Т. 13. Вып. 2.

⁴ В. А. Потто: [некролог] // Журнал Русского военно-исторического общества. 1912. № 1. С. 29–30; Городецкий Б. М. Летописец Кавказских войн: [памяти В. А. Потто] // Исторический вестник. СПб., 1913. № 1. С. 199 – 204.

⁵ Лунин Б. В. Прозрителев Григорий Николаевич: [некролог] // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 2. С. 100–103.

⁶ Котляревский Н. А. Декабристы // А. И. Одоевский и А. А. Бестужев-Марлинский. Их жизнь и литературная деятельность. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1907.

⁷ Русская литература о Кавказе // Кавказ: справочная книга, составленная старожилом [Г. М. Тумановым]. Тифлис, 1888. Вып. 5. 241–272.

⁸ Вейденбаум Е. Г. Кавказ в русской поэзии // Кавказ. 1898. № 185. 16 июля; Его же. Кавказские этюды: Исследования и заметки. Тифлис: Тип. М. Мартиросянц, 1901; Его же. Декабристы на Кавказе в 1829 году // РС. 1903. Т. 34. С. 481–502; Его же. Кавказские знакомцы Пушкина // Пушкин и его современники: материалы и исследования. СПб., 1908. С. 1–14.

⁹ Висковатов П. А. Лермонтов. СПб., 1891.

¹⁰ Севастьянова А. А. Русская провинциальная историография XVIII в. М., 1998. С. 18.

Образы власти в текстах интеллигенции Северного Кавказа
второй половины XIX – начала XX вв.*

Вхождение Северного Кавказа в состав Российской империи хронологически совпало с началом пореформенного периода. Отмена крепостного права и последующие реформы 60–70-х годов XIX века стали решающей предпосылкой для коренного изменения всего экономического и социального облика региона¹. Но все же насущной проблемой продолжало оставаться сближение Кавказа в административном и правовом отношениях с прочими российскими губерниями². Действия имперских властей на Кавказе в цифровом статистическом измерении демонстрировали положительную динамику, мир и стабильность. Но в реальности преобразовательная политика наталкивалась на социокультурное многообразие региона, на локальную индивидуальность, что придавало ей черты ещё большей неоднозначности и противоречивости. Эти свойства находили выражение в способах достижения поставленных целей в регионе, в практической реализации преобразований. Например, симптоматична постоянная перестройка административного управления, направленная на поиск адекватных механизмов упрочения имперской власти в горских регионах.

Российские власти проводили большую работу по внедрению имперской идентичности. Эту политику часто обозначают не очень корректным, во всяком случае, условным термином «русификация». По мнению В. Н. Дегоева, «происходил куда более широкий, ёмкий и сложный цивилизационный процесс», который может быть назван «имперская самоидентификация» личности, класса, общества, которая предполагала осознанный и добровольный выбор³.

В ключе политической антропологии можно говорить о столкновении имперских административно-управленческих структур и традиционных властных институтов. Ситуация в этом отношении сопоставима с английским колониализмом, особенно в связи с большой ролью колонизационных процессов в истории России. Под воздействием особой практики управления изменялись традиционные политические структуры, но под их воздействием от заданного эталона отклонялись и институты имперского управления⁴. Российским чиновникам приходилось выходить за рамки предписываемых им должностных функций, ориентируясь на традиционные нормы взаимоотношений. Они активно использовали неформальные и дружеские связи с местными лидерами, без чего невозможно проведение в жизнь многих решений. Рубеж XIX–XX веков стал моментом, в который можно было оценивать ощутимые результаты действий российских властей на Северном Кавказе. Процесс формирования «имперской идентичности» имел уже видимые последствия, которые были далеко неоднозначны. В этой связи было вариативно и восприятие последствий присутствия Российской империи в регионе.

Особую группу мнений и оценок составляют взгляды местной интеллектуальной элиты. С одной стороны, понимание социокультурной ситуации зависит от индивидуальных особенностей авторов: происхождение, образование, система личных ценностей и социально-политических взглядов и т. д. С другой стороны, многообразие локальных сообществ требует сосредоточения на социокультурных особенностях той общности, о которой пишет тот или иной автор. В большей степени уместно говорить не столько об оценках, сколько о таком ключевом понятии потестарной имагологии, как «образ власти»⁵. Но речь идет об «образах власти» именно в связи с конкретной направленностью её действий, пониманием степени правомерности, легитимности и результативности данного «властвования». В этой связи образ власти Российской империи применительно

* Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Северный Кавказ в социокультурном пространстве дореволюционной и советской России» поддержанного федеральной целевой программой «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (соглашение № 14.В37.21.0257)

¹ Северный Кавказ с древних времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки) / под ред. В. Б. Виноградова. Пятигорск, 2010. С. 201.

² Там же. С. 213.

³ Дегоев В. Н. Кавказ и имперская идея // Звезда. 2004. № 6. URL: //http://magazines.russ.ru/zvezda/2004/6/deg7.html\

⁴ Бочаров В. В. Политическая антропология // Антропология власти. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006. С. 27.

⁵ Бойцов М. А. Потестарная имагология Средневековья как область междисциплинарных исследований. URL: http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/bojcov.htm

к Северному Кавказу формировался под влиянием её взаимоотношений с «естественными» (потестарными) видами власти, возникшими бессознательно в общественной жизни «туземцев»¹, то есть с традиционными институтами.

В российском общественном сознании Северо-Кавказский регион ассоциативно связан с горным пейзажем, с горами и их бытом, традициями и культурным колоритом. Эти элементы стали основными в стереотипных представлениях о регионе. На этом чрезвычайно аттрактивном фоне менее заметны были кочевники, которые в большей степени являются частью азиатского, нежели кавказского, дискурса в российском общественном сознании. Это обстоятельство стало одной из причин, почему труды С. В. Фарфоровского, составившего этнографические описания их быта, культурной специфики и особенностей управления особо значимы для современного исследователя.

В трудах С. В. Фарфоровского образы кочевников Северного Кавказа несут в себе элементы европоцентризма. И именно через эту систему взглядов он оценивал и присутствие имперских властей в регионе, которое мыслилось как цивилизаторское. «Когда прекратилась борьба с русскими и окончено было завоевание Кавказа, началась другая борьба – борьба культурная»². Отношения российской администрации со степными народами были основаны на понимании первыми кочевого образа жизни как архаического, отстающего. Поэтому все усилия были направлены на постепенный переход к оседлости, которая мыслилась не только экономически целесообразной, но и цивилизационно верной. Поэтому местной администрации вменялось в обязанность разъяснять «преимущества оседлого быта и содействовать их переходу к этому строю жизни»³. Кочующие народы были переданы в ведение Главного пристава кочующих народов, через которого полностью осуществлялось административно-хозяйственное руководство.

Переход к оседлости в описании Фарфоровского выглядит как результат гармоничного взаимодействия с «сельским населением» (переселившимися крестьянами), в результате которого кочевники «довольно быстро ассимилируются с последним»⁴. Конструируемый в связи с политикой оседания кочевников образ власти основан на взаимодействии «своих» с «другими», последние в конечном итоге должны были потерять признаки хозяйственной самобытности. В дискурсе «свои – другие – чужие» «своей» представляется именно власть, чужими являются «инородцы». Главными элементами такой власти является не только цивилизационная, но и консолидирующая миссии. Поэтому неотъемлемой частью образа российской власти в данном контексте становится переселенное крестьянство, общественные порядки которого становились образцом для «инородцев» и, ориентируясь на которое, они переходили к оседлой жизни. В результате перехода к оседлости кочевники должны были стать если не «своими», то хотя бы «другими».

Критерием европейского качества и цивилизованности власти становится «благостность» её целей. Благонамеренность подчеркивается компромиссами, на которые вынуждены были идти представители российской администрации, чтобы не вызвать «отречение от оседлой жизни» кочевников как раз в сфере взаимодействия с традиционными институтами⁵. На таком фоне контрастно выглядит небольшое замечание относительно действий властей в конце XVIII века, когда пристав ногайцев граф де Мерзон приказал сжечь ногайские кибитки, «чтобы скорее обратить их к земледелию»⁶. Но этот эпизод упоминается мимоходом, буквально в одном предложении, и на формируемые автором представления не влияет.

Не только принадлежность к Российскому государству и воспитание на доминантах европейской культуры обусловили содержание образов власти в сочинениях С. В. Фарфоровского. Колоссальное влияние оказывает профессия. Являясь учителем, автор многие суждения основывал именно на профессиональной принадлежности, на ощущении значимости образовательного пространства, которое, как он полагал, должно быть построено по образу и подобию европейских

¹ Бочаров В. В. Российская власть в политико-антропологической перспективе. URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2011/6/8.pdf>

² Фарфоровский С. В. Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк // Опальные русские писатели открывают Кавказ / под ред. В. А. Шаповалова, К. Э. Штайн: в 3 т. Ставрополь, 2011. Т. 3. С. 220.

³ Фарфоровский С. В. Народное образование у ногайцев Северного Кавказа в связи с их современным бытом // Опальные русские писатели открывают Кавказ / под ред. В. А. Шаповалова, К. Э. Штайн: в 3 т. Ставрополь, 2011. Т. 3. С. 237.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 236.

стран. Осуществлять свои цивилизационные устремления в кавказском регионе имперские власти, по мнению С. В. Фарфоровского, должны были именно через образовательную политику. «Для беспристрастного наблюдателя местной жизни не может не открыться удручающая картина бедственного положения населения и массовой его безграмотности»¹. Главным средством достижения спокойствия на Кавказе, залогом европейского прогресса в регионе он считал именно русскую школу, которая «должна быть национальной в широком культурном смысле этого слова»². Образование должно лежать в основе консолидирующей и культурной миссии имперских властей. Внутри образовательного пространства должна формироваться общеимперская идентичность всех народов Кавказа. Поэтому С. В. Фарфоровский отдавал приоритет воспитанию «уважения и преданности той родине и той народности, которая составляет основу государства»³.

Взгляды и оценочные суждения интеллигенции относительно политики государства в конце XIX – начале XX веков зачастую формировались под влиянием социально-политических и этических представлений, а также личных впечатлений. Если воззрения С. В. Фарфоровского основаны на почтении европейских культурных ценностей, то оценки Я. В. Абрамова сформированы под влиянием иных доминант. Журналист, публицист, Я. В. Абрамов относился к либеральному народничеству, был активным пропагандистом «теории малых дел»⁴. Идеалом «теории малых дел» в трактовке Абрамова был не герой, а трудолюбивый работник, поэтому результативность действий власти оценивалась через его положение. Интеллектуальное наследие Абрамова, в том числе его путевые заметки о Кавказе, не лишено этих взглядов, напротив, исходя из них он объясняет сложившийся порядок взаимоотношений народов и российской власти в регионе. Именно поэтому ему удалось обратить внимание на сложность как этнических, так и социальных отношений в регионе.

В условиях полиэтничности и культурного многообразия региона сюжеты межнациональных отношений, межкультурных взаимодействий актуализируются больше других. В описания Кавказа Абрамов неизменно включались различные сюжеты, связанные с данной проблематикой. Примечательны его представления о власти в связи повышенной конфликтностью региона. Образ власти в сочинениях Я. В. Абрамова складывается не из общих тенденций в развитии региона, а из отдельных фактов, он более конкретен, нежели у Фарфоровского.

Наиболее рельефно образ власти и субъективное авторское наполнение его выступают в связи с проблемой мухаджирства – переселения кавказских горцев в Турцию. Рефлексия автора над этой стороной политики империи спровоцирована случайностью – личной встречей с переселенцами, наблюдением самого процесса отъезда и прощания с родными краями, невольным свидетелем которого стал Я. В. Абрамов. Этот эпизод эмоционально окрашен чувством автора, испытанным в тот момент: «На меня эта непонятная сцена произвела чрезвычайно сильное впечатление. Не понимая её значения, но в то же время будучи тронут до слез этим бурно проявившимся выражением горя целой толпы людей, я растерянно осматривался по сторонам, как бы ища человека, который бы мог объяснить мне, что все это значит»⁵.

В дальнейшем понимание мухаджирства и роли российских властей в переселении будут также иметь индивидуальное эмоциональное наполнение. Именно оно в совокупности с либеральными воззрениями Я. В. Абрамова формирует образ власти как образ «другого». Вообще конструирование образов «своего», «другого», «чужого» в текстах Я. В. Абрамова имеет больше социальное и политическое основание, нежели этнокультурное. В отличие от Фарфоровского, оценивавшего политику в отношении кочевников как прогрессивную, Я. В. Абрамов её представляет как агрессивную и деструктивную. Описывая локальные последствия переселенческого движения, он стремится всякий раз подчеркнуть его насильственный характер и разрушительный итог, в том числе для экономики и хозяйства. Поэтому образ власти неразрывно связан с хозяйственным запустением после выселения горцев.

Лик власти экспрессивно дополняется примерами разорения и запустения аулов, после того как их покидали горцы. Понятие «русская культура» имеет скорее негативное содержание, так как для автора за ней стоит неумение приспособлять хозяйство к новым условиям. «Такова здесь

¹ Фарфоровский С. В. Народное образование в Кавказском учебном округе // Опальные русские писатели открывают Кавказ / под ред. В. А. Шаповалова, К. Э. Штайн: в 3 т. Ставрополь, 2011. Т. 3. С. 269.

² Там же. С. 256.

³ Там же.

⁴ Новак С. Я. Абрамов Я. В. – исследователь народной жизни // Опальные русские писатели открывают Кавказ / под ред. В. А. Шаповалова, К. Э. Штайн: в 3 т. Ставрополь, 2011. Т. 3. С. 179.

⁵ Абрамов Я. В. Кавказские горцы (из летних экскурсий) // Опальные русские писатели открывают Кавказ / под ред. В. А. Шаповалова, К. Э. Штайн: в 3 т. Ставрополь, 2011. Т. 3. С. 109.

русская культура, и образцы этой культуры можно видеть повсюду в Терской области. Лицам, говорящим о некультурности горцев и недостатке у них трудолюбия, следовало бы обратить внимание на эти факты, а также на некоторые другие, характеризующие степень культурности и трудолюбия кавказских туземцев...»¹.

Критика в адрес властей раздается и в связи с противостоянием казаков и горцев, которое стало органичной частью жизни Северного Кавказа. «Стычки и столкновения между казаками и туземцами – самое обыденное явление здесь... Убийство здесь вообще настолько заурядное явление, что к нему решительно все привыкли и оно не вызывает ничего удивления»². Опять-таки никакого этнокультурного или цивилизационного противостояния не существует. Противостояние казаков и горцев вполне укладывается в общероссийский контекст социального противостояния. Аргументируя влияние власти, именно местной, он приводит примеры столкновений, в разрешении которых администрация бездействовала³. Абрамов сложившуюся ситуацию понимал как войну, «но уже не прежнюю, а социальную»⁴.

Понимание свойств «другого», признание естественности горцев отличает отношение к ним Я. В. Абрамова. Он осознавал, насколько сильно отличаются «туземцы и русская часть населения»⁵. Имперские власти пытались действовать в стиле английских колонизаторов, отобрать себе сторонников из местных обществ. Аульные старшины были из горцев, но, как правило, они не были лидерами и вызвали всеобщее недовольство. Кроме того, их в отличие от старост, которых крестьяне выбирали, назначало начальство. Этот факт тоже мыслился как способ угнетения. Образ власти у Я. В. Абрамова, народника, таким образом, конструируется с помощью примеров угнетения и притеснения горцев.

Если для С. В. Фарфоровского русская образовательная система была средством перехода народов на новый уровень развития, то Я. В. Абрамов скептически оценивал итоги просветительской работы среди горцев. Горские школы, по его убеждению, не давали знаний, не перевоспитывали – главным итогом шестилетнего обучения было изучение русского языка⁶.

Довольно эмоциональное рассуждение о положении горцев выглядит как полемика с историком А. П. Берже, он неоднократно его упоминает, опровергая некоторые его утверждения. Я. В. Абрамов даже скептически назвал Берже «официальным историком выселений»⁷. Безусловно, его образ власти будет кардинально отличаться от образа сформированного предыдущим автором, хотя бы потому, что он писал как историк, а не как публицист.

А. П. Берже в своей деятельности сочетал, казалось бы, плохо совместимые поприща ученого и чиновника кавказской администрации. Как и Фарфоровский он был европоцентристом, которого выдает даже лексика («полудикие народы», «хищники»)». А. П. Берже в своих текстах неизбежно ассоциирует себя с имперскими властями, он сам становится частью образа власти и даже позволяет себе говорить от её имени. В дискурсе «другие – чужие» горцы распределяются сообразно взаимоотношениям с российскими властями. «Враждебные нам чеченцы», безусловно, будут «чужими».

Абрамов оценивал действия властей «здесь и сейчас», А. П. Берже смотрел шире, поэтому искал объяснение не в социальном противостоянии, а в историческом прошлом. Образ власти в его сочинении о переселении горцев формируется на принципе противопоставления с действиями властей европейских государств и Турции. Их вмешательством он оправдывает неудачи и просчеты российского руководства. В том числе и сама Кавказская война становится следствием неизбежности и отчасти вмешательства европейской дипломатии. Вообще «вмешательство Турецкой и Европейской дипломатии в дела горцев не принесло и не могло принести им ничего, кроме зла, так как оно происходило не в интересах их или с какою-нибудь гуманной и нравственной целью, а явилось как средство загребать жар чужими руками»⁹. А. П. Берже подчеркивал, что на их фоне российская власть «усиливала свое обаяние»¹⁰.

¹ Там же.

² Там же. С. 116.

³ Там же. С. 117–118.

⁴ Там же. С. 117.

⁵ Там же. С. 120.

⁶ Там же. С. 125.

⁷ Там же. С. 113.

⁸ Берже А. П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. № 2.

⁹ Там же. С. 175–176.

¹⁰ Там же.

Таким образом, происхождение, личный опыт, социально-политические и этические воззрения авторов влияют на образы власти, на их содержание. Исходя из этого отбираются факты и формируется доказательная база, а также расставляются приоритеты в дискурсе потестарной имагологии «свой – другой – чужой». Если для Фарфоровского и Берже имперская власть мыслилась как «своя», то для Абрамова она была скорее «другой». Причем в разных случаях критерии определяются по-разному: для Абрамова мерилom были его либеральные воззрения, для двух других авторов – соответствие европейским цивилизационным ценностям.

Н. Д. Судацков

Земство на Ставрополье: историко-правовой аспект

Земство, как известно, являлось одной из разновидностей местного самоуправления в России. Введено оно было Положением о земских учреждениях, которое император Александр II подписал 1 января 1864 года. А на Ставрополье земские учреждения были распространены только через 48 лет в 1912 году.

Земские учреждения вводились для заведования делами, относящимися к местным хозяйственным нуждам и пользе каждой губернии и каждого уезда. Земские учреждения разделялись на уездные и губернские. Распорядительными органами были земские собрания и исполнительными – земские управы. Но при этом не создавалось общероссийского земского органа для координации деятельности губернских земств. Исходили из того, чтобы не создавать условий для образования в земстве оппозиции. Не вводилось земство и на уровне волостей, чтобы не было слишком много демократии. Поэтому в российском обществе считали, что земство создано без фундамента, так как оно не вводилось в волостях, и не имело «крыши», так как не было общероссийского органа.

Согласно положению земству передавалось заведывание наиболее острыми сторонами хозяйственной и социальной сферы: повинности, дорожное дело, народное образование, здравоохранение, общественное призрение и т. д.

Но земские учреждения были лишены властных функций, целиком и полностью подчиняясь местным властям. Взаимоотношения между губернским и уездным земствами строились на принципах не подчиненности, а партнерства. Между ними с самого начала существовало разделение полномочий, каждое имело свой самостоятельный бюджет.

Земство было введено только в 34 губерниях европейской России, где были наиболее сильны позиции помещиков. Оно не вводилось на севере, в Сибири, казачьих областях, на национальных территориях в Средней Азии, на Кавказе, в Западных губерниях. Несмотря на то что необходимость земского управления была очевидной, решение данного вопроса всячески тормозилось из-за боязни грузинского, армянского и всякого иного сепаратизма, угроза которого существовала не в действительности, а в напуганном воображении некоторых кавказских деятелей и публицистов. В число территорий, где земство не было введено, попала и Ставропольская губерния, в которой позиции помещиков были слабы. Основу сельского населения губернии составляли государственные крестьяне. Вопрос о введении земства на Кавказе поднимался неоднократно. Был даже специально создан Кавказский комитет для рассмотрения вопросов о введении земства в регионе. Но дело с места не двигалось.

Однако жизнь настоятельно требовала проведения реформ. Деятельность земских учреждений показывала, что дела в губерниях, где они функционировали, идут гораздо лучше. Более успешно решались вопросы в экономике, социальной сфере. В жизнь прочно вошли такие выражения, как «земский учитель», «земский доктор» и т. д.

Поскольку самодержавие, опираясь на консерваторов, противилось проведению политических реформ в государстве, то в российском обществе нарастало недовольство абсолютной монархией, которое в конечном итоге вылилось в революцию 1905–1907 гг. Самодержавие вынуждено было пойти на реформы, в том числе и политические. Результатом этого стало создание в России высших представительных законодательных органов власти: Государственной Думы и реформированного Государственного Совета. В них с самого начала работы стал подниматься вопрос о реформировании местного самоуправления.

20 июня 1908 года 42 депутата III Государственной Думы, в числе которых были депутаты от Ставропольской губернии Н. Ляхницкий, Г. Рожков, Г. Иванов, внесли законодательное заявление о распространении действий Положения о земских учреждениях 1890 г. на Юго-Восток России – Астраханскую, Оренбургскую и Ставропольскую губернии.

После длительных обсуждений, наконец, 9 июня 1912 г. император Николай II подписал закон, одобренный Государственной Думой и Государственным Советом о распространении на Астраханскую, Оренбургскую и Ставропольскую губернию действия Положения о земских учреждениях, которое было существенно откорректировано в 1890 году в ходе контрреформ, проводимых императором Александром III. И без того урезанные права земств были еще больше урезаны, но в основном они остались неизменными. В волостях и сельских обществах оставалось крестьянское самоуправление.

К ведомству земских учреждений было отнесено: 1) заведование местными губернскими и уездными земскими повинностями, денежными и натуральными; 2) заведование капиталами и другими имуществами земства; 3) попечение об устранении недостатка продовольственных средств и оказании пособий нуждающемуся населению разрешенными законом способами; 4) содержание в исправности состоящих в ведении земства дорог, сооружений, попечение об улучшении местных путей сообщения; 5) устройство и содержание земской почты; 6) заведование взаимным земским страхованием имуществ; 7) заведование земскими лечебными и благотворительными заведениями, попечение о призрении вредных неизлечимых больных и умалишенных, а также старых и увечных; 8) участие в мероприятиях по охранению народного здоровья, развитие средств врачебной помощи населению и изыскание способов по обеспечению местностей в санитарном отношении, а также участие в ветеринарно-полицейских мероприятиях; 9) заботы по предупреждению и тушению пожаров и попечение о лучшем устройении селений; 10) попечение о развитии средств народного образования и установленное законом участие в заведовании содержимыми за счет земства учебными учреждениями; 11) восполнение зависящими от земств способами местному земледелию, торговле, промышленности, заботы об охранении аллей и лугов от порчи и истреблении вредными насекомыми и животными; 12) удовлетворение возложенных на земство потребностей воинского и гражданского управления в установленном порядке; 13) дела, представленные ведению земских учреждений на основании особых законов положений и уставов¹.

Как видно из этого перечня, земству были переданы наиболее острые проблемы, прежде всего социальной сферы. То есть те вопросы, которые требовали от правительства огромных затрат. Теперь все это перекладывалось на земства. Для финансирования нужд уездного и губернского земств им было предоставлено право раскладки сборов с недвижимого имущества.

В связи с введением законом от 9 августа 1912 года в губернии земских учреждений упразднились: Ставропольский приказ общественного призрения; особые комитеты об арестных домах – помещениях для подвергшихся аресту по приговору городских судей и земских участковых начальников (в Ставропольской губернии); учрежденные в 1899 году должности младших инженеров по дорожной части и делопроизводителя при губернском распорядительном комитете. Земским учреждениям передавались подлежащие губернским и уездным установлениям дела: по отбыванию земских повинностей, по общественному призрению, по медицинской и ветеринарной части, по губернскому взаимному страхованию имущества, заведованию помещениями подвергаемых аресту, капиталы, имущество и запасы².

По закону Ставрополь выделился в самостоятельное уездное земство. Это мотивировалось тем, что «...вынесение крупных городских поселений в состав уездного земства ведет к ненормальным последствиям. Обычно такие города служат лишь источником доходов для земской кассы, в самой незначительной доле получая возмещение от земства за уплачиваемые ему сборы с городских имуществ»³.

Таким образом, в правовом отношении г. Ставрополь становился рядом с теми четырьмя городами земской России, которые находились на положении уездных земств: Москва, Петербург, Одесса, Киев. Остальные крупные промышленные города, губернские центры входили в состав уездных земств, являясь донорами, основными источниками формирования их бюджета, что вызы-

¹ Ставропольские губернские ведомости. 1912. 11 августа.

² Там же.

³ О применении положения о земских Учреждениях 12 июня 1890 год к Губерниям Астраханской, Оренбургской и Ставропольской. 1911 год. С. 13.

вало недовольство горожан, так как существенно снижало возможности городских самоуправлений в решении насущных проблем жизни городов, поскольку значительная часть средств шла на нужды уездов. Земские гласные избирались на 3 года. В выборах уездных гласных могли принимать участие только мужчины, достигшие 25-летнего возраста. Женщины в них не участвовали. Но если женщина владела недвижимостью согласно установленного ценза, то она могла передавать по доверенности право голоса мужчине по своему усмотрению. Выборы проводились по куриям на основе имущественного ценза, который был разным для уездов. Для землевладельцев Ставропольского уезда, где были сильны позиции помещиков и крупных землевладельцев, ценз равнялся 320 десятинам, который, кстати, был единственным в губернии уездом, имевшим уездное дворянское собрание, Медвеженского – 340 десятинам, Александровского – 510 десятинам, Благодаринского и Святокрестовского – 650 десятинам. Для владельцев недвижимости был установлен ценз 15 тысяч рублей её стоимости.

Чтобы обеспечить более широкое участие частных собственников, не имевших полного ценза, предусматривалось следующее. Все те, кто имел не менее одной десятой полного ценза, собирались на уездное собрание, где избирали уполномоченных для полноправного участия в выборах гласных. Число таких уполномоченных определялось так. Например, для землевладельцев вся имевшаяся у них в собственности земля суммировалась и затем делилась на установленный для уезда ценз, а для прочих собственников – на 15 тысяч рублей.

Крестьяне на волостных сходах избирали по одному человеку для участия в съезде представителей сельских обществ, на котором должны были избирать из своей среды количество уездных гласных, установленное Министерством внутренних дел. Всего в уездные земские собрания губернии должны были избираться 124 гласных. После завершения выборов уездные гласные на своих первых чрезвычайных земских собраниях из своей среды должны были избирать 31 губернского гласного.

В выборном праве крестьяне тоже были ущемлены. Частные собственники, владеющие имуществом на сумму в 28,4 миллиона рублей, избирали 55 гласных, а сельские общества, имевшие имущества стоимостью 89,3 миллиона рублей, избирали 69 гласных в уездные земские собрания. Причем применительно к земле на одного гласного от собственников приходилось 8 тысяч десятин, а на одного гласного от сельских обществ 40 тысяч десятин. При этом обращает на себя внимание то, что у собственников оценивалась вся недвижимость (предприятия, дома, земля, торговые заведения) у крестьян же только земля.

Но и тот необходимый перевес в гласных, который был при выборах у крестьян, на деле практически ликвидировался, так как в земских собраниях с правом решающего голоса участвовали несколько лиц, назначаемых правительством: председатель собрания, представители ведомств государственных имуществ, уделов, депутат от духовенства, все члены управы, если они и не являются гласными.

В Ставропольское губернское земство был избран 31 гласный, а имело право участвовать в заседаниях губернского земского собрания 50 человек. Председателем губернского собрания по закону был губернский предводитель дворянства камер-юнкер высочайшего двора Бурсак. Сроки собраний назначались губернатором. Он же мог приостановить выполнение любого решения губернского и уездных собраний, протоколы заседаний представлялись в губернское по земским и городским делам присутствию, возглавлял которое губернатор. Таким образом, юридически земские учреждения всецело были подчинены местным властям. Такой состав гласных во многом определял деятельность Ставропольского земства и его взаимоотношения с населением, особенно с крестьянством.

В год проводилось одно очередное собрание – осенью, – рассматривавшее в обязательном порядке годовую бюджет земства. Собрание в уезде могло работать до 10 дней, в губернии до 20 дней. Кроме того, могли проводиться внеочередные, чрезвычайные земские собрания, связанные с решением срочных вопросов: неурожай, бедствия, эпидемии и так далее.

Первые чрезвычайные уездные и губернское земские собрания прошли в конце июля – начале августа. На уездных собраниях были избраны уездные управы и губернские гласные. Завершило формирование Ставропольского земства чрезвычайное губернское земское собрание, которое работало с 15 по 19 августа 1915 года в г. Ставрополе. Председателем губернской земской управы был избран Ставропольский городской голова, коллежский асессор М. П. Поярков, имевший опыт земской работы. Был также решён вопрос о разделе полномочий между губернским и уездным земскими учреждениями, что было очень важно для дальнейшей более чёткой их работы.

Прежде всего следовало решить вопрос кадрового обеспечения земских учреждений. Нужны были люди, знавшие земскую работу, её специфику и способные в кратчайшие сроки организовать деятельность земских учреждений. Формируя кадры, губернская земская управа приглашала спе-

циалистов из других земств. В газетах Ставрополя и земских губерний были даны объявления о том, что губернская и уездные земские управы приглашают на работу специалистов, земских деятелей. К середине октября в губернскую земскую управу от чиновников губернии, из-за её пределов поступило около 1000 прошений с просьбой зачислить на должности в земских учреждениях¹.

В правовом отношении губернское и уездные земства были чрезвычайно ограничены. Брать на работу земских служащих они могли только с разрешения губернатора, он назначал даты проведения собраний, утверждал перечень обсуждаемых вопросов. Управы должны были срочно представлять журналы собраний в губернское по земским и городским делам присутствие, которое давало заключение по правомерности принятых решений. Губернатор мог приостановить действие любого решения. Земская управа могла направить в таком случае жалобу в Правительствующий Сенат, но опять же через губернатора.

Губернатор торопил губернскую земскую управу с проведением 1-го очередного губернского собрания. Он предписал провести его не позже 1 декабря. В свою очередь управа ответила, что этого сделать практически невозможно, и это связано было с тем, что уездные собрания должны были пройти между 20 и 30 октября и заканчивались около 10 ноября².

Это потребовало от губернской и уездных земских управ активизировать свою деятельность по подготовке к первым очередным земским собраниям всех документов по вопросам, выносимым на их обсуждение.

Губернское и уездные земства, приступая к работе, с первых дней постарались сразу же решить все вопросы в развитии земского хозяйства, в социальной сфере. Они хотели быстрее сравняться со старыми земскими губерниями в достижении уровня и результатов в различных сферах хозяйственной и социальной деятельности. Новые земские деятели, готовя материалы к очередным земским собраниям, даже не удосужились глубоко вникнуть в суть того, какими путями это произошло. А ведь в земских губерниях это было сделано за десятилетия, а не за несколько лет. Немаловажную роль здесь сыграло и то, что согласно закону земство могло увеличивать окладные сборы ежегодно не более чем на три процента. Исходя из этого уездные и губернское земские собрания решили сразу установить высокие окладные платежи с тем, чтобы в будущем ежегодный денежный прирост был более весомым.

Земские управы и собрания пошли не от наличия средств, а от желаемого. В начале определили, что нужно сделать, подсчитали, сколько на это потребуется средств, а затем уже на основании этого стали искать источники финансирования. А это зависело в первую очередь от раскладки окладных платежей.

К примеру, все прекрасно понимали, что уровень медицинского обслуживания в губернии был очень низким. Особенно высокой была смертность среди детей. Поэтому губернское земское собрание, учитывая предложения с мест, чтобы исправить это положение, приняло решение об увеличении уже в 1914 году количества врачебных участков и численности врачей вдвое. В итоге это выглядело по уездам следующим образом³:

Уч. год	Медвеженский	Ставропольский	Александровский	Благодаринский	Святокрестилловский	Итого
1913	5	3	4	5	4	21
1914	13	6	6	10	8	43
На сколько увелич.	8	3	2	5	2	22

Число врачебных участков. Таким образом, число врачебных участков увеличивалось в 1914 году с 21 до 43, а врачей при этом с 21 до 46, то есть более чем в два раза. Увеличение как числа врачебных участков, так и врачей было по губернии неравномерным. Соответственно этому неравномерным было и увеличение по уездам губернии числа врачей. Там, где по-настоящему оценили положение дел в здравоохранении, и результаты решения были соответствующими.

¹ Северокавказский край. 1913. 20 октября.

² Северокавказский край. 1913. 13 октября.

³ Доклады губернской земской управы первому очередному губернскому земскому собранию 1913 года. По врачебно-санитарной организации. Ставрополь, 1913. С. 143.

Наибольшее число врачей в 1914 году должно было работать в Медвеженском уезде – 14, Благодаринском – 11, Святокрестовском – 8, Ставропольском – 7 и Александровском – 6 человек.

Земство также приняло решение о значительном увеличении в ближайшие годы количества начальных школ, пошли по пути замены натуральной подводной повинности на денежную и т. д. На всё это нужны были средства, которых не было. Кроме того, на содержание аппарата управления земских учреждений необходимо было 330 тыс. рублей ежегодно. В результате оказалось, что обложение земель и лесов в губернии увеличилось на 630 %, торгово-промышленных заведений – на 770 % и недвижимых имуществ в городах – на 50 %. Обложение десятины земли увеличилось в Александровском уезде на 610 %, Благодаринском – на 670 %, Медвеженском – на 470 %, Святокрестовском – на 380 %, Ставропольском – на 370%. Но при этом всем бросалось в глаза то, что поземельный государственный налог продолжал оставаться неизменным по 2 копейки за десятину и составлял 67 тыс. рублей в год¹.

Поэтому, когда началась раскладка окладных сборов, многие сельские общества либо категорически отказывались от проведения данной операции, либо уклонялись под различными предлогами от нее. Поскольку земство не обладало никакими властными функциями и не имело силовых методов давления на неплательщиков, к этому делу были подключены органы государственной власти, полиция. В села выезжали земские начальники вместе с податными инспекторами и силой заставляли сельские сходы принимать решения о раскладке платежей. Однако работа продвигалась медленно, особенно в Медвеженском и Ставропольском уездах.

Недовольство сельского населения введением земства наблюдалось почти повсеместно в губернии вскоре после рассылки окладных листов, когда крестьяне, не будучи в достаточной степени осведомлены о задачах деятельности земских учреждений, вступивших только в первый год своего существования, узнали о чрезвычайно повышенном земском обложении. При таких условиях это представлялось в глазах населения произвольным и беспочвенным, ибо не обосновывалось какими-либо уже осуществленными земскими организациями полезными для населения мероприятиями. В дело была пущена репрессивная машина.

В связи с этим губернатор предложил участковым земским начальникам принять решительные меры в пределах закона к обеспечению поступления земских сборов, прежде всего с тех сельских обществ, которых не коснулся недобор хлебов или другие экономические бедствия. Однако, как показала практика, принудительные меры взыскания земских сборов привели к конфликтам. Естественно, что введение новых окладных платежей встретило ожесточенное сопротивление не только крестьян-общинников, но и всех владельцев недвижимого имущества. Это ярко проявилось весной 1914 года, когда началась раскладка окладных платежей. Многие сельские сходы категорически отказывались их производить и запрещали это делать волостным старшинам. И здесь земства сразу остро ощутили своё бесправное положение, поскольку не имели никаких властных рычагов воздействия на крестьян, чтобы заставить их произвести раскладку платежей. Они должны были обращаться за помощью к местным властям.

Губернатор требовал разъяснять крестьянам всю бесцельность уклонения их от раскладки земских сборов и предупредить, что подстрекатели к неповиновению законным требованиям властей будут подвергнуты самым строгим взысканиям. Однако и это не подействовало. Многие сельские общества продолжали упорствовать. Министр запрашивал, какие меры собираются принять в губернии, не прибегая к принудительному взысканию окладных платежей. Со своей стороны он не возражал против созыва чрезвычайных собраний, которые бы приняли решения о понижении платежей².

Однако сделать это в мирных условиях не удалось, так как началась Первая мировая война, во время которой противостояние между крестьянством и земством усилилось и привело в конечном итоге к катастрофе земских учреждений. Часто крестьяне заявляли о том, что «налога платить не будут, пока им не покажут бумагу о земстве за подписью Государя Императора». Напряженность отношений по вопросу земства осенью 1914 года вылилась в разгром, причем дважды, школы в селе Пелагиада Ставропольского уезда.

К концу 1914 года в губернии сложилось очень тяжелое положение с уплатой земского сбора. Платежи сельскими обществами и частными владельцами составили лишь около половины установленной суммы. Результатом сопротивления крестьян против введения резко возросших

¹ ГАСК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 392. Л. 1.

² Там же.

окладов явилось то, что, несмотря на мощный пресс со стороны властей, они отказывались вносить платежи. Всего в 1914 году должно было поступить по губернии окладных платежей и земских сборов 2 733,7 тыс. рублей. Фактически их оказалось 1 309,4 тыс. рублей, то есть меньше половины. Недоимка по окладу по уездам выглядела следующим образом: Ставропольский – 270 тыс. руб., Александровский – 125, 5 тыс. руб., Медвежинский – 483,4 тыс. руб., Благодарненский – 366,4 тыс. рублей, Святокрестовский – 145,8 тыс. рублей, в то время как на 1 января 1914 года оставалось по губернии всего 85 тысяч рублей невнесенных земских сборов. Так население губернии ответило на то, что оклад увеличился с 472 тыс. рублей до 2 565,2 тысяч рублей, то есть в пять с лишним раз¹.

Первая мировая война поставила перед земством новые сложные задачи. Она потребовала от земского самоуправления огромного напряжения сил и мобилизации всех материальных, финансовых и трудовых ресурсов для защиты государства от врага.

Неожиданный призыв в войска застал сельских хозяев в самое горячее время – в разгаре была уборка урожая. Перед земством встал вопрос: как и чем помочь семьям мобилизованных? На чрезвычайных земских собраниях речь шла не только о завершении уборки урожая, но и об оказании помощи семьям мобилизованных в осенне-полевых работах и выделении семян для посева. Губернское земское собрание приняло решение выделить 75 тыс. рублей из средств губернского земского сбора, уездные земства по 500 рублей на волость для оказания помощи в уборке урожая и обсеменении полей осенью семьям военнослужащих.

В губернской земской управе 25 июля состоялось совещание промышленников, обсудивших вопросы мобилизации местных «промышленных сил» для поставки в действующую армию предметов боевого и материального снабжения. На совещании выяснилось, что местные промышленники предприятия могут изготовить около 300 бричек, проволочные заграждения, подковы и части для снарядов.

27 июля 1914 г. губернатор утвердил постановление совещания при Ставропольской городской управе о твердых ценах на продукты и предметы первой необходимости, а 2 августа издал обязательное постановление, которым запретил торговцам повышать цены. За невыполнение постановления они подвергались в административном порядке тюремному заключению или аресту до трёх месяцев или штрафу до трёх тысяч рублей². С этого времени уездные земские и городская управы стали периодически представлять губернатору предложения о предельных ценах на товары первой необходимости для утверждения.

Земство и города, воспользовавшись военной обстановкой, уже в первые дни войны, поставили вопрос о создании общероссийских организаций. Были образованы всероссийские земский союз и союз городов помощи больным и раненым воинам. На Ставрополье этим вопросом активно занимался созданный губернский комитет.

В губернии широко развернулось движение по созданию госпиталей для лечению больных и раненых воинов. В нём участвовало земское, городское, крестьянское самоуправление. Средства на создание госпиталей выделили земство, городские и сельские общества, организации; население вносило пожертвования. Процесс создания госпиталей шёл на протяжении всей войны. На начало 1917 года в губернии было 40 госпиталей на 2 695 коек. Из этого числа более трёх четвертей госпитальных коек находилось в г. Ставрополе³.

В условиях войны губернное и уездные земства стремились более оперативно решать многие вопросы. 1914 год в сельском хозяйстве губернии складывался неплохо. Крестьяне вовремя справились с весенне-полевыми работами, хотя этому в значительной мере мешала долго державшаяся холодная сырая погода, а также недостаток рабочих рук, что было очень острой проблемой для сел губернии. В этих условиях губернное земство поставило вопрос об использовании труда военнопленных. Данный вопрос был решён положительно. В губернию стали направляться военнопленные, распределением которых занималось земство. Губернской и уездным земским управам много пришлось заниматься оказанием помощи беженцам.

Одним из серьезных направлений в деятельности губернского и уездных земств было снабжение действующей армии продовольствием, особенно мясом. Так, в 1916 году для губернии была

¹ Обзор Ставропольской губернии за 1914 год. Ставрополь, 1915. С. 25–26.

² Северокавказский край. 1914. 12 августа.

³ ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 8476. Л. 1.

определена поставка 100 тысяч голов крупного рогатого скота для армии, что соответствовало 1,8 миллионам пудов живого веса. Это было тяжёлой задачей, возложенной на земство¹.

Приступая к выполнению этого поручения, губернское земство подходило к решению дифференцированно с учётом положения дел в сельском хозяйстве губернии. Было признано необходимым освободить от реквизиции скот, необходимый для пахоты из расчета двух лошадей или трех волов на 12 десятин пахоты собственной и арендованной земли как у крестьян, так и у частных владельцев. Одновременно уездные земские управы всё настойчивее ставили вопрос об освобождении от призыва в армию отдельных категорий работников, а также об их отпуске из армии на период сельскохозяйственных работ. Так, Ставропольская уездная земская управа в декабре 1916 года, исходя из того что в хозяйствах уезда складывалась очень сложная обстановка с проведением работ, просила отпустить на сельскохозяйственные работы из армии нижних чинов из команд выздоравливающих и местного запасного батальона сроком на один месяц в период сезона: весной – с 5 марта по 5 апреля, на уборку урожая – с 1 июня по 20 июля и при свозе снопов и молотье – с 20 июля по 20 августа. Ходатайство наместнику на Кавказе было поручено доставить специальной делегации из 3 человек².

А государственная власть тем временем продолжала нагружать земские учреждения всё новыми срочными и важными поручениями. Так, когда законом от 30 ноября 1916 года была введена в стране продразвёрстка, заниматься этим вопросом было поручено земским учреждениям, хотя и при поддержке местных органов государственной власти. Таким образом, ещё одна непопулярная миссия среди крестьянства поручалась земству.

Во время войны земство оказалось в чрезвычайно трудном положении. Авторитет его за годы войны значительно пошатнулся. И связано это в значительной степени было с тем, что резко возросли его непредвиденные расходы. Непомерный рост цен существенно подорвал финансовые возможности губернского и уездных земств. Увеличение окладных сборов с земли и недвижимости, которые и так были высоки, а в годы войны еще более возросли и достигли весьма значительных размеров, вызывали недовольство населения, и в первую очередь крестьянства, которое отказывалось их уплачивать, в результате чего образовывались огромные суммы недоимок. Всё это накаляло и без того сложную обстановку, усиливало напряжённость в деревне. Это выражалось в актах неповиновения среди крестьянства. Примером могут служить события, произошедшие в селе Александрия Благодаринского уезда в ноябре 1914 года.

Крестьяне села отказались уплачивать окладные земские платежи, и ничто не смогло сломить их сопротивление. На сельском сходе 14 сентября крестьяне, требуя уничтожения податных книг, нанесли в грубой форме оскорбления и угрозы волостному старшине, писарю и сборщику податей за то, что они против желания общества, отказавшегося от платежа земских сборов, внесли этот сбор в податную тетрадь. Губернатор на основании Правил о местностях, объявленных на военном положении, 5 ноября своим постановлением подверг девять человек главных зачинщиков и подстрекателей беспорядка штрафу от 100 до 500 рублей с заменой тюремным заключением от одного до трех месяцев³. Это вызвало всеобщее недовольство жителей села.

Власти начали действовать. По распоряжению участкового земского начальника, Александрийским волостным старшиною на пополнение недобора земского оклада, установленного на этот год, было описано движимое имущество восьми домохозяев, наиболее активно агитировавших против земства и упорно уклонявшихся от платежа земских сборов. Продажа имущества была назначена на 25 ноября в уездном центре селе Благодарном.

Жители села, узнав об этом, твердо решили воспрепятствовать продаже имущества. Для предупреждения активных выступлений населения губернатор 5 ноября издал постановление об аресте главных агитаторов против земских учреждений, что и было сделано 23 ноября утром. Арестованных направили под конвоем полицейского урядника в Благодаринский тюремный замок для отбытия наложенного на них наказания. Это возмутило жителей села. Группа верховных крестьян, 25–30 человек, в двух верстах от села Александрии отбила арестованных, избив урядника, и с арестованными возвратилась в село, где «избивали всех урядников до полусмерти».

Постепенно толпа крестьян увеличивалась и направилась к дому зажиточного крестьянина Акима Лелекова, члена Благодаринской уездной земской управы и начала громить его постройки. Группа крестьян, подожгла земскую школу. Для наведения порядка в село прибыл становой при-

¹ ГАСК. Ф. 101 Оп. 4. Д. 3748. Л. 17.

² ГАСК. Ф. 67. Оп.1. Д. 366. Л. 92.

³ Наш край. Документы, материалы (1917–1977). Ставрополь, 1983. С. 21–24.

став Прошкин с 12 стражниками и двумя полицейскими урядниками. Поставив к дому Лелекова охрану из двух стражников и одного урядника, пристав с остальными стражниками разместился в здании волостного правления для предупреждения возможного его разгрома и хищения хранящихся в нем денег.

На следующий день в селе Александрии произошли беспорядки. Причиной тому, как признавало и само губернское начальство, послужило значительное повышенное в текущем году земского обложения по сравнению с тем, какое существовало в губернии до введения названных учреждений. В пять часов утра 24 ноября к волостному правлению стали собираться крестьяне группами по 10–20 человек. Они вели оживлённые разговоры, обсуждая план дальнейших действий. К 12 часам толпа увеличилась до 2000 человек.

Возбуждение среди собравшихся росло. Около часу дня в ближайшей церкви ударили в набат. Толпа, быстро увеличиваясь, приблизилась к запертым дверям волостного правления и под её натиском дверь затрещала.

Пристав вышел на крыльцо и попытался уговорить крестьян одуматься, но всё было безрезультатно. В пристава с криками «бей его» начали бросать камни, палки, бить окна и громить волостное правление. Из толпы последовал выстрел. Стоявшие близко к крыльцу, пытались стащить пристава вниз. Тот неоднократно предупреждал толпу, что если не прекратится нападение, то он вынужден будет стрелять. Однако толпа продолжала ломиться в волостное правление, намереваясь обезоружить и избить пристава вместе со стражниками. И пристав приказал открыть огонь. После первого залпа толпа не отступила. Был сделан повторный залп. Некоторые жители побежали, но наиболее упорные остались, вступив с отрядом стражников в перестрелку. В результате оказались убитыми из толпы 3 человека и ранены 7. Пристав вывел отряд стражи из волостного правления и рассеял остатки толпы.

После происшедшего события в село Александрию начали прибывать жители окрестных сел и стал организовываться отряд, чтобы отправиться в село Благодарное и разгромить там земскую управу и другие земские учреждения. Но на место происшествия прибыл вице-губернатор князь Шервашидзе с отрядом из 70 донских казаков. Порядок в селе был наведён, произведены аресты главных зачинщиков и сразу же началось следствие, которое длилось более года¹.

Для расследования инцидентов, связанных с земством, в начале декабря 1914 года в губернию прибыли чиновники МВД России. Было проведено совещание, на котором все пришли к выводу о необходимости пересмотра сметы на 1915 год, по возможности сократив расходы, оставив только на неотложные нужды. Утвержденная на 1915 год губернская смета в сумме 724 603 рубля была сокращена до 352 777 рублей. Это было сделано в первую очередь за счет народного образования – с 426 278 рублей до 112 648 рублей и на медицину – с 69 473 руб. до 55 778 руб. Было решено закрыть пять больниц, оставив на уезд лишь одну. Обложение на десятину уменьшилось по губернии в среднем с 61 копейки до 43 копеек².

Наконец 7 января 1916 года в селе Благодарном началось рассмотрение военно-окружным судом под председательством генерал-лейтенанта Игнатьева дела о вооруженном сопротивлении крестьян с. Александрии Благодаринского уезда. Обвиняемых было 67 человек, из которых Зуев и Шальнев в начале войны были мобилизованы, а затем после ранения возвратились на поправку в село. В качестве свидетелей было привлечено около 300 человек. Военноокружной суд, рассмотрев дело об александрийцах, приговорил 4 человека к смертной казни через повешение, 20 – к каторжным работам на 15–20 лет, одного – к бессрочной каторге, 22 были приговорены к арестантским ротам и разным срокам тюремного заключения, 17 человек были оправданы. В то же время суд, видя реакцию общественности и учитывая возможные последствия, постановил ходатайствовать о смягчении участи, приговоренных к смертной казни³. Учитывая ходатайства земства, общественных организаций губернии, а также возможные последствия, наместник на Кавказе Николай Николаевич произвёл конфирмацию приговора по делу 67 крестьян с. Александрии. Смертная казнь четырем приговоренным к ней крестьянам заменили десятилетней каторгой. Каторжные работы, приговоренным к ним крестьянам, были сокращены на одну треть. Остальным сроки снижены, а четверо оправданы⁴.

¹ ГАСК. Ф. 1008. Оп. 1. Д. 366. Л. 4–5.

² Земское дело. № 3. 5 февраля. С. 194.

³ ГАСК. Ф. 1008. Оп. 1. Д. 366, Л. 11–17.

⁴ Северокавказский край. 1916. 6 февраля.

В условиях ухудшения положения многих крестьянских хозяйств, недовольство сельского населения продолжало нарастать. Это особенно ярко проявлялось в отказе крестьян уплачивать окладные платежи. В результате чего увеличивались недоимки и нарастал финансовый кризис земства. Для Ставропольского земства он был более глубоким и угрожающим, поскольку затрагивал все стороны жизни губернии. К началу 1917 года для губернского и уездных земств сложилось очень трудное финансовое положение, связанное с тем, что население губернии плохо вносило окладные платежи по уездным и губернскому сборам.

После свержения самодержавия крестьянство отказывалось вносить выкупные платежи, ссылаясь на то, что поскольку земство является результатом деятельности старой власти, которая рухнула, то и земство следует упразднить.

Временное правительство сделало ставку в местном управлении на земство. Был принят закон о введении волостного земства, чем упразднялось сословное крестьянское самоуправление и вводилось всеобщее. Однако на Ставрополье волостное земство не было принято крестьянством. Во многих волостях отказались вводить волостное земство под разными предлогами: земство ничего не дало, сделать это следует после войны и т. д. В четверти волостей оно так и не было введено. А после передачи вторым Всероссийским съездом Советов власти в России в руки советов, крестьянство Ставрополья активно включилось в борьбу за упразднение земства. Четвёртый губернский съезд крестьянских депутатов 30 декабря 1917 года принял решение упразднить земство на территории Ставропольской губернии навсегда. Это решение поддержало губернское народное собрание 31 декабря, передавшее власть в губернии советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В течение января 1918 года земство на территории Ставропольской губернии было упразднено.

Анализ показывает: несмотря на то что земство проработало в губернии четыре с половиной года, и всего лишь год в мирных условиях, оно сделало многое в различных сферах жизни и показало, что при соответствующей нормативной базе оно могло бы сделать гораздо больше.

Конечно, земство подвергалось острой критике в своё время политическими, общественными деятелями, в средствах массовой информации, литературе. Но, критикуя земство, многие отмечали, что оно не в состоянии до конца было выполнить свою миссию, поскольку не имело для этого прав, средств, кадров. Попытку расширить сферу деятельности земского и городского самоуправления сделало после свержения самодержавия в 1917 году Временное правительство, уделив большое внимание реформированию местного самоуправления, придав ему форму местной власти. Были изданы законы по выборам в местное самоуправление на основе всеобщего, прямого, равного, тайного голосования, созданию волостного земства, которое должно было стать полномочным хозяином на территории волости. По существу, создавались условия для формирования в России гражданского общества, в котором местное самоуправление становилось его основой, фундаментом. Но в сложных условиях того времени Временное правительство, непродолжительное время находясь у власти, не смогло провести реформы в жизнь.

После установления в стране власти советов, сочетавших в себе государственную власть и местное самоуправление, при жёстком соподчинении нижестоящих органов управления вышестоящим, земскому и городскому самоуправлению места в государственной системе не нашлось. В 90-е годы XX века, когда начались поиски оптимальных форм местного самоуправления, был использован российский исторический опыт организации самоуправления, в том числе и земства.

Т. А. Булыгина

Городская повседневность южной окраины Российской империи. От имперской урбанизации до развала империи

Городская история включена в различные контексты, которые в значительной мере определяют специфику городской жизни. Это в полной мере относится к истории южного города Ставрополя, в истории которого своеобразно отражены тенденции истории и российской государственно-сти, и социокультурной истории российских городов, и российской урбанизации на протяжении существования Российской империи и ее краха.

С периода активного встраивания Кавказа в геополитическое, экономическое и социокультурное пространство Российской империи степное Предкавказье, определяемое как Ставрополье,

включалось и в политическое сознание власти, и в общественное сознание как южная окраина Российского государства. Наиболее значимым здесь был город Ставрополь, созданный как крепость в 1777 г., но скоро потерявший свое прямое военное значение. Постепенно город превратился в административный центр и ворота России на Кавказ. Впоследствии и его роль транспортных ворот в связи с постройкой Владикавказской железной дороги была утрачена. В то же время город превратился в крупный купеческий центр с уникальным культурно-интеллектуальным пространством, с сохранением административных функций. Каждая эпоха привносила в жизнь Ставрополя новые черты, которые даже после развала Империи некоторое время сохранялись, пока не сменились обликом малого советского города.

Городская повседневность связана с урбанизационными процессами. По мнению российского исследователя А. С. Сенявского, в исторической урбанистике есть два понятия «урбанизация». Во-первых, этот термин употребляют в значении «урбанизационный переход»¹, т. е. переход от традиционного сельского к городскому обществу как часть модернизационного процесса, связанного с промышленным переворотом и переходом к индустриальному обществу. Второе же значение урбанизации включает в себя, по мнению того же Сенявского, территориальную концентрацию человеческой жизнедеятельности вплоть до создания городских видов жизни².

В Российской истории можно выделить два периода урбанизации. Первый период включает процесс возникновения и распространения городских поселений в традиционном обществе, не меняющий аграрного характера российской цивилизации. Его можно определить как «протоурбанизация». Второй период связан с особенностями российской модернизации, которая осуществлялась дискретно как по временной вертикали, так и по территориальной горизонтали. Эти общеисторические тенденции специфически проявлялись и в повседневной истории южного города Ставрополя в пространстве социокультурного пограничья Северного Кавказа. Российская протоурбанизация инициировалась «сверху» как одна из функций укрепления государственной власти на местах, особенно при колонизации новых земель. Так был создан и Ставрополь.

Контекстами повседневности Ставрополя стало и геополитическое положение территории, и своеобразие колонизации новых земель на Кавказе, и особенности российского исторического пути. В эпоху протоурбанизации накапливались традиции градостроительства, формировался городской образ жизни, происходила деформация структуры и ценностей традиционной сельской общины, что в свою очередь создавало предпосылки ускорения модернизации и урбанизационного перехода. Однако главным ресурсом создания городского поселения оставался административно-военный фактор. Административный статус города был важнейшим условием роста численности его населения, его благоустройства, развития инфраструктуры³. Это сказалось на социокультурном контексте, на менталитете и повседневной жизни горожан Ставрополя.

Становление и развитие Ставрополя до середины XIX в. представляет классический образец российской протоурбанизации, связанной с завоеванием Кавказа и освоением территорий Северного Кавказа. Источником для изучения истории повседневной жизни Ставрополя первой половины XIX в. были всевозможные ведомости, книги учета различных сторон городской жизни.

Жители города в это время в большинстве своем проживали в предместьях, и только небольшая часть – в самом городе. Еще в 1840 г. торговля в городе с населением 8 000 человек была слабо развита, каменные дома составляли менее десятой части всех строений⁴. Тогда же стала формироваться экономическая и управленческая структуры Ставрополя, которые получили новое направление после создания Ставропольской губернии и существенно повлияли на городскую повседневность. Так, весной 1836 г. в городе было открыто цеховое управление, главою которого из 13 портных был избран иностранец портной Адольф Блюм, за чью честность поручились местные горожане портной А. Волобуев и мещанин И. Мартков⁵. В городе жили 9 семей иностранцев, но среди городских храмов были только православные церкви. Не было в те годы и серьезных пре-

¹ Сенявский А. С. «Урбанизационный переход» России в XX веке как составляющая модернизационного процесса: условия, реализация, результаты // Россия на рубеже XXI века. М., 2000. С. 217.

² Там же.

³ Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е годы. Л., 1990. С. 27.

⁴ Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Вып. V. 1913 год. С. 3–10.

⁵ Приговор жителей города Ставрополя об избрании цехового управления // Ставрополь в документах и материалах (1777–2007). Ставрополь, 2007. С. 125.

ступлений, но и учебных заведений было всего четыре¹. Город Ставрополь был мещанским, т. к. дворян здесь насчитывалось 25 человек, в основном гражданские чиновники, а военных дворянского сословия среди горожан 1842 г. было всего 5 офицеров².

Ценным источником по истории Ставрополя является переписка Кавказского гражданского губернатора П. Х. Граббе с окружным начальником и с городским полицейским управлением³. Подлинность текста источника, типичность его происхождения, стиль переписки, множественное дословное повторение одних и тех же фактов позволяют интерпретировать данные документы в русле общероссийской традиции бюрократической волокиты, когда каждую мелочь в общественной жизни города надо было множество раз согласовывать с вышестоящим начальством. Так вопрос о мощении одной улицы «плетневым камнем» (природный камень плитами) обсуждался в официальной переписке шесть раз на протяжении трех месяцев, с февраля по май 1839 г.

В комплексе с законодательными документами переписка местных органов управления помогает более полно представить всю систему местной городской власти, включая повседневность ставропольского управления. Бедность городской казны по вопросу «благоустроительных» работ подтверждалась текстом изучаемого источника. В одном из писем, адресованном губернатору городским начальником, подробно описываются этапы и специфика организации подписки на сбор средств, предназначенных для мощения главной улицы⁴. Данный сюжет не ограничивается информацией о составе сборщиков и жертвователей. В нем имеется информация как о материальной состоятельности тех или иных социальных слоев ставропольчан, так и о проявлениях их психологии.

Однако информативность данного источника не исчерпывается этим внешним и очевидным слоем интерпретации. Следующий его уровень – это эпизоды повседневности жителей Ставрополя, содержащиеся в этой переписке. Организация отлова бродячих и непривязанных собак, угрожавших здоровью зазевавшихся прохожих⁵, картинки замусоренных улиц и зловонных и бездействующих сточных канав⁶ дают представление об обыденной жизни города конца 30-х годов XIX века.

Описание «сходбищ» у питейных заведений, официально запрещенных городским положением, с музыкой, игрищами и драками⁷ позволяют говорить о сельском укладе жизни обитателей Ставрополя, о сельских формах досуга рядовых горожан, не переставших быть детьми своих деревень и станиц. И отпуск хозяевами своих собак с привязи на ночь глядя, и буйные гульбища по праздникам – типичные признаки сельского быта, особо никем не стесняемые. Попытка местных властей регламентировать городской быт наталкивалась на консерватизм сельской традиции.

В документах имеются свидетельства слабо развитого правосознания на всех уровнях социальной лестницы, которое проявилось, с одной стороны, в бессилии местной власти обеспечить выполнение ее же распоряжений, а с другой – в умении горожан обходить эти официальные установления. Жители домов, расположенных по замощенной улице, не желали содержать эту мостовую в порядке, ибо по ней ходили и ездили и другие обыватели⁸. Полиция старалась вопреки закону не вызывать на публичные представления жандармскую команду, чтобы не платить лишних налогов⁹. Наконец, арестанты, официально выделенные для отстрела бродячих собак, вместе с конвоиром вместо собак ловили в городских слободках свиней и другую домашнюю живность¹⁰.

Во второй половине XIX столетия городская жизнь медленно, но неуклонно менялась, приобретая новый облик. В середине 1870-х гг. резко увеличилось население Ставрополя. По результатам однопольной переписи 1874 г. в нем проживали 29 617 человек, т. е. в 3,5 раза больше, чем 30 лет назад¹¹, а в 1902 г. было уже 46 с половиной тысяч горожан¹². В Ставрополе выросли 130 трехэтажных и четы-

¹ Отчет городского полицейского управления Кавказскому гражданскому губернатору о состоянии города Ставрополя за 1839 год // Ставрополь в документах и материалах (1777–2007). Ставрополь, 2007. С. 127–137.

² См.: Список лиц дворянского сословия, проживающих в городе Ставрополе // Там же. С. 138–139.

³ Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 444. Оп. 1. Д. 1139, 1421.

⁴ ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 1139. Л. 10.

⁵ ГАСК. Ф. 444. Д. 1139. Л. 21.

⁶ Там же. С. 15.

⁷ Там же. Д. 1421. Л. 11.

⁸ Там же. Д. 1139. Л. 8.

⁹ Там же. Л. 30.

¹⁰ Там же. Л. 23.

¹¹ Ставрополь в документах и материалах (1777–2007). Ставрополь, 2007. С. 146.

¹² Там же. С. 169.

рехэтажных каменных домов. Среди торговцев, мастеров и промышленников все чаще встречались иностранные подданные, их было около 350 человек. Поэтому в городе осуществляли службу 1 католический и 3 протестантских священнослужителя. Около 9 % ставропольских жителей занимались торговлей и промыслами и около 10 % – промышленностью и ремеслами. Таким образом, город превращался в торговое поселение с большим количеством свободного капитала¹. Это позволило Кавказскому наместнику уже в 1862 г. рекомендовать членам губернского правления учредить в Ставрополе общественный банк². К концу XIX в. в городе было более 20 промышленных предприятий в основном по переработке сельскохозяйственной продукции – маслобойни, мельницы, мыловаренные и по разливу минеральных вод заведения. Широкое развитие в Ставрополе приобрело пивоварение. Несмотря на существование уже двух пивоваренных заводов, в 1880 г. городское правление разрешило швейцарскому гражданину В. В. Салису открыть еще один в центре Ставрополя³.

В повседневной жизни Ставрополя появлялись новые штрихи. Дачные рощи местных жителей превращались в общественные сады, где проходили не сельские увеселения, а городские празднества и гулянья. Так, волею Кавказского наместника князя М. С. Воронцова на месте рощи и пустыря был разбит Воронцовский сад, в котором были посажены семена многих фруктовых и декоративных деревьев, разбиты аллеи, построены каменная ограда и каменная беседка, декоративный мост, вырыт парковый пруд⁴. В начале XX в. для освещения улиц города вместо фонарей с рыбьим жиром появились газовые фонари, наиболее значимые общественные учреждения стали освещаться электричеством. В городе была установлена телефонная связь. К примеру, в 1915 г. в городской телефонной книге насчитывалось 456 номеров, 30 % из которых находились на квартирах чиновников, практикующих врачей и крупных предпринимателей⁵.

Город Ставрополь рассматривался большинством краеведов в в основном как социально-экономическая и административно-политическая единица и гораздо реже как жизненная среда горожан. Это пересечение архитектурного, экологического, социального, хозяйственного, политического, а также общекультурного пространства. Эти пространства в своем взаимодействии создают некую систему городского организма, в центре которой – городские жители. Так в рамках общекультурного контекста города может быть выделено интеллектуальное пространство, создаваемое его носителями как особая сторона городского бытования. В свою очередь, как Ставрополье было частью России, так и это пространство является частью интеллектуальной общероссийской истории. Одновременно это пространство создает особую атмосферу в жизни каждого отдельно взятого города.

Интеллектуальное пространство Ставрополя включает в себя множество относительно автономных элементов. Одним из таких элементов было функционирование образования. История Ставропольской мужской классической гимназии или история Ставропольского женского епархиального училища интересны не только сами по себе, но и как среда, в которой происходила интерпретация общественных идей, культурных образов, как сфера интеллектуальных усилий преподавателей и учащихся. Более того, эта сфера городской жизни тесно взаимодействовала с культурным и даже политическим контекстами. Она помогла понять, как учебные заведения и их обитатели влияли на культурную и общественную жизнь города. Не менее интересной научной проблемой представляется изучение представлений горожан о жизни учебных заведений как составляющей городской повседневности, а также исследование воздействия интеллектуального пространства через систему образования Ставрополя на частную жизнь горожан.

Значимым системообразующим элементом интеллектуального пространства нашего города длительное время был музей. История музейного дела – это не только хроника событий и каталоги экспонатов, это история одного из важнейших центров интеллектуальной жизни общественных, научных и культурных деятелей Ставрополя, включая интеллектуальное воздействие на жизнь горожан. В этом отношении к истории городских музеев примыкает и история научных и просветительских обществ города. При этом эти сюжеты наиболее наглядно демонстрируют последствия развала империи и многообразие истории перехода от прежней России к новой советской России, где отображен процесс столкновения традиций и новаторства, а также пути подчинения социокультурной, интеллектуальной, хозяйственной повседневности новой власти.

---

¹ Там же. С. 146–164.

² Там же. С. 141–144.

³ Там же. С. 164–167.

⁴ Там же. С. 329–335.

⁵ Там же. С. 352–365.

Специфика интеллектуальной среды Ставрополя состояла в том, что при окраинности города его интеллектуальное пространство испытывало прямое воздействие знаковых личностей российской культуры. На протяжении всего периода вхождения Кавказа в систему российской государственности Северо-Кавказский регион был «теплой Сибирью» для всех вольномыслящих людей. Среди сосланных на Кавказ было немало тех, кто составил славу российской культуры. Вторым фактором влияния была близость Кавказских Минеральных Вод, где среди «водяного общества» были люди, чье воздействие на интеллектуальную историю как Ставрополя, так и всего Северного Кавказа было неоспоримым.

Для изучения интеллектуального пространства особую важность приобретает персональная история. Именно персоналии были главными носителями и побудителями интеллектуального пространства города Ставрополя. Это и А. Вельяминов, и Н. Майер, и Я. Неверов, и Г. Прозрителев, и И. Бентковский, и В. Гниловской, и В. Скрипчинский, и В. Невская, и А. Авксентьев, и З. Позднева, и Д. Кочура и десятки других знаковых фигур ставропольского общества.

Недостаточно изученными источниками Ставропольской истории эпохи распада Российской империи и перехода к советской системе являются материалы местных архивов. Документы местной власти, письма жителей города в различные инстанции, отраслевая документация и другие архивные источники помогают погрузиться в городскую жизнь ставропольчан в нелегкое время перемен. Например, протокол совещания губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и других органов местной власти от 27 ноября 1923 г., посвященный вопросу урегулирования системы взимания подоходно-имущественного налога жителей окраин Ставрополя раскрывает специфику хозяйственной жизни горожан, выраженную официально-административным делением городского пространства на центр и окраины. Такое разделение определялось характером занятий жителей различных районов города. Промышленное и торговое население, а также управленцы различных уровней жили и работали в центре, а окраинные жители в основном занимались сельским хозяйством. Сельскохозяйственная отрасль в городе была не подсобным средством поддержания жизненного уровня горожан, а основным занятием 40 % горожан.

Городское население окраин попадало под двойной налоговый гнет – как горожане, которые платили городские налоги и принудительно приобретать облигации золотого займа, а как крестьяне, «занимающиеся исключительно сельским хозяйством», выполняли единый сельскохозяйственный налог. Местная власть, ставшая жертвой несовершенства новых законов, особое внимание уделяла выявлению характера доходов отдельных городских дворов окраин, для чего были созданы специальные районные комиссии. Материалы этих комиссий позволяют подробно выявить имущественное положение жителей окраин, характер их занятий: ремесла и промыслы, торговля и сельскохозяйственное производство. Выясняется, что городская повседневность в начале 1920-х гг. стала тяжелее, но не поменяла вектор своего бытования. Арендная плата за городскую землю рассматривалась местной властью как «важнейший в будущем источник местных средств». При внимательном прочтении документа выясняется преобладание формирования городской экономической политики, когда не только виды налогов, но даже их размер исчислялся с оглядкой на опыт городской управы «в довоенное время», т. е. до Первой мировой войны, революции и Гражданской войны.

Вот почему поворот в аграрной политике советского государства в значительной степени повлиял на городскую историю. В Ставрополе в результате коллективизации были созданы три колхоза, длительное время (до начала 1950-х гг.) органично включенные в хозяйственную жизнь Ставрополя. Этому предшествовал процесс раскулачивания окраинных хозяйств, так что репрессии в отношении крестьянства – трагическая страница в истории губернского города. В конце мая 1929 г. местная городская власть выявила 71 кулацкое хозяйство¹. В феврале 1930 г. началось выселение 33 семей городских кулаков за пределы Северо-Кавказского края², а в марте 25 зажиточных хозяйств с семьями были переселены внутри Ставропольского округа как «вредительский элемент»³.

После развала империи городская повседневность Ставрополя тоже разрушилась. Произошла некоторая архаизация жизни горожан. Была разорена система коммуникаций и «городских удобств», резко сократилось потребление промышленных и продовольственных товаров, расстроилась система благоустройства. В источниках, которые иногда именуется «голосами снизу» (заявления, жалобы и письма горожан в различные инстанции), мы можем наблюдать следы обыденной

¹ ГАСК. Ф.Р-299. Оп. 1. Д.1003. Л. 92.

² Там же. Д. 1598. Л. 1.

³ Там же. Д. 1597. Л. 1.

жизни населения Ставрополя. Неопытность новых «градона начальников», голод, бедность городского бюджета, как и в первые годы существования Ставрополя, мешали всерьез заниматься налаживанием городской жизни. О состоянии городского хозяйства, свидетельствует, например, содержание одного из приказов губернского исполкома в августе 1922 года. В нем отмечается, что «чрезвычайная загрязненность города» с наступлением осенней распутицы может представлять «серьезную угрозу здоровью населения»¹. Поэтому в 1924 г. вышло обязательное постановление губернского исполкома, которое определило порядок ежедневной уборки улиц и тротуаров, своевременной очистки крыш от снега и льда. Назначались специальные люди, ответственные за порядок на улицах, площадях, возле домов².

С одной стороны, городской уклад жизни, досуг горожан, их мировосприятие постепенно менялись. С другой же стороны, НЭП возродил некоторые институты, немыслимые в первые годы советской власти. Так, в октябре 1924 г. в городских школах была восстановлена плата за обучение³, а в январе 1926 г. окружной исполком разрешил Варваринской церковной общине Ставрополя провести крестный ход⁴. В то же время обозначились приметы нового быта. Местная власть, например, объявила незаконными церковные браки, заключенные в Ставрополе после 15 марта 1920 года⁵, требуя регистрации браков в ЗАГСе.

При всем разнообразии форм повседневной жизни главным мерилom городской повседневности выступают жители. Интересно проследить перемены в составе горожан, на которых влияли различные обстоятельства. С ростом промышленности, к примеру, возникали горожане-рабочие; события 1905 г. и последующая политическая модернизация Российской империи повлекли за собой формирование новых общественных институтов, таких как профсоюзы. Городской уклад жизни из столиц к началу XX века добрался и до таких окраинных городов, как Ставрополь. В годы Первой мировой войны местное население пополнилось военнопленными. Они стали использоваться в частных хозяйствах и на общественных работах губернии и губернского города.

На Ставрополье уже летом 1916 г. были организованно посланы первые крупные партии военнопленных. Потребность в рабочих руках наиболее остро ощущалась в селах аграрного Ставрополя. Однако и в городе требовались работники. Больше половины военнопленных были военнослужащими Австро-Венгерской армии, в основном чехи, словаки, поляки, украинцы и более трети – австрийцы, немцы, венгры. Многие работали сторожами в городских учреждениях, ассенизаторами, строили дороги. Однако наиболее подготовленные занимали должности инженеров, архитекторов, классных садовников в городских парках. Всего на 1 января 1918 г. в городе трудились 385 пленных, находившихся как в введении городской управы, так и под контролем частных работодателей, в том числе 328 подданных Австро-Венгрии, 33 – Османской империи и 24 – Германии⁶. Несмотря на предостережение властей, зачастую пленные жили и питались вместе с семьями работодателей.

Само положение пленного обуславливало экстремальность его бытования. В то же время развал Российской империи повлиял и на повседневную жизнь военнопленных как составляющей городского социума военного времени. Представители советской власти, установленной в Ставрополе в январе 1918 г., позиционировали себя защитниками «трудового народа», искали пути решения социальных проблем и, в частности, средства для смягчения безработицы. Им виделся выход в том, чтобы дать работу местным безработным за счет военнопленных, будто они не «трудящиеся». Так родилось распоряжение о замене 16 военнопленных грузчиков на железнодорожной станции Ставрополь безработными соотечественниками. То же касалось кочегаров, конюхов, мастеровых, чернорабочих, писцов, поваров и других специалистов⁷. Работодатели были этим крайне недовольны. Во-первых, местным надо было платить за одно рабочее место гораздо больше, чем военнопленным за несколько занятий. Во-вторых, военнопленные были более добросовестными и честными работниками. Наконец, в ряде случаев военнопленные были классными специалистами в своем деле, и среди безработных им замены не было.

Так, начальник железнодорожной станции свое сопротивление инициативе местного Совета простодушно объяснял тем, что прием соотечественников на работу потребовал бы увеличения их

¹ ГАСК. Ф.Р-163. Оп. 1. Д. 347. Л. 2.

² ГАСК. Ф.Р-299. Оп. 1. Д. 37. Л. 5-6об.

³ Там же. Д. 38. Л. 184-184об.

⁴ Там же. Д. 258. Л. 2.

⁵ Там же. Д. 38. Л. 21.

⁶ ГАСК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 3150. Л. 193.

⁷ ГАСК. Фр-39. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-240.

оплаты, что невозможно «в условиях финансового кризиса в стране»¹. Отказался подчиниться приказу и начальник Ставропольского госпиталя, который в ответ на требование заменить каптенармуса из военнопленных безработным, т. к. «все военнопленные у нас специалисты», а у безработного не было специального удостоверения о том, что ему можно доверять материальные ценности². Ювелир Магильницкий заявил, что он не может заменить военнопленных на безработных, т. к. первые являются золотых дел мастерами и часовщиками, а вдова генерал-майора Стефановича не хотела отпускать квалифицированного повара-военнопленного, т. к. сама жила продажей обедов. О мастерстве уникального военного мастера портного из военнопленных писал и владелец пошивочной мастерской. Председатель губернского акцизного управления также отказался от замены, т. к. военнопленный истопник был высококлассным механиком, а в управлении действовала «особая система отопления»³.

На практике сами безработные отказывались идти на работу вместо военнопленных за низкую оплату. Так было в одной из воинских частей, расквартированных в Ставрополе, когда безработным предложили заменить пленных на должностях ассенизаторов и молотобойцев. На настойчивые требования власти работодатели заявляли об увольнении военнопленных и одновременно о том, что нужды в рабочих не имеют. Как написал домовладелец Тимофеев, «военнопленных отдаю, но кучера не надо, я сам правлю»⁴.

Революционная неразбериха и хозяйственная разруха особенно больно была по военнопленным, о чем свидетельствует письмо от 17 июня 1918 года в финансовый отдел губисполкома. В нем содержится просьба выдать «кормовые» деньги военнопленным истопникам одного из учреждений А. Грубе и Э. Мартынюку, которые они не получали уже полмесяца, а до этого им выдали только 10 руб. из которых 5 руб. вычли в фонд военнопленных. Люди не только изголодались, но и изнасились до такой степени, что не могли выходить на работу. Им было предложено получить одежду с военного вещевого склада⁵.

В переходные годы иностранцы – жители Ставрополя, включая военнопленных, были поставлены перед выбором своей дальнейшей судьбы. Советская власть приняла решение уравнивать иностранцев в правах с российскими гражданами, если они не являются «буржуазными элементами». Они могут выбирать уезжать им или оставаться в России. В случае отъезда они могут забрать только банковские вклады. Если остаются, то обязаны платить все налоги, выполнять трудовую, но не воинскую повинность. Однако военнопленные еще в 1920 г. были ограничены в передвижении, т. к. Советская республика не была еще признана большинством стран – участниц Первой мировой войны. В конце 1920-го года было разрешено уехать на родину только немцам. Их отправляли в Москву, а оттуда эшелонами – в Германию. Венгры, чехи и австрийцы к тому времени еще не могли покинуть Россию⁶.

Через несколько лет эта ситуация несколько изменилась, т. к. правдами и неправдами многие военнопленные и вообще иностранные подданные сумели выехать на родину. К 10-летию советской власти оставшиеся иностранцы должны были писать заявления о приеме их в советское гражданство. Например, за 1927–1928 г. изъявили желание стать советскими гражданами всего 17 австрийцев, 16 поляков, 2 чеха, 3 венгра, проживавших в Ставрополе. Остальные же либо уехали, либо натурализовались гораздо раньше, как это было, например, с военнопленным австро-венгерской армии чехом Францем Рудольфовичем Грушко, который в 1920-е гг. был начальником Ставропольской милиции.

Судьба Ф. Р. Грушко была примером адаптации вырванной временем из привычного социума личности к адекватной социальной нише в новых, предложенных случаях обстоятельствах. Пространство, которое воспринималось не просто как «чужое», а как «враждебное», рассматриваемое государственной пропагандой объектом завоевания или усмирения, подчинения и даже уничтожения, стало средой обитания солдата армии противника. Военнопленный погружался не просто в чужую культуру, в чужой язык, порой в чуждую цивилизацию, но и во враждебный, с точки зрения официальной идеологии, социум. Плен потребовал мобилизации сил и способностей для выживания. У всех военнопленных была общая цель – выжить, однако дорога к этой цели у каждого она была своей. «Чуждое» для военнопленных на их глазах теряло свою идентичность и стано-

¹ Там же. Л. 2–5.

² Там же. Л. 7–7об.

³ Там же. Л. 7, 70, 101, 161.

⁴ Там же. Л. 106об.

⁵ Там же. Фр-163. Оп. 1. Д. 14. Л. 38, 40.

⁶ Там же. Фр-1280. Оп. 1. Д. 88. Л. 25, 33.

вилось также «чужим» для новой реальности. Разрушение традиционного «своего» для многих людей в России означало возможность обретения нового социального статуса, для других же – потерю социальной опоры и духовную смерть. Уникальность судьбы каждого человека, попавшего в плен, определялась не только случаем, обстоятельствами, но и личным выбором.

Свидетельствами личной жизни являются стандартные анкеты номенклатурного работника, а также распоряжения и приказы, подписанные рукой Грушко в разные периоды его работы на Ставрополье. Родился Франц Рудольфович, чех по национальности, 10 октября 1888 г. в местечке Оломоуц. В одной из анкет 1925 г. имеется туманная запись: «сын рабочего». Однако других свидетельств о его социальном происхождении нет, что вызывает определенные сомнения. В советском государстве рабочее происхождение было признаком благонадежности и пропуском к власти. Грушко окончил 8 классов гимназии, учился в престижном в тот период сельскохозяйственном институте, владел немецким, чешским и русским (в плену) языками. С началом Первой мировой войны Ф. Р. Грушко поступил в школу подготовки офицеров и стал поручиком, как отмечено в советских анкетах, «бывшей» австро-венгерской армии.

Таким образом, это был достаточно образованный человек, занимавший на родине далеко не самую низкую ступеньку на социальной лестнице. В числе других австро-венгерских пленных 29 июня 1916 года Грушко попал в лагерь военнопленных в Болхово Орловской губернии. Такой поворот судьбы для Ф. Р. Грушко стал не началом жизненного краха, а началом совершенно иной, советской биографии. В связи с этим возникает вероятность более поздней корректировки некоторых биографических данных, чтобы они соответствовали новому советскому образу.

Выбор тридцатилетний поручик сделал, судя по источникам, вполне осознанно в пользу гражданства в рабоче-крестьянском государстве. Находясь в лагере военнопленных до мая 1917 г., Грушко участвовал, если не был инициатором, в создании партийной большевистской ячейки среди военнопленных. В то же время он значился членом РКП с 18 февраля 1918 г.¹ Партийные организации в условиях революции и войны быстро создавались и расформировывались, не всегда были условия для немедленной регистрации членства.

В России началась заново и его личная жизнь. Он женился на русской девушке Анастасии Николаевне Булгаковой, которая была моложе его на 9 лет. До 1920 года Ф. Р. Грушко исполнял различные военные должности в Орловской губернии, а после занятия красными Северного Кавказа в 1920 г. он был направлен в Территориальный полк Ставропольской губернии, где прослужил до 1921 года. Так судьба бывшего военнопленного тесно переплелась с историей нашего края. До 1924 г. Грушко командовал штабом ЧОН Ставрополя, был одновременно членом городского Совета рабочих и крестьянских депутатов, а с 1922 г. стал членом губернского исполкома. В 1924 г. как опытный работник в борьбе с бандитизмом и грамотный организатор он был назначен начальником административного отдела исполкома и одновременно начальником милиции Ставропольского округа. По документам прослеживается его пребывание на должности еще в 1928 году. В 1925 г. имеется пометка, что Грушко исполнял и должность УГРО². Имеется беглое упоминание о том, что 36-летний Грушко был болен «катаром легких», т. е. туберкулезом. Наше внимание привлекает сходство Ф. Р. Грушко с другими иностранцами, служившими советской власти. Это храбрость и беспощадность в борьбе с врагами советской власти. Возможно, чужое ментальное пространство не стало своим, и потому его легче было перестраивать, резать не по своим народным корням.

Грушко стал совершенно «своим», но его иностранное происхождение сыграло роль в еще одном факте его «советской» биографии. Он возглавил Ставропольское окружное отделение Международного общества помощи рабочим – МОПР. Примечательно, что в органах советской власти региона руководящий пост местного уровня занимал бывший военнопленный из лагеря, расположенного в России. Местные же военнопленные адаптировались к жизни прежнего локального общества и столь же осторожно отнеслись к новой власти, как и местные зажиточные хозяева.

Таким образом, переход от Российской империи к новому советскому государству изменил консервативную и устойчивую повседневность города на окраине России, сложившуюся довольно поздно и с большим трудом в XIX веке. Этот процесс шел параллельно с постепенным вхождением Кавказа в российское геополитическое и социокультурное пространство. Революция не разрушила, а только пошатнула имперскую идентичность, но оставила глубокий след в городской повседневности.

¹ Архив МВД Ставропольского края. Ф. 43. Д. 17293. Л. 1, 2.

² Там же. Л. 3, 7, 8, 14.

The Legion of French Volunteers in the Soviet Union 1941–1944

Generally we have external and improper information about France's participation in the World War II. Lots of people think that French people had no role in the war after the fast defeat of their army in 1940. But the reality is much more complex than this conception. At first, we have to mention the Free France movement found by general de Gaulle which fought on the side of the Allied Powers and had an important part in the liberation of North-Africa and of France too. It is important to notice that only about 1 percent of the whole French population supported actively de Gaulle's movement. The large majority of the society counting 40 million people stayed passive, even 1 percent chose the cooperation with the Germans. The most interesting element of this French-German cooperation is the military collaboration with the German authorities. We will show a special and hardly known part of this collaboration: the French soldiers fighting in the Soviet Union from 1941 to 1944. Of course we cannot present every detail of this action because of the great number of German military units containing French soldiers (like the NSKK, Waffen-SS, etc.). So, we try to show a particular and characteristic unit of this participation: the *Légion des volontaires français contre le bolchevisme*¹.

The birth of the French Anticommunist Legion. During the German occupation in France there were several small political parties in Paris² which wanted to collaborate with Germany. After the invasion of Germany against the Soviet Union launched on 22 June 1941 the representatives of these political formations ask Marshal Pétain to give his permission for the establishment of an anticommunist legion who will fight against the Red Army on the Eastern Front in alliance with the German Wehrmacht³. Although the Vichy Government participates the negative emotions about communism with these parties, he refuses to found a military unit fighting together with the German army⁴. For this reason, the government does not participate directly in this project, but he gives his authorization to the unit⁵.

At the same time, the political parties need the approbation of German authorities too, so they are looking for some help in the German embassy of Paris. Hitler and the generals are hostile to the French legion's idea⁶, but the ambassador, Otto Abetz, has very good relationships with these politicians and supports their project. He manages to convince Hitler to authorise the recruitment of French volunteers for the anticommunist legion. The positive answer arrives on 5 July to Paris where Abetz invites the leaders of these parties to a meeting on 7 July⁷. The ambassadors inform the party leaders about the German conditions concerning the establishment of the French unit. There are two: the legion has to stay independent of the Vichy Government and the number of volunteers cannot exceed 15 000⁸. Therefore, the French military participation in the German campaign on the Eastern Front has to be symbolical.

The French politicians accept the conditions immediately and establish the *Légion des volontaires français contre le bolchevisme* (called shortly LVF) which is legally a private association according to the law of July 1901 without any relation with the French authorities. The main purpose of the LVF is the fight against Bolshevism⁹.

On 8 July the press of Paris announce the news about the establishment of the legion and mention the general Hassler, former commander of the 236th infantry division, as the leader of the unit¹⁰. Although

---

¹ Legion of French Volunteers Against Bolshevism.

² The most important of the are the Parti populaire français (French Popular Party), the Rassemblement national populaire (National Popular Rally), the Mouvement social révolutionnaire (Mouvement Social Révolutionnaire), the Parti franciste (Mouvement Franciste), the Ligue française d'épuration, d'entraide sociale et de la collaboration européenne (French League for purging, mutual aid and European collaboration), the Parti français national-collectiviste (French National Collectivist Party) and the Front franc (Frank Front).

³ Archives nationales (AN). F. 60. 235. Étude sur la LVF. P. 2–3.

⁴ Ory P. *Les collaborateurs, 1940–1945*. Seuil, Paris, 1976. P. 242.

⁵ Giolitto P. *Volontaires français sous l'uniforme allemand*. Perrin, Paris, 1999. P. 16.

⁶ Lambauer B. *Otto Abetz et les Français ou l'envers de la collaboration*. Fayard, Paris, 2001. P. 401–402.

⁷ Bundesarchiv-Militärarchiv (BAMA) № 756/201. 8. Französische SS-Freiwilligen Sturm-Brigade. P. 1.

⁸ Burrin P. *La dérive fasciste: Doriot, Déat, Bergery, 1933–1945*. Seuil, Paris, 1986. P. 472.

⁹ AN. F. 60. 235. Statuts de la Légion des volontaires français contre le bolchevisme.

¹⁰ BAMA. RS. 3–33/3. Dokumentation über die Beteiligung französischer Freiwilliger auf deutscher Seite im Weltkrieg 1939–1945. P. 3.

his presence on the meeting was organised in the German embassy, the general refuses this proposition apparently surprising for him and leave Paris immediately¹.

The activity of the LVF is directed by a central commission in the occupied zone and an action commission in the free zone. These groups are composed by the collaborationist politicians and their work is aided by an honour commission, which members are well-known and respected personalities of the French society, for example, Fernand de Brinon, representative of Vichy to the German High Command in the occupied Paris, Abel Bonnard, novelist and later minister of National Education, Alphonse de Châteaubriand, reputed writer of this time².

The recruitment. The association needs places to organise his recruitment centres, so the parties' offices and the confiscated Jewish stores are used for this purpose³. However, the French society is not very enthusiastic over the concept of this unit, some people express their hostile opinion, even several offices are attacked and damaged by them during the first days of July⁴. The collaborationist parties begin a huge press-campaign for the LVF in the media (press, radio) and organize several reunions to meet people and diffuse their propaganda among them. The most important of them is the meeting of Vélodrome d'Hiver (a huge indoor bicycle racing cycle track and stadium in Paris) on 18 July 1941, where approximately 10 000 people were present⁵.

The engagement conditions are strict but not prohibitory. The volunteers have to be French, physically be able to serve in the military, taller than one hundred and sixty centimeters, they have to have good vision and good denture (controlled by a medical examination). The age of under-officers and the men has to be between 18 and 40 years, there is no age limit for the officers⁶.

Moreover, the payment is the same as in the German army, so it is very high in France where the unemployment is high and the salaries are low. A married private in garrison service earns 2 400 francs, but this amount increases to 3 000 francs when the soldier is in a first line service. He can earn different allocation after his family (wife, children, old parents, etc.), so the whole sum seems very good for an average Frenchman⁷. The leaders of collaborationist parties are looking for the application of more than 100 000 men, however, the number of volunteers is very far from this hope. During the existence of the LVF, only 13 400 people wanted to join the unit. Even the majority of these people are refused after the medical examination, so finally just 5 800 men can start their military service in the Legion⁸. At the same time, the refused volunteers have a possibility to collaborate with the German who propose them a service in such para-military units, as the NSKK⁹ or the Organisation Todt. Several thousand Frenchmen serve in these units during the World War¹⁰.

The volunteers' social origin is very different but the workers and the peasants more than 90 percent among them. So the proportion of students, merchants and functionaries is less than 10 percent¹¹. In consequence of the financial situation of these social classes, it seems very probable that the main cause of their engagement is the good payment and not the political motivation. As an officer says: «Only 5 percent joined the unit from political or ideological conviction»¹².

The average age of the volunteers is between 20 and 30 years. Generally the men-in-the-ranks are young (about 20 years old), and the officers and under-officers are older (40 even 50 years old)¹³. «Concerning the question of age, the colonel Labonne is 68 years old. The age of captains is between 45 and 65, the lieutenants' is between 25 and 55, but mostly toward the 40 and 50 years. Myself with my age of 35 years, I am among the youngest people»¹⁴.

¹ Institut d'Histoire du Temps Présent (IHTP) 72 AJ 258, 232 14. Lettre du général Hassler.

² AN. F. 60 235. Étude sur la LVF. P. 4–5.

³ Service Historique de Défense (SHD) 2. P. 14. Rapport du lieutenant Ourdan. P. 3–6.

⁴ Bourget P. Histoires secrètes de l'occupation de Paris, volume 1. Hachette, Paris, 1970. P. 301.

⁵ AN. F. 1 A. 3748. Compte rendu de la réunion organisée par la LVF au Vel d'Hiv. P. 1.

⁶ AN. F. 60 235. Étude sur la LVF. P. 21.

⁷ SHD. 2 P. 14. Avantages réservés aux engagés de la LVF.

⁸ SHD. 2 P. 14. Divers rapports.

⁹ The Nationalsozialistisches Kraftfahrkorps or National Socialist Motor Corps is a group of the German Nazi Party which educates its members in motoring skills. After the outbreak of World War II, the most members of NSKK join the regular military units so the organization starts recruiting in abroad.

¹⁰ AN. 3. W. 101. Rapport du 20 octobre 1944.

¹¹ Burrin P. La France à l'heure allemande, 1940–1944. Seuil, Paris, 1995. P. 546–547.

¹² SHD. 2. P. 14. Rapport du lieutenant Ourdan. P. 8.

¹³ Le Cri du Peuple, 17th and 26th July 1941.

¹⁴ SHD. 2. P. 14. Rapport du lieutenant Ourdan. P.10.

Military training. However, a lot of volunteers have already had some military experiences, the German High Command sends them to occupy Poland to participate in an appropriate military training. The LVF is considered as a normal part of the German army so it becomes the 638th infantry regiment of the Wehrmacht. Its members get German uniforms and weapons, and they also have to get a military tactical instruction in a Polish training camp in Deba (Debica in Polish)¹.

The volunteers' first contingent (25 officers, 803 under-officers and men-in-the-ranks) leaves Paris on 4 September 1941². It is followed by a second one (17 officers, 150 under-officers and 619 men-in-the-ranks) on 16 September. These men form the Ist and IInd battalions of the new infantry regiment³. On 12 and 28 October, two other contingents (21 officers, 125 under-officers, 498 men; 3 officers, 224 under-officers and men) arrive in Deba to reinforce the Legion⁴.

In addition, the moral of the legionnaires is extremely low because of two reasons. The first one is that, they have to wear the uniform of the Wehrmacht (although the opposite was promised to them), so more than 50 men refuse its wearing. These soldiers are sent back to France on 17 October⁵. The second point is that, they are obligated to swear to follow the orders of Adolf Hitler, the commander-in-chief of the Wehrmacht. The volunteers have not got a lot of choices: they take the oath or they go to the German military prison. Some of them choose the prison, even few people die there⁶, but the majority swear the oath on 5 October with very bad feelings⁷.

The military training, given by the German officers, is hard, efficacious, but very short. The French volunteers get some instructions about how to use the German weapons, what is more, they participate in some route-marches during a couple of weeks spent in the camp, but that is all. In consequence, neither the officers nor the men-in-the-ranks are ready for the combats when the order of departure arrives at the end of October⁸.

The regiment under the command of the colonel Labonne has two infantry battalions (the 1st commanded by the captain Louis Leclercq and 2nd under the orders of the major André Girardeau) with four companies in each. These units are commanded by the command company and a German liaison group which gives some «advice» (in reality orders) to the regiment⁹. There are two support companies in the regiment: the 13th (artillery) company and the 14th (anti-tank) company, which are sometimes called heavy battalion, although they do not constitute a complete, independent battalion¹⁰. There are some existing plans about the establishment of a 3th infantry battalion but it is not possible during this period for a lack of strength. Finally, this unit is established just after the arrival of new volunteers to Deba in December, but the military training of these men continues to spring 1942, so they cannot participate in operations with the rest of the regiment¹¹.

On the front. The legion has to leave the training camp at the end of October to join the 7th (Bavarian) infantry division deployed in front of Moscow. The trip itself is a real challenge for the inexperienced French soldiers. After the arrival in Smolensk the legionnaires have to continue their way in March. The distance to the front is about 300 kilometres, but the Smolensk-Moscow highway (which is a simple unmetalled road in reality), is impracticable because of the mud and later of the snow¹². Under these circumstances the regiment suffers heavy losses before his arrival to the front: several hundred soldiers are ill or have frost-injuries so they have to be evacuated. Even a few legionnaires are dead in accidents¹³. In the

---

¹ BAMA. RS. 3-33/3. Dokumentation über die Beteiligung französischer Freiwilliger auf deutscher Seite im Weltkrieg 1939-1945. P. 7.

² IHTP. 72. AJ. 258, 232 14. Soldats français sous uniformes allemands, 1941-1945. P. 3.

³ BAMA. N. 756/201. Die Französische Freiwilligen-Legion. P. 3.

⁴ BAMA. RH. 53-23/49. P. 4, 75.

⁵ BAMA. RS. 3-33/3. Dokumentation über die Beteiligung französischer Freiwilliger auf deutscher Seite im Weltkrieg 1939-1945/ P. 8.

⁶ Delarue J. Trafics et crimes sous l'Occupation. Fayard, Paris, 1968. P. 182.

⁷ SHD. 2 P. 14. Rapport du lieutenant Ourdan. P. 18-19.

⁸ SHD. 2 P. 14. Rapport du 24 juin 1943 du commandant Simoni. P. 2.

⁹ Davis Brian L., Flags of the Third Reich, volume 2. Osprey, London, 1994/ P. 19.

¹⁰ Delarue J. Trafics et crimes sous l'Occupation. P. 184.

¹¹ BAMA. RS. 3-33/3. Dokumentation über die Beteiligung französischer Freiwilliger auf deutscher Seite im Weltkrieg 1939-1945. P. 29-32.

¹² SHD. 2. P. 14. Rapport du lieutenant Ourdan. P. 15.

¹³ BAMA. RS. 3-33/3. Dokumentation über die Beteiligung französischer Freiwilliger auf deutscher Seite im Weltkrieg 1939-1945/ P. 17.

end, the 7th division sends 58 trucks and 10 buses to transport the Frenchmen to the front, so the regiment arrives behind the German frontline on 18 November¹.

The 1st battalion takes a position between the 19th and 61th German regiments on 24 November, in front of the village Djukovo, defended by the 32th Soviet infantry division recently arrived from Siberia². It is the division's 1310th rifle regiment which defends this position³. The French unit spends one week on this position, but he suffers several losses due to enemy's artillery and the cold so it is not in a good condition when the order of attack arrives on 1 December⁴. The French action starts at 13 o'clock and its aim to capture Djukovo. There is an extreme cold: minus 22 degrees by day and minus 41 degrees by night. The legionnaires advance a few hundred meters and take the forest before the village, but finally they cannot continue their progress under the heavy fire of the Soviet soldiers. The losses are large: 12 dead and 50 wounded⁵.

The new operation against the village is reported and later cancelled because of the general military situation, so the French have to defend their positions. This is a hard mission because the Soviet division launches several attacks on the French line of defense during the next days. The regiment's losses are so huge that the German command orders to withdraw the 1st battalion from the first line on 6 December. The 2nd battalion which is in the first line from 3 December follows it on 8 December⁶.

Due to the poor performance of the French soldiers and the losses (500 wounded before the attack of 1 December and about 50 dead, 120 wounded, 200 men touched by frost-injury and 100 the sick until 6 December)⁷, the German High Command decides to reorganize, depoliticize the whole unit and give it a new instruction, too. So, although the acknowledgements the German officers are convinced that the French unit is inapt to a frontline duty⁸.

The reorganization of the unit. The German command thinks that the most important reason of the legion's failure is the low quality of the officers, so 16 officers are immediately sent back to France⁹. They are followed by many others, for example, colonel Labonne. A number of under-officers and men-in-the-ranks are sent back to France for inaptitude for military service. The men who are too old, the men of colour, the Russian emigrants, the former German volunteers of the French Foreign Legion and the militants have to leave the LVF. Approximately, half of the men are sent away during the first months of 1942¹⁰.

From the rest of the legionnaires the German High Command establishes two battalions (the 1st commanded by the Major Lacroix and the 3th under the command of Colonel Albert Ducrot) and disbands the support companies. Both battalions are completed by a German liaison group (30-40 German soldiers in each one) which have to "coordinate" the military activities of these units. The French battalions get some German and Russian auxiliaries who have to groom the horses because of the French soldiers' obvious lack of knowledge¹¹.

The real training starts just after this purge realised among the legionnaires. The battalions get their instructions in two different camps in the occupied Poland, in Deba and in Kruszyna. Due to the fact that, the French officers are present, the Germans direct the training world and try to learn all military instructions for the French soldiers. Every legionnaire has to spend at least three months in the training camp, but sometimes they are there for six months. It lasts for a very long time but this period contributes to the re-birth of LVF as a well-trained, disciplined military unit¹².

---

¹ Larfoux C. Carnet de campagne d'un agent de liaison. Russie hiver 1941-1942. Lore, Paris, 2008. P. 37.

² Forczyk R. Moscow 1941. Hitler's first defeat. Osprey, Oxford, 2006. P. 67.

³ Из журнала боевых действий 32-й стрелковой дивизии (сентябрь 1941 г. – 1 января 1942 г.) // Бои за Москву на Можайском направлении. Исследования, документы, воспоминания. М., 2007. С. 146.

⁴ Larfoux C. Carnet de campagne d'un agent de liaison. P. 49-50.

⁵ BAMA. RS. 3-33/3. Dokumentation über die Beteiligung französischer Freiwilliger auf deutscher Seite im Weltkrieg 1939-1945. P. 14.

⁶ Dupont Pierre Henri, Au temps des choix héroïques. Homme libre, Paris, 2002. P. 119.

⁷ AN. F. 60. 1688. Reports.

⁸ BAMA. N. 756/201. Die Kameradschaft: Die Europäischen Freiwilligen. P. 3.

⁹ BAMA. RH. 26-211/43b. Report of the 27th June 1942 about the LVF. P. 1.

¹⁰ BAMA. RS. 3-33/3. Dokumentation über die Beteiligung französischer Freiwilliger auf deutscher Seite im Weltkrieg 1939-1945. P. 17.

¹¹ BAMA. RH. 53-23/50. P. 31.

¹² Rostaing P. Le prix d'un serment. 1941-1945. Des plaines de Russie à l'enfer de Berlin. Paillon, Paris, 2008. P. 30-33.

At the same time, the German command's decision is categorical: the French battalions have to be deployed in the back area against the partisans, but in separate zones under the control of the liaison groups¹.

Against the partisans. Firstly, the IIIth battalion is deployed. The unit is attached to the 221th Security Division of the Wehrmacht and has to secure the area of Cholmy south-west from Smolensk². His first major action is the operation Volost in June 1942, where the battalion fights against Soviet partisans and regular troops. The unit can take the enemies' positions, but it suffers from heavy losses (10 dead, 40 wounded) because of the mental lassitude of the commandant who is replaced quickly by the Captain Demessine, former commander of the 11th company³.

Furthermore, the French unit participates in several anti-partisan operations in 1942-1943: the Vieleck in July, the Eule in August, the Ankara I in December, the Ankara II in January 1943 and the Klette II in February. Without showing the details, all these operations follow the same pattern: encirclement of huge areas, lots of tiring marches and small results. The French casualties are limited, the partisans are invisible, so this activity is considered successful. This situation changes when the battalion is moved to Byelorussia in June 1943⁴.

Besides, the situation in the area of Moghilev is very different because of the numerous and well-equipped partisan forces who are dangerous for the security of the whole German back area. These partisans have mortars, artillery, ambulance stations, even an overshoot to get logistics from the Soviet regular troops.⁵ The partisans are not only numerous but also aggressive: they attack and destroy a small group of legionnaires already on 9 June. This is the heaviest loss of the battalion from the beginning of its anti-partisan duty: 15 dead⁶.

The legionnaires of the IIIth battalion draw a lesson from this raid, hereafter they expect the similar actions and despite the partisans' several attempts, they can force back all these attacks against the French positions. In spite of this particular attention, a sudden attack (with the participation of the 12, 28, 36 partisan detachments)⁷ surprises a supply convoy on 11 August. The losses are very heavy: 21 dead, 4 missing in action and 40 wounded⁸. As a partisan remember: «Fascists have lost 56 soldiers killed and 26 wounded. We took 16 machineguns, 35 rifles, 1 mortar, 25 carriages with food and ammunition»⁹.

However, the soldiers of the LVF are very successful in the combat against the partisans due to the colonial experiences of the French officers. For example, they establish a «hunter squad» (section de chasse) on the analogy of the German Jagdkommandos¹⁰. This special unit is composed by the best men of the battalion who get automatic rifles and can fight against the partisans independently. The results are spectacular: after a few months and a number of successful operations, the partisans' activity decreases considerably in the area. This fact is acknowledged by the commander of the Security Division, Major General Hans Oschmann, who decorates the squad leader, Lieutenant Jacques Seveau¹¹.

The Ist battalion of the LVF is deployed from July 1942 in Byelorussia, in the area of Borisov, 70 kilometres north-east of Minsk where the unit is attached to the 2nd regiment of the 286th Security Division¹². The first major action of the battalion is the operation Greif in August. The French unit participates in the encirclement and destruction of several partisan groups in the back area of the Army Group Centre¹³. The operation goes well, the French have no losses, but practically they do not meet the enemy, so these actions are more boring and tiring than dangerous¹⁴.

---

¹ ВАМА. RH. 26-211/43b. Report of the 27th June 1942 about the LVF. P. 3.

² ВАМА. RH. 26-221/49. War order, n° 4.

³ AN. F. 7. 15301. Combat, the 12th October 1946.

⁴ Labat É. Les places étaient chères. Lore, Paris, 2006. P. 120.

⁵ ВАМА RS 3-33/3. Dokumentation über die Beteiligung französischer Freiwilliger auf deutscher Seite im Weltkrieg 1939-1945. P. 43.

⁶ Idid. P. 44.

⁷ Попов А. Ю. Диверсанты Сталина. Деятельность органов Госбезопасности СССР на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. М., 2004. С. 358-359.

⁸ AN. F. 7. 15300. Procès-verbal de l'interrogatoire de Bassompierre, 2nd December 1946.

⁹ Жунин С.Г. От Днепра до Буга. Минск, 1974. С. 170.

¹⁰ ВАМА. RH. 26-221/39. Order of 17th November 1942.

¹¹ ВАМА. RS. 3-33/4. Image n° 92.

¹² ИНТФ. 72. AJ. 258, 232 14. Soldats français sous uniformes allemands, 1941-1945. P. 4.

¹³ ВАМА. N 756/201. Operation Greif.

¹⁴ Giolitto P. Volontaires français sous l'uniforme allemand, Perrin, Paris, 2007. P. 176.

During the winter, the unit has to defend the highway and the railway Warsaw-Moscow which are the most important supply lines of the Army Group Centre, so this mission is essential¹. On 4 October, a patrol of the battalion is ambushed and destroyed by the partisans, 19 French soldiers are killed². The legionnaires have success too, because they participate in the operation Karlsbad from 11 to 23 October where the partisans' casualties are high: 547 dead, 336 wounded and 168 prisoners³.

What is more, the actions continue during the first months of 1943 when the new battalion commander, Major Jean Simoni, directs several attacks against the partisan camps. The legionnaires manage to secure the whole area, but they commit some atrocities against the civil population⁴. This particularly cruel behaviour is not accepted by the German command, as a result, Simoni and one of the officers, Lieutenant Dagostini, have to go back to France⁵.

The LVF in the battle of Bobr. The two-year service and the performance of the French volunteers in the back area against the partisans are good enough and admitted by the German troops, too. The recompense of the German command is generous: it allows to reconstitute the French regiment under the orders of Colonel Edgar Puaud, former officer of the Foreign Legion, on 1 October 1943⁶.

The Colonel tries to reorganize the regiment of three battalions, so he establishes a third (and later a fourth) battalion, however, these units are more theoretical than real because of the lack of volunteers. Finally, the Colonel can say he has a full regiment but the number of legionnaires does not increase, so it is only a reorganization of men but not a development⁷. The IVth battalion is established in June 1944, but it has only one company constituted by Tartar and Asian auxiliaries (Hiwis⁸) and finally, it is disbanded a month later by the German command⁹.

The first action of the old new regiment is the operation Maroc in January-February 1944 together with the local German forces against a big partisan group estimated at 6 000 men. There are heavy fights, the French have big losses: 7 dead (also Major Panné) and 40 wounded¹⁰. At the same time, according to a Wehrmacht bulletin 41 partisan camps and 1 000 bunkers are destroyed, 1 018 partisans are killed and 1 346 are captured¹¹.

This operation is considered as a victory by the German High Command so they decorate Colonel Puaud with the Iron Cross 2nd Class in Mars. In April, he gets the Legion of Honour too, and the rank of Brigade General in Paris¹². Despite this evaluation, the partisan forces are powerful and attack the French regiment just after the end of this «successful» operation. The result is disappointing for the legionnaires: they have 22 dead and a number of wounded¹³. This fact shows well the general situation behind the front: the partisans are more and more active, the members of the Security Divisions, like the French legionnaires, try to defend their positions against the well-organized and well-armed attackers¹⁴. The number of the French soldiers decreases consecutively in these defensive actions. Some units have only the half of the original force, so the regiment's situation is critical in the spring of 1944¹⁵.

In May and June the German High Command launches several offensives against the partisans in the area of the Berezina River with the participation of the French unit. In these cases the encirclement is

---

¹ AN. F. 60. 1688, O 3605. France combattante, 27th February 1944.

² Saint-Loup, Les Volontaires. Presses de la Cité, Paris, 1963. P. 201–203.

³ BAMA. N 756/201. 8. Französische SS-Freiwilligen Sturm-Brigade. P. 4.

⁴ SHD. 2. P. 15. Rapport du 29 juin 1943 du commandant Simoni. P. 6.

⁵ BAMA. RS. 3-33/3. Dokumentation über die Beteiligung französischer Freiwilliger auf deutscher Seite im Weltkrieg 1939–1945. P. 26–27.

⁶ BAMA. RS. 3-33/4. Image n° 85.

⁷ BAMA. RH. 53-23/50. P 210.

⁸ Hilfswilliger: voluntary assistant. Local civilians or prisoners of war who join to the German army and are used to supplementary services.

⁹ BAMA. N. 756/201. 8. Französische SS-Freiwilligen Sturm-Brigade. P. 7.

¹⁰ Rostaing P. Le prix d'un serment. P. 105–111.

¹¹ BAMA. RS. 3–33/3. Dokumentation über die Beteiligung französischer Freiwilliger auf deutscher Seite im Weltkrieg 1939–1945. P. 50.

¹² AN. F. 7 15304.

¹³ Rostaing P. Le prix d'un serment. P. 116.

¹⁴ Saint-Loup, Les Volontaires. P. 366–368.

¹⁵ BAMA. RH. 53–23/50. P. 94.

well realized by the regular units so several thousand partisans are killed or captured. However, the Legion lost a hundred dead and MIA during this period¹.

Because of the heavy losses suffered by the LVF, the regiment gets an order on 18 June to go back to Germany where the unit will be refitted². Despite the retreat order, the Legion does not leave the front, even he will be in the first line a few days later because of the beginning of the operation Bagration, the huge summer offensive of the Red Army on the Eastern Front launched on 22 June. The Army Group Centre's troops are in full retreat and the German command needs every accessible unit to slow down the progression of the Soviet troops. Due to this necessity, the French regiment has to dig itself in the western bank of the Bobr River along the highway Minsk-Moscow and to stop, or at least delay the Red Army³.

The French unit is constituted by an ad hoc battalion containing all of operational men of the Legion, about 600-800 soldiers under the orders of the Major Jean Bridoux⁴. This battalion takes up positions along the river on 22 June and they get some reinforcement (4 Tigers heavy tanks⁵ and an infantry company) on 25⁶. The first Soviet attack is at dawn on 26, but the defenders beat it back easily⁷.

Despite the fact that the Red Army has the advantage in number, the French soldiers, with the help of the Tiger tanks, stop the Russian advance during 36 hours. The 18th Guard tank brigade of the 3rd Guard tank corps of the 5th Guard tank army of the 3rd Byelorussian front fights against the Frenchmen⁸. The Legion is changed by a German unit in the morning on 27th, but it is able to defend its positions during this time. The legionnaires destroy 40 tanks, kill several hundred Soviet soldiers and cover the retreat of several thousand of their German brothers-in-arms⁹. The French casualties are not too heavy: 41 dead and 24 serious injured. The Soviet bulletin speaks about the defence of two French divisions...¹⁰.

The LVF's last days. The battle of Bobr is the last military action of the LVF. The survivors of the three years campaign have to retreat to Minsk in small groups and finally they are assembled in Greifenberg (the unit's new depot in Prussia) in July. In August, they are directed to Saalesch (in Danzig Corridor) where they meet their compatriots wearing the uniform of the Waffen-SS¹¹. It is difficult to estimate the casualties of the Legion but the number of the surviving legionnaires concentrated in the training camp in August is about 1 200, so we can say that about 1 000 men are missing. They are dead, prisoners or deserters¹².

On 1 August 1944, the legionnaires are informed that the Legion is disbanded and they are all conscripted for the new French Waffen-SS division commanded by Edgar Puaud, former commander of the LVF¹³. A number of these men do not want to continue the military service after a three-year duty, but only the officers can return to France (20 of them use this possibility), the under-officers and the men-of-the-rank have to stay in the German army. 75 men refuse the service, they are sent to the concentration camp of Stutthof¹⁴. The others understand that they do not have choice: their service lasts until the end of the war.

In conclusion, during these three years the French regiment remains a small military unit which executes its duty but it is not able to perform well against a numerous and well-organized enemy neither on the front nor in the back area. The most important problem of the LVF is the low number of volunteers. This is the result of the lack of support from the side of the French population which remains hostile to this military unit fighting beside the German. So the number of French volunteers serving in the German army is one of the lowest in whole Europe. As a French general writes: «Proportionally to its population, France had the smallest contingent of volunteers, the half of the Swiss contingent»¹⁵.

---

¹ BAMA. RS. 3-33/3. Dokumentation über die Beteiligung französischer Freiwilliger auf deutscher Seite im Weltkrieg 1939-1945. P. 54-57.

² BAMA. N. 756/201. Order of 19th June 1944.

³ Delarue Jacques, Trafics et crimes sous l'Occupation. P. 226.

⁴ BAMA. RS. 3-33/4. Image n° 94.

⁵ Probably coming from the 505th heavy tank battalion (Schwere Panzer-Abteilung 505).

⁶ BAMA. N. 756/201. 33. Waffen-Grenadier-Division der SS "Charlemagne". P. 4.

⁷ BAMA. RS. 3-33/3. Dokumentation über die Beteiligung französischer Freiwilliger auf deutscher Seite im Weltkrieg 1939-1945. P. 60-61.

⁸ Вовченко И.А. Танкисты. М., 1976. С. 236-237.

⁹ Labat Éric, Les places étaient chères. P. 305.

¹⁰ AN. F. 7 14933.

¹¹ BAMA. RH. 53-23/50. P. 171.

¹² Rostaing P. Le prix d'un serment. P. 142.

¹³ Delarue J. Trafics et crimes sous l'Occupation. P. 232-233.

¹⁴ Neulen Hans Werner, An deutscher Seite. Internationale Freiwillige von Wehrmacht und Waffen-SS. Universitas, München, 1985. P. 110.

¹⁵ IHTP. 72 AJ. 258, 232 14. Soldats français sous uniformes allemands, 1941-1945. P. 6.

**Партийно-государственное управление культурной сферой
и художественная интеллигенция Ставрополья и Кубани
в 1950–1960-е гг.**

В конце 1950-х годов изменения советской политики в целом и попытка ее либерализации включали и структурные изменения системы управления в центре и на местах. Это касалось многих сфер жизни советского общества, включая управление культурой. В Центре реформирование государственных органов управления культурой началось с ликвидации громоздкого Комитета по делам искусств при Совете министров СССР и союзно-республиканского Министерства кинематографии. В то же время в 1953 году было создано не менее громоздкое Министерство культуры СССР, которое включало в себя подразделения и комитеты, управляющие далекими друг от друга по практическим задачам высшим образованием, кинематографией, трудовыми резервами, радиовещанием, различными отраслями искусств¹.

Эта реорганизация предполагала упрощение и удешевление управленческого аппарата, но главное – формирование новых, лояльных новому режиму кадров. Вместе с тем эти новшества свидетельствовали о снижении интереса новых руководителей к непроизводственным отраслям, особенно культуре и гуманитарным наукам, расходы на которые в те годы существенно сократились. Кроме того, пестрота направлений обрекала управление культурой на неэффективность. Надо заметить, что культурное пространство объективно, в силу своей специфики, плохо поддается жесткому управлению, которое в лучшем случае должно ограничиться консультационными и координационными функциями. В советской системе это было невозможно.

В течение первого же года реорганизации управленческая и социальная практика потребовала выделения из Министерства культуры Министерства высшего образования и Главного управления трудовых резервов. В связи с политическими изменениями с 1957 по 1963 год произошли и некоторые другие структурные перемены. Например, из Министерства культуры выделились самостоятельные комитеты по культурным связям с зарубежными странами, по радиовещанию и телевидению, по кинематографии.

Поскольку еще в период становления советской политической системы произошло сращение государственного и партийного аппаратов, изменения в области культурной политики отразились на структуре аппарата ЦК КПСС. Так, в сентябре 1955 года отдел науки и культуры ЦК был разделен на два отдела – науки и культуры, что свидетельствовало о признании партийным руководством особенностей этих двух отраслей «духовного производства». Интересующий нас отдел культуры включил секторы художественной литературы, искусств, кинематографии. Как известно, реорганизация управления продолжалась в течение всего периода правления Н. С. Хрущева, что отразилось и в организации управления культурой. Например, с 1962 г. отдел культуры ЦК был преобразован в подотдел идеологического отдела с сохранением его внутренней структуры.

Изменения высших управленческих структур влекли за собой реорганизацию всей иерархии управления культурой на местах. В Ставропольском и Краснодарском краях, как и в других регионах, путем объединения отделов искусства и культурно-просветительской работы в 1953 г. были образованы краевые управления культуры. Структурные подразделения, управлявшие учреждениями культуры, имелись так же на городском и районном уровнях. Управления культуры отвечали за содержание работы местных культурных учреждений, за материальную базу культуры, за обеспечение этой сферы кадрами. Именно забота о капитальном строительстве, о ремонте, о подготовке и повышении квалификации творческих кадров были в центре повседневной деятельности этих управлений.

Тенденции, наметившиеся в руководстве духовной жизнью советского общества, своеобразно преломлялись в культурной истории регионов. Партийный контроль над культурной сферой общественной жизни в период «оттепели» действовал в провинции даже более жестко, чем в Центре. С одной стороны, культура, рассматриваемая партийной властью как идеологический инструмент, формирующий нужную картину мира советских людей, входила одним из направлений в идейно-воспитательную работу местных партийных органов, в том числе на Кубани и Ставропо-

---

¹ Собрание законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. М., 1975. Т.1. 1938–1975. С. 197–198.

лье. В то же время злободневные вопросы экономики и политики носили приоритетный характер по сравнению с вопросами культурной жизни.

Партийно-идеологический подход к культуре отражался в самой структуре партийного аппарата по руководству этой областью жизни. В каждом крайкоме КПСС вопросы развития культуры в регионе решались непосредственно в отделах пропаганды. В начале 1950-х гг. в краевых и областных комитетах партии были созданы специальные отделы науки и культуры. Наиболее крупные учреждения культуры курировал крайком, менее значимые оставались под контролем горкомов или райкомов КПСС. Партийные органы были главной разрешающей инстанцией при открытии театров, создании отделений союзов писателей, художников и проч. Органы КПСС не только осуществляли общее руководство, но и координировали деятельность всех государственных и общественных организаций в сфере культуры. Проведение любого крупного культурного мероприятия, кадровые проблемы, материально-техническое развитие учреждений культуры первоначально обсуждались на том или ином уровне партийного аппарата. К примеру, вопрос о проведении краевого совещания работников учреждений культуры рассматривался 4 сентября 1953 г. на заседании бюро Ставропольского краевого комитета КПСС. Обращает на себя внимание формулировка решения бюро крайкома, которая отражала разрешающий характер документов партийных органов: «разрешить Краевому управлению культуры провести в городе Ставрополе 22–23 сентября 1953 г. краевое совещание заведующих городских, районных отделов культуры с обсуждением вопроса о состоянии и очередных задачах учреждений культуры»¹. Подобное разрешение партийного бюро понадобилось и для проведения краевого съезда культпросветработников в ноябре 1957 года. Аппарат крайкома разработал основные документы этого мероприятия вплоть до формирования состава делегатов съезда. В данном решении партийное бюро определяло цели и задачи этого совещания, давая директивные указания краевому управлению культуры «направить всю подготовительную работу к предстоящему съезду на улучшение деятельности культпросветучреждений, на обеспечение их активного участия в подготовке к празднованию 40-летия Великой Октябрьской революции, на своевременную подготовку к работе в зимних условиях»². Основные пункты планов по проведению тех или иных мероприятий в области культуры также определялись не государственными, а партийными органами. Например, краевое совещание работников культуры крайком рекомендовал посвятить решениям январского Пленума ЦК КПСС³. Еще один пример. Литературно-художественный журнал «Ставропольский альманах» был переименован в альманах «Ставрополье» только после утверждения этого изменения крайкомом партии.

Партийный патернализм распространялся и на сами коллективы культуры, что, с одной стороны, душило творческую инициативу, а с другой – создавало для них тепличные условия, решая многие текущие организационные и материально-технические проблемы централизованно. Об ограничении свободы творчества свидетельствовал тот факт, что на бюро крайкомов утверждался репертуар театров, рассматривалась гастрольная политика творческих работников, принимались решения по кадровым вопросам. В результате руководители творческих объединений не только ждали руководящих указаний от партийных органов, но считали это обязательным условием успешной творческой работы. Например, секретарь Адыгейского Союза писателей сетовал, что отдел науки и культуры крайкома партии почти не вмешивался в работу писателей области, а это отрицательно сказалось на творческом процессе: «Лишь перед этим собранием заведующий отделом культуры счел нужным и возможным побеседовать со мной о состоянии работы, при этом было подсказано немало полезного»⁴.

На практике грубое, порой некомпетентное вмешательство партийных идеологов в работу творческих коллективов мешало их работе. Так, спектакль Черкесского театра в селе Ивановка Либкнехтовского района Ставропольского края по телефонному распоряжению секретаря райкома был запрещен, только потому, что руководители театра предварительно не взяли у него разрешение⁵.

Политика в области культуры местных партийных органов осуществлялась в контексте деклараций о неукоснительном исполнении всех решений центральных органов партии. По мнению Ставропольского крайкома КПСС, в основу работы творческих союзов, театров и филармонии Ставропольского края должны быть положены материалы XXII съезда партии⁶. Пленум

¹ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2214. Л. 4.

² ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2704. Л. 31.

³ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2455. Л. 8.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 4. Д. 2955. Л. 59, 62.

⁵ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2234. Л. 7.

⁶ ГАСК. ФР. 3821. Оп. 1. Д. 39. Л. 12.

Краснодарского крайкома КПСС 4 сентября 1962 г. тоже был посвящен усилению идеологической работы в сфере культуры на основе решений этого партийного съезда. Прагматизм и упрощенные представления о связи творчества и социальной практики в духе текущей политики ЦК КПСС и рассуждений Н.С. Хрущева о связи культуры с практикой коммунистического строительства характерны для партийных формулировок. Так, главный недостаток в работе театров определялся не творческими провалами, а слабыми связями театральных трупп с промышленными предприятиями и сельскими районами.

Краевое управление культуры получало контрольные функции также из рук партийных органов. В частности, речь шла о надзоре над репертуаром театров и филармоний. Изменения в уже утвержденном репертуарном плане допускались в исключительных случаях и обязательно по согласованию с крайкомами КПСС. Подобная практика контроля была распространена и при корректировке планов изданий литературы. Так в 1958 г. просьба о разрешении внести изменения в план издания художественной литературы поступила в краевой комитет КПСС от Ставропольского отделения Союза писателей. Писатели просили внести в этот план публикацию книг членов Союза писателей РСФСР А. В. Попова «Первая ссылка Лермонтова» и К. Г. Черного «Пушкин – очеркист».

В этой системе работа государственных органов управления культурой в Центре и на местах была полностью подчинена воле партийных решений. Как и везде, в Краснодарском и Ставропольском краях местные управления культуры всю свою работу обязаны были соотносить с партийными органами. Лишая работников государственного аппарата инициативы, такой принцип с годами вырабатывал иждивенчество и бюрократическую волокиту при принятии решений. Поскольку государство рассматривало культуру как систему определенных мероприятий, направленных на решение идеологических и просветительских задач, то главным принципом работы государственных органов на местах, как уже было сказано выше, становилось плановое начало, мало совместимое с творческим процессом. Так, в 1953 г. Ставропольское краевое управление культуры планировало свою работу поквартально. В основе плана лежали партийные решения центральной власти – «дальнейшая работа по реализации исторических постановлений XIX съезда партии, Пятой сессии Верховного Совета СССР, сентябрьского Пленума ЦК КПСС, постановления Совета Министров РСФСР, постановлений правительства, краевых партийных и советских организаций по работе учреждений культуры»¹.

Важнейшим направлением работы местных советских органов культуры было материальное обеспечение учреждений культуры. В решении этих вопросов приходилось преодолевать сложности жестко централизованного управления культурой. Государственные органы непосредственно контролировали распределение средств на развитие конкретных учреждений культуры. Например, бухгалтерские отчеты театров, филармоний, художественных и музыкальных школ и училищ отправлялись в краевые управления культуры на утверждение, и основные финансовые решения принимались там. Например, Краснодарское краевое управление культурой, рассмотрев такой документ, представленный дирекцией краевого драматического театра им. М. Горького от 12 июля 1955 г., постановило: «Немедленно прекратить оплату квартир работников театра за счет предприятия. В случае их повторения такие расходы будут отнесены в начет виновным»².

В творческих коллективах неслучайно органы управления культуры воспринимались зачастую как снабженцы. К примеру, ансамбль кубанских казаков обращался в Краснодарское краевое управление культуры по вопросу приобретения 3 баянов, фортепиано и новых шапок-кубанок.³

Реализуя партийный призыв к сближению творческой интеллигенции с трудящимися, работники управлений особое внимание уделяли связям творческих работников с тружениками производственной сферы. Они организовывали выезды творческих бригад в села и районы региона. Отдел искусств Краснодарского крайисполкома, к примеру, на период уборочной и хлебозаготовительной компании 1954 года создал из артистов театра им. М. Горького, театра музыкальной комедии, Майкопского областного театра специальную концертную бригаду для проведения встреч на время 60 выездов артистов в районы края. В 1957–1958 гг. Ставропольское краевое управление культуры организовывало концерты филармонии, показ спектаклей и работы передвижных художественных выставок на отгонных пастбищах⁴.

¹ ГАСК. ФР. 3798. Оп. 1. Д. 3. Л. 72.

² ГАКК. ФР. 1726. Оп. 1. Д. 97. Л. 36.

³ ГАКК. Ф. 1774-А. Оп. 4. Д. 1897. Л. 87.

⁴ ГАСК. ФР. 1626. Оп. 1. Д. 161. Л. 3.

Краевые исполкомы были основными проводниками по реализации партийных решений во всех вопросах культуры. Они занимались отбором кандидатур из числа творческих работников на утверждение их партийными органами для участия в смотрах, выставках и совещаниях различного уровня. Местные органы управления культурой непосредственно занимались организацией работы во всех сферах культуры и искусства. Например, работники управлений культуры собственноручно проводили собрания членов того или иного творческого союза, формировали репертуарные комиссии и выставочные комитеты. Так, приказом № 72 от 29 мая 1956 г. по Ставропольскому управлению культуры для организации и проведения выставки художников Ставрополя, который проходил с 10 июня по 10 декабря 1956 г., был сформирован и назначен выставочный комитет-жюри. В результате в его состав наряду с наиболее известными и авторитетными художниками П. М. Гречишкиным, А. А. Борматовым, В. В. Кленовым вошли такие чиновники от культуры, как старший инспектор управления И. Г. Стадников, заведующий городским отделом культуры Н. Ф. Ильяшенко.

Как уже отмечалось, зависимость органов управления культурой от партийной воли и одновременное сосредоточение в их аппарате всей практической и организационной работы определяли потребительское отношение к ним и со стороны творческой интеллигенции. На имя председателя Краснодарского крайисполкома 20 февраля 1957 г. поступило письмо с 39 подписями, в котором обращалось внимание на то, что в столицах союзных и автономных республик в ряде областей имелись клубы советской интеллигенции – Дома работников искусств. «К сожалению, работники культуры и искусства Краснодарского края не имеют такого клуба в г. Краснодаре. Разговоры о создании дома работников культуры идут давно, но, к сожалению, они остаются только разговорами. Надеемся, что наша просьба будет удовлетворена, и творческая интеллигенция края будет иметь свой очаг для идейного и художественного роста»¹. В этих претензиях просматривается общее настроение, характерное для всех работников культуры, которые воспринимали свою вышестоящую инстанцию зачастую как снабженческую организацию.

Таким образом, партийное руководство регионов координировало деятельность всех государственных, общественных структур в развитии учреждений культуры. Одновременно именно через местные партийные органы осуществлялся наиболее жесткий контроль над учреждениями культуры и практикой культурной работы на местах. В то же время в действиях как партийного, так и государственного аппаратов на местах усилился технократизм и проявилась тенденция мерить успехи культуры практической пользой для материального производства.

---

¹ ГАКК. ФР. 687. Оп. 3. Д. 1469. Л. 44.

Шереш А. Венгеро-советские экономические отношения 1920–1941 гг.¹

Атила Шереш в течение ряда лет изучает одну из малоизвестных страниц истории советско-венгерских отношений межвоенного периода: проблематику экономических отношений. После издания нескольких статей на эту тему в качестве синтеза исследований 2010 г. вышла в свет его монография «Венгеро-советские экономические отношения 1920–1941 гг.». Те читатели и коллеги, которые до сих пор считали Аттилу Шереша эрудированным и добросовестным исследователем, не будут разочарованы в своих ожиданиях. Его работа главным образом импонирует своей широкой документально-источниковой базой. Он по своей теме подверг анализу практически все, что уцелело после исторических потрясений и к чему историки имеют доступ. В том числе он обрабатывал фонды 10 архивов, как венгерских, так и российских. Кроме архивных документов, он использовал статистические сборники, ежегодники, разные экономические издания, газетные статьи и т. д. Он не ограничивался той картиной, которую можно было нарисовать на основе правительственных и министерских документов, а докапывался до уровня экономических организаций (Союз Венгерских Промышленников) и отдельных частных предприятий (Заводы «Вейс Манфред», «Ганз-Данубиус», Центральное Нефтяное АО и т. д.). Благодаря этой тщательной работе Аттила Шереш внес значительный вклад в современную историографию.

Книга построена в хронологическом порядке, что диктуется отрывочным характером и порой весьма низким уровнем советско-венгерских отношений тех времен. Автор, где это представляется необходимым, освещает политический, дипломатический или экономический фон событий. Детально описывает подробности переговоров по установлению дипломатических отношений между двумя государствами в 1924 г. в Берлине и в 1934 г. в Риме, уделяет большое внимание характеристике советской концессионной политики во время НЭПа, своеобразию механизма монополизированной внешней торговли СССР, как и специфическим экономическим проблемам Венгрии, вытекавшим из территориальных и прочих постановлений Трианонского договора.

В двусторонних отношениях тесная взаимосвязь между политикой и экономикой не нуждается в доказательствах. Интенсивное экономическое партнерство предполагает урегулированность политических отношений, политика в значительной степени благоприятствует развитию торговой и экономической кооперации. И наоборот, если в политической сфере имеются серьезные разногласия, то они, как правило, препятствуют углублению сотрудничества в области экономики. Атила Шереш, доказав правдивость этого принципа в советско-венгерских отношениях, все же обращает внимание на некоторые отдельные моменты, когда экономические интересы были сильнее явной политической антипатии друг к другу «белой» Венгрии и «красного» СССР. Советская сторона много раз подчеркивала, что «венгры смогут торговать с СССР только после установления дипломатических отношений» [С. 55]. Однако, если их интересы требовали того, советские руководители сами отклонились от этого правила. Таким эпизодом был, к примеру, договор, заключенный в мае 1924 г. в Берлине о закупке советскими хозяйственниками 10 молотильных машин венгерской фирмы «Хофер-Шрантз». Сделка стала возможной после того, как в советско-немецких отношениях возникло серьезное напряжение в результате произведенного немецкими полицейскими обыска в советском торговом представительстве. После такого нарушения экстерриториальности представительства советская сторона немедленно прекратила торговые переговоры с немцами, а нужное ей техническое оборудование она закупала в других странах, в том числе у венгерской фирмы «Хофер-Шрантз» [С. 38–39]. Во время отсутствия дипломатических сношений в советско-венгерской торговле довольно значительный объем представляли закупки лошадей. В середине 1920-х гг. СССР ежегодно покупал в Венгрии 2–3 тысячи лошадей для нужд советской экономики и армии [С. 65]. Здесь решающую роль играло то обстоятельство, что лошадей такого качества за такую цену СССР нигде, кроме Венгрии, не мог бы приобрести.

С венгерской стороны, несмотря на сильное опасение большевистской пропаганды, финансовые и торговые круги уже в начале 1920-х гг. пришли к выводу, что российский (советский) ры-

¹ SERES A. Magyar-szovjet gazdasági kapcsolatok 1920–1941. Budapest, 2010. MTA Történettudományi Intézet. 164.

нок сбыта и сырьевые ресурсы страны могут играть важную роль в преодолении тяжелых экономических последствий Трианонского договора. Аттила Шереш подробно описывает целый ряд официальных и полуофициальных попыток, направленных на установление экономических отношений, в том числе берлинские встречи генерального директора Союза Венгерских Промышленников Микша Феньё со Стефаном Бродовским, венские переговоры венгерского посланника Густава Гратца с советскими хозяйственниками, стремление Венгерского общего кредитного банка и Англо-Венгерского банка к созданию совместных торговых обществ. Здесь мы тоже сталкиваемся с множеством любопытных эпизодов. Одним из них, безусловно, является сообщение в воспоминаниях Кароя Коффлера о том, что венгерская нефтяная промышленность в течение ряда лет покрывала свои потребности исключительно советской нефтью. Но можно упомянуть и попытку венгерских финансовых и промышленных кругов (Микша Феньё, Дьюла Клейн и т. д.) получить концессионные права на эксплуатацию николаевских кораблестроительных заводов. Советская сторона отклонила венгерское предложение, мотивировав свое решение политическими, стратегическими и финансовыми соображениями [С. 41–43].

Наряду с концессиями возможность создания совместных торговых обществ тоже вызывала интерес венгерских хозяйственников. В этой области Аттила Шереш раскрыл несколько новых, до сих пор неизвестных моментов. Из его исследований становится ясным, что инициатива Англо-Венгерского банка и его партнеров создать Российско-Венгерское торговое АО с основным капиталом в 200 миллионов долларов в конце концов потерпела крах, так как Будапештский королевский суд два раза отклонял регистрацию общества. При отказе судебная инстанция ссылалась на пробелы в подаче заявления по форме и по содержанию. Таким образом, инициаторам пришлось отказаться от своих намерений. С другой стороны, советские круги не проявляли никакой готовности принимать участие в создании такого общества и отказались принять 50 % акций, что явилось бы необходимой предпосылкой для создания совместного общества. Здесь, кроме отсутствия дипломатических отношений между двумя странами, несомненно, играло свою роль и то обстоятельство, что с осени 1923 г. Наркомат внешней торговли постепенно пересмотрел свою позицию и в дальнейшем не поддерживал создания новых совместных торговых обществ.

В 1924–1925 гг. венгерское правительство предприняло шаги для устранения наибольшего препятствия на пути развития экономических отношений. 12 сентября 1924 г. в Берлине венгерский посланник Калман Канья и советский полпред Николай Крестинский подписали три соглашения, которые скрупулезно урегулировали детали установления дипломатических отношений между Москвой и Будапештом начиная от дипкурьерской службы до численности сотрудников отдельных представительств. Однако ратификация подписанных документов застряла в лабиринте венгерских внутривластных прений, ее отмене также содействовало обострение англо-советских отношений вокруг так называемого «письма Зиновьева».

После этого советско-венгерские экономические связи были заморожены на достаточно низком уровне. По данным автора книги, торговый оборот стран не превышал 2–3 млн. венгерских пенгэ. Из Советского Союза в Венгрию поступало главным образом сырье (нефть, асбест и т. д.). В венгерском экспорте в СССР доминировали лошади, сельскохозяйственные машины, электротехнические товары и другое техническое оборудование. По мнению Аттилы Шереша, эта структура в принципе заключала в себе возможность развития экспортно-импортных связей, но политическая атмосфера и своеобразные платежные условия в значительной степени затрудняли это. Что касается системы платежей, то советские партнеры оплачивали счета в срок, но настаивали на предоставлении им со стороны экспортеров долгосрочных кредитов сроком на 6–24 месяцев. В таких условиях на советском рынке могли действовать конкурентоспособно те страны, где за крупными и мощными фирмами стояла правительственная гарантия в системе платежей. В Венгрии отсутствовали оба из этих двух обстоятельств.

В 1930-е годы к старым аспектам прибавлялись новые элементы в двухсторонних экономических отношениях. Мировой экономический кризис 1929–1933 гг. в Венгрии дал аргументы в руки как оппонентов, так и сторонников развития торговых связей с СССР. Первые основную причину кризиса видели в советском дэмпинге, целью которого, по их мнению, являлся подрыв экономического и общественного порядка в буржуазных государствах. Однако специалисты, хорошо знавшие настоящее положение дел в венгерской экономике, в том числе министр финансов Янош Телески, генеральный директор Государственного управления по делам внешней торговли Шандор Короди, руководители Союза венгерских промышленников и крупных предприятий высказывались за более усиленное проникновение венгерских фирм на советский рынок. С этой целью Министер-

ством торговли (под руководством министра Бела Кенез) было создано в Берлине агентство, состоящее из одного человека. В задачи Андраша Чато входило содействие установлению контактов венгерских фирм с возможными советскими партнерами. Во время берлинских переговоров Шандора Короди с советскими хозяйственниками было предложено учредить в Будапеште советское торговое представительство, но венгры по-прежнему относились к этому отрицательно, опасаясь, что подобное учреждение может стать очагом большевистской пропаганды. Это опасение стало источником целого ряда мероприятий, которые осложняли контакты советских и венгерских хозяйственников. Во второй половине 1920 – начале 1930-х годов небольшие делегации в составе 2–3 человек из сотрудников венских и берлинских советских торговых представительств не раз приезжали в Венгрию на выставки с целью посещения предприятий или проверки образцов товаров, технологического процесса и т. д. В этих случаях они находились под наблюдением Венгерской королевской государственной полиции. Расходы по наблюдению оплачивались той организацией, фирмой, которые приглашали советских специалистов, таким образом, что они должны были заранее перечислить назначенную сумму на счет полиции. Необходимо отметить, что в Москве тоже не было единого мнения о целесообразности таких поездок. В июле 1929 г. Б. С. Стомоняков от имени Наркоминдела направил письмо А. И. Микояну, народному комиссару внешней торговли, в котором он писал, что считает с политической точки зрения неправильным посещения Венгрии советскими торговыми делегациями и настаивал на том, чтобы эти поездки в каждом случае были согласованы с Наркоминделом [С. 64].

В 1934 г. наконец было устранено самое главное препятствие, на которое советская сторона постоянно ссылалась при отклонении отдельных венгерских предложений на ту или иную сделку. Были установлены дипломатические отношения, и начали свою деятельность дипломатические представительства в двух столицах. В протоколе, подписанном одновременно с нотой об установлении дипотношений, уже говорилось о том, что после вручения верительных грамот дипломатическими представителями, стороны немедленно начнут экономические переговоры. В том же протоколе отдельный параграф гласил о создании в Венгрии советского торгпредства с тремя пользовавшимися дипломатическим иммунитетом сотрудниками. Уже в мае 1934 г. из Будапешта выехала в Москву делегация венгерских бизнесменов и правительственных экспертов во главе с Феликсом Борнемисса, чтобы на месте изучить возможности развития экономических отношений. Несмотря на все это, если мы посмотрим таблицу, составленную автором на основе данных Венгерского статистического бюллетеня о динамике торгового оборота, то увидим, что уровень экспорта и импорта в пэнге не достиг даже объема середины 1920-х [С. 102]. Картина ежегодных балансов весьма пестрая. Это объясняется тем, что при таком низком уровне торгового оборота, иногда даже одна конкретная сделка могла склонить чашу весов в ту или другую сторону. Так, например баланс за 1936 год показывает венгерский пассив более чем в 1,3 миллионов пэнге. На следующий год это превратилось в венгерский актив в 1,7 миллионов пэнге. К 1938 году двухсторонняя торговля практически сводится к нулю. Венгерский импорт составлял сумму в 71 тысячу пэнге, а экспорт равнялся нулю (!). То есть установление дипломатических отношений не благоприятствовало развитию экономических связей.

Причины этого явления многосторонние. Аттила Шереш раскрывает много до сих пор не известных деталей советско-венгерских отношений на основе архивных источников. Мне бы хотелось обратить внимание читателей на два аспекта. Первый из них – это стремление к монополизации торговли с СССР со стороны Торгового акционерного общества «Стелла». Фирма была основана банковским домом «Эмден». Однако эта попытка не увенчалась успехом. Не только советская сторона была не в восторге от этой идеи, но ее осуществлению мешали и венгерские конкуренты фирмы «Стелла», в частности группа предприятий во главе с Англо-Венгерским банком. Данная группа тоже мечтала укрепить свои позиции на советском рынке. Среди членов руководства Англо-Венгерского банка мы находим сына правителя Венгрии Миклоша Хорти-младшего.

Второй момент заслуживает еще большего внимания. Это стремление венгерского политического и экономического руководства открыть путь водного сообщения Дунай – Черное море – (Днепр / Днестр), по которому от Черноморских пристаней до Будапешта и в обратном направлении можно было бы поставлять товары без перегрузки. В случае осуществления этого плана Дунайская пристань Будапешта Чепель могла бы стать важным распределительным пунктом советского экспорта на Запад. С венгерской стороны делались не только статистические калькуляции по поводу того, насколько подобный вариант может удешевить перевозку товаров, но на кораблестроительном заводе «Ганз» был построен первый плоскодонный корабль типа «Аполлинер», ко-

торый одинаковым образом был годен к плаванию по морю и по реке. Особое значение придало этому делу то обстоятельство, что план пользовался полной поддержкой правителя Венгрии. Тут, по всей вероятности, играло свою роль военно-морское прошлое адмирала М. Хорти. М. Хорти обычно вел себя весьма сдержанно по отношению к СССР, считав «большевистскую систему» наибольшей опасностью, угрожавшей человеческой культуре. Однако в этом вопросе он проявлял заметную активность. Он неоднократно затрагивал данную тему на официальных встречах с советским полпредом А. А. Бекзядяном при вручении им верительных грамот, на приемах членов дипкорпуса и т. д. Более того, из работы Атилы Шереша мы узнаем, что один раз А. Бекзядян специально был приглашен на охоту в узком кругу с М. Хорти и премьер-министром. Во время завтрака А. Бекзядяна посадили рядом с М. Хорти, дабы они имели возможность поговорить на эту тему. По словам советского полпреда, М. Хорти прямо поддержал идею установления такого пути водного транспорта. В отличие от венгерского энтузиазма, советская сторона относилась к заключению договора с Венгрией о плавании по Дунаю и Черному морю вполне равнодушно. Рассматривали его не как экономический, а как политический вопрос. К 1936 г. переговоры по этому поводу окончательно зашли в тупик.

Несмотря на установление дипломатических отношений, сторонам не удалось добиться заключения торгового или платежного соглашения, которое могло бы дать организованные рамки товарооборота между двумя странами. Атила Шереш в своей книге посвящает отдельную главу этому сюжету. Причины неудачи главным образом восходят к двум блокам проблем. К первому относились те венгерские требования, которые для советской стороны были неприемлемы. Таким пунктом было фиксирование в договоре соотношения товарообмена 2:1 в пользу венгров. Этим требованием венгры хотели бы компенсировать свои вероятные убытки, которые они предвидели из-за аккредитива экспорта в СССР, из-за учета советских векселей и из-за расходов по транзиту. Тут венгры в качестве компромисса готовы были принять соотношение 4:3, однако советская сторона настаивала на 1:1 [С. 92]. Не удалось провести и венгерское предложение, согласно которому платежи и расчеты между двумя странами должны были производиться через Английский торговый банк. Здесь Москва, главным образом по соображениям престижа, настаивала на непосредственном расчете между Венгерским национальным банком и Госбанком СССР по примеру советско-румынского платежного соглашения. Венгерский посланник Михай Юнгерт-Арноти безуспешно пытался побудить свое правительство к большей уступчивости в этом вопросе.

Однако второй блок проблем во всех неудачах играл более важную роль. Суть его заключалась в том глубоком равнодушии, с которым Москва относилась к вопросу развития экономических отношений с Венгрией. Не только торговое представительство не было учреждено при полпредстве, но в состав последнего не было включено ни одного сотрудника-эксперта по вопросам экономики. Н. Н. Крестинский, заместитель народного комиссара по иностранным делам, прямо заявил А. Бекзядяну, что Советский Союз не интересуется экономическими предложениями венгров: «Вам вовсе не нужно иметь у себя внешнеторгового работника, это вы можете делать сами, иногда даже без запроса Москвы». В Советской столице, как отмечает Юнгерт-Арноти, несмотря на наличие дипломатических отношений, Венгрию внесли в черный список. С одной стороны, венгерская экономика в силу маленького размера не была таким крупным фактором мирового рынка, без которого советское народное хозяйство не могло бы обходиться. Венгерские промышленность и сельское хозяйство могли предлагать мало таких товаров и продуктов, которые СССР не мог бы покупать в других странах. С другой стороны, нельзя упускать из внимания, что новая политическая ситуация в Европе тоже не способствовала углублению двухсторонних экономических связей. Во второй половине 1930-х гг. СССР и Венгрия пытались обеспечивать свои внешнеполитические интересы в формировавшихся двух противоположных блоках. Москва смотрела с неодобрением на сближение Венгрии к державам «Оси» (неоднократные запросы венгерского посланника в Москве Юнгерта-Арноти, может ли Советский Союз предложить Венгрии другую альтернативу для реализации своих интересов, остались без ответа). В то же время в Будапеште считали, что система договоров о взаимопомощи между Францией, Чехословакией и СССР может задеть венгерские интересы, и опасались, что Чехословакия становится «форпостом большевизма». В венгерской прессе советское присутствие в Чехословакии иногда изображалось фантастическими красками и рисовалось намного более значительным, чем оно было на самом деле. Параллельно с обострением «чехословацкого кризиса» советско-венгерские отношения все более охладевали, и к марту 1939 г. это привело к прекращению дипломатических сношений с закрытием дипломатических миссий в двух столицах. Весьма поучительно, что все это произошло по советской инициа-

тиве и формальным поводом послужило присоединение Венгрии к Антикоминтерновскому пакту. СССР явно хотел создать прецедент с Венгрией, чтобы удержать другие маленькие государства Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) от подобного шага. В то же время Москва поддерживала полноценные дипломатические и экономические отношения с великими державами – основателями Антикоминтерновского пакта.

Новая глава истории советско-венгерских экономических (и политических) отношений началась тогда, когда в результате сближения СССР и Третьего Рейха (пакт Молотова – Риббентропа) стало возможным возобновление дипломатических сношений и были снова открыты дипломатические представительства в Москве и Будапеште. В данный период к старым проблемам прибавлялись новые. Во-первых, Советский Союз уже не мог мотивировать свое сдержанное и охлажденное отношение к Венгрии характером и содержанием венгеро-германских отношений. Во-вторых, не менее важным моментом было то, что в результате территориальных преобразований в ЦВЕ Советский Союз и Венгрия стали непосредственными соседями. И наконец, в-третьих, территориальные претензии обеих стран к Румынии в принципе открывали возможность к определенному согласованию внешнеполитических интересов. Аттила Шереш это обстоятельство считает решающим в области торговых связей, ведь переговоры именно тогда сдвинулись с мертвой точки, когда из-за вопроса Бессарабии и Буковины Венгрия стала рассматриваться в Москве как подходящее средство усиления давления на Румынию. Это опять подтверждает вышеупомянутый тезис автора о том, что СССР в своих экономических, торговых связях с Венгрией руководствовался главным образом политическими соображениями: «У Москвы не было каких-нибудь особых экономических интересов в Венгрии» [С. 114].

Что касается Венгрии, то из работы Аттилы Шереша становится ясным, что здесь дело обстояло как раз наоборот. Острая нехватка сырья для промышленности, необходимость открытия новых рынков сбыта для венгерского экспорта, часто преобладали над идеологической неприязнью и политическими опасениями. С началом Второй мировой войны Венгрия была отрезана от прежних источников сырья. Оставшийся в стороне от войны, обладавший неисчерпаемыми ресурсами сырья и крупным экономическим потенциалом СССР опять казался для венгерской экономики возможным привлекательным партнером, который может облегчить тяжелую для Венгрии ситуацию. В связи с этим глава венгерской экономической делегации в Москве Алфред Никл, заведующий экономическо-политическим отделом министерства иностранных дел уже на первой встрече раскрыл свои карты перед А. И. Микояном, наркомом внешней торговли: «Венгрия, советским сырьем может воспользоваться в неограниченном количестве» [С. 117].

Венгерская делегация с 7 августа 1940 г. пребывала в Москве в течение почти одного месяца. 3 сентября были подписаны договоры о торговле и плавании, о товарообороте и платежах и целый ряд дополнительных документов. Аттила Шереш подробно останавливался на деталях переговоров. Венгерская делегация прибыла в Москву с далеко идущими планами и предложениями. Цифры, по всей вероятности, были определены с расчетом на то, чтобы в ходе переговоров было из чего уступить. Венгры поначалу старались установить тесную взаимосвязь между венгерским экспортом и сырьевым импортом из СССР, и объем венгерского экспорта хотели определить в 25–30 млн долларов. Это было действительно очень высокая сумма. Советская сторона хотела установить товарооборот между двумя странами на низком уровне в размере 1,7–1,8 млн долларов. Это было ниже даже уровня советско-словацкой торговли (2,4 млн долларов). Эту сумму удалось увеличить до 3,7 млн, что, с венгерской точки зрения, несомненно, явилось значительным успехом. Однако венгры безрезультатно добивались того, чтобы основную часть венгерского импорта из СССР составляли необходимые для венгерской промышленности железная руда, чугун, сталь и т. д. Советская делегация, ссылаясь на нужды своей собственной промышленности, категорически отказалась поставлять в Венгрию железо в любой форме. В перечне венгерского импорта самые крупные партии составляли: лес (стоимостью 820 тыс. долларов), хлопок и текстильные охлопки (460 тыс. долларов), суперфосфат, марганцевая и хромовая руда, смазочное и цилиндрическое масло. Впоследствии часть объемов закупаемого леса удалось заменить другими товарами, в том числе суперфосфатом и хлопком. В венгерском экспорте доминировали корабли (800 тыс. долларов, электромоторы и генераторы (700 тыс. долларов), и, кроме этого, в небольшом количестве стальные трубы, вагонные оси, дизельные двигатели [С. 119].

В этой части книги мы тоже находим интереснейшие сюжеты, которые как бы оживляют «мертвые буквы» подписанных договоров или освещают фон какой-то контретной сделки, как например: кораблестроительный завод «Ганз» и советские заказы, вопрос установления железно-

дорожной связи между двумя странами, участие Советского Союза в международной ярмарке в Будапеште в 1941 г.

Вокруг заказанных СССР и построенных на заводе «Ганз» двух судов водоизмещением 4000 тонн между руководством завода и венгерским правительством шел довольно острый спор. Из-за скоротечности срока заказа «Ганз» под давлением правительства вынужден был расторгнуть уже заключенные договоры (заказчики – акционерные общества по мореплаванию уже перечислили часть денег и на заводе началось строительство судов). Руководство предприятия заключило новое соглашение с Машиноимпортом, и в процессе дальнейшей работы оно должно было учитывать дополнительные советские пожелания. Государственное управление по делам внешней торговли обязалось возместить убытки «Ганза» в 50 тыс. долларов. Эта сумма была разницей между минимальным требованием предприятия и предложенной советскими заказчиками максимальной ценой. Правительство обещало свое содействие в обеспечении необходимых для строительства материалов, хотя в условиях установленной формы распределения сырья это не удалось сделать без перебоев, что привело к постоянным просрочкам [С. 122–124]. В конце концов из-за нападения Германии на СССР и вступления Венгрии в войну передача судов не состоялась.

Атила Шереш посвящает отдельный подраздел вопросу установления железнодорожной связи между СССР и Венгрией. Со свойственной ему основательностью он раскрывает детали московских переговоров с венгерской делегацией во главе с Дердьем Лукачем-Перени вплоть до разрешения технических проблем в связи с разницей в железнодорожных колеях. В том числе автор указывает на то, что в вопросе транзита СССР в полной мере использовал свои геостратегические выгоды и уязвимое положение Венгрии. Венгерская сторона должна была обращаться за разрешением на перевозку жизненно важных для Венгрии заокеанских товаров от Владивостока до венгерской границы в каждом отдельном случае. Взамен за транзит СССР просил передачи от 50 до 70 % количества подлежащего перевозке груза. Незавидное в этом отношении положение Венгрии, очевидно хотя бы из того, что потеря 50 % груза считалась для венгров приемлемой ценой за транзит [С. 131].

Начавшиеся развиваться экономические отношения были прерваны войной. Здесь Атила Шереш уделяет особое внимание проблеме ликвидации собственности и обязательств. Государственное управление по делам внешней торговли открыло особый банковский счет, куда венгерские фирмы, у которых имелись долги в отношении своих советских партнеров, должны были перечислить данную сумму в венгерских пенгэ. А из накопленной на счету суммы погашались требования венгерских фирм. В итоге ко времени разрыва связей сальдо показало 400 тыс. долларов венгерского пассива. По статистическим данным первого полугодия 1941 г., удельный вес СССР в венгерском экспорте составлял 0,19 %, а в импорте 1,48 %. Конечно, нельзя говорить о сколь угодно серьезном экономическом сотрудничестве, но по сравнению с данными за 1940 г. (0,01 % и 0,09 %) рост можно считать значительным [С. 141–142]. Так завершающая фаза советско-венгерских экономических и торговых отношений оказалась самой плодотворной и перспективной за весь межвоенный период.

С выводами заключительной главы нельзя не согласиться. По мнению автора, структура экспорта и импорта в принципе создавала возможность сотрудничества на основе относительных преимуществ: «Состав товарного контингента в двустороннем торговом обороте однозначно свидетельствует о том, что производственные структуры двух стран могли бы дополнять друг друга. Советский Союз производил и экспортировал именно те стратегические энергоносители, сырье и полуфабрикаты, в которых венгерская экономика остро нуждалась. А венгерское экономическое руководство развивало те отрасли промышленности, продукцию которых можно было бы в большом количестве продавать на советском рынке, из-за относительной отсталости советской машиностроительной промышленности» [С. 146]. Не благоприятствовала, однако, этой компаративности значительная разница в размерах советской и венгерской экономики. Идеологические антагонизмы и политические противоречия еще сильнее сужали рамки экономического сотрудничества в большей части межвоенного периода.

А. Колонтари

А. Шереш

**«Пережить самые тяжелые дни». Венгерские приходы
благочиния Московского Патриархата
в Венгрии во время Венгерской революции 1956 г.**

Введение

Многие страницы истории венгерских приходов благочиния Московского Патриархата в Венгрии до сих пор не известны широкой публике, венгерской и российской научной общественности. По нашему мнению, это объясняется в основном относительной «молодостью» этой зарубежной церковной структуры Московского Патриархата, и в связи с этим нехваткой достаточной «исторической перспективы» для научной и соответственно историографической обработки. Венгерское благочиние было учреждено только в годы после Второй мировой войны, и вопрос о трудностях научного исследования его истории тесно переплетался с проблемами научного изучения самого исторического периода, т. е. периода сильного нажима и гонений атеистического государства на Русскую Православную Церковь (РПЦ). Самая ценная источниковая база в России для изучения сложностей взаимоотношений между государством и церковью в СССР – это архивный фонд Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР, находящийся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), который стал доступным, и, благодаря российским специалистам, частично обработанным только с самого начала 2000-х гг. Российские историки уделяли большое внимание и к оценке отношений между РПЦ и местными, усиливавшими свои позиции в послевоенных обществах православными церквями в странах т.н. «советского блока»¹.

Благоприятной предпосылкой для дальнейшего тщательного изучения истории венгероязычных приходов Московского Патриархата является и тот факт, что в российской специальной литературе мы находим уже немало обоснованных, опирающихся на архивные материалы научных статей об общей истории православия в Венгрии в XX веке. Хотя они сосредоточиваются главным образом на описании развития сербского и румынского православия, а также религиозной жизни русской эмигрантской общины в Венгрии, все они касаются и вопроса возникновения венгерских православных приходов².

Исторический момент Венгерской революции 1956 г. для нас может оказаться чрезвычайно любопытным и с точки зрения исторического развития венгерских православных приходов, потому что, согласно публикуемым нами документам, в бурных событиях октября – ноября 1956 г. возобновились споры вокруг юрисдикции этой религиозной общины. Как это явствует из документов, главная конфликтная ситуация состоялась между двумя духовными лидерами венгерской православной общины – Феризом Берки и Яношем Варью. Из документов видно, что они противостояли друг другу и в конце октября 1956 г. Варью в контексте народного восстания и нестабильности общественного и политического строя считал пришедшим время для поднятия вопроса о переосмыслении юридической принадлежности венгерских православных приходов, перешедших с начала послевоенного периода под юрисдикцию Русской Православной Церкви. Нам хочется со-

¹ См. напр.: *Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы 1939-1958. Дискуссионные аспекты* / ред. Г. П. Мурашко, М. И. Одинцов. М.: Институт славяноведения РАН, 2003; Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. *Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века*. М.: РОССПЭН; Институт славяноведения РАН, 2008; *Власть и церковь в Восточной Европе 1944–1953*. Т. 1: 1944–1948. Т. 2: 1949–1953. *Документы российских архивов* / отв. ред. Т. В. Волокитина. М.: РОССПЭН, 2009; *Государство и церковь в XX веке. Эволюция взаимоотношений, политический и социокультурные аспекты. Опыт России и Европы* / отв. ред. А. И. Филимонова. М.: Либроком, 2011.

² См.: Шкаровский М. В. *Православная Церковь в Венгрии в 1939–1945 годах* // *Церковь и время*. 2008. № 2. С. 149–191. Шкаровский М. В. *Православная Церковь в Венгрии в годы Второй мировой войны: Православие. Конфессия, институты, религиозность (XVII–XX вв.)* / ред. М. Д. Долбилов, П. Г. Рогозный. СПб.: Издательство Европейского Университета, 2009. С. 250–277; Этеле Киш. *Православная Церковь в Венгрии в XX столетии* // *Православная Церковь в Восточной Европе. XX век* / ред. Кристин Шайо. Киев: Дух и литера, 2009. С. 203–225; Протоиерей Николай Ким. *Русская церковная эмиграция в Венгрии в 1920–1930-е годы* // *Российская белая эмиграция в Венгрии (1920–1940-е годы)* / отв. ред.: А. С. Стыкалин, Е. М. Варга: Институт славяноведения РАН, 2012. С. 127–132.

средоточиться на конфликте между ними, подчеркивая, что объяснение мотивировок этого конфликта неотделимо от вопроса об упомянутой юрисдикции, являющегося чрезвычайно сложным, потому что он затрагивает интересы не только самого Московского Патриархата, но и Константинопольского Патриархата и Сербской Православной Церкви (СПЦ)¹.

Само венгерское население исторической Венгрии не было православным, к «восточному христианству» принадлежали в основном сербское и румынское национальные меньшинства. Отдельной группой можно считать арумынско-греческие православные общины на территории Венгрии, представители которой со второй половины XVIII в. начали приселяться на венгерскую землю, в первую очередь со средней полосы Балканского полуострова (Македония и т. д.). Во второй половине XIX в., и особенно в городской среде двуединой монархии, эти арумынско-греческие церковные приходы начали мадьяризоваться и немалая их часть становилась венгероязычной. Сплошное, территориально компактное, сербское и румынское население Венгрии имели на самой территории страны свои епархальные районы (Надьсебенская и Карловацкая митрополии), а совсем малочисленные арумынско-греческие купеческие общины располагались рассыпано по всей стране и оторванно от своего традиционного религиозного центра (Константинопольский Патриархат). Но вместе с этим арумынско-греческие церковные общины в Венгрии не имели твердой канонической основы. Они были автономными, свободно распоряжались церковным имуществом, использовали в богослужении родной язык и взяли к себе в священники греков из монастырей Константинопольского Патриархата. Энциклика вселенского Константинопольского патриарха Иоакима IV от 1884 г. объявила их канонически подчиненными патриархату, оговаривая при этом их автономию. Однако в Венгрии эта энциклика не вступила в действие полностью. Значительная часть этих общин со смешанным составом прихожан, ввиду нехватки греческого священника, окормлялись местными священниками, в основном сербами, которым не хотелось признавать юрисдикцию Константинополя².

Позже Будимский сербский епископ, Георгий Зубкович трактовал создавшуюся в XIX–XX вв. ситуацию следующим образом. По его мнению, в Венгрии все права на православные приходы принадлежали Сербскому Синоду из-за отдаленности от религиозного центра и поэтому неспособности сохранить духовную жизнь, Константинополь и греки «передавали» СПЦ право на административную и содержание храмов арумынско-греческого основания и религиозное обслуживание их прихожан³.

Известно, что согласно Трианонскому мирному договору 1920 г. Венгрия потеряла примерно две трети своей территории и три четверти своего населения, в результате которого основная масса православного населения оказалась за пределами Венгрии. Ситуация изменилась только вследствие т. н. «второго венского арбитража» 1940 г., согласно которому Северная Трансильвания вернулась в территориальный состав Венгрии. На этой территории проживали около 1 миллиона румын, значительная часть которых, помимо греко-католиков, была православная. По расчетам венгерских специалистов, среди последних число имевших венгерские корни могло достичь 25 тысяч человек⁴. Именно этим объясняется, что со времени второго венского арбитража курс венгерского правительства по направлению православного и соответственно греко-католического вероисповедания в Венгрии активизируется. Правительство стремилось к тому, чтобы изменить иерархию греко-католической и православной церковных структур в Венгрии в пользу венгероязычных верующих. Не случайно, что новые приходы венгерского основания учредились именно в пограничной этнической зоне между венграми и румынами, соответственно в таких городах, как Ниредьхаза, Дебрецен и Сегед. При этом из-за нехватки священства венгерского происхождения духовные лидеры русской белогвардейской общины в Венгрии, как например Михаил Попов, Сергей Галиц-

¹ Подробнее см.: Киш Э. Православная Церковь в Венгрии в XX столетии // Православная Церковь в Восточной Европе. XX век / ред. Кристин Шайо. Киев, 2009. С. 217–220; Шкаровский М. В. Православная Церковь в Венгрии в 1939–1945 годах // Церковь и время. 2008. № 2. С. 172–173.

² На это подробнее см.: Киш Э. Указ. соч. С. 205–206.

³ Справка Совета по делам РПЦ о беседах членов делегации Московского Патриархата в Венгрии. Москва, не ранее 12 июня 1948 г. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 420. Л. 49.

⁴ Трудно определить, насколько достоверны эти цифры, ведь венгерские расчеты могли опираться лишь на анализ внутренних данных и вырисовывающихся из них тенденций всеобщих переписей населения в Трансильвании в 1910 и 1930 гг. Однако вполне возможно, что за два десятилетия нахождения этого края в составе Румынии немалая часть греко-католиков венгерского происхождения могла перейти в румынское православие. См. напр.: Kovács A. Az erdélyi magyarság és a román statisztika // Kisebbségvédelem. 1940. № 1–2. С. 3–19.

кий, Михаил Толмачев и Александр Беликов, играли основополагающую роль в зарождении независимой венгерской православной церкви. Так, например, в Ниредьхазе новый приход был основан Сергеем Галицким в 1943 г., а молитвенный дом ему тоже был построен им¹. В апреле 1941 г. автономная Венгерская Православная Церковь была узаконена указом правителя Венгрии Миклоша Хорти, который поставил его администратором Михаила Попова, бывшего капеллана царской армии². Новая православная богословская семинария была учреждена в 1942 г. Правда, из-за жесткого противодействия и усиленной дипломатической деятельности Белграда и Бухареста ни один канонический православный патриарх не признал эту церковную организацию и отказался рукоположить епископа для Венгерской Православной Церкви. Поэтому новая венгерская церковь временно перешла в подчинение митрополита Загребского Гермогена, по происхождению русского белоэмигранта, главы т. н. Хорватской Православной Церкви³.

Как это видно из вышеизложенного, вплоть до конца Второй мировой войны не удалось решить вопрос о юридическом статусе венгероязычных православных приходов. Решение вопроса ещё годами затягивалось, и в этом сказывались разногласия не только между Белградом и Константинополем, но и между Москвой и Белградом, а также между Москвой и Константинополем. Важными факторами оказались и разные интересы соответствующих правительств, и новые политические реалии послевоенного международного устройства, и нехватка подходящего и авторитетного духовного лидера венгерского происхождения во главе венгерских приходов. Венгерские православные приходы были канонизированы лишь после войны, 15 ноября 1949 г., по решению Священного Синода РПЦ, которое создавало благочинную администратуру из 8 приходов. Со временем среди самых надежных венгерских кандидатов во главе благочинной администратуры оказались Янош Варью и Фериз Берки.

Янош Варью, по имеющимся сведениям, первоначально окончил католическую духовную семинарию, но потом перешел в православие. Он был поставленным в Венгрии уже упомянутым Гермогеном, митрополитом Загребским, и с 1943 г. стал священником православного храма венгерского основания Св. Златоуста в Будапеште. Надо отметить, что рукоположение Варью не было признано Сербской Православной Церковью⁴. Скоро его авторитет всё-таки начал подниматься: с 1947 г. община Свято-Успенского храма в Будапеште, являющегося кафедральным собором Венгерской Православной Церкви, предложила ему служить в храме. Известно, что в 1945–1946 гг. он тоже искал пути к канонизации венгерских приходов и при этом пытался опираться и на диаспорные епархии Константинопольского Патриархата: он предпринял шаги для консультации о каноническом положении Венгерской Православной Церкви с Пражским епископом Савватием и даже Чикагско-Миннеаполиским архиепископом Леонтием⁵. Согласно российским документам, инициатива о подчинении венгерских приходов Московскому Патриархату исходила от самого него. Даже сам посол СССР в Венгрии Г. М. Пушкин назвал его «главой инициативной группы к объединению венгерских приходов под юрисдикцией Московского Патриархата»⁶. Трудно определить, какие рассуждения привели к тому, что Варью начал делать акцент на Московском Патриархате. Так, кажется, что в контексте международных условий и внутривластной обстановки Венгрии он считал возможным и целесообразным сохранить целостность венгерских приходов под эгидой РПЦ. Следует, однако, отметить, что ни Московский Патриархат, ни советское политическое руководство не считали его перспективно подходящим лицом, чтобы возглавить канонизированную Венгерскую Православную Церковь. Так, например, Архиепископ Мукачевский и Ужгородский Нестор, при встрече с министром культов и просвещения Дьюлой Ортутай 12-го июня 1948 г. на вопрос последнего, можно ли считать Варью официальным представителем Московского Патриархата, ответил таким образом: «Мы считаем его представителем патриаршей группы Венгерской Православной Церкви, желающей иметь духовное руководство и быть в юрисдикции Русской Пра-

¹ Записка архиепископа Нестора и Парийского Л.Н. о посещении ими Венгрии. Без места, без даты. Не ранее 12 июня 1948 г. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 420. Л. 29–39.

² Киш Э. Указ соч. С. 214–215.

³ Киш Э. Указ. соч. С. 214.

⁴ Справка Совета по делам РПЦ о беседах членов делегации Московского Патриархата в Венгрии. Москва, не ранее 12 июня 1948 г. ГАРФ. Ф.91. О. 1. Д. 420. Л. 49.

⁵ Киш Э. Указ. соч. С. 217.

⁶ Отношение посла СССР в Венгрии Г. М. Пушкина о венгерских церковных делах. Будапешт. Не ранее 12 июня 1948 г. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 420. Л. 40.

вославленной Церкви, но не облачаем Варью никакими полномочиями от Московского Патриархата. Так обстоит дело до принятия окончательного решения главами церквей»¹.

Фериз Берки окончил Богословскую академию в Афинах, был профессором канонического права, но Варью, напротив, не стал священником, и долгое время не был рукоположен в сан иерея. Во время Второй мировой войны он работал в министерстве культов и просвещения ответственным референтом по делам православной церкви. В этом качестве он был главным идейным вдохновителем и деятелем организации самостоятельной Венгерской Православной Церкви, да ещё и преподавателем Дебреценской богословской семинарии. Как это выясняется из публикуемого нами документа, в вопросе о юрисдикции этой церкви он был на стороне подчинения её Лондонской (Фиатирской) митрополии, объединяющей греческие диаспоры Константинопольского Патриархата в Европе². В российских документах 1946–1948 гг. он фигурирует как противовес стремлениям Варью сблизить венгерские приходы с Русской Православной Церковью. Архиепископ Нестор после окончания войны делал акцент на сотрудничестве с Будайским сербским епископатом и поддерживал тесную связь с его священниками. Уже упомянутый советский посол Г. М. Пушкин считал, что он работает против интересов Московского Патриархата, поэтому нужно рекомендовать министру культов снять его с поста референта по делам православных церквей Венгрии³.

Из документов видно, что мотивировка Варью объясняется и его личными притязаниями стать главой новосозданной и автокефальной Венгерской Православной Церкви. Решение Московского Патриархата назначить в Венгрию благочинного администратора в лице И. М. Кополовича, священника из Закарпатья, рассеяло все его ожидания. Создавшуюся ситуацию после прибытия в Будапешт И. М. Кополовича наглядно описывает последний отчет: «Мой приезд в Венгрию оказался неожиданным для многих. Варью распространил слухи о том, что ему было из Москвы по телефону сообщено, что Алексей отказал в принятии венгерских приходов в ведение Московского Патриархата и что в связи с этим ему было сказано, что все православные в Венгрии должны подчиняться сербскому епископу. [...] Варью, находясь в письменном контакте с Московским Патриархатом, в то же время поддерживал корреспонденцию с Болгарским Синодом и всех просил принять под свою юрисдикцию. На богослужениях он поминал Константинопольского патриарха. Варью разочаровался, потому что он был уверен в том, что он будет венгерским епископом»⁴. Из документов видно также, что новая расстановка, оцененная Кополовичом в его письме, зародила постоянное недовольство Варью и заставила его уйти в личную оппозицию Кополовичу⁵.

Российские документы указывают и на тот факт, что между Берки и Варью с давних времен существовала личная неприязнь. Если верить информации Кополовича, то они поддерживали плохие отношения друг с другом уже во время мировой войны, и Берки будучи государственным чиновником, отвечающим за деятельность православной церкви, неоднократно имел конфликт с Варью, священником храма Св. Златоуста⁶. Согласно документам можно предположить, что после решения вопроса о принятии венгерских приходов под юрисдикцию Московского Патриархата, Берки хорошо адаптировался в новых условиях. Его брат Илья Берки стал личным секретарем Кополовича,⁷ а он сам с 1952 г. работал при патриаршем благочинии как постоянный сотрудник журнала «Церковная летопись», а также был членом состоящей при Благочинной испытательной комиссии по экзаменовке кандидатов священства⁸. Кополович, ходатайствуя о его возвращении в За-

¹ Справка Совета по делам РПЦ о беседах членов делегации Московского Патриархата в Венгрии. Москва Не ранее 12 июня 1948 г. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 420. Л. 45.

² См. Док. № 7.

³ Отношение посла СССР в Венгрии Г. М. Пушкина о венгерских церковных делах. Будапешт. Не ранее 12 июня 1948 г. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 420. Л. 40.

⁴ Отчет И. М. Кополовича о его пребывании в Венгрии. Будапешт, 25 января 1950 г. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 738. Л. 10.

⁵ Справка Г. Г. Карпова, председателя Совета по делам РПЦ В. А. Зорину, заместителю министра иностранных дел СССР. Москва, 13 июля 1953 г. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1101. Л. 125-126.

⁶ Письмо И. М. Кополовича патриарху Алексию. Москва, 10 апреля 1954 г. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 142. Л. 23.

⁷ Отчет И. М. Кополовича о его пребывании в Венгрии. Будапешт, 25 января 1950 г. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 738. Л. 14.

⁸ Письмо Фериза Берки патриарху Алексию. Будапешт, 4 апреля 1954 г. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 142. Л. 28–29.

карпатье в 1954 г., однозначно указывал на Берки в качестве самого подходящего преемника¹. Миссия Кополовича завершалась 30 июля 1954 г., а Фериз Берки был рукоположен в сан иерея 18 июля в Москве². Так были преодолены все препятствия, чтобы Берки стал благочинным администратором венгерских приходов Московского Патриархата. Судя по документам новый благочинный администратор уже в мае 1955 г. предпринял шаги к увольнению Варью из состава церкви³.

Справедливости ради надо сказать, что события 1956 г. в Венгрии не могли не повлиять на религиозную жизнь венгерских приходов Московского Патриархата. Как известно, в 1956–1957 гг. около 200 тысяч венгров покинули свою родину. Эта тенденция касалась и венгерских православных приходов, так как, кроме Яноша Варью, имевшего серьезные противоречия с Феризом Берки, ещё два священника – Янош Петерфальви⁴ и Иосиф Прессл⁵ – покинули церковь и переселились на запад. Это считалось большой потерей для такой малочисленной и недавно организованной религиозной общины, как венгерское благочиние Московского Патриархата.

Публикация записи беседы митрополита Николая с венгерским реформатским епископом Яношем Петером важна, потому что в ней отражено отношение Фериза Берки к революционным событиям 1956 г. В этой беседе, по словам венгерского епископа, подчеркивается, что Берки занял «патриотическую» позицию в ходе событий⁶. Выяснение позиции Берки требует ещё дальнейших исследований в венгерских и российских архивных материалах, но с учетом дальнейшей политической деятельности Яноша Петера, реформатского архиерея, тесно сотрудничающего с коммунистическим режимом Венгрии, и будущего министра иностранных дел, можно предположить, что такая оценка указывает на то, что Берки не был на стороне повстанцев.

Документы⁷

№ 1. Запись беседы митрополита Николая Ярушевича, заведующего Отделом внешних церковных сношений Московского Патриархата с Яношем Петером, венгерским реформатским епископом.

Без места⁸, 24 ноября 1956 г.

Машинописный оригинал. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 188. Л. 324–326.

Разговор с венгерским епископом Петером Янош⁹ 24-го ноября 1956 г.¹⁰

Петер Янош говорил: римско-католическая Церковь в Венгрии больше других церквей пережила потрясение во время последних событий.

Кардинал Миндсенти¹¹, выпущенный из тюрьмы, обратился ко всем католическим епископам, священникам и верующим с рядом посланий, в которых призывал всех поддержать повстанцев как борцов за свободную и независимую Венгрию. Католических священников, которые участво-

¹ Письмо И. М. Кополовича патриарху Алексию. Москва, 10 апреля 1954 г. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 142. Л. 23.

² Письмо митрополита Николая И. М. Кополовичу. Москва, 14 мая 1954 г. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 142. Л. 35–36.

³ Письмо митрополита Николая Феризу Берки. Москва, 21 июня 1955 г. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 164. Л. 217.

⁴ Доклад Фериза Берки митрополиту Николаю о положении венгерских приходов Московского Патриархата в первом полугодии 1957 г. Будапешт, 13 июля 1957 г. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 217. Л. 9.

⁵ Письмо Фериза Берки митрополиту Николаю. Будапешт, 2 октября 1957 г. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 217. Л. 1–2.

⁶ См. док. № 1.

⁷ Первоначальный вид и структура документов, абзацы, форма и размер букв, аббревиатуры, сокращения и т. д. нами полностью сохранены. На пометы, дополнительные замечания, подписи и т. д. на бумаге от руки мы указали курсивом. Документы публикуются по хронологическому принципу, т. е. по времени их возникновения и датирования. В случае упоминания отдельных мелких духовных лиц, мы не могли указать на их биографические данные, ввиду полного или частичного отсутствия них. Также не считали целесообразным отдельно указывать на биографические данные двух основополагающих фигур событий, Фериза Берки и Яноша Варью.

⁸ Место встречи митрополита Николая с Яношем Петером нам неизвестно.

⁹ Петер Янош (1910–1999) с 1949 г. по 31 октября 1956 г. – епископ Венгерской Реформатской Церкви, с 1961 по 1973 г. – министр иностранных дел.

¹⁰ На правом поле бумаги, наверху, помета от руки: «1) Телеграмма подготовлена. 2) Структура будет (эжзархат)».

¹¹ Миндсенти, Йозеф (1892–1975) с 1945 по 1974 г. – архиепископ Эстергомский, глава Венгерской Католической Церкви. С 4 ноября 1956 г. по 1971 г. жил в убежище в Посольстве США в Будапеште.

вали в движении за мир, он подверг церковным наказаниям. Вся католическая Венгрия находилась под впечатлением этих посланий своего главы. Как эта Церковь будет вести себя в ближайшем будущем, сказать пока трудно, потому что Миндсенти скрылся в американском посольстве и католические епископы пока выжидают развертывания дальнейших событий.

Лютеранская Церковь в Венгрии тоже вела себя недостойно в отношении своей родины. Оба епископа – Вете Лайош¹ и Дежери² ушли со своих постов в знак сочувствия повстанцам. В этой церкви разброд: одни стоят за повстанцев, другие – против.

В реформатской Церкви Венгрии тоже нашлись свои изменники. Епископ Берецки³ склонился на сторону повстанцев.

Ректор Богословской академии в Будапеште Ласло Пап⁴ все дни поддерживал тесную связь с Виссерт-Хуфтом⁵, находившемся в Женеве.

И нужно сказать, что Всемирный Совет церквей недостойно вел себя во время нашей трагедии, подстрекая повстанцев через христианских представителей.

Что касается Православной Церкви, то я не имею точных сведений, но по косвенным данным Фериз Берки вел себя достойно венгерского патриота. По моим сведениям православные храмы в Будапеште не пострадали.

У меня к Вам две просьбы. Первая скорее не просьба, а просто мысль, которая может быть Вами принята, а может быть отвергнута. Так как вы связаны с Дебреценской Богословской академией⁶, а она в лице профессоров и студентов в дни мятежа не колебалась и не переходила на сторону повстанцев, может Вы нашли бы возможным через какое-то время, когда нормализуется жизнь в Венгрии, обратиться к Академии или реформатам через меня с приветственным письмом. В нем Вы сказали бы, что Вы переживали события в Венгрии с большим волнением, что Вы приветствуете всех тех, кто остался верен венгерскому народу, не поддавшемуся мятежникам⁷.

Вторая моя просьба заключается в следующем: в конце января предстоит Ваша встреча с представителями Всемирного Совета церквей в Париже. Я не знаю, состоится ли она сейчас в виду переживаемого времени, но если она состоится, я очень просил бы Вас, во-первых, рассказать правду о венгерских событиях (а Вы ее, конечно, знаете, и не только от меня); во-вторых, каким-нибудь образом помочь венгерским протестантским Церквам восстановить нормальные отношения с Всемирным Советом церквей. Может быть, Всемирный Совет церквей после Вашей просьбы и информации найдет возможным помочь объединению расслонившихся протестантских сил в Венгрии.

*Митрополит Николай*⁸

**№ 2. Телеграмма митрополита Николая Ярушевича Феризу Берки, благочинному администратору венгерских приходов в Венгрии Московского Патриархата
Москва, 27 ноября 1956 г.**

Машинописная копия. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 188. Л. 359.

Копия телеграммы протоиерею Феризу БЕРКИ – Будапешт⁹

Мы с волнением переживали вместе с Православной Церковью вашей тяжелой события, выпавшие на долю Вашей страны. Верим, что дни испытаний не повторяются. Убеждены в твердости духа и верности своему долгу Вашего Высокопреподобия, пастырей и паствы Вашей. Для помощи,

¹ Ветэ Лайош (1904–1989) с 1948 г. по 1 ноября 1956 г., а затем с 1957 по 1967 г. – епископ Венгерской Лютеранской Церкви.

² Дежери Ласло (1914–1977) с 1950 по 31 октября 1956 г. – епископ Венгерской Лютеранской Церкви.

³ Берецки Альберт (1893–1966) с 1948 по 1958 г. – епископ Венгерской Реформатской Церкви.

⁴ Пап Ласло (1908–1983) в 1956 г. – декан Реформатской Богословской Академии в Будапеште.

⁵ Эта фраза подчеркнута от руки. Виссерт-Хуфт Виллем (1900–1985) с 1948 г. по 1966 г. генеральный секретарь Всемирного Совета Церквей. 3 ноября 1956 г. он приветствовал политические изменения в Венгрии.

⁶ 25 января 1954 г. в Актовом зале Дебреценской богословской реформатской академии состоялась торжественная церемония подачи митрополиту Николаю звания почетного доктора «хонорис кауза». См.: Отчет митрополита Николая о его поездке в Венгрию. Москва, 31 января 1954 г. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 142. Л. 13–15.

⁷ Эта фраза подчеркнута от руки. На письмо см. док. № 3.

⁸ Николай (1892–1961), епископ РПЦ, митрополит Крутицкий и Коломенский, с 1946 г. по 1960 г. председатель Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата.

⁹ На левом поле бумаги, наверху помета от руки: «2 экз[емпляра]».

по Вашему усмотрению, пострадавшим от мятежа пересылаем через Вас десять тысяч форинтов¹.
Призываем на Вас благословение Божие.

27. XI. 1956 г. С любовью во Христе: МИТРОПОЛИТ НИКОЛАЙ

**№ 3. Проект письма митрополита Николая Ярушевича, Яношу Петеру
Москва, 30 ноября 1956 г.**

Машинописный оригинал. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 188. Л. 322.²

Проект¹

Г-ну Епископу Реформатской Церкви Венгрии д-ру Яношу ПЕТЕРУ
и Корпорации Дебреценской Реформатской Богословской Академии

Г-н Епископ Янош ПЕТЕР!

Дорогой во Христе Брат и дорогие братья, члены Корпорации Академии!

В дни испытаний, которым подверглась Ваша страна, мы всей душой были с Вами.

Я не колебался в надежде видеть в это трудное время Вашей страны проявления мужества, стойкости духа и глубокого сознания интересов народа с Вашей стороны и у Вашей Академии.

Я счастлив, что родная для меня Академия в спокойствии и мире пережила это время, и я, как всегда, горжусь званием доктора honoris causa³ Вашей Академии.

Сознание нашего общего блага, стремление работать для благополучия наших народов, осуществляемое как нравственный долг; непоколебимое убеждение в дальнейшем росте могучих сил мира и созидания справедливости на земле будут и впредь связывать нас на этом пути. С глубокой верой в будущее будем преодолевать все трудности.

«Бог нам прибежище и сила, скорый Помощник в бедах» (Пс. 45: 2).

С любовью во Христе: Д-р МИТРОПОЛИТ *Николай*
«30» ноября 1956 г.

№ 4

**Телеграмма Фериза Берки Николаю Ярушевичу
Будапешт, 1 декабря 1956 г.**

Машинописная копия. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 188. Л. 327.

Копия телеграммы из Будапешта от 1. XII. 1956 г.

ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ НИКОЛАЮ,
МИТРОПОЛИТУ КРУТИЦКОМУ И КОЛОМЕНСКОМУ

От имени духовенства и паствы приношу Вашему Высокопреосвященству нашу глубокую благодарность за отеческую заботу и сочувствие, а также за высланную помощь⁴. По до сих пор полученным сведениям наше духовенство и паства благополучно пережили тяжелые дни, кроме одного священника, который не дал знать о себе. Письменный доклад о церковной жизни представляю Вашему Высокопреосвященству при первой возможности. Особенно прошу о нас святительских молитв и благословения⁵.

Протоиерей БЕРКИ.

¹ На последствия см. док. № 4 и 5.

² На предпосылки см. док. № 2.

³ Sic! С латинскими буквами в тексте.

⁴ См. док. № 2.

⁵ На левом поле бумаги, внизу, помета от руки: «3/XII 56 г. в. В. Мосолов».

№ 5. Доклад Фериза Берки Николаю Ярушевичу
Будапешт, 7 февраля 1957 г.
Машинописная копия. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 216. Л. 87-94.¹

Копия

ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕМУ НИКОЛАЮ
МИТРОПОЛИТУ КРУТИЦКОМУ И КОЛОМЕНСКОМУ

Москва

Доклад благочинного администратора венгерских православных приходов в Венгрии протоиерея Фериза Берки о жизни Венгерского Православного Благочиния за 1956 год.

Ваше Высокопреосвященство, всемилостивейший Владыко!

В нижеследующем имею смелость доложить Вашему Высокопреосвященству о событиях в жизни Венгерского православного благочиния во второй половине 1956 г. В их числе я не упоминаю о заседаниях в Венгрии Центрального Комитета Всемирного Совета Церквей и в связи с этим о посещении Благочиния двумя греческими Митрополитами, так как об этом в свое время мною был уже представлен Вашему Высокопреосвященству подробный доклад².

1. Наши приходы во время революционных событий

Согласно докладам настоятелей приходов с начала событий, наступивших в октябре прошлого 1956 года, в жизни приходов никаких особых затруднений не произошло. Единственно 4-го ноября, по причине военных действий, в большинстве наших храмов нельзя было совершить святую литургию. В те тяжелые дни также значительно спало посещение храмов, но с тех пор это уже вошло в свою обычную норму.

В дни революционных событий нашему церковному руководству пришлось пережить и некоторую неприятность, которая лишь по своим предпосылкам имела связь с революционными событиями.

Произошло следующее: В самом начале событий о. Янош Варью (который и по сие время проживает в церковном доме) оделся в рясу и приступил к активности. С кем и какие он вел переговоры – пока неизвестно. Но факт, что в его квартире ежедневно собирались его прежние единомышленники (4–5 человек) и по несколько часов проводили в беседах. При своем выходе от него они никогда не забывали на лестнице и при входе громко высказывать угрозы по адресу моему и моих сотрудников.

Эти угрозы получили реальную форму, когда 1-го ноября в 22 часа по местному времени радио-станция «Свободное Радио Петефи» в гор. Дьер (Западная Венгрия) передала в эфир прокламацию с требованием сменить руководство Венгерской Православной Церкви, во главе церкви поставить «церковный революционный совет» под руководством о. Яноша Варью, каковой совет должен пересмотреть вопрос пренебрежения некоторыми церковными лицами, устранить из церковного руководства «москвитов» и установить связи с Западными Православными церквами³. Радио-прокламация была подписана лицом по имени Раднаи из села Дьерсентиван (окрестности города Дьер). (Согласно некоторым информации, еще прежде объявления этой прокламации, сам о. Янош Варью говорил по радио о положении Венгерской Православной Церкви).

Во избежание дальнейших осложнений, на другой же день, 2-го ноября, мною был в Президиум Совета Министров представлен меморандум следующего содержания:

«Господин Министр-Президент. Прошу Господина Министра-Президента изволить утвердить Венгерское Православное Благочиние, как Управление венгерских православных приходов в Венгрии.

¹ На ответ см. док. № 6.

² С 29 июля по 5 августа 1956 г. в горном курорте в Венгрии Гаятето проходило заседание Центрального Комитета Всемирного Совета Церквей. 29-го вечером Фериз Берки имел длительную личную беседу с представителями Константинопольского Патриархата, с митрополитом Яковом Филадельфийским и Яковом Мелитским, постоянным представителем Константинопольского патриарха во Всемирном Совете Церквей в Женеве. См.: Отчет Фериза Берки митрополиту Николаю о заседании ЦК ВСЦ в Венгрии. Будапешт, 24 августа 1956 г. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 188. Л. 203–214.

³ Эта фраза подчеркнута от руки.

Ввиду того, что организованная в 1930 году и не имевшая канонического оформления Венгерская Православная Церковь только в 1949 году получила каноническую юрисдикцию, а именно – от Московской Патриархии – в какой юрисдикции находится и в настоящее время – я одновременно прошу принять к сведению и настоящий статус-кво.

Моя вышеуказанная просьба вполне согласуется с объявленной в течение вчерашнего дня политикой нейтральности нашей страны и одновременно исключает возможность для лиц, привыкших ловить рыбу в мутной воде, делать попытки разрушения с трудом созданного канонического порядка нашей Церкви, пример чего уже был вчера в передаче радио-станции "Свободное Радио Петефи" из Дьера».

На этот меморандум мною было получено телефонное извещение из Президиума Совета Министров, что мое прошение будет решено положительно, о чем я вскоре получу и письменное извещение. Но последнее не произошло вследствие развития дальнейших событий.

Также не дошло до установления проектированного о. Яношем Варью «церковного революционного совета», хотя он пробовал собирать для этого подписи. Но кроме своих прежних немногочисленных сообщников, он среди церковных прихожан не нашел поддержки своей аванюре.

Здесь мне следует упомянуть о том, что во все время событий ни с одним из наших священников не случилось никаких неприятностей.

После восстановления порядка, я начал расследования в целях выяснения факта: играл ли в вышеупомянутой радио-прокламации какую-либо роль священник о. Андрей Раднаи, настоятель прихода в городе Дьендьеш, ибо, как я уже говорил, прокламация была подписана именем Раднаи. По моему указанию, 18-го декабря в Дьендьеш направился священник о. Илья Берки, имея с собой мое официальное письмо о. Андрею Раднаи, в котором я предложил ему представить мне по этому вопросу объяснительный доклад.

О. Андрей Раднаи сообщил мне, что об этой радио-прокламации ему ничего не было известно до дня прибытия в Дьендьеш о. Илья Берки, и только в этот самый день он об этом узнал от своего брата, учителя, проживающего в селе Дьерсентиван, в окрестностях города Дьер, который эту прокламацию и подписал. Брат о. Андрея Раднаи также письменно известил меня, что в подписанной им радио-прокламации речь была о том, что православные венгры из Дунавтула (Западная Венгрия) требуют¹, чтобы с Православными Церквями западных стран поддерживалась постоянная связь, чтобы о. Янош Варью был принят обратно в церковную службу и чтобы был установлен новый церковный порядок.

Даже если оставить без внимания тот факт, что в Западной Венгрии православных венгров (да и вообще православных) совсем не имеется, все же и трудно предположить, чтобы брат о. Раднаи по своей инициативе обращался по радио с какими бы то ни было прокламациями церковного характера, если бы его к этому кто-либо не подстрекал. Это последнее предположение уже потому является состоятельным, что в те дни в квартиру о. Яноша Варью неоднократно приходил некто, большой друг о. Андрея Раднаи (между прочим, не принадлежащей к Православной Церкви).

Весь этот случай, по моему скромному мнению, можно реконструировать следующим образом. В начале событий о. Янош Варью считал, что настало время его активного выступления, чтобы, воспользовавшись хаотическими обстоятельствами того времени изменить настоящее положение нашей Церкви. Пользуясь своим прежним методом, он не начинал прямого нападения, желая остаться до времени в стороне, чтобы создалось впечатление, якобы он был готов лишь по желанию других принять на себя управление Церковью. Свой план он думал реализовать таким образом, что вошел в связь с о. Андреем Раднаи (с которым его уже давно связывают общие интересы и которого он, в случае своего посвящения в архиерея, обещал сделать своим секретарем), а о. Раднаи через своего брата направил прокламацию радиостанции в городе Дьер. Между тем и о. Янош Варью усиленно старался восстановить общее мнение и настроение против Московской Патриархии и Венгерской Администрации, а после объявления прокламации тотчас пытался организовать «церковный революционный совет», но потерпел в этом неудачу. После неудачи о. Янош Варью и о. Андрей Раднаи, конечно, отрицают свою какую бы то ни было причастность в этой прокламации².

¹ Подчеркнуто от руки.

² Берки и в дальнейшем конфликтовал с Андреем Раднаи и, наконец, в 1967 г., ссылаясь на его незаконный брак, просил разрешить ему лишить Раднаи священного сана. Письмо Берки митрополиту Николаю Ладожскому и Ленинградскому. Будапешт, 24 мая 1967 г. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 138. Л. 36–36 об.

2. Статистические данные о жизни приходов

В минувшем 1956 году духовная жизнь приходов протекала нормально. Статистические данные об этом следующие:

крещений и миропомазаний – 12
бракосочетаний – 8
погребений – 19
переходов в Православие – 4
переходов из Православия – –
исповедников и причастников – 967.

3. Распределение помощи, полученной от Московской Патриархии¹

В середине декабря мною была через Государственный банк получена помощь Московской Патриархии в размере 10 000 форинтов, за которую я еще раз приношу глубокую благодарность от имени венгерского православного духовенства².

Эту присланную нам помощь я распределил следующим образом: протоиерею Сергию Галицкому, помощнику благочинного священнику Михаилу Толмачеву, будапештскому настоятелю и священнику Александру Шухай, сегедскому настоятелю – по 2 000 форинтов; протоиерею Константину Поповичу, настоятелю Мишкольцскому, священнику Александру Беликову, настоятелю Дебреценскому и священнику Иосифу Прессл, настоятелю Карцагскому – по 1000 форинтов; диакону Порфирию Хлебникову и пономарю русского будапештского прихода А. Ф. Лысенко по 500 форинтов. (Прочему духовенству была оказана возможная помощь из средств Администрации, исключая священника Андрея Раднаи, роль которого в октябрьских событиях еще не выяснена. Также из средств Администрации удалось нам произвести наиболее необходимые поправки в Кечкеметском храме, а также и некоторые необходимые поправки в церковном помещении русского будапештского прихода).

4. Дело архимандрита Яноша Петерфалви

Архимандрит Янош Петерфалви, который около года тому назад вернулся из СССР³, и вопрос канонического положения, которого Ваше Высокопреосвященство по моему предложению оставили открытым, по имеющимся у меня последним сведениям, отбыл из Венгрии за границу и якобы дал о себе весть из Рима. Хотя эти сведения и не вполне достоверны, все же они кажутся правдоподобными, так как, во-первых, сам архимандрит Янош Петерфалви не раз упоминал о своем желании уехать за границу, а во-вторых, со времени октябрьских событий он в Администрации не появлялся.

5. Уголовное дело протоиерея Яноша Варью

Как я уже имел смелость докладывать Вашему Высокопреосвященству, 5-го июля прошлого 1956 года уголовное дело о Яноша Варью было мною передано в Верховную Прокуратуру. Верховная Прокуратура актом своим от 23-го декабря 1956 года известила меня о том, что в вышеуказанном деле она не нашла причин для мероприятий прокуратуры, принимая во внимание, что «суд 5-го района установил фактическое положение вещей, являющихся основанием освободительного приговора, на основании оценки доказательств, в противовес показаниям Енэ Эюри, поверив показаниям Яноша Варью и показаниям свидетелей, его поддерживавших. Фактическое положение вещей, установленное в результате оценки доказательств, на основании свободного внутреннего убеждения судьи, не может быть оспариваемо. Исходя из данных процесса, судом установленное действие Яноша Варью может быть основанием для дисциплинарного процесса, но не достигает той степени, чтобы подлежать уголовному праву».

Таким образом, согласно вышеуказанному, уголовное дело о Яноша Варью можно считать оконченным. Зная хорошо все это уголовное дело и как оно протекало, а также нравственную цену самого о Яноша Варью и его окружения – это решение Верховной прокуратуры меня не удовлетворяет. Но все же последнее предложение вышеуказанного решения дает мне некоторое удовлетворение, устанавливая хотя бы то, что действие о Яноша Варью может быть основанием для дисциплинарного дела.

Принимая во внимание, что гражданский суд не будет более заниматься делом о Яноша Варью, кроме того, его поведение и деятельность во время революционных событий в Венгрии,

¹ На предпосылки см. док. № 2 и 4.

² См. док. № 2.

³ По имеющимся у нас сведениям Янош Петерфалви находился в лагере военнопленных в СССР. См.: Письмо Петерфалви Н. С. Хрущёву. Хромпик (Свердловская область). 17 октября 1955 г. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 164. Л. 406–407.

и наконец, то обстоятельство, что ему на этих днях каким-то образом удалось пробраться в Вену¹ (где, трудно предвидеть, какие он может сделать новые попытки, чтобы, может быть, с помощью иностранных церковных властей нарушить наш церковный порядок), я осмеливаюсь покорнейше просить Ваше Высокопреосвященство благоволить вновь взять в рассмотрение вопрос полного лишения сана² (...) ³ о. Яноша Варью.

6. Освещение будапештского болгарского храма

Утром 23-го октября 1956 г. в Будапешт прибыл Высокопреосвященный Пимен, Митрополит Неврокопский, в сопровождении эконома Николая Ничева, с целью освящения будапештской болгарской церкви, построенной около 30-ти лет тому назад. Но по причине разразившихся между тем политических событий освящение церкви было отложено и совершенно лишь в воскресенье 11-го ноября в присутствии небольшого числа молящихся. По желанию Митрополита в чине освящения храма и последовавшей затем св. Литургии я также принял участие. На другой день 12-го ноября Митрополит вернулся в Болгарию и, таким образом, не состоялись предполагавшиеся его служения, из которых одно должно было быть в нашем храме в гор. Мишкольц, а другое – в нашем будапештском Свято-Успенском храме на площади Петефи.

7. Персональные перемены в Управлении Сербской Православной Церкви в Венгрии

По имеющейся у меня частной информации, 25-го декабря прошлого 1956 года скончался епископский викарий протоиерей Василий Хужвик, руководитель Сербской православной епархии в Венгрии. О смерти покойного прот. Хужвика официального извещения от Сербского церковного управления мною получено не было, что лишь отчасти можно объяснить внешними обстоятельствами того времени. Также мне не известно, были ли уже проведены какие-либо мероприятия по вопросу назначения его преемника.

8. Перемены в венгерских протестантских церквях

В течение последних политических событий важные персональные перемены произошли в Реформатской и Евангелической церквях, поскольку реформатские епископы Альберт Берецки и Янош Петер, и евангелические епископы Лайош Вэтэ и Ласло Дежери отказались от должности, а вместо них епископствуют: в Реформатской церкви – епископ в пенсии Ласло Равас⁴, в Евангелической церкви – епископ Лайош Ордаш⁵. Положение в обеих церквях запутанное, так что пока наши связи с ними находятся в состоянии застоя.

9. Реорганизация Государственного Комитета по церковным делам

С 1-го января 1957 года Государственный Комитет по церковным делам как самостоятельный орган перестал существовать и вошел в состав Министерства просвещения⁶. Реорганизация ещё продолжается.

10. Церковная печать

На этих днях мною было передано прошение Министерству просвещения о разрешении дальнейшего издания нашего журнала «Церковная Летопись». По этому вопросу получил одобрительное обещание, но время, когда может быть разрешение получено, ещё не известно, так как до сих пор не издается ещё ни один церковный журнал и, по-видимому, разрешение на издание всех церковных органов будет дано одновременно всем.

Испрашиваю Святительских молитв и Архипастырского благословения Вашего Высокопреосвященства.

ВАШЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНТСТВА смиренный и недостойный послушник:
в г. Будапеште Протоиерей Фериз БЕРКИ

7 февраля 1957 года

Благочинный Администратор

№ 35/II/1956. венгерских православных приходов в Венгрии

¹ Подчеркнуто от руки.

² Эта фраза подчеркнута от руки.

³ Sic! Пропущено в тексте-оригинале.

⁴ Равас Ласло (1882–1975) с 1921 по 1948 г. – епископ Венгерской Реформатской Церкви.

⁵ Это предложение подчеркнуто от руки. Ордаш Лайош (1901–1978) с 1945 по 1948 г., а затем с 31 октября 1956 г. по 1958 г. – епископ Венгерской Лютеранской Церкви.

⁶ Это предложение подчеркнуто от руки.

**№ 6. Письмо митрополита Николая Ярушевича Феризу Берки
Москва, около 12 марта 1957 г.
Машинописный оригинал. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 216. Л. 101.**

**ЕГО ВЫСОКОПРЕПОДОБИЮ¹ ПРОТОИЕРЕЮ ФЕРИЗУ БЕРКИ
БЛАГОЧИННОМУ АДМИНИСТРАТОРУ
ВЕНГЕРСКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОДОВ В ВЕНГРИИ**

Ваше Высокопреподобие, возлюбленный в Господе о. Протоиерей!

Мы получили Ваш отчет от 7. II. с. г.²

Для нас не было неожиданностью отсутствие «особых затруднений» в жизни Благочиния, поскольку мы были уверены в здравой оценке недавних венгерских событий Вами лично и возглавляемого Вами Благочиния.

Понятно, что в сложной обстановке, создавшейся в результате действий темных сил извне и внутри Вашей Страны, отрицательно себя проявил неуправленный в церковном отношении прот. Янош Варью.

К нашему удовлетворению, попытки его посеять смуту в Благочинии оказались бесплодными.

Так как прот. Варью удалился в Вену, то, если с его стороны будут недобрые в отношении Благочиния шаги и он не вернется в Венгрию, конечно, он будет лишен сана как церковный смутьян.

Если же он возвратится на Родину, то ему будет церковное наказание в зависимости от полноты его покаяния.

Распределение полученной от нас помощи одобряем.

Приятно отметить Ваше участие в богослужении и чине освящения болгарского храма в Будапеште.

Благодарю Вас за ревностный труд на пажити церковной, ценное сообщение о переменах в Венгерских протестантских церквях и за весь продуманный доклад.

Призывая на Вас, дорогой о. Фериз, Божие благословение, пребываю к Вам с неизменной во Христе любовью.

ЧЛЕН СВЯЩЕННОГО СИНОДА: Митрополит Николай

**№ 7. Справка старшего инспектора Совета по делам Русской Православной Церкви
при Совмине СССР В. М. Мосолова о Феризе Берки
Москва, 24 августа 1957 г.
Машинописный оригинал. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 215. Л. 210–211.**

СПРАВКА

на благочинного администратора венгерских православных приходов
протоиерея ФЕРИЗА БЕРКИ

БЕРКИ Фериз Александрович родился 31 декабря 1917 года в г. Котор (в то время Австро-Венгрия, сейчас Югославия) в семье православного венгра. Мать – сербка по национальности.

В 1927 г. окончил начальную школу в г. Котор. Среднюю школу закончил в г. Будапеште в 1935 г. С 1936 по 1940 г. изучал богословие на Богословском факультете Афинского университета³ (Греция) вместе с нынешним архиепископом Кипрским Макариосом, с которым находится в товарищеских отношениях.

С 1941 г. по 1952 г. работал референтом по делам Православной церкви в Министерстве культов и народного образования в Будапеште. Одновременно с 1942 по 1944 г. был профессором, а позже директором Высшей Православной Богословской школы в г. Будапеште. Во время работы в Министерстве культов и народного образования с 1941 по 1945 гг. принимал активное участие

¹ На левом поле бумаги наверху помета от руки: «Согласовано. Утк[ин]. 13/III. 57.» На правом поле бумаги наверху помета от руки: «12. III. 57 г.». На левом поле бумаги внизу помета от руки: «Сообщил. 13. III. 57. В.М.».

² См. док. № 5.

³ Подчеркнуто от руки.

в работе по созданию венгерской автокефальной церкви. Совместно с другими поставил свою подпись под обращением к митрополиту Германосу (Лондон)¹ о принятии под свою юрисдикцию Венгерской православной церкви.

С 1952 г. по 1954 г. работал при благочинном Московской патриархии в Венгрии Я. Кополовиче² в качестве постоянного сотрудника православного церковного журнала «Церковная летопись», а также являлся членом Испытательной комиссии по экзаменовке кандидатов священства.

С 1941 г. ведет активную научную богословскую деятельность: перевел на венгерский язык литургию св. Иоанна Златоуста и прочие богослужения и обряды православной церкви, книги Правил св. Апостолов и Вселенских соборов с толкованиями, написал книгу «Хроника» по истории Венгерского православия.

В начале декабря 1944 г. был арестован, по его словам, гестапо и вывезен в Германию. В мае 1945 г. вернулся из Германии в Венгрию.

Женат на гречанке, уроженке г. Афин, Марии Андреевне Пурнарас, имеющей богословское православное образование (прослушала курс богословия в Афинском университете). Имеет 2 детей.

Владеет в совершенстве греческим и сербским языками, а также говорит на русском, болгарском и немецком языках³.

С 1954 г. по настоящее время является благочинным администратором ставропигиального благочиния Московской патриархии в Венгрии.

В период мятежа в 1956 г. занимал патриотические позиции⁴.

В июле 1954 года приезжал в Москву⁵.

24. VIII. 57 г.

Ст. инспектор В. Мосолов

---

¹ Стренопулос, Герман (1872–1951) с 1922 г. по 1951 г. – митрополит Фиатирской митрополии (Лондон) Константинопольского Патриархата.

² Кополович Иван Михайлович (1912–1990) епископ РПЦ, с 1949 г. по 1954 г. – благочинный администратор венгерских приходов Московского Патриархата, с 1972 г. по 1987 г. – архиепископ Кишиневский и Молдавский.

³ Это предложение подчеркнуто от руки.

⁴ На это см. док. № 5.

⁵ На планируемую программу Берки в Москве см. подробно: Письмо Николая Ярушевича И. М. Кополовичу, администратору венгерских приходов Венгерского Благочиния МП. Москва, 14 мая 1954 г. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 142. Л. 34–36.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Амбарцумян Каринэ Размиковна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета.

Айрапетов Арутюн Гургенович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Тамбовского государственного университета.

Бене Кристиан – PhD, старший преподаватель, заведующий кафедрой французского языка и литературы Института Романики Печского университета.

Берталан Петер – PhD, хабилизированный доцент кафедры общественных наук Капошварского университета.

Будай Рита Кишшне – PhD, директор музея М. Зичи в г. Зала.

Булыгина Тамара Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета.

Гогуев Борис Басиятович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Карачаево-Черкесского государственного университета.

Горбачев Дмитрий Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры документационного обеспечения управления Поволжского института управления им. П. А. Столыпина (Саратов) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Гусарова Татьяна Павловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков Московского государственного университета.

Ким Николай Анатольевич – кандидат богословия, протоирей, настоятель храма святой мученицы Александры в г. Ирем (Венгрия).

Колесникова Марина Евгеньевна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Северо-Кавказского федерального университета.

Колонтари Аттила – PhD, доцент кафедры общественных наук Капошварского университета.

Колосовская Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета.

Краснова Ирина Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и всеобщей истории Северо-Кавказского федерального университета.

Криль Михаил Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Центральной и Восточной Европы Львовского национального университета.

Крючков Игорь Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории, декан факультета истории, философии и искусств Северо-Кавказского федерального университета.

Назаренко Александр Васильевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Мартинко Йозеф – PhD, доцент кафедры педагогических наук Капошварского университета.

Мольнар Ласло – кандидат исторических наук, доцент Педагогического института Печского университета.

Пантюхина Татьяна Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Северо-Кавказского федерального университета.

Птицын Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Северо-Кавказского федерального университета.

Романова Нина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета.

Стыкалин Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Судацов Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета.

Ткаченко Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета.

Хаванова Ольга Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Шереш Аттила – PhD, руководитель Архивного института Венгрии в Москве.

Яремко Марта Владимировна – аспирант кафедры истории Центральной и Восточной Европы Львовского национального университета.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. ИСТОРИЯ ВЕНГРИИ И ВЕНГРОВ

<i>Краснова И. А.</i> Роль Филиппо Сколари в развитии контактов между Венгерским королевством и Флорентийской республикой.....	5
<i>Гусарова Т. П.</i> Трудный диалог власти и сословий: венгерские государственные собрания в эпоху турецких войн.....	12
<i>Пантюхина Т. В.</i> Триумфы и разочарования «венгерского Вашингтона»: Лайош Кошут в Америке.....	20
<i>Гозуев Б. Б.</i> Венгерский национальный вопрос в контексте чехословацкой внутренней политики в середине 1930-х гг.	26
<i>Криль М. М., Яремко М. В.</i> Равногорское движение в Югославии в годы Второй мировой войны.....	30
<i>Bertalan P.</i> Wirkung der Provida Mater Enzyklika und der Apostolische Konstitution in Ungarn	41
<i>Martinkó J.</i> The MiG era in Hungary.....	50

Раздел II. ИСТОРИЯ РОССИЙСКО-ВЕНГЕРСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

<i>Назаренко А. В.</i> Рюриковичи и Арпады в XI–XII веках.....	54
<i>Горбачев Д. В.</i> И. А. Фесслер в Саратове: историк, администратор, масон.....	59
<i>Мольнар Л. В.</i> Медик и педагог Янош Орлаи в России.....	68
<i>Ким Н. А.</i> Офенская духовная миссия. Два века русского церковного представительства в Венгрии.....	74
<i>Будаи Р. К.</i> «Художник его императорского величества». Михай (Михаил Александрович) Зичи (1827–1906 гг.). Судьба венгерского художника в России.....	87
<i>Крючков И. В.</i> Перспективы продления Австро-Венгерского таможенного союза на страницах «Вестника финансов, промышленности и торговли» в 1905 г.	96
<i>Айрапетов А. Г.</i> Российские революционеры и венгерские левые интеллектуалы.....	102
<i>Птицын А. Н.</i> Миграция венгерских славян в Россию в эпоху дуализма.....	108
<i>Колонтари А.</i> Венгерская разведка в Крыму в 1920 г.	115

Раздел III. ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Колосовская Т. А.</i> Топографические и военно-статистические исследования Кавказа в первой половине XIX в. (по материалам офицеров Генерального штаба).....	125
<i>Ткаченко Д. С.</i> Горцы Северо-Восточного Кавказа в путевых заметках второй половины XIX века.....	133
<i>Колесникова М. Е.</i> История изучения Северного Кавказа в историографических исследованиях XIX – начала XX вв.	138
<i>Амбарцумян К. Р.</i> Образы власти в текстах интеллигенции Северного Кавказа второй половины XIX – начала XX веков.....	147
<i>Судацков Н. Д.</i> Земство на Ставрополье: историко-правовой аспект.....	151
<i>Булыгина Т. А.</i> Городская повседневность южной окраины Российской империи. От имперской урбанизации до развала империи.....	159
<i>Vene K.</i> The Legion of French Volunteers in the Soviet Union 1941–1944.....	167
<i>Романова Н. В.</i> Партийно-государственное управление культурной сферой и художественная интеллигенция Ставрополья и Кубани в 1950–1960-е годы.....	174

Раздел IV. РЕЦЕНЗИИ

<i>Колонтари А.</i> Аттила Шереш. Венгерско-советские экономические отношения 1920–1941 гг..	178
--	-----

Раздел V. ПУБЛИКАЦИИ

<i>Шереш А.</i> «Пережить самые тяжелые дни». Венгерские приходы благочиния Московского Патриархата в Венгрии во время венгерской революции 1956 г.	184
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	197
----------------------------------	-----

TARTALOM

I. rész. MAGYARORSZÁG ÉS A MAGYAROK TÖRTÉNETE

<i>Krasznova I. A.</i> : Filippo Scolari szerepe a Magyar Királyság és a Firenzei Köztársaság közötti kapcsolatok fejlesztésében	5
<i>Guszarova T. P.</i> : A hatalom és a rendek nehéz párbeszéde: a magyar országgyűlések a török hódoltság időszakában	12
<i>Pantjuhina T. V.</i> : A „magyar Washington” diadalútjai és csalódásai: Kossuth Lajos Amerikában.....	20
<i>Gogujev B. B.</i> : A magyar nemzetiségi kérdés a csehszlovák belpolitikában az 1930-as évek közepén	26
<i>Kril M. M., Jaremko M. V.</i> : A Ravna Gora-i mozgalom Jugoszláviában a második világháború éveiben.....	30
<i>Bertalan P.</i> : A Provida Mater enciklika és az apostoli konstitúció hatása Magyarországon.....	41
<i>Martinkó J.</i> : A MIG-ek korszaka Magyarországon	50

II. rész. AZ OROSZ-MAGYAR KAPCSOLATOK TÖRTÉNETE

<i>Nazarenko A. V.</i> : A Rurik-dinasztia és az Árpádok a XI–XII. században	54
<i>Gorbacsov D. V.</i> : Fessler Ignác Szaratovban: történész, igazgatási szakember, szabadkőműves	59
<i>Molnár V. L.</i> : Orlay János, orvos és pedagógus Oroszországban	68
<i>Kim N. A.</i> : Az óbudai papi misszió. Az orosz egyházi képviselő két évszázada Magyarországon.....	74
<i>Budai R. K.</i> : „Ő császári Felségének udvari festője”. Zichy Mihály (1827–1906). Egy magyar festőművész sorsa Oroszországban	87
<i>Krjucskov I. V.</i> : Az 1905-ös orosz „Pénzügyi, Ipari és Kereskedelmi Értesítő” az osztrák-magyar vámunió meghosszabbításának perspektíváiról	96
<i>Ajrapetov A. G.</i> : Az orosz forradalmárok és a magyar baloldali értelmiség	102
<i>Ptyicin A. N.</i> : A magyarországi szlávok kivándorlása Oroszországba a dualizmus időszakában.....	108
<i>Kolontári A.</i> : Magyar felderítés a Krímben 1920-ban	115

III. rész. OROSZORSZÁG TÖRTÉNETE

<i>Koloszovszkaja T. A.</i> : A Kaukázus topográfiai és katonai-statisztikai felmérése a XIX. század első felében (vezérkari tisztek anyagai alapján).....	125
<i>Tkacsenko D. Sz.</i> : Az Észak-Kaukázus hegyi lakói a XIX. század második felének útleírásaiban	133
<i>Kolesznyikova M. E.</i> : Az Észak-Kaukázus története a XIX. századi, XX. század eleji historiográfiai kutatásokban	138
<i>Ambarcumjan K. R.</i> : Az észak-kaukázusi értelmiség írásainak hatalom-képe a XIX. század második felében és a XX. század elején	147
<i>Szudavcov N. D.</i> : A sztavropoli zemsztvo: jogtörténeti aspektusok.....	151
<i>Buligina T. A.</i> : Városi hétköznapiak az Orosz Birodalom déli végein. A birodalmi urbanizációtól a birodalom széteséséig	159
<i>Bene K.</i> : A Francia Önkéntes Légión a Szovjetunióban – 1941–1944	167
<i>Romanova N. V.</i> : A kulturális szféra pártállami irányítása és a sztavropoli, kubáni művész-értelmiség az 1950–60-as években	174

IV. rész. Recenziók

<i>Kolontári A.</i> Seres A. Magyar-szovjet gazdasági kapcsolatok 1920–1941.....	178
--	-----

V. rész. DOKUMENTUMKÖZLÉS

<i>Seres A.</i> : „Túlélni a legnehezebb napokat” A Moszkvai Patriarchátus magyarországi esperesi kerületei az 1956-os magyar forradalom idején.	184
INFORMÁCIÓT SZERZŐK	197

Научное издание

РОССИЯ И ВЕНГРИЯ НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

АЛЬМАНАХ

Выпуск I

Редактор, технический редактор Н. Б. Копнина
Компьютерная верстка М. И. Толмачёв

Подписано в печать 18.04.2014

Формат 60x84 1/8
Бумага офсетная

Усл. печ. л. 23,25
Заказ 14

Уч.-изд. л. 19,68
Тираж 100 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355029, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2

Ставрополь – Капошвар – Москва
2014

